

Исследования по типологии
славянских, балтийских
и балканских языков

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES

**STUDIES IN THE TYPOLOGY
OF SLAVIC, BALTIC AND
BALKAN LANGUAGES
(WITH PRIMARY REFERENCE
TO LANGUAGE CONTACT)**

Saint-Petersburg
ALETHEIA
2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТИПОЛОГИИ
славянских, балтийских
и балканских языков
(преимущественно в свете
языковых контактов)**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2013

УДК 811.16/18'44

ББК 81

И 889

Ответственный редактор:

академик *Вяч. Вс. Иванов*

Ответственный секретарь и составитель:

кандидат филологических наук *П. М. Аркадьев*

Рецензенты:

член-корреспондент РАН *Т. М. Николаева*

член-корреспондент РАН *В. А. Плунгян*

И889 Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов). – СПб.: Алетейя, 2013. – 368 с.

ISBN 978-5-91419-778-7

Сборник посвящён общим и частным вопросам типологии славянских, балтийских и балканских (в первую очередь, албанского) языков на разных уровнях: фонологии и просодии, морфологии, синтаксиса, лексики и их взаимодействия. Большая часть статей сборника обращаются к проблематике языковых контактов как важного фактора изменения языковой системы и причины ареального распространения тех или иных типологических черт.

Сборник предназначен для лингвистов – славистов, балтистов, балканистов, типологов, специалистов по истории языка и языковым контактам.

Studies in the Typology of Slavic, Baltic and Balkan Languages (with primary reference to language contact). – Saint-Petersburg: Aletheia, 2013. – 368 p.

The volume comprises papers dealing with various aspects of the typology of Slavic, Baltic, and Balkan (primarily Albanian) languages: their phonology and prosody, morphology, syntax, lexicon, and their interactions. Most of the papers address these issues from the point of view of language contact, understood as an important factor of language change and a primary means of areal spread of linguistic features.

The book will be of interest to linguists specializing in Slavic and Baltic languages, balkanologists, typologists, specialists in historical linguistics and language contact.

ISBN 978-5-91419-778-7

9

785914197787

УДК 811.16/18'44

ББК 81

© Коллектив авторов, 2013

© Институт славяноведения РАН, 2013

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник статей является плодом многолетнего сотрудничества учёных из разных городов и стран, интересующихся вопросами типологии славянских, балтийских и балканских языков, и продолжает традицию балто-славистических и балканистических исследований, существующую в Институте славяноведения на протяжении нескольких десятилетий. Задача сборника – рассмотреть самые различные аспекты языков данного ареала с точки зрения более широкого теоретического и типологического контекста и обратиться к новым вопросам, которые оказалось возможным поставить в свете самых современных достижений лингвистической мысли.

В последние десятилетия активно развивается наука о языковых контактах, выделившаяся из социолингвистики и ставшая полноценным самостоятельным направлением, находящимся на стыке типологии, диалектологии и исторической лингвистики. Языковые контакты признаются одним из центральных факторов языковой эволюции и служат важнейшим (если не единственным) средством ареального распространения типологических черт на всех уровнях языка. Немаловажную роль в развитии науки о языковых контактах сыграли исследования в области балканистики (так называемый Балканский языковой союз всегда оставался удобным «полигоном» для формулировки и верификации ареально-типологических и контактологических гипотез), славистики и балтистики (которую в данном контексте неизбежно приходится понимать широко – как включающую в область своего рассмотрения не одни лишь языки балтийской группы, но и их славянских, финно-угорских и германских соседей). Именно проблематика, связанная с контактами славянских, балтийских и балканских языков между собою и с языками географически смежных ареалов, находится в центре внимания значительной части статей сборника.

В отдельных статьях рассматриваются такие вопросы, как общая типологическая характеристика систем порядка слов, представленных в славянских языках, с наиболее подробным рассмотрением явлений свободного порядка слов и поведения так называемых кластеризуемых клитик, изучаемых в контексте как современных синтаксических теорий, так и достижений исторической лингвистики (А. В. Циммерлинг); изменение морфологической структуры, парадигматики и функциони-

рования именного склонения и категории рода в молиско-славянском микроязыке под воздействием длительных контактов с итальянским языком (В. Брой); историческая диалектология албанского языка в ареальной и контактологической перспективе, с особым вниманием к проблеме возникновения и распространения тех черт структуры албанского языка и его диалектов, которые принято считать «балканизмами» (А. Ю. Русаков); синхронный статус и развитие русских частиц *было* и *бывало* в свете типологии глагольных систем и с привлечением ареальных данных (Д. В. Сичинава); анализ лишь недавно выделенного типа модальных единиц – так называемых интерпретативных (отсылающих не к внеязыковой ситуации, а к другому высказыванию) деонтических выражений – на материале латышского, словенского и ряда других языков и построение семантической карты и пути грамматикализации таких выражений (А. Хольфут и Е. Коницкая); ареально-типологический анализ пространственной и акциональной модификации глагольных основ с помощью префиксов, наречий и частиц в литовском и латышском языках в сопоставлении с данными ряда славянских микроязыков (Б. Вимер); исследование механизмов адаптации славянских (в первую очередь, русских) заимствований и калек, как лексических, так и морфологических, в системе современного литовского языка (М. В. Завьялова); выявление истоков геминации глухих согласных краткого ударного слога в латышском языке в прибалтийско-финском влиянии (А. Д. Даугавет); обсуждение распространения и эволюции так называемых тонов с ларингализацией в восточнобалтийских, северогерманских и прибалтийско-финских языках с привлечением новейших открытий в области генетики и связи распределения генетических и лингвистических черт (Вяч. Вс. Иванов); анализ ряда уникальных с ареально-типологической точки зрения черт литовской глагольной системы и обсуждение вопроса о причинах отсутствия их в языках, с которыми литовский находился в длительном контакте (П. М. Аркадьев).

Многие проблемы, поставленные современной лингвистикой перед славистами, балтистами и балканистами, с одной стороны, и типологами, с другой, по нашему убеждению, могут быть убедительно решены лишь при тесном и взаимообогащающем сотрудничестве представителей этих направлений лингвистики. Хочется надеяться, что настоящий сборник будет способствовать такому взаимодействию и продемонстрирует его плодотворность.

А. В. Циммерлинг (Москва)

ТИПОЛОГИЯ ПОРЯДКА СЛОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Slavic word order systems are compared with typologically similar systems attested in other areas. Slavic word order systems with clitics are classified on the basis of syntactic constraints without sticking to hypotheses about language-specific properties of prosodically deficient elements and to provide a viable typological classification, which can be verified by data from other world's languages.

A salient characteristics of South Slavic, West Slavic and Old East Slavic languages are constraints on the placement of the so called clusterizing clitics. Clusterizing clitics make up strings arranged in a rigid order according to a principle called Clitic Template, permutations being excluded as ungrammatical. In Slavic languages, only clause-level clitics have clusterizing properties. Slavic clusterizing clause-level clitics are represented by the following categories of elements: 1) short forms of argument and reflexive pronouns 2) auxiliaries 3) particles. Strings of clusterizing clitics have a fixed position in Slavic main and subordinate clauses and tend to take clausal-second position (2P).

There is an important research line basing on the hypothesis that prosodically deficient elements, proclitics and enclitics, are also syntactically deficient and constitute a natural class definable in UG. Recent studies of the syntax-prosody interface show a gradual increase of the emphasis made on the prosodic component at the expense of syntax. However, some constraints on the placement of clitics directly or indirectly entail constraints on the placement of non-clitic sentence categories. If constraints of the latter type are straightforwardly explained as an outcome of the allegedly purely prosodic ordering of clitics, there is a risk to overlook syntactic mechanisms of linearization.

I argue that most Slavic languages lack grammaticalized constraints on the placement of (non-clitic) verbal forms in sentences with basic word order but such constraints tend to arise in sentences with derived word order, producing non-initial sequences [Verb–Clitic] and [Clitic–Verb] in main clause declaratives.

1. Введение

Славянские языки – относительно молодая и типологически однородная в плане синтаксиса группа родственных языков¹: системы порядка слов славянских языков обнаруживают значительное сходство друг с другом и вместе с тем отличаются от систем порядка слов тех европейских языков, которые контактировали со славянскими языками в течение последнего тысячелетия. Сущность славянского синтаксического типа в области порядка слов выражается следующей формулой:

- отсутствие ограничений на место финитного глагола и причастия на *-л* в предложениях с базовым порядком слов²;
- скрэмлиг, т. е. отношение нефиксированного порядка аргументов одной и нескольких глагольных вершин;
- наличие кластеризуемых сентенциальных клитик, образующих цепочки и имеющих фиксированное место в предложении.

Чтобы раскрыть эту формулу, нужно уточнить термин «порядок слов». Традиционно «порядок слов» понимается как рабочее сокращение для «порядка значимых элементов предложения», что подчеркнуто в заголовке статьи Дж. Гринберга, заложившей фундамент современной типологии [Greenberg, 1962 / Гринберг, 1970]. Значимые элементы предложения (*meaningful sentence elements*) Гринберга – это категории, релевантные для развертывания предложения в конкретном языке: их структурный минимум – словоформа (включая дефектные выражения, неспособные служить вершиной группы – т. н. *клитики*³), а

¹ Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект РГНФ 09-04-00297а «Типология синтаксических ограничений» и РГНФ 11-04-00282а «Типология морфосинтаксических параметров». Я благодарю П. М. Аркадьева и Е. Ю. Иванову за ценные замечания и предложения. Ответственность за конечные формулировки и все недочеты целиком лежит на авторе статьи.

² Понятие базового порядка слов конкретизируется в статье ниже. На уровне глобальных правил развертывания категорий предложения базовым порядком, как указано в § 1.3, является $S \text{ Adv } V O_{\text{indir}} O_{\text{dir}}$. На уровне синтаксических ограничений базовым для современных западно- и южнославянских языков и древних восточнославянских языков с цепочками сентенциальных клитик (CL), как указано в § 3, будет такой порядок, при котором вся цепочка клитик ставится после первой синтаксической группы/первого ударного слова предложения: $XP - CL$.

³ Понятие «клитика» является обобщением традиционных понятий «энклитика» (безударный элемент, примыкающий к ударной словоформе справа) и «проклитика» (безударный элемент, примыкающий к ударной словоформе слева). Оно было введено в синтаксическую теорию Арнольдом Звика [Zwicky, 1977] для того, что-

максимум – предикативные составляющие (clauses), вставленные в качестве узла в другое предложение. Порядок значимых категорий можно изучать на разном уровне. Есть три основные задачи: 1) установить порядок элементов в бинарных группах вида главный + зависимый элемент; 2) установить порядок элементов в предикативных составляющих (clauses) или финитных предложениях (sentences) от левого до правого края синтаксической структуры либо на определенном ее участке; 3) выявить синтаксические запреты (constraints) на перестановку категорий предложения.

1.1. Категории предложения и синтаксические группы

В стандартном случае синтаксическая категория выражается группой, которая может свертываться до своей вершины⁴. Условимся обозначать границы групп (синтаксической составляющей) квадратными скобками, тип группы – нижним индексом, а вершины групп будем обозначать символом °, например, запись [XP ... X°...] читается: «группа категории XP, имеющая вершину X°». Для славянских и ряда других систем порядка слов во многих случаях существенно место глагольной вершины в предложении и контактное / дистантное расположение элементов глагольной группы (ГГ), в том числе клитик, со своей вершиной: там, где эта информация важна для анализа и интерпретации данных, условимся выделять глагольный элемент в записях примеров при помощи подчеркивания.

Критерий свертываемости означает, что зависимые элементы группы можно в подходящем контексте опустить, не меняя структуры вышестоящего целого, но вершину группы нельзя опустить, если есть зависимые. Данному критерию не удовлетворяют группы, возглавляемые предлогом или послелогом, где нельзя опустить не только зависимое, но и главное слово. Клитики можно описывать либо как лексические вершины, неспособные разворачиваться в группы, ср. [Franks, 2008], либо как урезанные группы [Bošković, 2001]. Применительно к

бы изучать общие синтаксические свойства, присущие клитикам с разными фонетическими свойствами. Записи $X = a$ и $a = X$ отражают конфигурации с энклизой и проклизой и читаются, соответственно, «клитика $=a$ присоединяется к категории X справа» и «клитика a присоединяется к категории X слева». Сами клитики в статье в записи примеров выделены курсивом.

⁴ Ср. [Этот [известный [музыкант°]]] [виртуозно [играет°]] [на° [барочной [валторне°]]] → [Музыкант°] [играет°] [на° [валторне°]].

некластеризуемым клитикам, т. е. клитикам, не образующим цепочки с фиксированным порядком, оба описания равноценны. При первом подходе подчеркивается, что расстановка клитик регулируется правилами, не действующими на полноударные категории. При втором подходе подчеркивается единство всех механизмов линеаризации. Кластеризуемые клитики уместно трактовать как группы, поскольку одна и та же позиция в синтаксической структуре может замещаться как цепочкой клитик, так и одиночной клитикой, способной стоять в цепочке: такое положение можно описать критериями свертываемости / развертываемости групп. Цепочка клитик является группой особого рода, где между смежными элементами нет отношения главного vs зависимого слов, поэтому цепочку при подходящем составе высказывания можно свернуть до любой кластеризуемой клитики – эта возможность широко используется в синтаксисе южно- и западно-славянских языков. Итак, категории предложения можно рассматривать как группы, удовлетворяющие минимум двум из трех критериев: развертываемости (способности проецировать синтаксическую структуру), свертываемости до вершины, асимметричному отношению главное vs зависимое слово. Выражения, которые удовлетворяют менее чем двум из трех названных критериев, категориями предложения не являются.

Рис. 1. Синтаксические группы

	Именные Группы, Глагольные Группы, Группы прилагательного	Предложные/ последельные группы	Цепочки кластеризуемых клитик	Некластеризуемые клитики
Свертываемость	+	–	+	(–)
Развертываемость	+	+	+	–
Отношение главное vs зависимое слово	+	+	–	(–)

1.2. Задачи и методы описания порядка слов: локальные правила

Школа, созданная Дж. Гринбергом, выводит формулу развертывания предложения (SVO, SOV, VSO etc) из порядка ветвления групп типа глагол + дополнение, предлог/послелог + существительное, главное предложение + придаточное относительное и т. д. Направление

ветвления (branching condition) отражает асимметрию главного (head) и зависимого элементов (complement, dependent): правила развертывания, отражающие относительное расположение элементов подчинительных словосочетаний, можно назвать локальными. Славянские языки в плане локальных правил ветвления схожи: главными параметрами являются наличие предлогов (Pr + N^o), препозиция глагола своим дополнениям (V^o + O)⁵, препозиция атрибутивного прилагательного (Adj Attr + N^o)⁶, постпозиция придаточного относительного (matrix clause^o + relative clause). Если бы ветвление всегда было последовательным, подход Гринберга давал бы абсолютно надежные результаты. Но есть три фактора, из-за которых порядок слов в предложении не всегда выводится из правил ветвления групп.

- Диакронический фактор – непоследовательное ветвление может свидетельствовать о переходном состоянии языка на пути от набора признаков А к обратному ему значению ~А: в начале и конце пути ветвление стабильно, а в промежутке наблюдаются отклонения.

- Фактор синхронной вариативности – контактные / дистантные, прямые / инвертируемые варианты расположения элементов могут сосуществовать и выполнять разные грамматические функции (что не обязательно связано с диакроническим фактором)⁷.

- Грамматикализация топологических шаблонов – языки на определенной стадии своего развития обобщают топологические схемы для целого предложения, которые обретают собственную инерцию.

- Для славянских языков топологической схемой такого рода является закон Ваккернагеля, требующий постановки слабоударных эле-

⁵ См., однако, ревизию этого положения в работе Р. Панчевой, которая постулирует для старославянского языка базовый порядок O + V [Pančeva, 2006].

⁶ В польском языке место прилагательного зависит от его семантики, что обсуждается ниже в § 1.3. Если принять за основу позицию неклассифицирующих прилагательных, которые занимают в польском языке место перед существительным (Adj Qual + N^o), польский язык соответствует общеславянскому типу, а его индивидуальной особенностью следует считать постпозицию классифицирующих прилагательных (N^o + Adj Class).

⁷ Так, в польском языке в группе существительное + указательное местоимение местоимение стоит в постпозиции к существительному, если оно неконтрастивно и неэмфатично – ср. польск. Dziewczyna (1) **ta** (2) jest studentką pierwszego roku. «Эта (2) девушка (1) – студентка первого курса», но в препозиции, если логически выделено, ср. польск. **Ta** (1) dziewczyna (2) jest studentką pierwszego roku, а **tamtą** już kończy uniwersytet «**ЭТА** (1) девушка (2) – студентка первого курса, <а та уже окончила университет>».

ментов предложения после первого ударного слова / первой полной составляющей [Jakobson, 1935]. Сходное ограничение действует в ряде германских языков, где перед финитной формой может стоять не более одного члена предложения – т. н. Verb Second Constraint (V2) [см. Delbrück, 1911]. На основные топологические ограничения германского и славянского типа могут налагаться ограничения на расстановку других категорий предложения (подлежащего, дополнений, сентенциального отрицания и т. д.), что в перспективе ведет к грамматикализации взаимосвязанных запретов на большом участке предложения. Развитие в этом направлении демонстрируют такие языки, как болгарский и датский: перестановки членов предложения и отдельных словоформ здесь не запрещены, но говорящий вынужден считаться с тем, что набор перестановок изначально ограничен. Системы слов подобного типа сложно описать по Гринбергу, так как они основаны не на локальных правилах расположения элементов относительно друг друга, а на глобальных правилах линеаризации предложения в целом. Системы порядка слов, основанные на глобальных правилах, по-видимому, составляют меньшинство от общего числа описанных систем порядка слов [Циммерлинг, 2008a]⁸, зато для языков Европы глобальные правила линеаризации предложения весьма характерны.

1.3. Глобальные правила и схема линеаризации предложения

Схему предложения можно вывести, не вводя понятия ограничения на те или иные линейные порядки: в этом случае просто регистрируется типичное место, занимаемое категориями – подлежащим, прямым дополнением, вершиной сказуемого и т. д. Но такое описание уязвимо. Во-первых, если язык разрешает много линейных перестановок категорий, предсказательная сила схемы мала. Во-вторых, выяв-

⁸ Данная оценка является приблизительной, так как к настоящему моменту удовлетворительно описано лишь меньшинство систем порядка слов в языках мира. В то же время она правдоподобна, поскольку глобальные правила линеаризации опираются на ограничения типа Verb Second (глагол на втором месте от начала предложения) или Clitic Second (клитика на втором месте от начала предложения), при которых место некоторой категории предложения отсчитывается от левого края синтаксической структуры: системы порядка слов с подобными ограничениями составляют значительное меньшинство от общего числа описанных систем порядка слов, причем почти все языки с ограничением Verb Second относятся к германской группе индоевропейской языковой семьи.

ление соотношения минимальных и развернутых реализаций является нетривиальной задачей. Все славянские языки относятся к типу SVO: эта формула получается путем соединения порядков групп ($V^\circ + O$) & ($S + V^\circ$)⁹ и позволяет описать предложения с переходным глаголом. Если мы хотим учесть предложения с двумя дополнениями, надо добавить правило о том, что дополнение в дат. п., выражающее роль адресата действия (O_{indir}), предшествует дополнению в вин. п., имеющему роль пациенса (O_{dir}): ($O_{indir} + O_{dir}$). Условимся, что последовательность дополнений стоит в том же месте, что одиночное дополнение, а различие между предложениями из 3 или 4 элементов целиком объясняется валентными свойствами употребленных в них глаголов: SV [$O_{indir} O_{dir}$]. Но добавить другие категории предложения в схему тем же способом не удастся. Например, требуется учесть позицию наречия образа действия (Adv_{Mod}). Для всех литературных славянских языков стилистически нейтральным является порядок, при котором наречие образа действия ставится между подлежащим и глаголом:

- (i) S Adv V O_{indir} O_{dir}
- (1a) Рус. Вася **быстро** сделал Кате предложение.
- (1b) Болг. Топалов **небрежно** размени пешката на е4 и попадна под силна атака.
'Топалов **неосторожно** разменял пешку е4 и попал под сильную атаку.'
- (2c) Болг. Иван **бързо** беше прочел книгата.
'Иван **быстро** прочел книгу (ранее до этого).'
- (2d) Болг. ??Иван беше **бързо** прочел книгата.
- (2e) Польск. Она **bezmyślnie** przekładała przedmiociki, które tam była ułożyła.
'Она машинально перекладывала предметы, которые туда раньше уложила.'
- (2f) Польск. ??Она przekładała **bezmyślnie** przedmiociki, które tam była ułożyła.

Формуле (i) удовлетворяют почти все литературные славянские языки нового времени¹⁰. Утверждение о том, что порядок (i) для неко-

⁹ Или, что то же самое, соединением двух правил: NP + VP ('подлежащее предшествует сказуемому') и V + NP ('глагол предшествует дополнению').

¹⁰ Здесь и далее мы обсуждаем нейтральный порядок дополнений, выраженных неклитическими формами. В болгарском языке беспредложная форма косвенного дополнения, выраженного не-клитикой невозможна, а предложная форма с грам-

торого языка – базовый, не означает, что в нем нет предложений с начальным глаголом, (ср. рус. *Сделал Вася Кате предложение быстро*) или со вставкой наречия между дополнением и глаголом (ср. рус. *Вася сделал быстро предложение Кате*): оно означает лишь, что предложения с такими порядками, если они возможны, не базовые, а производные. Сделаем еще один шаг и учтем группы с составным глагольным сказуемым вида финитный глагол + инфинитив смыслового глагола ($V_{fin} + V_{inf}$). Это позволит расширить схему (i) до (ii).

(ii) S *Adv [V_{fin} Adv V_{inf} O_{indir} O_{dir}].

(3a) Рус. Вася ***быстро** хотел **быстро** сделать Кате предложение¹¹.

(3b) Рус. ??Вася [**быстро**₁ хотел [**быстро**₁ сделать Кате предложение]].

Переход от (i) и (ii) вынуждает уточнить позицию наречий класса *быстро* в примерах (2ab) и (3a). Если в примере (2b) элемент *быстро* непосредственно предшествует финитному глаголу, то в примере (3a) он непосредственно предшествует инфинитиву смыслового глагола. Иными словами, позиция *быстро* интерпретируется в зависимости от состава предложения. Если в (i) элемент *быстро* (Adv) можно рассматривать как категорию одного уровня с S, V, O_{indir} , O_{dir} и абстрагироваться от вопроса, как предложение делится на составляющие, то (ii) лишает нас такой возможности: даже если предложение (3b) допустимо, оно не передает смысл «акт готовности X-а жениться на Y-е был быстрым». Тем самым *быстро* определяется как член группы инфинитива смыслового глагола, а возможность извлечь его из этой группы и поместить в вышестоящую группу финитного глагола нерелевант-

матикализованным предлогом на стоит после прямого дополнения. В ряде диалектов сербохорватского и словенского языков нейтральным порядком является ($O_{dir} + O_{indir}$). Е. Ю. Иванова обратила наше внимание на то, что определение исходного места обстоятельства образа действия является предметом дискуссии в болгаристике, при этом предложения вида S Adv V O O_{dir} могут быть коммуникативно нейтральными, ср. болг. 'Доротейа огледа предназливо обстановката Доротейа с опаской оглядела комнату'.

¹¹ Зачеркивание синтаксического элемента в определенной позиции сигнализирует невозможность его выражения в данной позиции в предложении с тем же составом элементов. Запись типа (3a) рус. *Вася *быстро хотел быстро сделать Кате предложение* подчеркивает, что пример (3a') *Вася хотел быстро сделать Кате предложение* правилен, пример (3a) рус. *Вася быстро хотел сделать Кате предложение* аномален, а предложение (3a) не может быть получено из предложения (3a') при помощи какой-либо линейной трансформации, меняющей место обстоятельства *быстро* при сохранении смысла исходного высказывания.

на для оценки исходной позиции *быстро*. По мере расширения схемы, построенной на глобальных правилах, приходится все более подробно описывать структуру составляющих и учитывать вложенные друг в друга группы, чего минимальная схема делать не заставляет. Можно попытаться обойти проблему, взяв за основу расширенные реализации, и помечать прочерками или нулями места отсутствующих категорий. Такая программа была предложена Е. Куриловичем [Курилович, 2000: 22], Ж. Фуркэ [Fourquet 1938] и П. Дидериксеном [Diderichsen 1946]. Следуя Дидериксену, предложение (4) можно записать в виде схемы из 7 позиций (4'), а более короткое предложение (5) описать схемой (5').

(4) Рус. Вася не хотел быстро делать Кате предложение.

(4') S NEG V_{fin} Adv V_{inf} O_{indir} O_{dir}.

(5) Рус. Вася сделал Кате предложение.

(5')	S	NEG	V _{fin}	Adv	V _{inf}	O _{indir}	O _{dir}
	Вася	Ø	сделал	Ø	Ø	Кате	предложение.

Пустые клетки останутся фикцией, пока не будет показано, как предложения разной длины получаются друг из друга. Кроме того, проблему представляют линейные перестановки вроде *Вася быстро сделал Кате предложение* → *Вася сделал Кате предложение быстро*. Если их не анализировать в терминах направленных преобразований, для каждой категории, которая может стоять более чем в одном месте, придется постулировать столько клеток в таблице, сколько позиций она может занимать относительно других категорий. Здесь важно не общее число перестановок, а число конечных позиций, куда могут попадать перемещенные категории. В тех германских языках, на материале которых Дидериксен опробовал свою модель, число таких позиций невелико. Напротив, в любом славянском языке число позиций, доступных для перемещенных подлежащих, дополнений, обстоятельств и компонентов сказуемого, столь значительно, что описание предложения табличными схемами неоперационально. Попытка вывести глобальную схему предложения, эксплицитно не формулируя синтаксические ограничения, не приводит к успеху как из-за недостатков метода, так и из-за особенностей синтаксиса славянских языков. Тем не менее есть области, где табличное описание продуктивно и в славянских языках – развертывание полных именных групп и развертывание цепочек клитик.

1.4. Схема линеаризации полных именных групп и перемещения

При описании базового порядка групп, состоящих ровно из двух элементов – главного и зависимого, учитывать другие порядки неправильно, даже если они не запрещены. Так, в русском языке группа (N°, Poss) предполагает препозицию притяжательного прилагательного вершине – существительному, ср. *Катин отец* в (6а). Предложение (6б) с порядком *Отец Катин* в подходящем контексте тоже возможно: интуиция о том, что (6б) образовано от (6а), а не наоборот, отражена в записи (6б'), где добавлен символ t (trace, след), указывающий на то, что элемент *отец* в процессе порождения предложения (6б) переместился из исходной позиции в некоторую группу.

- (6а) Рус. Катин отец пришел.
 (6б) Рус. Отец Катин пришел.
 (6б') Рус. Отец_t Катин t_i пришел.

Объяснение (6а) и (6б) в терминах перемещений (movement), предполагает доказательство того, что подвижный элемент бинарной группы выбран правильно, обоснование цели перемещения и доказательство того, что исходное и производное предложение имеют одинаковую лексико-синтаксическую структуру, т. е. один и тот же набор синтаксических позиций и дерево подчинения, где все узлы заполнены идентичными элементами. Допустим, что соответствующая процедура уже проделана и направление перемещения выбрано правильно. Для нас важно, что преобразование (6а) \Rightarrow (6б) относится к уровню предложения, а не к уровню бинарной группы и что добавлять пустые синтаксические позиции и следы перемещений в группу (N°, Gen) не нужно: запись вроде (t_i *Катин отец*_t) маскирует тот факт, что данная группа состоит из двух, а не из трех элементов. Столь же плоха табличная запись по Дидериксену, где два вхождения зависимого элемента – справа и слева от главного слова – отмечены двумя разными клетками:

(6с)	Gen 1	N°	Gen 2
	Катин	Отец	Ø

Для развернутых групп из трех и более (ненулевых) элементов табличная запись удобна, если имеется устойчивая связь между семантикой / функцией элемента и его местом в группе справа или слева от вершины. Такие условия есть в польском языке, где прилагательные с

классифицирующим значением стоят после вершины, а неклассифицирующие качественные прилагательные – перед ней. При этом неклассифицирующие прилагательные могут итерироваться, а классифицирующее прилагательное обычно бывает только одно. Это дало П. Рутковскому [Rutkowski, 2008] основание представить польские именные группы с несколькими прилагательными схемой (7): D читается ‘детерминатив’, N – ‘существительное’, QualA – ‘неклассифицирующее качественное прилагательное’, ClassA – ‘классифицирующее прилагательное’.

(7) Пол. $[_{DP} D^{\circ} \dots [_{FP} QualA \dots [_{Class} P N_i [NP_{Class} A t_i]]]$.

Для того чтобы обосновать препозицию существительных классифицирующим прилагательным, Рутковский вводит представление о перемещении существительного влево из конечной позиции, где остается след t_i . Полученный результат удобно представить табличной схемой, где принимается, что вершина группы (существительное) неподвижна. Табличная схема не учитывает структуры составляющих и не указывает алгоритм порождения полной группы; в остальном трансформационная нотация (7) и ее табличное отображение (7') аналогичны.

(7)' пол.	D	QualA1	QualA2	N	ClassA
	Ta	interesująca	nowa	gramatyka	generatywna
	‘эта интересная новая генеративная грамматика’				

В большей части славянских языков все адъективные определители существительного независимо от своей семантики развертываются влево. Для таких языков описание развернутой именной группы табличным способом менее продуктивно, если разрешены перестановки прилагательных – как в препозиции, так и в постпозиции вершине группы: *рус. новая интересная генеративная грамматика* \Rightarrow *новая интересная грамматика генеративная* \Rightarrow *грамматика генеративная новая интересная*¹² и т. п. Эти перестановки можно объяснить в терминах перемещений и следов, но следы и линейные альтернации в табличной

¹² Коммуникативная ценность последнего варианта невелика, и он встречается редко. Тем не менее для русского языка можно подобрать контекст, где соответствующее расположение элементов ИГ будет возможно в эмфатической речи. Напротив, для языков типа польского, где ИГ подчиняется более жестким правилам развертывания, чем в современном русском языке, линейные варианты, противоречащие табличной схеме ИГ, будут исключаться автоматически.

нотации плохо формализуются. Для языков типа русского проще не рассматривать цепочки из нескольких прилагательных при одном существительном как последовательности элементов одного уровня, но считать, что крайне левое прилагательное присоединяется к уже построенной группе (N°, Adj): [*новая [интересная [генеративная грамматика°]*]]. Так же можно трактовать и польский язык. Предпосылки к этому дает уже скобочная запись Рутковского в (7); еще более очевидно стремление разрушить линейную схему и заменить ее иерархическими структурами у его оппонентов [Cetnarowska et al. 2008]. Но польские развернутые именные группы можно анализировать как последовательности элементов одного уровня потому, что этот язык запрещает перемещение классифицирующих прилагательных влево от вершины, т. е. грамматикализует синтаксическое ограничение.

Итак, табличная схема полной группы отражает множество взаимосвязанных ограничений на перемещение элементов группы, а точность табличных схем зависит от грамматикализации данных ограничений. Преимущество табличных схем в том, что они позволяют не вводить ограничения по отдельности и дают возможность абстрагироваться от структуры составляющих. Главный же недостаток состоит в том, что грамматикализация запретов на перемещения смежных элементов редко достигает такого уровня, как в развернутых группах польского языка.

Материал прочих славянских языков позволяет сделать эмпирическое обобщение: свободный порядок слов на уровне предложения, т. е. отсутствие или малое число запретов на перемещения, связанные с выносом элемента за пределы его группы, может сочетаться с запретами на перемещения элементов в пределах (развернутой) группы предложения.

Такое соотношение, помимо польского, характерно для артиклевых славянских языков – болгарского и македонского языков [Schürcks, Wunderlich, 2003; Kosta, Zimmerling, 2012] а также для литовского языка балтийской группы, где можно усмотреть контактное развитие с польским языком. Обратное соотношение – фиксированный порядок слов на уровне предложения при свободном порядке слов на уровне групп – в славянских языках не зафиксирован¹³.

¹³ Такое соотношение в языках мира встречается редко, но оно, по-видимому, возможно. М. Донохью, описывающий язык оне (One) семьи торричелли, Новая Гвинея, указывает, что в этом языке глагольные предложения развертываются по табличной схеме [Topic] – Adv_{TIME} – NP_{SUBJ} – Adv2 – V – NP_{OBJ/BEN} – NP_{INSTR} – NP_{LOC}, не допускающей перестановок категорий предложения, в то время как ИГ могут

1.5. Упорядочивание цепочек клитик и смежных позиций

Наиболее бесспорное приложение табличной нотации к синтаксису славянских языков связано с анализом цепочек сентенциальных клитик: цепочки или кластеры (англ. clusters) – это контактные последовательности клитик, где для любых двух клитик а и b, если они способны употребляться совместно и составлять цепочку, устанавливается отношение «а предшествует b» [Зализняк, 1993: 289]. Нарушение этого отношения не допускается. Цепочки клитик образуют одно фонетическое слово (тактовую группу, в терминах В. А. Дыбо и А. А. Зализняка) с некоторым элементом предложения (словоформой или целой группой). Дистантное расположение клитик, способных составлять цепочку, т. е. клитизация элементов цепочки к разным вершинам, при определенных условиях разрешено. Вставка полноударных словоформ между клитиками цепочки запрещена. Тем самым мы имеем дело с полностью грамматикализованными ограничениями а) на перестановку клитик, б) на произвольное добавление элементов, не относящихся к цепочке. В подобном случае табличная нотация эффективна. В зарубежной славистике схемы упорядочения цепочек клитик называются Clitic Templates [Franks, King, 2000], а А. А. Зализняк использует термин «правило рангов» (клитик), подчеркивая, что каждая клитика имеет свой «ранг», т. е. место в линейной схеме. Правила рангов клитик действуют во всех славянских языках, кроме современного русского, украинского и белорусского. Проиллюстрируем болгарское правило рангов:

Рис. 2. Правило рангов в болгарском языке

Начальная группа (XP)	Показатель отрицания (neg)	Показатель буд. времени (aux. fut)	Энклитики, упорядочиваемые правилом рангов (CL)					Правая часть предложения
			вопросит. частица	1–2 л. связи в наст. вр.	мест. в дат. пад.	мест. в вин. пад.	3 л. связи	
Той	—	—	—	—	—	ви	е	търсил
“Он вас искал (требовал)”								
Той	—	—	ли	—	—	—	е	търсил?

развертываться в произвольном порядке [Donohue, 2000]. ИГ всех славянских языков могут размещаться дистантно и разрываться другими категориями предложения. Напротив, ИГ языка оне, согласно М. Донохью, не допускают разрыва и неприоритетны для вставок.

Окончание

Начальная группа (XP)	Показатель отрицания (neg)	Показатель буд. времени (aux. fut)	Энклитики, упорядочиваемые правилом рангов (CL)					Правая часть предложения
			вопросит. частица	1–2 л. связи в наст. вр.	мест. в дат. пад.	мест. в вин. пад.	3 л. связки	
“Он ли вас искал (требовал)?”								
Дали	—	—	ли (1)	сте (2)	му (3)	го (4)?		
‘Вы ему это дали?’ , букв. дали (2) ли (1) вы. связка-2 л.мн. (2) ему (3) это (4)?’								
	Не (0)	ше (1)	ли (2)	сте (3)	му (4)	го (5)	—	дали?
‘не (0) буд. вр. (1) дали ли (2) вы.связка-2л мн. ч. (3) ему (4) это (5)?’								

В первом примере – болг. *Той=ви=e търсил* – цепочка состоит из двух клитик. При построении вопросительного предложения к ним добавляется частица =ли, которая стоит левее обеих клитик, что дает предложение *Той=ли=ви=e търсил?* Подбирая более сложные примеры с глаголом *давам*, у которого есть валентности на дополнения и в дат. п., и в вин. п., получаем предложение *дали=ли=сте=му=го?* Экспериментируя с формами местоимений вин. п. 2 л. мн. ч. =ви и вин. п. 3 л. м./ ср. р. =го, мы убеждаемся, что они занимают одну клетку и вместе в цепочке не встречаются. Кроме того, на примере *дали=ли=сте=му=го* мы видим также, что местоимение дат. п. =му стоит левее местоимения вин. п. =го: то, что такой принцип распространяется на формы остальных лиц и чисел, легко проверить. С другой стороны, из сопоставления примеров *дали=ли=сте=му=го* и *той=ли=ви=e търсил* вытекает, что связка 2 л. мн. ч. =сте занимает другую клетку по сравнению со связкой 3 л. ед. ч. =е. Проверка приведет нас к выводу о том, что связка 3 л. ед. ч. =е, единственная во всей парадигме, стоит в цепочке правее местоименных клитик, в то время как прочие связки стоят левее их: стало быть, для клитик-связок нужно ввести две разные клетки в таблице. Подобным образом устанавливаются правила рангов во всех других языках, имеющих цепочки клитик (не обязательно в точности того же типа, что и в болгарском).

Описание цепочек клитик табличным способом наводит на мысль: нельзя ли распространить ту же запись а) на целые предложения с клитиками, б) на позиции элементов, смежных с позициями цепочек. На первый вопрос следует ответить отрицательно: короткие и длинные цепочки, и даже одиночные кластеризуемые клитики занимают

одну и ту же позицию предложения – позицию после начальной группы. Цепочку следует трактовать как группу: одиночная кластеризуемая клитика тоже представляет группу. Поэтому наблюдение, что в примере болг. *дали* [_{клитик} P =ли=сте=му =го] клитика =му стоит на 4-м месте от начала предложения, лишено научной ценности. На второй вопрос можно ответить положительно, но продуктивность такого подхода зависит от степени закрепленности порядка слов. Для большинства языков с цепочками клитик во второй позиции можно сказать лишь, что цепочки могут и должны стоять после первой группы предложения, а ее синтаксическая категория может быть любой: в этих случаях говорят о произвольной группе (XP). Данная квалификация приложима и к болгарскому синтаксису: в клетке XP в таблице на рис. 2 стоят подлежащее *той*, глагол *дали* и отрицание *не*. Применительно к болгарскому языку можно уточнить позицию еще одного элемента, способного стоять левее клитик. В предложениях, где есть показатель буд. вр. *ще*, данный показатель ставится непосредственно перед цепочкой клитик. Кроме того, позиция общего отрицания *не* в болгарском языке фиксирована: в предложении *не=ще=ли=го дали* болг. *не* предшествует *ще*. Это побуждает выделить показатель общего отрицания не из клетки XP и зарезервировать за ней отдельную клетку. Справедливость такого решения подтверждается примерами типа (8), где имеются и начальная группа, и сентенциальное отрицание *не*: в этом примере связочная клитика 1 л. мн. ч. =*сме* клитизируется непосредственно к *не*.

- (8) Болг. [_{XP} Ние обаче нито за миг] **не=сме** преставали да вярваме, че правотата=e на страната на В. Топалова.¹⁴
 ‘Мы, со своей стороны, никогда не переставали верить, что правота на стороне В. Топалова’, букв. «[Мы, однако, ни на миг] **не=быть-1Pl.** переставали верить, что правота...».

В предложении (8) видна еще одна нетривиальная особенность болгарского синтаксиса, не учтенная в таблице на рис. 2: цепочки болгарских клитик всегда находятся в непосредственной близости от глагольных форм / главного предиката предложения. Поэтому если в болгарском предложении есть клитики, глагол должен стоять либо непосредственно после клитик (пример (9)), либо непосредственно левее, как в примере *дали=ли=сте=му*. Это значит, что, опираясь на позицию болгарских клитик, можно вывести частичную схему болгарского предложения.

¹⁴ Пример из текста: http://www.anand-topalov.com/bg/interviews&article_id=5.html (интервью д-ра Стефана Сергиева, данное Венцеславу Инкеву).

(iii) Болг. XP-NEG-AUX.FUT – CL – V ~ V-CL.

Схема (iii) кажется бесспорной до тех пор, пока мы не добавим в нее еще один символ – символ левой границы предложения (#) и не захотим выяснить, на каком расстоянии от левой границы болгарского предложения находятся категории NEG, AUX.FUT, CL и V. При этом окажется, что твердо фиксированное место относительно начала предложения имеет только одна категория из перечисленных, а именно категория CL, которая не может занимать 1-е, 3-е... n-е место, но всегда занимает вторую позицию от начала: длина и сложность начальной группы XP при этом не играют роли. Другие категории либо могут занимать две и более разных позиции (болгарские глагольные формы при отсутствии клитик не имеют фиксированного места в предложении), либо их позиция определяется по отношению к позициям других категорий – клитик (V) и глагола (NEG, AUX.FUT).

(iv) Болг. #[_{XP} XP -NEG-AUX.FUT] – CL – V ~ [_{XP} V] -CL.

Схемы (iii)–(iv) наглядно показывают уязвимость табличного метода описания предложения даже в том славянском языке, где порядок синтаксических категорий наиболее фиксированный. Для прочих славянских языков свобода порядка слов выше. В близкородственном македонском языке клитики имеют на одну позицию больше [Dimitrova-Vulchanova 1999: 102–103]¹⁵, а место сентенциального отрицания не фиксировано [Mišeska Tomić, 2004: 236–238].

2. Свободный порядок слов и виды скрэмблинга в славянских языках

Порядок развертывания предложения в описаниях славянских языков характеризуют как «свободный», хотя языка с полностью непредсказуемым порядком слов, равно как и языка с полностью фиксированным порядком слов (т. е. языка, где запрещены какие бы то ни было перемещения), видимо, не бывает. Содержательное описание того языка, для которого выдвигается гипотеза о т. н. скрэмблинге (scrambling), предполагает анализ условий, при которых перемещение определенного типа в этом языке возможно. При определении базового порядка в

¹⁵ См. ниже раздел 3.6.1.

бинарных группах перемещения и нулевые категории вводить не надо, а обоснованность выделения развернутых небинарных групп как промежуточного уровня между уровнем элементарных бинарных групп и уровнем предложения зависит от грамматикализации запретов на перемещения в пределах развернутых групп в конкретном языке. Поэтому есть основания отнести все линейные перестановки именно к уровню предложения.

Термин «скрэмли́нг», принятый в формальных грамматиках, неоднозначен и может указывать на разные явления. С одной стороны, скрэмли́нгом называют отношение, при котором зависимые элементы одной или разных вершин стоят в произвольном порядке, [см. Rambow, 1994]. При этом различают локальный ограниченный (bounded) скрэмли́нг, когда переставляемые аргументы принадлежат одной и той же вершине, и неограниченный скрэмли́нг (unbounded scrambling), когда переставляемые аргументы могут принадлежать разным вершинам [Perekrestenko, 2008]. Если перестановки элементов объяснять как перемещение (movement), различение локального и неограниченного скрэмли́нга определяется отношениями, возникающими между элементами в конечной позиции перемещения, а не в тех позициях, которые они занимали изначально. С другой стороны, под скрэмли́нгом понимают неединственность порядка элементов в исходной области [см. Baylin, 2004]. Дж. Бейлин различает ближний скрэмли́нг (short scrambling), когда элемент перемещается в другую позицию в составе того же предложения, и дальний скрэмли́нг (long-distance scrambling), когда элемент выносится в вышестоящее предложение. Такое различение оправдано, только если релевантны исходные позиции перемещенных элементов. Причина путаницы в том, что в типичном случае, при ближнем скрэмли́нге, исходная и конечная области перемещения совпадают. Для целей математической лингвистики лучше оставить термин «скрэмли́нг» только в первом значении, где берутся характеристики конечных областей, а во втором употреблении, где характеризуются исходные области, говорить о ближних и дальних перемещениях. К сожалению, это противоречит сложившейся в славистике традиции, где скрэмли́нгом называют либо изменения базового порядка слов, порождающие в языках SOV/SVO порядки, где дополнение предшествует подлежащему, либо выносы элемента за пределы финитного предложения, т. е. именно случаи, подпадающие под определение ближнего / дальнего скрэмли́нга.

2.1. Скрэмблинг полноударных элементов предложения

Несводимость двух признаков – локальный / неограниченный скрэмблинг vs ближний / дальний скрэмблинг – можно использовать в типологии. Два признака дают матрицу из четырех клеток. Анализ подтверждает, что в славянских языках представлена каждая комбинация признаков.

Рис. 3. Скрэмблинг полноударных элементов предложения

	А. Локальный скрэмблинг	В. Неограниченный скрэмблинг
1. Ближний скрэмблинг	+	(+)
2. Дальний скрэмблинг	+	+

A1. Ближний и локальный скрэмблинг. Это стандартный случай, когда перемещение элемента не связано с выносом в вышестоящую группу и не приводит к непроективному пересечению групп предложения:

- (9) Рус. Профессор Иванов посетил нашу лабораторию в июне (S + V + O + Adv_{Temp}) ⇒ [Нашу лабораторию]_i профессор Иванов посетил t_i в июне (O + V + S + Adv_{Temp})¹⁶.
- (10) Рус. Анализ подтверждает, что каждая комбинация признаков представлена в славянских языках (Comp + S + V + Adv_{Loc}) ⇒ Анализ подтверждает, что [в славянских языках]_i представлена t_i каждая комбинация признаков t_j (Comp + Adv_{Loc} + V + S)¹⁷.

То же отношение возникает при перемещении обстоятельств, если подвижный элемент может попадать более чем в одну позицию в составе того же предложения.

- (11a) Чеш. ...že Marie profesora_i [v jeho_i bytĕ] už několikrát navštívila.
'...что Мария уже несколько раз навещала профессора_i [в его_i квартире].'

¹⁶ Пример И. И. Ковтуновой. Запись с введением следов принадлежит нам.

¹⁷ Преобразование S + V + Adv_{Loc} ⇒ Adv_{Loc} + V + S, представленное в примере (10), называется локативной инверсией [Břešnan, 1993; Babyonyshev, 1996]. Его особенность в том, что подлежащее и локативный элемент меняются местами, а поверхностное положение глагола неизменно. Это отражено в записи примера (10) при помощи двух следов, хотя выражались сомнения в том, что перемещение глагола при локативной инверсии реально происходит [Циммерлинг, 2007].

(11b) Чеш. \Rightarrow ...že [v jeho_i bytě] Marie profesora_i t_i už několikrát navštívila.

‘...что [в его_i квартире] Мария профессора_i t_i уже несколько раз навещала.’

(11c) Чеш. \Rightarrow ...že Marie [v jeho_i bytě] profesora_i t_i už několikrát navštívila¹⁸.

‘...что Мария [в его_i квартире] профессора_i t_i уже несколько раз навещала.’

А2. Дальний и локальный скрэмблинг. Это тоже нередкий случай, когда вынос элемента за пределы группы не создает альтернирующих порядков в новой области, поскольку вынесенный элемент может занимать только одно место.

(12) Рус. Мы бы хотели, чтобы министерство назначило профессора И. куратором нашей лаборатории \Rightarrow [[Профессора И.], [мы бы хотели, [чтобы министерство назначило t_i куратором нашей лаборатории]]]¹⁹.

К тому же типу можно отнести вынос из состава ИГ, куда вставлено придаточное относительное:

(13a) Болг. Ще=бъдат [две тоалетните, [като всеки от състезателите ще=може да ползва [която пожелае]].

‘Будет две туалетных комнаты, [которыми сможет воспользоваться любой из спортсменов, кто захочет].’

(13b) Болг. \Rightarrow [[Тоалетните]_i ще бъдат [две t_i, като всеки от състезателите ще=може да ползва [която пожелае]]]²⁰.

В2. Дальний и неограниченный скрэмблинг. В языках со скрэмблингом вынесенный из своей группы элемент может занимать более одного места в вышестоящем предложении. В чистом случае, выделенном О. Рэмбоу на материале немецкого языка [Rambow, 1994], между альтернирующими элементами может не быть никаких других категорий. Немецкий язык имеет порядок (O + V°) и так называемый ра-

¹⁸ Слегка модифицированные примеры П. Косты [Kosta, 2006: 311].

¹⁹ Данный вид преобразований называют экстракцией дополнения из состава финитного предложения. Часть языков, включая все описанные славянские, разрешают подобную операцию, другая часть – нет.

²⁰ В этом болгарском примере есть еще и случай локального скрэмблинга, возникающего вследствие разрыва группы [всеки от състезателите [която пожелае] [ще=може да ползва] ~ [всеки от състезателите ___] ще=може да ползва] [която пожелае]].

мочный принцип, согласно которому группы разворачиваются соответственно иерархии вершин. При наличии нескольких вложенных друг друга инфинитивных групп все глагольные вершины размещаются на правом краю предложения в фиксированном порядке: чем правее стоит вершина, тем выше ее синтаксический ранг. Предложение с тремя ИГ – A^1, B^2, C^3 , – относящимися к трем разным глагольным вершинам – v^1, v^2, v^3 , в нормальном случае разворачивается $[A^1 [B^2 [C^3 v^3] v^2], v^1]$. Этой схеме точно соответствует пример (14a), а оператор скрэмблинга порождает порядки ABC, CAB, BAC, CBA, CBA, каждый из которых соответствует грамматичному немецкому предложению:

(14a) Нем. daß niemand $[[\text{dem Kunden}^2] [[\text{den Kühlschrank}^3] \text{zu reparieren}^3] \text{zu versprechen}^2] \text{versucht}^1 \text{hat}$.

‘что никто¹ [клиенту²] [[холодильник³] починить³] обещать²] не пытался¹’.

(14b) Нем. daß niemand $[\text{den Kühlschrank}]_i [[\text{dem Kunden}] [t_i \text{zu reparieren}] \text{zu versprechen}] \text{versucht hat}$.

(14c) Нем. daß $[\text{den Kühlschrank}]_i \text{niemand} [[\text{dem Kunden}] [t_i \text{zu reparieren}] \text{zu versprechen}] \text{versucht hat}$.

(14d) Нем. daß $[\text{dem Kunden}]_j \text{niemand} [t_j [[\text{den Kühlschrank}] \text{zu reparieren}] \text{zu versprechen}] \text{versucht hat}$.

(14e) Нем. daß $[\text{den Kühlschrank}]_i [\text{dem Kunden}]_j \text{niemand} [t_j [t_i \text{zu reparieren}] \text{zu versprechen}] \text{versucht hat}$.

(14f) Нем. daß $[\text{dem Kunden}]_i [\text{den Kühlschrank}]_j \text{niemand} [t_j [t_i \text{zu reparieren}] \text{zu versprechen}] \text{versucht hat}$.

Глагольные вершины v^1, v^2, v^3 не меняют своего положения друг к другу, поэтому скрэмблинг именных групп в немецком языке реально локализуется на небольшом участке матричного (высшего в иерархии) предложения, между подчинительным союзом daß («что») и левой частью сказуемого:

(14') Нем. $[_{CP} \text{Comp} \{ \text{SCRAMBLING DOMAIN } A_1 + B_2 + C_3 \} [_{VP} [v_3, [v_2, [v_1]]] \text{AUX}]]$

Ни в одном славянском языке, кроме, возможно, верхнелужицкого²¹, рамочный принцип разворачивания глагольной группы не грамма-

²¹ Верхнелужицкий язык развивался в тесном контакте с немецким, и все его носители знают немецкий язык. В верхнелужицком порядок S CLA_{ux} O V_{fin} (верхнелуж. *Ja=sym tu knihu čital* «Я читал эту книгу», букв. «я=есмь ту книгу читал», ср. нем. *Ich habe das Buch gelesen*) предпочитается порядку S CLA_{ux} V_{fin} O, верхнелуж. *Ja=sym čital tu knihu*. На группы V_{fin} + V_{inf} рамочный принцип, по-видимому, в этом языке не распространяется.

тикализован, а в группе ($V^\circ + O$) при базовом порядке глагол предшествует дополнению²². Поэтому предложения со скрэмблингом трех ИГ A^1, B^2, C^3 , относящихся к трем вершинам разного уровня, в части славянских языков выглядят менее естественно, чем в немецком. Предложения со скрэмблингом двух ИГ A^m, B^n , относящихся к вершинам разного уровня, более обычны. Распространенный в славянских языках случай дальнего неограниченного скрэмблинга связан с непроективным вложением составляющей или ее элемента в вышестоящее предложение. Пусть $A^\circ B^\circ C^\circ D^\circ E$ – базовый порядок предложения, $A^\circ B^\circ C^\circ D^\circ$ – лексические вершины, и каждая следующая вершина является зависимой предыдущей; крайне правый элемент E тоже является вершиной, но в составе предложения нет его зависимого. Таким образом, получаем проективную структуру (15), где блоки $DE, CDE, BCDE, ABCDE$ – вложенные друг в друга составляющие.

(15) $[A^\circ [B^\circ [C^\circ [D^\circ E]]]]$.

Перемещения блоков DE, CDE и вставка вершин A°, B° в нижестоящие составляющие дают порядки вида $[CDE]_i A^\circ B^\circ t_i, [[DE]_j C^\circ t_{j,i} A^\circ B^\circ t_i, [[DE]_j \dots A^\circ_k \dots C^\circ t_{j,i} t_k B^\circ t_{i \dots} A^\circ_k \dots [[DE]_j C^\circ t_{j,i} t_k B^\circ t_i$, где $t_{i, j, k}$ – следы перемещений вершин или блоков. Этот механизм скрэмблинга иллюстрируется русскими примерами (16а–е) и рис. 4.

Рис. 4. Дальний неограниченный скрэмблинг с вложением в русском языке

	Схема	Пример
Базовый порядок	$[A^\circ [B^\circ [C^\circ [D^\circ E]]]]$	(16а) Рус. Арбитры ^о не имели права $[_{ip}$ фиксировать [победу ^о «Триумфа»]].
Производные порядки	$[CDE]_i A^\circ B^\circ t_i$	(16б) $\Rightarrow [_{ip}$ Фиксировать победу ^о «Триумфа»] _i , арбитры ^о не имели права t_i .
	$[[DE]_j C^\circ t_{j,i} A^\circ B^\circ t_i$	(16с) $\Rightarrow [Победуо «Триумфа»]_j [_{ip}$ фиксировать $t_{j,i}$ арбитры ^о не имели права t_i .
	$[[DE]_j \dots A^\circ_k \dots C^\circ t_{j,i} t_k B^\circ t_i$	(16д) $\Rightarrow [Победуо «Триумфа»]_j$ арбитры ^о $[_{ip}$ фиксировать $t_{j,i} t_k$ не имели права t_i .
	$\dots A^\circ_k \dots [DE]_j C^\circ t_{j,i} t_k B^\circ t_i$	(16е) \Rightarrow Арбитры ^о $[_{ip}$ фиксировать $t_{j,i} t_k$ не имели права t_i .

²² Колебания $V^\circ + O \sim O + V^\circ$ свойственны древнечешским текстам XV–XVI вв., но мнение о том, что порядок SOV для древнечешского языка – базовый, не соответствует фактам, [см. Zikanová, 2006].

Представленный в (16b-с) механизм скрэмлинга связан с перемещением блоков типа DE, CDE влево, причем на своем пути блоки пересекают одну или несколько вышестоящих вершин, зависимыми которых являются. Перемещение зависимых «через голову» вершин – рекурсивный процесс, который может повторяться несколько раз. Так, переместив группу [_{IP} *Фиксировать*^o *победу* «Триумфа»] в начало предложения (16b), можно затем переместить группу [*Победу* «Триумфа»] левее ее вершины *фиксировать*^o, что даст вариант (16с)²³.

В1. Ближний и неограниченный скрэмлинг. Это наиболее проблематичный случай. Если понимать ближний скрэмлинг как характеристику исходной области, где нет вставленных предложений, ближний и неограниченный скрэмлинг может реализоваться только за счет непроективных пересечений групп, не находящихся в отношениях непосредственного подчинения.

$$(18) \quad [{}_x\text{AB}] \dots [{}_y\text{CD}] \Rightarrow [{}_x\text{A} [{}_y\text{C x} \dots \text{B}] \dots {}_y\text{D}].$$

Непроективное пересечение представляет собой более редкое явление, чем разрыв группы с вложением в нее другой группы целиком: русский пример (19b) с вложением группы выглядит значительно лучше, чем пример (19с) с пересечением групп.

(19a) Рус. [_xЖители^o столицы] [_yлюбят^o [_yпивную продукцию^o Клина]].

(19b) Рус. ?[_yКлина]_i [_xжители^o столицы] [_yлюбят^o [_yпивную продукцию^o t_i]].

(19c) Рус. *[_yКлина]_i [_xстолицы]_j [_yлюбят^o [_yпивную продукцию^o t_i]
[_xжители^o t_j]].

Если снять требования о том, что а) подверженные скрэмлиngu элементы должны представлять ту же категорию (например, быть именными группами) и б) относиться к тому же уровню, или хотя бы одно из этих требований, примеры типа (19b), где фрагмент ИГ (*Клина*) и развернутая ИГ [*жители столицы*] размещаются в произвольном порядке, можно будет отнести к рубрике «ближний неограниченный скрэмлинг».

²³ Теоретически можно считать и так, что более «короткий» скрэмлинг внутри меньшей группы DE предшествует более «длинному» скрэмлиngu, связанному с перемещением большей группы CDE, куда вложена первая группа. В рамках нашей статьи это не важно.

Важнейшая предпосылка ближнего неограниченного скрэмблинга связана с действием закона Ваккернагеля и т. н. правилом разрыва составляющих, где энклитика или цепочка энклитик, занимающих второе место от начала предложения, разрывает начальную составляющую и ставится после первого фонетического слова. Такое правило действовало в древненовгородском диалекте без исключений, что давало предложения типа (20):

- (20) Др.-новг. а и-Суждальской {_{Scrambling} =*ти* земле} Новагорода не рядити (ГВНП, № 1, 1264 г.).
 ‘а из суждальской земли, тебе не следует управлять Новгородом’.

В новгородском диалекте этого периода постановка клитик после полной ИГ *а [*и-Суждальской земле*] =*ти невозможна*. Поэтому, если первая из этих групп выносится в начало предложения, возникает пересечение групп [*из суждальской земле*] и [*ти рядити Новагорода*]. Отношение скрэмблинга между *земле* и *ти* «тебе» подтверждается возможностью порядка *а из-земле =ти суждальской...*, а неограниченным скрэмблинг является потому, что эти элементы относятся к разным вершинам. В современных славянских языках примеры типа (20) возможны, но менее частотны, чем в новгородском диалекте, так как правило разрыва составляющих либо не действует (чешский, словенский языки), либо факультативно (сербохорватский, словацкий языки).

2.2. Скрэмблинг клитик:

параметры Clitic Climbing и Clitic Scrambling

Скрэмблинг двух и более клитик встречается редко. Нетривиальный случай представляет употребление кластеризуемых клитик, образующих упорядоченные цепочки²⁴. Ранее считалось, что скрэмблинг клитик исключен, но недавно установили, что это явление есть в словенском языке. Словенские примеры разбираются ниже в данном разделе.

²⁴ Скрэмблинг некластеризуемых клитик, не имеющих фиксированного места, мало отличается от скрэмблинга полноударных элементов, за вычетом того, что клитики не имеют при себе зависимых слов.

Рис. 5. Скрэмблинг кластеризуемых клитик в славянских языках

	А. Локальный скрэмблинг	В. Неограниченный скрэмблинг
1. Ближний скрэмблинг	–	–
2. Дальний скрэмблинг	Clitic Climbing (+)	Clitic Scrambling +

Ближний скрэмблинг кластеризуемых клитик запрещен. Само понятие цепочки предполагает, что контактный порядок клитик является твердым²⁵. При этом принцип цепочки не исключает наличия в ней клитик, перемещенных из подчиненных инфинитивных оборотов. Такой параметр называется Clitic Climbing, т. е. перенос клитик в вышестоящую предикацию, букв. «карабкание клитик»²⁶.

Дальний локальный скрэмблинг клитик. Параметр Clitic Climbing присущ всем современным славянским языкам, кроме болгарского и македонского, где правило рангов учитывает лишь клитики, синтаксические вершины которых находятся в том же самом матричном, верхнем в иерархии, финитном предложении. В остальных языках правило рангов имеет клетки для клитик, вершины которых находятся в подчиненном предложении. Это означает, что возвратная клитика, вершиной которой является инфинитив, должна переместиться в главное предложение, если в составе цепочки есть клетка, подходящая для этой категории клитик: в записи (21) клитики a, b, d синтаксически принадлежат вершине v^{10} , находящейся в составе главного предложения, а клитика

²⁵ Литературные славянские языки и древненовгородский диалект полностью соответствуют этому предсказанию. Отдельные колебания зафиксированы в зоне контакта диалектов разных славянских языков, например, русинского с сербохорватским [Browne, 2008: 357].

²⁶ Термин Clitic Climbing был впервые применен для описания романских языков, [см. Rizzi, 1978]. Классический случай Clitic Climbing в системах порядка слов современного романского типа связан с извлечением местоименной клитики в вин. п. или дат. п. из состава инфинитивной группы в вышестоящее предложение и клитизация ее к финитному глаголу. При этом может меняться ориентация клитики по отношению к словоформе-хозяину. Так, местоименные клитики во французском, испанском и итальянском языках присоединяются к нефинитным формам глагола (инфинитиву и причастию) и форме императива справа, выступая в качестве глагольных энклитик, ср. итал. Gianni vuole [_{IP}comprar-lo] ‘Джанни хотел купить=это’, но примыкают к финитному глаголу повествовательных и вопросительных предложений слева, выступая в качестве глагольных проклитик, ср. итал. Gianni [_{VP} loi vuole [_{IP}comprare t_i]]. Тем самым, имеет место вынос клитик из состава инфинитивной группы. В славянских языках операция Clitic Climbing обычно не меняет ориентацию клитики по отношению к словоформе-хозяину. В остальном эта операция действует в романских и славянских языках сходным образом.

c^2 , образующая с a^1 , b^1 , d^1 общую цепочку, синтаксически принадлежит вершине $v^{2\circ}$, находящейся в составе вставленного предложения – инфинитивного оборота.

$$(21) \quad [_{TP} \dots [_{CliticP} a^1 b^1 c_i^2 d^1] v^{1\circ}] [_{IP} v^{2\circ} t_i] .$$

Символ CliticP в записи (21) подчеркивает, что цепочка клитик $a^1 b^1 c_i^2 d^1$ является синтаксической группой. Символ TP (Tense Phrase) указывает на финитное предложение границы которого обозначены квадратными скобками. Символ IP указывает на предикативный оборот, возглавляемый нефинитной формой глагола (инфинитивом или причастием). Финитный глагол из TP в схематической записи (21) обозначен как v^1 , нефинитная форма глагола, возглавляющая IP, обозначена как v^2 . Верхние индексы $a^1 b^1 c_i^2 d^1$ указывают, к какой именно из глагольных вершин – v^1 или v^2 – относится данная клитика. Нижний индекс c_i^2 указывает на то, что клитика c , синтаксически принадлежащая вершине v^2 , перенесена в главную предикацию в результате операции Clitic Climbing, а символ t_i указывает первоначальное место клитики c до того, как операция Clitic Climbing имела место.

Схеме (21) соответствует русинский пример (22), где элементы $=ше$ и $=му$ синтаксически относятся к инфинитиву *поклонїц*, а клитика $=би$ относится к главному предложению.

$$(22a) \quad \text{Русин. } же=би^1 = \{ =ше^2 = му^2 \}_i \text{ и я } \underline{\text{пошол}}^{o1} [_{IP} \text{ поклонїц}^{o2} t_i] .$$

(Mat. 2.8)²⁷.

Букв. «что= $бы^1$ = {= $ся^2$ = $ему^2$ } и я $\underline{\text{пошел}}^{o1}$ $\underline{\text{поклонить}}^{o2}$ [ся]».

Структура (21) соответствует определению дальнего локально-скрэмблинга (скрэмблинг в исходной области, отсутствие скрэмблинга в конечной области в силу единственности позиции перемещенного элемента). В большинстве славянских языков Clitic Climbing не приводит к скрэмблингу, поскольку исходный (с точки зрения гипотетических стадий порождения) линейный порядок, где клитики остаются во вставленном предложении или не получают места в цепочке, здесь запрещен: так, русинские предложения (22b) и (22c) неграмматичны.

$$(22b) \quad \text{Русин. } *же=би_i \text{ и я } \underline{\text{пошол}} \text{ поклонїц} =ше=му.$$

$$(22c) \quad \text{Русин. } *же=би \text{ и я } \underline{\text{пошол}} =ше=му \text{ поклонїц}.$$

²⁷ Цит. по работе [Browne, 2008].

Точно так же, хорватская региональная норма сербохорватского языка, согласно Д. Чавару и К. Уайлдеру, требует Clitic Climbing в предложениях типа (23а), но запрещает вариант (23б) без выноса местоименных клитик в главное предложение [Cavar, Wilder, 1999: 447]²⁸.

(23а) Срб.-хрв. *Marjia=ju_i=mu_j=je* htjela [dati _{-i} _{-j}].
 ‘Мария хотела дать ему это’, букв. «Мария=*это*=*ему*=*есть*-3Sg. хотела дать».

(23б) Срб.-хрв. **Marjia=Ø_i=Ø_j=je* htjela [dati *ju_i=mu_j*].

Наличие в вышестоящем предложении позиции-мишени (в примере выше такие позиции обозначены символами \emptyset_i и \emptyset_j), в сербохорватском, как и в русинском, служит необходимым и достаточным условием для выноса местоименных клитик в главное предложение. Таким образом, Clitic Climbing в стандартной для славянских языков ситуации выступает как обязательное перемещение, что исключает скрэмблинг.

Исключения можно отнести к переходным состояниям. Так, в новгородском диалекте XIV–XV вв. нормой было отсутствие Clitic Climbing для возвратной клитики *ся*, которая обычно не отрывалась от своей глагольной вершины [Зализняк, 1993: 295–296]. Поэтому вариант новг. *а холоп и роба не оучноут* [_{пр} *тягать=ся*] был ожидаемым, но в памятниках зафиксирован и вариант с Clitic Climbing:

(24) Др.-новг. *а холоп и роба не оучноу^т=ся_i* [_{пр} *тяга^т т_i*] (ДДП, № 15; список XV в. с грамоты 1396 г.)²⁹.

«А (если) холоп и раба не начнут между собой тяжбу».

Дальний неограниченный скрэмблинг клитик. Этот тип скрэмблинга предполагает два нетривиальных условия: 1) факультивность Clitic Climbing и 2) неединственность конечной позиции перемещаемых клитик. Оба эти условия, как показал Ф. Марушич [Marušić, 2007], выполняются в словенском языке. При этом любая глагольная вершина между глаголом главного предложения и вершиной вставленной инфи-

²⁸ Извлечение клитик из сербохорватских придаточных, вводимых подчинительным союзом, невозможно, так как на них параметр Clitic Climbing не распространяется: ср. срб.-хрв. *Želim*. [CP da=*mi*=ga dam] «я хочу это дать *ему*», букв. «*хочу*. я. [CP что(бы)=*ему*=*это дам*]», *срб.-хрв. *Želim=mi_i=ga*, [CP da \emptyset_i и \emptyset_j dam]. См. [Dimitrova-Vulchanova, 1999: 108].

²⁹ Пример из [Зализняк, 1993: 296], интерпретация в терминах Clitic Climbing наша.

нитивной группы может принимать перемещенные клитики: в (25a–f) это местоименная клитика $=jo$ («е»).³⁰

(25a) Слов. $\{\text{SCRAMBLING } n=jo^2_1=j^1 \text{ hotel}^1 \circ \text{nehati} \circ \text{hoteti} \circ [\text{videvati} \circ t_1 \text{ vsak dan}]\}$.

‘Он хотел перестать хотеть видеть ее каждый день’, Букв. «он=**е**=**есть**. **AUX** хотел перестать хотеть видеть каждый день».

(25b) Слов. $\{\text{SCRAMBLING } \text{On}=je^1 \# =jo^2 \text{ hotel} \circ \text{nehati} \circ \text{hoteti} \circ [\text{videvati} \circ t_1 \text{ vsak dan}]\}$ ³⁰.

Букв. «он=**е****сть**. **AUX**. =**е** хотел перестать хотеть видеть каждый день».

(25c) Слов. $\{\text{SCRAMBLING } \text{On}=je^1 \text{ hotel} \circ \# =jo^2 \text{ nehati} \circ \text{hoteti} \circ [\text{videvati} \circ t_1 \text{ vsak dan}]\}$.

Букв. «он=**е****сть**. **AUX** хотел =**е** перестать хотеть видеть каждый день».

(25d) Слов. $\{\text{SCRAMBLING } \text{On}=je^1 \text{ hotel} \circ \text{nehati} \# =jo^2 \text{ hoteti} \circ [\text{videvati} \circ t_1 \text{ vsak dan}]\}$.

Букв. «он=**е****сть**. **AUX** хотел перестать =**е** хотеть видеть каждый день».

(25e) Слов. $\{\text{SCRAMBLING } \text{On}=je^1 \text{ hotel} \circ \text{nehati} \circ \text{hoteti} \circ \# =jo^2 [\text{videvati} \circ t_1 \text{ vsak dan}]\}$.

Букв. «он=**е****сть**. **AUX** хотел перестать хотеть =**е** видеть каждый день».

(25f) Слов. $\{\text{SCRAMBLING } \text{On}=je^1 \text{ hotel} \circ \text{nehati} \circ \text{hoteti} \circ [\text{videvati} \circ =jo^2 \text{ vsak dan}]\}$.

Букв. «он=**е****сть**. **AUX** хотел перестать хотеть видеть =**е** каждый день».

В сербохорватском языке предложения типа (25b–e), где извлеченная из инфинитивной группы клитика не добирается до своего канонического места в цепочке клитик главного предложения и занимает промежуточные позиции, невозможны. Таким образом, параметр Clitic Scrambling всегда предполагает параметр Clitic Climbing, но обратное неверно. Хотя сам факт скремблинга клитик в славянских языках до-

³⁰ Символ # указывает левую границу области, к которой присоединяется перемещенная из вставленного предложения клитика $=jo$. Вариант (25b), где местоименная клитика $=jo$ оказывается правее связочной клитики $=je$, не нарушает правила рангов словенского языка, поскольку последовательность $=je =jo$ не является подлинной цепочкой: в синтаксисе словенского языка есть параметр, который разрешает присоединять клитики к другой группе, где уже имеются другие клитики.

казан, ясно, что этот механизм является отклонением от стандартных принципов упорядочения цепочек клитик. Напротив, скрэмблинг полноударных элементов предложения – нормальное состояние славянских систем порядка слов.

2.3. Скрэмблинг, коммуникативная перспектива и интонация

Конструкции со скрэмблингом полноударных категорий предложения в славянских языках сходны, хотя буквальный перевод примера со скрэмблингом на другой славянский язык не всегда будет иметь равную степень приемлемости. Условия скрэмблинга, связанные с характеристиками исходных и конечных областей перемещения, ограничениями на непроективное вложение и непроективное пересечение групп, рекурсивное перемещение зависимых и перестановку вершин, уже обсуждались выше. Для полноценного описания нужно понять коммуникативное предназначение механизмов скрэмблинга. На этот вопрос ответили слависты пражской школы, в основном исследовавшие материал чешского и русского языков. В книге И. И. Ковтуновой [Ковтунова, 1976] фактически предложено исчисление русских предложений с уже размеченными коммуникативными составляющими и выражающей их просодией. Ту же проблематику разрабатывали Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, Ширяев, 1983: 53–83], Е. В. Падучева [Падучева, 1985], Т. М. Николаева [Николаева, 1982], С. В. Кодзасов [Кодзасов, 1996], Т. Е. Янко [Янко, 2001; 2008].

По И. И. Ковтуновой, все производные высказывания выводятся из базовых при помощи небольшого числа правил, одновременно меняющих линейный порядок и коммуникативный статус элементов [Ковтунова, 1976: 15]. Правила такого рода были впервые выделены в [Ковтунова, 1976: 146–194]. Е. В. Падучева [Падучева, 1985: 115–120] предложила для них термин «линейно-акцентные преобразования» (ЛА-преобразования), подразумевающий что русский язык прямо маркирует коммуникативный статус составляющих с помощью фразовых тональных акцентов. Набор тональных акцентов русского языка был впервые выделен Е. А. Брызгуновой, ср. [Грамматика, 1970]. Он остается предметом полемики фонетистов [Уокоуама, 2001; Янко, 2001: 92; Оде 2003; Янко 2008: 31–38] однако доказанным можно считать тот факт, что число синтаксически релевантных фразовых акцентов, т. е. акцентов, регулярно используемых в линейно-акцентных преобра-

зованиях, невелико: для русского языка оно не превышает 5–6 [Янко, 2001: 104–136]³¹. Синтаксически релевантные акценты многофункциональны. Восходящее движение тона с последующим падением само по себе в отрыве от типа высказывания не «означает» тему, но при наложении структуры высказывания и фразовой просодии выбор соответствующего акцента будет сигнализировать, что его носитель является темой. Реконструкция просодии в письменном тексте возможна в той мере, в которой читатель способен восстановить коммуникативные намерения автора: если текст однозначен и коммуникативные намерения автора поняты правильно, соотношение между коммуникативной перспективой и соответствующей ей фразовой просодией литературного русского языка однозначно [Иванова-Лукьянова, 2004: 25]. Этот вывод позволяет распространить анализ в терминах ЛА-преобразований на все тексты языков со скрэмблингом, устные и письменные. Он также дает право частично экстраполировать данные, полученные путем анализа звучащих текстов русского языка на материал других языков со скрэмблингом, если они имеют те же ЛА-преобразования, что и русский язык.

Придадим второй гипотезе более общий вид. Если несколько языков имеют одни и те же типы скрэмблинга, линейные порядки со скрэмблингом порождаются в них одними и теми же ЛА-преобразованиями.

Для большинства языков анализ устных текстов на предмет выявления ЛА-преобразований не проводился столь же детально, как на материале русского. Кроме того, сами тональные акценты, т. е. двусторонние единицы, связывающие движение тона внутри ударного слога и/или в пределах большего отрезка, включающего ударный слог, с заданным коммуникативным статусом элемента, могут не повторяться буквально в русском и других языках. Выдвинутая гипотеза позволяет обойти эти проблемы, постулируя для ЛА-преобразований, действующих в двух и более языках, некоторые положительные акцентные маркировки тем и рем: коммуникативное значение этих маркировок полагается известным, но их точная фонетическая манифестация должна определяться для каждого языка со скрэмблингом отдельно.

³¹ В работе [Циммерлинг, 2008б] выдвинута гипотеза, что в русском языке синтаксически релевантны всего четыре акцента, примерно соответствующие плану выражения просодем, определяемых как ИК-1, ИК-2, ИК-3 и ИК-6 в концепции Е. А. Брызгуновой.

2.4. Линейно-акцентные преобразования, скрэмлинг и перемещения

ЛА-преобразования действуют на множестве предложений с общей лексико-синтаксической структурой и набором синтаксических позиций. Множество предложений с общей лексико-синтаксической структурой и разными линейными порядками / акцентной маркировкой составляющих называется коммуникативной парадигмой, к-парадигмой [Ковтунова, 1976: 35; Янко, 2001: 137]. Тем самым ЛА-преобразование является аналогом понятия перемещения, за вычетом двух моментов: 1) ЛА-преобразование может менять акцентуацию составляющей, не меняя ее места в предложении, а синтаксическое перемещение не может³²; 2) ЛА-преобразование действует на коммуникативные, а не на синтаксические составляющие. Коммуникативные составляющие уместно анализировать как группы: вершиной группы считается элемент, являющийся непосредственным носителем акцента темы (метка Topic Proper) или ремы (метка Focus Proper). Запись (26a) дает общую структуру базового предложения, порождаемого без ЛА-преобразований. Запись (26b) демонстрирует конкретный русский пример, соответствующий этой структуре, а запись (26c) показывает тот же пример с уже проставленными вершинными акцентами собственно темы (‘ ’) и собственно ремы (‘ ’): точное значение маркировок ‘ ’ и ‘ ’ для иллюстрации не важно, но предполагается, что они выбраны по специфическим для конкретного языка правилам.

(26a) $[_{\text{TopicP}} \dots [_{\text{TopicProper}} \text{A}^\circ]] \dots [_{\text{FocusP}} \dots [_{\text{FocusProper}} \text{B}^\circ]]$.

(26b) Рус. $[_{\text{TopicP}} \text{известный} [_{\text{TopicProper}} \text{славист}^\circ]] \dots [_{\text{FocusP}} \text{произнес} [_{\text{FocusProper}} \text{блестящий доклад} [_{\text{FocusProper}} \text{на конгрессе}^\circ]]]$.

(26c) Рус. $[_{\text{TopicP}} \text{известный} [_{\text{TopicProper}} \Rightarrow \text{славист}^\circ]] \dots [_{\text{FocusP}} \text{произнес} [_{\text{FocusProper}} \text{блестящий доклад} [_{\text{FocusProper}} \text{на} \Rightarrow \text{конгрессе}^\circ]]]$ ³³.

Границы коммуникативных и синтаксических составляющих могут не совпадать. Более того, границы темы и ремы в исходном и про-

³² В вариантах генеративной грамматики, использующей понятие скрытого перемещения (LF movement), тему акцентуации без изменения линейного порядка можно трактовать как скрытое перемещение.

³³ С формально-синтаксической точки зрения вершиной предложной группы является предлог. Если ПГ выбирается в качестве собственно темы или собственно ремы, вершиной коммуникативной группы следует считать существительное, так как именно оно принимает фразовый акцент.

изводном (т. е. получаемым посредством ЛА-преобразований) предложения тоже могут не совпадать. Тем самым, ЛА-преобразования не являются синонимическими. Например, при ЛА-преобразовании, известном как «рематизация глагола» (Verb Focalization), глагол, который в исходном предложении является частью рематической составляющей (Focus Phrase, F), но не собственно ремой, при выносе в начало предложения получает акцент собственно ремы (Focus Proper, FP) и становится единственным рематическим элементом производного предложения [Янко, 2001].

(27a) Рус. [_{TopicP} [_{TPProper} ⇒ *Вася*]] [_F *обманул* [_{FP} ⇒ *девушку*]].

(27b) Рус. ⇒ <Девушка доверилась Васе> # [_{Focus} [_{FP} ⇒ *Обманул*_i *Вася*₀ *девушку* <что уж тут скрывать>].

Такого рода преобразования удобно записать в терминах следов: запись t_i в (27b) указывает на первоначальное место глагола *обманул* в (27a). Для описания ЛА-преобразования недостаточно указать только на изменение линейного порядка: вторым, столь же важным компонентом преобразования «рематизация глагола» является деакцентуация, снятие тонального акцента со всех элементов, располагающихся после перемещенного влево рематического глагола. В (27a) элементы *Вася* и *девушку* несут тональные акценты, в то время как в (27b) они безударны, что отражает метка ‘₀’ перед соответствующим элементом.

Подход И. И. Ковтуновой, Н. Д. Арутюновой, Т. Е. Янко, признающих неединственность нейтрального (базового) порядка, формализует интуицию о свободном порядке слов как о плане выражения коммуникативных различий. С другой стороны, подход Дж. Бейлина, сохраняющего постулат о едином «гринберговском» базовом порядке категорий предложения SVO, формализует интуицию о выводимости разных линейных порядков и ЛА-вариантов друг из друга. Оба подхода имеют преимущества и минусы. Принципиально важно, позволяет ли программа исследования правильно предсказать все разрешенные варианты со скрэмблингом для русского и других славянских языков. Концепция Бейлина, основанная на постулатах Минималистской Программы Хомского, этого сделать не позволяет, поскольку она запрещает значительную часть разрешенных в русском языке порядков. Концепция ЛА-преобразований позволяет это сделать, но в существующей форме это проблематично. Ключевым является не вопрос о единственности исходного порядка, а вопрос об упорядоченности множества ЛА-вариантов

предложения. Нужно дополнить концепцию ЛА-преобразований постулатом о наличии единого порядка слов для всех конструкций данного языка: для русского языка достаточно постулата о том, что подлежащее при базовом порядке слов всегда стоит слева от сказуемого – S + V или, в другой записи, [NP] + [VP]. Кроме того, нужен постулат о том, что в базовом ЛА-варианте и тема, и рема должны маркироваться акцентно³⁴. Это позволит считать, что все высказывания с порядком VS и безударным подлежащим (V₀S) являются не базовыми, но производными от некоторых предложений с порядком SV и ударным подлежащим (SV)³⁵. При соблюдении двух этих условий можно предложить полное исчисление множества ЛА-вариантов для русского языка, что сделано в работе [Циммерлинг, 2008а]. Плюсом такого подхода является то, что для каждого производного ЛА-варианта можно указать его источник: это может быть как базовое предложение в к-парадигме, так и другое производное предложение.

В общей форме это отношение описывается гипотезой: множество ЛА-вариантов в языке со скрэмблингом имеет древесную структуру: имеется корень дерева (базовое предложение) и направленные переходы из узла в узел (базовое предложение \Rightarrow производное предложение_к \Rightarrow производное предложение₁ \Rightarrow ... производное предложение_п), причём замыканий, т. е. возврата в пройденный узел, нет.

В рамках данной статьи нельзя доказать, оптимален такой подход или нет, но мы вправе констатировать, что ЛА-преобразования можно объяснить теми же принципами, что и скрэмблинг категорий предложения.

2.5. Парадокс инвертируемости

Для языков со скрэмблингом применим предложенный в [Циммерлинг, 2002] критерий, связывающий локальные правила с глобальными правилами развертывания предложения.

³⁴ Предложений без ремы или с безударной ремой в русском языке не бывает.

³⁵ Минусом подхода будет то, что предложения типа рус. *Черемуха цвела, Звезды светили* и т. п. менее частотны и требуют особого контекста, в то время как нерасчлененные варианты типа рус. *Цвела черемуха, Светили звезды* более частотны и естественны для высказывания с данным составом лексем.

- (i) Язык L имеет неограниченную инвертируемость элементов, если он разрешает обращение относительного порядка в любой бинарной группе, состоящей из двух произвольных категорий предложения X и Y (например, прямого дополнения и подлежащего, финитного глагола и инфинитива, инфинитива и подлежащего и т. п.): $[X > Y] \Rightarrow [Y > X]$.

Все славянские языки являются языками с неограниченным скрэмблингом. Повторим определение:

- (ii) Язык L имеет неограниченный скрэмблинг, если переставляемые аргументы могут принадлежать разным вершинам:
 $[A_1 + A_2 + A_3 + A_4 \dots v_1^o [v_2^o t_2 [v_3^o t_3] v_4^o t_4] \dots t_1]$.

Критерии (i) и (ii) слабо эквивалентны в том смысле, что они порождают одно и то же множество правильно построенных выражений языка L. Большинство славянских языков удовлетворяют как (i), так и (ii) и одновременно являются языками с неограниченной инвертируемостью и неограниченным скрэмблингом. Предпосылкой скрэмблинга является наличие разрывных составляющих (см. § 2.1), а предпосылкой инвертируемости является отсутствие грамматикализованных шаблонов развернутых групп (см. § 1.3).

Парадоксальным образом языки с неограниченной инвертируемостью могут иметь грамматикализованные ограничения на порядок слов, если позиция той или иной категории определяется по отношению к левому или правому краю предложения (clausal left or right edge). Так, древнеисландский язык, который имеет ограничение V2/V1 (финитный глагол стоит не дальше второй позиции от начала независимого повествовательного предложения), демонстрирует неограниченную инвертируемость [Циммерлинг, 2002]. То же самое касается современного чешского языка, где сентенциальные клитики занимают второе место от начала предложения. Наличие запретов на перемещение какой-то одной категории предложения само по себе не является препятствием для инвертируемости, хотя может сократить область скрэмблинга. Неясно, распространяются ли те же отношения на языки с двумя и более грамматикализованными ограничениями на место категорий предложения. Интерес в этом плане представляет болгарский, где помимо ограничений на место сентенциальных клитик имеется еще два ограничения – на место глагола (должен располагаться непосредствен-

но перед клитиками, т. е. в начале предложения, либо непосредственно после клитик, т. е. в третьей позиции от начала предложения) и на место синтаксического отрицания (предшествует цепочке клитик). Болгарский язык имеет меньшее число типов скрэмблинга, в нем нет параметра Clitic Climbing и затруднен перенос элементов из зависимой предикации в главную. Однако полномасштабного изучения скрэмблинга и инвертируемости на болгарском материале не проводилось³⁶.

3. Системы порядка слов в славянских языках

Классификации славянских систем порядка слов предложены в работах [Dimitrova-Vulchanova, 1999; King, Franks, 2000; Zimmerling, 2006]. Сопоставление романских и славянских систем порядка слов с клитиками проводится в [Cardinaletti, 1999; Циммерлинг, 2008a; Kosta, 2009b].

3.1. Кластеризуемые клитики в славянских языках

Славянские системы порядка слов делятся на две группы и, одновременно, два ареала. В одной группе, куда входят все южно- и западно-славянские языки, есть грамматикализованные ограничения на употребление кластеризуемых клитик, а среди последних всегда имеются особые кластеризуемые формы местоимений в косвенном падеже – дат. п., вин. п., иногда – род. п. В другой группе, куда относятся восточнославянские языки – русский, белорусский, украинский – таких грамматикализованных ограничений нет. М. Димитрова-Вулчанова и А. Кардиналетти признают релевантным наличие / отсутствие местоименных кластеризуемых клитик, но правильнее брать в качестве диагностического признака наличие кластеризуемых клитик любых разрядов. Между обеими параметрами есть прозрачная связь: славянские языки, имеющие специальные формы местоименных клитик, имеют и неместоименные кластеризуемые клитики, а славянские языки, не имеющие местоименных клитик, не имеют кластеризуемых клитик вообще.

Различают синтаксические клитики, сфера действия и область перемещения которых совпадают с границами предложения, и клитики,

³⁶ Ценный материал для анализа содержится в статье [Cinque, Krapova, 2011].

сфера действия и область перемещения которых ограничена группой (например, ИГ, ГГ и т. д.). В славянских языках кластеризация обусловлена статусом группы: клитики, упорядочиваемые на уровне предикативных групп (clause level) образуют цепочки, а клитики, относящиеся к уровню непредикативных групп (phrase level) – нет [Zimmerling, 2009; Kosta, Zimmerling, 2012]. Этот принцип распространяется и на материальные элементы, которые могут выступать и как сентенциальные, и как групповые клитики. В славянском ареале таковы местоименные клитики дат. п. Если они употребляются как аргументы предиката, они могут образовать цепочки с местоимениями в вин. п. и прочими кластеризуемыми клитиками. Если же они употребляются в качестве посессивных маркеров в ИГ (что имеет место в болгарском и македонском языках и в древнерусском языке), они некластеризуемы³⁷. См. болгарские примеры (28a–c). В (28a) клитика =ми 1 л. дат. п. ед. ч. «мне»/«мой», «моя», «мое» относится к уровню ИГ, в (28b) =ми – аргумент глагола *доставяше*. В (28c) клитика =им 3 л. мн. ч. является аргументом предиката ясно и образует цепочку со связочной клитикой 3 л. =е.

(28a) Болг. Естественно, [_{NP} основната =ми задача] бе добре да =се натренирам³⁸.
 ‘Конечно, [_{NP} моя основная задача] была хорошо потренироваться’.

³⁷ Корреляция между кластеризуемостью и статусом группы типична. То же отношение между аргументными и притяжательными клитиками, что и в болгарском, наблюдается в осетинском языке [Абаев, 1959: 34, 36; Erschler, 2008]. Здесь местоименная клитика вин./род. п. образует цепочки с другими клитиками, если она является аргументом предиката, но некластеризуема на уровне ИГ. Ни В. И. Абаев, ни Д. А. Эршлер прямо не говорят о том, что притяжательная клитика вин./род. п. не кластеризуется в составе ИГ, но такой вывод однозначно следует как из их собственных данных, так из данных корпуса осетинских текстов (<http://www.ossetic-studies.org/ru/texts>).

С другой стороны, в языке варекена [Aikhenvald, 1998: 259], где, как и в болгарском и осетинском, одни и те же местоименные клитики могут выступать и качестве аргументов, и в качестве маркеров притяжательности, кластеризация на уровне ИГ возможна. В вакашских языках мака и дитидахт [Werle, 2002] кластеризация клитик возможна как в ИГ, так и на уровне предложения, причем некоторые клитики, такие как показатель прош. вр., образуют цепочки во второй позиции как в предложении, так и в составе ИГ.

³⁸ В примере (28a) клитика =ми присоединяется к опр. форме прилагательного *основната*. Однако усмотреть в [*основна-та*]=ми задача цепочку =та=ми нельзя, поскольку клитизация -та относится к морфологии, а клитизация =ми – к синтаксису.

- Букв. «конечно, [_{NP} основная =**мне** задача] была хорошо да=ся потренирую».
- (28b) Болг. Затова пък играех интересно и [_{TP} играта=**ми** доставяше удовольствие].
«Зато, с другой стороны, я играл интересно, и [_{TP} игра=**мне** доставляла удовольствие]».
- (28c) [_{NP} На хората в шаха]_i= **им**_i=*e* ясно кой кандидат с какво може да допринесе.
‘Людяма в шахматах ясно, кто из кандидатов что может привнести’.
Букв. «[_{NP} людям в шахматах]_i =**им**_i=*есть* ясно, который кандидат что может да привнесет».

Вторым разрядом славянских клитик, которые в зависимости от статуса группы могут быть как кластеризуемыми, так и некластеризуемыми, являются формы вин. п. Если они употребляются как аргументы предиката, они могут образовывать цепочки с местоимениями в дат. п. и прочими кластеризуемыми клитиками. Если же клитики вин. п. клитизируются к предлогам (что возможно в старославянском языке, новгородском диалекте и сербохорватском языке), они теряют кластеризуемые свойства. Д. Чавар и К. Уайлдер указывают еще на одно синтаксическое отличие форм вин. п. в составе предложных групп от аргументных форм вин. п.: формы вин. п., находящиеся в составе предложной группы, не могут перемещаться в вышестоящее предложение и никогда не выносятся из своей группы [Čavar, Wilder, 1999: 445].

- (29a) Срб.-хрв. da=je Ivan računao [_{pp} na=**me**].
‘Что Иван рассчитывал на меня’, букв. «что=есть Иван рассчитывал [_{pp} **на**= меня]».
- (29b) Срб.-хрв. *da=**me**=je Ivan računao [_{pp}na ____].
Букв. «что=меня=есть Иван рассчитывал [_{pp}на ____]».

Примеры (28a–b) фиксируют ограничение, связанное с клитиками вин. п. в непредикативных группах: материально тождественные клитики =*me*, =*te*, управляемые предикатной вершиной, могут извлекаться из своей группы и перемещаться в вышестоящее предложение.

3.2. Разряды кластеризуемых клитик

Кластеризуемые клитики в славянских языках относятся к одному из четырех разрядов: 1) местоименные аргументные клитики в дат. п, вин. п., род. п., относящиеся к предикатной вершине; 2) местоименные возвратные клитики в вин. п. и дат. п.; 3) связочные клитики – формы служебных глаголов «быть» и, реже, «хотеть»³⁹; 4) частицы (показатели вопроса и дискурсивные маркеры). Языки с кластеризацией имеют одновременно все четыре разряда. В большинстве южно- и западнославянских языков засвидетельствованы цепочки из клитик всех четырех типов. В польском языке формы связки «быть» обычно клитизируются к глаголу и редко образуют общие цепочки с местоимениями. В болгарском и македонском языках, а также в древненовгородском диалекте [Зализняк, 2008: 35–36] возвратные клитики попадают в те же клетки, что и аргументные местоимения. Местоименные клитики (аргументные и возвратные) представлены в славянских языках особой серией форм: все или большинство этих форм морфологически отличны от полноударных местоимений, представляющих ту же грамему. Ср. в древненовгородском диалекте пары клитика vs полноударное местоимение (клитики указаны первыми).

Аргументные клитики в дат. п.: 1–2 л. ед. ч. *ми ~ мнѣ, ти ~ тобѣ*;
1–2 л. мн. ч. *ны ~ намъ, вы ~ вамъ*; 1–2 л. дв. ч. *на ~ нама, ва ~ вама*.

Аргументные клитики в вин. п.: 1–2 л. ед. ч. *ма ~ мене, та ~ тебе*;
1–2 л. мн. ч. *ны ~ нас, вы ~ васъ*; 1–2 л. дв. ч. *на ~ наю, ва ~ ваю*;
3 л. ед. ч. *и ~ его, ю ~ еѣ*; 3 л. мн. ч. *ѣ ~ их, а ~ ихъ*.

Возвратные клитики: дат. п. *си ~ собѣ*, вин. п. *са ~ себе*.

Новгородские серии полноударных местоимений и клитик ассиметричны: клитик 3 л. дат. п., морфологически отличных от полноударных форм, нет. В современных славянских языках серии полноударных местоимений и клитик дат. п., вин. п, род. п. обычно симметричны. Формы местоименных клитик почти всегда короче парных форм ударных местоимений. Однако сегментный состав местоименных клитик на синхронном уровне нельзя объяснить редукцией ударных форм. По этим двум причинам синтаксисты уделяют местоименным клитикам львиную долю внимания: уже сама морфология этих элементов указывает на статус клитик. Связки и частицы либо лишены полноударных

³⁹ Вспомогательный глагол буд. вр. в некоторых балканских языках.

соответствий, либо различие клитика vs ударная словоформа не манифестируется на письме. Поэтому вопрос о том, является ли некоторый связочный элемент клитикой или нет, приходится для древних славянских языков решать с опорой на позиции, которые этот элемент может занимать, а в новых славянских языках – еще и с опорой на просодику фразы.

3.3. Позиция кластеризуемых клитик в предложении

Согласно закону, открытому Я. Ваккернагелем в 1892 г., кластеризуемые клитики при базовом для данного языка порядке слов занимают второе место от начала предложения [Wackernagel, 1892]. Для современных славянских языков это было впервые показано Р. О. Якобсоном [Jakobson, 1935], а для древних славянских языков – А. А. Зализняком, описавшим древненовгородскую систему клитик [Зализняк, 1993] и сопоставившим ее с другими системами клитик, действовавшими в языке южнорусских памятников [Зализняк, 2008]. Точное определение понятия «вторая позиция» и описание производных порядков даются ниже. Общая формула состоит в том, что кластеризуемые клитики стоят после первого ударного слова начальной группы предложения либо после короткой начальной группы – в зависимости от значения дополнительных параметров [Anderson, 1995]: имеются славянские языки (сербохорватский), где одновременно используются обе возможности [Циммерлинг, 2008а: 49]. Закон Ваккернагеля действует в большом числе неродственных языков [см. Halpern, 1996; Циммерлинг, 2002: 75–82], но других европейских языков нового времени, сохраняющих этот закон, нет. Закон Ваккернагеля действовал в древних индоевропейских языках, включая древнегреческий, древнеперсидский, санскрит, хеттский, лувийский. Велика вероятность, что он действовал в праславянском языке: часть кластеризуемых славянских клитик (местоимения и ряд частиц) могли быть унаследованы праславянским из еще более раннего праязыка. Сохранение набора клитик в родственных диалектах само по себе не объясняет наличие однотипных ограничений, по которым клитики группируются в цепочки и помещаются на второе место от начала предложения. Поэтому каждая система порядка слов с законом Ваккернагеля должна изучаться отдельно.

Для презентных форм связки «быть» в составе именного сказуемого в славянских языках возможны два типа структур, где они имеют свойства клитик: 1) в составе именного сказуемого в личных и безличных

предложениях; 2) в составе аналитического перфекта, т. е. конструкции с причастием на *-l. В балканских языках презентные формы связки «быть» являются клитиками в структурах обоих типов, при этом их позиции в предложениях с формой перфекта и в предложениях с именным сказуемым мало отличаются. В некоторых западнославянских языках в структурах первого типа связки имеют свойства клитик не в 100% случаев. Например, кластеризуемые клитики в чешском и болгарском языках имеют характеристику строгих энклитик, т. е. форм, всегда присоединяющихся к словоформе-хозяину справа, и не могут выноситься в начало предложения. Но в предложениях с именным предикатом типа чеш. *teplo* («тепло») чешский разрешает порядок чеш. *#je=teplo*, в то время как болгарский запрещает вынос связки *e* в начало предложения во всех структурах, поэтому грамматичным порядком будет болг. *#топло=e* («тепло»), а не **#e=топло*⁴⁰. Славянские связочные клитики кластеризуются и в предложениях с именным сказуемым, но в предложениях с формой перфекта набор клитик шире, и их порядок жестче фиксирован. Поэтому правила рангов в славистике принято устанавливать с опорой на состав клитик в предложениях с формой перфекта⁴¹.

3.4. Синтаксические и просодические клитики

Комплекс фонетических характеристик энклитик и комплекс их синтаксических характеристик «выделяет не в точности одну и ту же совокупность единиц» [Зализняк, 2008: 8–9]. «Просодические клитики» – элементы, которые не могут образовать фонетическое слово (тактовую группу, в терминах В. А. Дыбо и А. А. Зализняка), не сочетаясь с другими словами. «Синтаксические клитики» – элементы, которые занимают синтаксические позиции, специфичные для клитик и недоступные полноударным словоформам. Как правило, кластеризуемые клитики удовлетворяют как «просодическим», так и «синтаксическим» критериям, но в двух славянских языках соответствие классов

⁴⁰ Примеры, где ударное болг. *e* стоит в начале предложения перед энклитикой *ли*, ср. болг. *#Е=ли* деянието на Костова престъпление и ако=*e* какво? «Является ли поступок Костовой преступлением, и в чем оно состоит?» [Franks, 2008: 100], показывают не энклитику =*e*, а ее омоним – полноударный глагол «быть».

⁴¹ Хотя в балканских славянских языках цепочки клитик, содержащие презентные связки, занимают идентичные позиции в предложениях с формой перфекта и в предложениях с именным сказуемым, место связочных клитик внутри этих цепочек изредка не совпадает.

просодических и синтаксических клитик нарушено. Обсуждались факты словенского языка [Golden, Miloević-Sheppard, 2000] и закарпатских диалектов украинского языка [Толстая, 2000: 143]. В этих языках элементы, с просодической точки зрения являющиеся энклитиками и участвующие в правиле рангов (краткие местоимения, презентные формы связки «быть»), в определенных контекстах могут начинать предложение. В то же время некоторые ударные словоформы, которые фонетически клитиками не являются, второй позиции предложения не покидают: в словенском языке так ведут себя формы модальных глаголов и формы буд. вр. глагола «быть», а в закарпатских диалектах – вспомогательный глагол «быть» в составе формы плюсквамперфекта. Для анализа систем порядка слов релевантны синтаксические, а не просодические клитики: именно их поведение и разбирается ниже. Условия ритмизации и акцентуации цепочек клитик и групп, содержащих клитики, нами рассматриваться не будут.

3.5. Ориентация клитик как фактор, ограничивающий число позиций

Классификация систем порядка слов с клитиками не должна быть мотивирована просодическими свойствами самих клитик. Для систем порядка слов релевантна ориентация клитик на фонетическое слово-хозяина (clitic host). По этому признаку кластеризуемые клитики делятся на три группы – строгие энклитики, нестрогие энклитики и универсальные клитики. Эта классификация, в первую очередь, отражает набор позиций, а во вторую – просодию клитик.

А. Строгие энклитики. Элемент является строгой энклитикой, если он не может начинать предложение и порядок *#CL ... # запрещен. Такие свойства имеют кластеризуемые клитики в сербохорватском, болгарском, чешском, словацком языках и древненовгородском диалекте: для этих языков цепочка клитик / одиночная кластеризуемая клитика может реализоваться в предложении, только если начальная позиция предложения занята некоторой группой: #XP–CL...#.

В большинстве языков со строгими энклитиками возможно частичное несоответствие фонетического и синтаксического аспекта строгой энклизы. Сербохорватский язык является единственным современным языком со строгими энклитиками, где постановка энклитик после паузы и вставленной парентетической группы невозможна [Radanović-

Kocić, 1996: 439–441]. Болгарский язык [Mišeska Tomić, 2004: 214; Franks, 2008: 100], чешский язык [Avgustinova, Oliva, 1997: 32–33; Čavar, Wilder, 1999: 438] спорадически допускают такую постановку⁴².

В. Нестрогие энклитики. Элемент является нестрогой энклитикой, если он при базовом порядке слов стоит во второй позиции от начала предложения, но при производном порядке слов и выражении определенного коммуникативного задания может перемещаться в начало предложения: #XP–CL...# ⇒ #CL ... #⁴³. Такие свойства имеют местоименные и связочные клитики в словенском языке, а также местоименные и связочные клитики в некоторых диалектах болгарского языка [Котова, Янакиев, 2001: 589]. Возможно, в эту же группу следует поместить верхнелужицкие клитики, условия выноса которых в начало предложения недостаточно изучены.

С. Универсальные клитики. Элемент является универсальной клитикой, если для него позиция энклизы и проклизы одинаково приемлемы, и порядки #XP–CL...~ #CL ... # являются одинаково базовыми. Такому определению удовлетворяют местоименные и связочные клитики в македонском языке, где порядок #CL ... # с начальными клитиками, в отличие от словенского языка, не связан с выражением особой коммуникативной семантики.

Строгих кластеризуемых проклитик и нестрогих кластеризуемых проклитик (зеркальное обращение типов А, В) в славянских языках нет. Запрет на вынос клитик в начало фразы называют законом Тоблера–Мусафии (Tobler–Mussafia law) [Fontana, 1996: 41; Barbosa, 1996: 9]. Речь реально идет не об особом законе, а о попытке объяснить отдельные аспекты закона Ваккернагеля чисто фонетически – тем, что кластеризуемые клитики являются строгими энклитиками⁴⁴. В большинстве

⁴² Т. Августинова и К. Олива предлагают считать чешские кластеризуемые клитики универсальными клитиками, в их терминологии – *prosodically autonomic clitics*. В таком случае из всех славянских языков строгие энклитики есть только в сербохорватском и в древненовгородском диалекте. Для классификации систем порядка слов с клитиками такое решение неудобно, поскольку постановка клитик после паузы и вставленной парентической группы в перечисленных языках нигде не является обязательной и не связана с выполнением какого-либо коммуникативного задания. Фонетические отступления от принципа строгой энклизы проще отнести к уровню речи, чем считать их системной характеристикой.

⁴³ Параметр, разрешающий данное преобразование в языке с нестрогими энклитиками, мы предлагаем назвать термином *Clitic Fronting*.

⁴⁴ Название «закон Тоблера–Мусафии» связано с эмпирическими обобщениями, сделанными двумя романистами в 1875 и 1886. Данные романисты рассматри-

славянских языков нет запрета на постановку кластеризуемых клитик на правый край синтаксической структуры, т. е. в абсолютный конец предложения. Такое ограничение действует лишь в сербохорватском языке [Radanović-Kocić, 1996: 438], см. (30a–d):

- (30a) Срб.-хрв. #Knjigu=*mi* sutra donesi#.
 ‘Принеси мне завтра книгу’, букв. «Книгу=мне завтра принеси».
- (30b) Срб.-хрв. #[Knjigu sutra]=*mi* donesi#.
 ‘Принеси мне завтра книгу’, букв. «Книгу завтра=*мне* принеси».
- (30c) Срб.-хрв. #[Knjigu sutra] donesi=*mi* obavezno#.
 ‘Принеси мне завтра книгу обязательно’, букв. «[Книгу завтра] принеси =*мне* обязательно».
- (30d) Срб.-хрв. *#[Knjigu sutra] donesi=*mi*#
 Букв. «[Книгу завтра] принеси =*мне*».

Предложенная классификация с выделением строгих энклитик, нестрогих энклитик и универсальных клитик и ее аналоги обычно интерпретируются фонетически, а не синтаксически. Однако болгарские местоименные и связочные клитики, которые из системных соображений выгодно описывать как строгие энклитики, все же могут стоять после паузы.

вали поведение местоименных клитик в старороманских текстах и пришли к выводу, что дистрибуция объектных клитик в целом предсказывается принципом их контактной препозиции финитному глаголу (...CL – V_{fn}), действующим в большинстве современных литературных романских языков, за исключением случая, когда финитный глагол стоял на втором месте от начала предложения: в этом случае клитики не могут начинать предложение (*#CL – V_{fn}). Поэтому старофранцузское предложение *Li reis me=veit* «Короли *меня=видят*» могло иметь линейный вариант с выносом глагола в начало фразы и постпозицией клитик – ст.-фр. *veit_i=me li reis t_i* «*видят_i=меня* короли *t_i*», но не могло иметь линейного варианта с выносом в начало фразы всего комплекса глагол + местоименная клитика: ст.-фр. **[me=veit_i] li reis t_i* [Barbosa, 1996: 8]. Обобщения Тоблера и Мусафии были сделаны еще до открытия закона Ваккернагеля и изначально были не вполне удачны, так как системы порядка слов старофранцузского и прочих старороманских языков неправомерно отождествлялись с системами порядка слов современных романских языков, а явные расхождения в синтаксической структуре объяснялись разными свойствами французских vs. старофранцузских клитик. Между тем очевидно, что старороманские клитики не были строгими энклитиками, так как они выступали в качестве глагольных проклитик в том случае, когда начальная позиция предложения была заполнена неглагольным элементом.

- (31) Болг. Няколко #казва# =си=му дал⁴⁵.
 ‘Он говорит, что ты дал ему несколько штук’, букв. «Несколько, #говорит# =еси-2Sg. =ему дал».

В этом примере О. Томич глагол главного предложения *казва* парентически вставлен в внутрь придаточного с глагольной вершиной *дал*, к которой относятся клитики =си=му. Примеры С. Фрэнкса [Franks, 2008: 100] тоже включают парентические вставки.

- (32) Болг. Петко, #един мой приятел# =му=го даде.
 ‘Петко, один мой приятель, дал мне это’, букв. «Петко #один мой приятель# =ему=это дал».
- (33) Болг. Ако някой, #който=е с мен#, =ми даде няколко чипа...
 ‘Если кто-нибудь в моей компании даст мне пару чипсов’, букв. «если кто-нибудь, #который=есть со мной#, =мне даст несколько чипсов...».

Примеры типа (31)–(33) показывают, что строгая энклитичность – системная, а не чисто фонетическая характеристика: синтаксическая структура, где строгие энклитики помещены во вторую позицию от начала предложения, не меняется от парентетического внесения, хотя парентеза меняет просодическую структуру фразы. Языком, в котором просодические и синтаксические признаки строгой энклизы почти везде совпадают, является сербохорватский, где аналоги предложений (31)–(33) невозможны.

3.6. Славянские системы порядка слов с клитиками

Системы порядка слов уместно классифицировать с опорой на то, какого рода грамматикализованные ограничения они используют.

3.6.1. Стандартные W-системы

Основная масса славянских систем порядка слов языков с цепочками клитик относится к типу, который мы вслед за [Циммерлинг, 2002: 79] назовем W-системой, или стандартной системой с законом Ваккер-нагеля (символ W читается: ‘Word’ или ‘Wackernagel’).

⁴⁵ Пример из [Mišeska Tomić, 2004: 214]. В данном предложении имеет место эллипсис союза *че* («что»), парентетическая вставка глагола главного предложения *казва* («он говорит») в состав придаточного и экстрация *няколко* из состава придаточного с перемещением *няколко* левее *казва*.

Язык L является W-системой, если в нем нет более грамматикализованного ограничения, чем механизм размещения цепочек синтаксических клитик во второй позиции от начала предикативной группы / предложения.

Закон Ваккернагеля, т. е. механизм размещения цепочек во второй позиции от начала предложения, не является элементарным параметром типологии. Его надо понимать как пучок параметров, макропараметр, включающий такие параметры, как:

- наличие фиксированного контактного порядка кластеризуемых клитик в цепочках: правило рангов (Clitic Template);
- наличие правил, ограничивающих возможные базисы кластеризуемых клитик и разрешающих либо запрещающих постановку цепочек клитик после первого фонетического слова (1st phonetic word) и первой полной начальной группы (1st spelled-out constituent): правило разрыва составляющей и правило сложной составляющей;
- наличие правил, смещающих цепочки клитик или отдельные кластеризуемые клитики со своего канонического места – правил барьера (Barrier Rules).

Под определение W-систем попадают сербохорватский, словенский, чешский, словацкий язык, древненовгородский диалект, закарпатские диалекты украинского языка [Толстая, 2000], бургенландский хорватский диалект [Browne, 2007], русинский язык Воеводины (Vojvodina) [Browne, 2008]. К тому же типу относится большое число языков других групп и семей – пашто [Tegey, 1977; Roberts, 1997], осетинский [Абаев, 1956: 156–158], древнегреческий, авестийский, древнеперсидский, санскрит [Wackernagel, 1892; Hock, 1996], хеттский, лувийский [Jakubovich, 2009: 357–367] (все – индоевропейская семья), вальбири [Nash, 1986], дьяру [Tsunoda, 1981], варумунгу, ритарнгу, дынанг, дынба [Mushin, Simpson, 2008] (все – семья пама-ньюнга, Австралия), гаррва, ваньи (семья гараван, Австралия) [Mushin, 2004], кабийский язык (берберская ветвь афроазиатской семьи, Сев. Африка) [Айхенвальд, 1989], люмми (сэлишская семья, Сев. Америка) [Jelinek, 1996; 2000], мака, дитидахт, цессахт (вакашская семья, Сев. Америка) [Werle, 2002], майо [Kaisse, 1981] и луисеньо [Freeze, 1989] (юто-ацтекская семья, Мексика / США), кьавини сапотек (ото-мангская семья, Мексика) [Lee, 2000], кавиненья (таканская семья, Боливия) [Guillaume, 2008]. Типичными чертами стандартных W-систем являются:

- наличие цепочек кластеризуемых клитик в разных типах предложения;
- низкая селективность всех кластеризуемых клитик.

Для славянских W-систем эти два параметра предсказывают, что цепочки клитик должны быть представлены как в главном, так и в придаточном предложении, и для каждой кластеризуемой клитики может быть подобрано минимум два разных типа синтаксической категории хозяина (например, существительное и глагол, полная группа и подчинительный союз и т. п.). Нарушение этих двух условий свидетельствует о том, что язык отходит от стандарта W-систем.

3.6.2. W⁺-системы

Имеются W-системы, сочетающие ограничение на размещение цепочек клитик с ограничением на место глагола. Назовем этот тип W⁺-системой (символ W⁺ читается: ‘расширенная W-система’).

Язык L является W⁺-системой, если наиболее грамматикализованными ограничениями в нем являются механизм размещения цепочек сентенциальных клитик во второй / n-й позиции от начала предикативной группы / предложения и механизм помещения глагольных форм в позиции, смежные с позицией клитик.

Под определение W⁺-систем в славянских языках подводятся болгарский и македонский языки. Ограничения на расположение глагола и клитик в болгарском языке формулируются так:

(iv) болг. # XP – [CL – V] ~ #[V – CL]; #..... V.....#, или словами:

- цепочки сентенциальных клитик всегда стоят во второй позиции;
- при наличии клитик глагол занимает либо первую, либо третью позицию от начала;
- при отсутствии клитик место глагола не фиксировано ⁴⁶.

Системы порядка слов, подобные данной, встречаются редко. Однако болгарская W⁺-система имеет точную параллель в централь-

⁴⁶ Ср. пример, где перед конечным глаголом оказываются 4 группы: подлежащего, дополнения, обращения и обстоятельства. Болг. [А нашите българи] (1), [бай Еньо] (2), [кога имат пари] (3), [къщи] (4) правят (Й. Йовков). «[А наши болгары] (1), [почтенный Еньо] (2), [когда у них есть деньги] (3), [жилища] (4) строят».

нофилиппинском ареале: ограничение (iv) в равной мере присуще болгарскому и крупным языкам центральнофилиппинской группы – тагальскому, бикол и себуано [Billings, Konopasky, 2002].

Рис. 6. Возможные комбинации клитик и глагола в W^+ -системе болгарско / центральнофилиппинского типа

Конфигурация	Разрешенные варианты	Запрещенные варианты
Клитики стоят на втором месте, глагол стоит контактно с клитиками	# XP – CL – Vf – YP ~ #Vf – CL – YP	
Клитики открывают предложение		*#CL – Vf
Клитики стоят дальше второго места (при отсутствии барьера)		*#XP – [...] – CL
Клитика стоит на втором месте, глагол стоит дистантно		*#XP – CL – [...] – Vf

Македонская система порядка слов отличается от болгарской тем, что болгарские CL – строгие энклитики, в то время как македонские CL – универсальные клитики. Если считать, что запрет выносить клитики в начало предложения носит несинтаксический характер, македонская W^+ -система – вариант болгарской⁴⁷. В то же время нужно помнить, что наличие начальной группы предложения (XP) ни в болгарской центральнофилиппинской системе со строгими энклитиками, ни в македонской системе с универсальными клитиками невозможно объяснить несинтаксически.

(vi) мак. # XP – [CL – V] ~ #[V – CL] ~ #[CL – V]; #... V...#

⁴⁷ Македонскую W^+ -систему можно рассматривать как вариант болгарской, со снятым ограничением Тоблера–Мусафии (запрет на начальные клитики). Трудность для такого анализа представляет то, что не все македонские клитики фонетически однородны [Mišeska–Tomic, 2004: 225]. Частица *ли* является в македонском строгой энклитикой, а связочные и местоименные клитики – универсальными клитиками. В силу этого предложение мак. #*Си=му=зи дал* парите = болг. *дал=си=му=зи* пари(те) «Ты дал ему деньги», букв. «*еси=ему=это дал* деньги. опр.» грамматично, а предложение мак. *#*ли=си=му=зи дал* парите? «дал ли ты ему деньги?», букв. «*ли=еси=ему=это дал* деньги. опр.» неграмматично [Bošković, 2004: 76]. Но синтаксический механизм, позволяющий преодолеть нежелательный порядок слов, в болгарском и македонском общий – это разрыв цепочки клитик с выносом частицы *ли* вправо: мак. #*си=му=зи да=ли* парите? «дал ли ты ему деньги», букв. «*еси=ему=это дал=ли* деньги. опр.».

Рис. 7. Комбинации клитик и глагола в македонской W^+ -системе

Конфигурация	Разрешенные варианты	Запрещенные варианты
Клитики стоят на втором месте, глагол стоит контактно с клитиками	$\#XP - CL - V_{fin} - YP$ $\sim \#V_{fin} - CL - YP$	
Клитики открывают предложение, глагол стоит на втором месте	$\#CL - V_{fin}$	
Клитики стоят дальше второго места (при отсутствии барьера)		$\#*XP - [...] - CL$
Клитики стоят на втором месте, глагол стоит дистантно		$\#*XP - CL - [...] - V_{fin}$

Точные типологические параллели македонской W^+ -системе с универсальными клитиками не найдены.⁴⁸

Существует еще один тип W^+ -систем, комбинирующих ограничение на размещение кластеризуемых клитик с ограничением V2 или V2/V1 (глагол на втором месте / не далее второго места от начала предложения), но в славянском ареале он не представлен. Образцом W^+ -систем такого рода являются древнеисландский [Циммерлинг, 2002: 367–375] и средненорвежский языки [Циммерлинг, 2002: 465–472]. Основное ограничение в них описывается формулой (vii).

(vii) Др.-исл. $\# XP - [V - CL] \sim \#[V - CL]$.

В W^+ -системах такого типа глагол стоит либо во второй, либо в первой позиции от начала предложения, а клитики всегда стоят после глагола⁴⁹. Порядок $\#[V - CL]$ в славянских языках достаточно частотен, но ограничение V2/V1 ни в одном славянском языке не развилось: по-

⁴⁸ Вероятную параллель составляет австралийский язык ритарнгу (Ritharrngu). Неточной параллелью македонской W^+ -системе являются германские языки с ограничением V2/V1: новоисландский, идиш, древнеанглийский, древневерхнемецкий, древнесаксонский.

⁴⁹ Первым ученым, который выдвинул тезис о том, что болгарские кластеризуемые клитики по-прежнему подчиняются закону Ваккернагеля, был И. Гылыбов [Galabov, 1950]. Он настаивал на том, что позиция болгарских клитик не изменилась, а инновацией болгарской системы является закрепление позиции глагола. М. Димитрова-Вулчанова является приверженцем того же взгляда [Dimitrova-Vulchanova, 1999: 94].

рядок #XP – [V – CL] спорадически возникает в отдельных славянских языках в результате синтаксических перемещений, вызываемых правилами барьера (см. ниже). W^+ -системам свойственны все типы синтаксических механизмов, действующих в стандартных W -системах – правило ранга, правила сложной составляющей, правила барьера. Общей характеристикой W^* -систем и W^+ -систем является то, что все кластеризуемые клитики в них, независимо от представляемой ими синтаксической категории, подвержены одним и тем же синтаксическим операциям.

3.6.3. W^* -системы

Существуют языки с цепочками клитик, где закон Вакернагеля действует в неполном объеме, но более грамматикализованных ограничений порядка слов на уровне предложения нет. Назовем такие языки W^* -системами (символ W^* читается ‘разрушенная W -система’).

Язык L является W^* -системой, если механизм размещения цепочек сентенциальных клитик во второй позиции от начала предложения не является безусловно господствующим и сочетается с альтернативными механизмами линеаризации, что приводит к тому, что разные ряды сентенциальных клитик упорядочиваются на разных основаниях.

Классические W^* -системы – старославянский язык и древнерусский язык южных памятников. Здесь клитики-частицы занимают вторую позицию от начала предложения, формы связок стоят контактно с глаголом, а формы местоименных клитик упорядочиваются либо как частицы, либо как связки [Зализняк, 2008: 87–168]. Еще один представитель этого типа – польский язык. Здесь формы связки «быть» чаще выступают как глагольные энклитики, но могут также составлять цепочки с местоимениями во второй позиции от начала независимого предложения, если в начало предложения вынесен глагол. В этом случае связки предшествуют местоимениям. См. связку 2 л. ед. ч. $=eś$ и местоименные клитики $=go=jej$ в (34).

(34) Пол. Pozbawił $=eś=go=jej$.

‘Ты избавил его от нее’, букв. «избавил $=eśi=eśo=eśe$ ».

Если в начале независимого предложения стоит неглагольный элемент, связки и местоименные клитики могут стоять контактно, см. (35а), либо дистантно (35б–с), причем в последнем случае поря-

док связки и местоименной клитики не важен. См. примеры из [Franks, King, 2000: 160]:

- (35a) Пол. Ты=*ś*=*go* widział często w parku.
 ‘Ты часто видел его в парке’, букв. «Ты=**еси**=**его** видал часто в парке».
- (35b) Пол. Ты=*go* widział=*eś* często w parku.
 ‘Ты часто видел его в парке’, букв. «Ты=**его** видал=**еси** часто в парке».
- (35c) Пол. Ты=*ś* widział=*go* często w parku.
 ‘Ты часто видел его в парке’, букв. «Ты=**еси** видал=**его** часто в парке».

В придаточных предложениях клитики чаще клитизируются к подчинительному союзу и образуют цепочки во второй позиции, но возможен и разрыв цепочек.

- (36) Пол. Kiedy=*śmy*=*go* [wreszcie]=*mu* odebrali ...
 ‘Когда мы наконец забрали это у него’, букв. «когда=**есме**. **IPL.**=**его** [наконец]=**ему** забрали».

Разрыв цепочек при определенных условиях имеет место и в стандартных W-системах и W⁺-системах, но для W*-систем типа польской цепочки из трех и более клитик вообще являются исключением. Кроме того, в W*-системах отдельные разряды клитик могут употребляться только в пределах какого-то одного типа предложений и/или сочетаться с каким-то одним типом категорий-хозяев. И то, и другое стандартным W-системам несвойственно. Польский язык демонстрирует оба отклонения. Клитика *by* встречается только в придаточном и почти всегда клитизируется к подчинительному союзу (ср. (37a–b)).

- (37a) Пол. Gdy=*by*=*m* miał czas...
 ‘Если бы я имел время’, букв. «если=**бы**=**есмь** имел время».
- (37b) Пол. *Gdy miał=*by*=*m* czas.
 Букв. «если имел=**бы**=**есмь** время».

Верхнелужицкий [Śewc-Schuster, 1976: 122–125] и нижнелужицкий языки ближе к стандартным W-системам, чем к W*-системам польского типа. Кашубский язык, описанный в плане синтаксиса клитик недостаточно полно, видимо, является W*-системой.

W*-системы широко засвидетельствованы в языках мира. Они встречаются в тех же ареалах и группах языков, что и стандартные

W-системы, что наводит на мысль о том, что они являются плодом эволюции W-систем. Наиболее изученные W*-системы – староиспанский [Nishida, 1996], старопортугальский [Galves, 2001], староитальянский языки [Halpern, 1996], старофранцузский язык [Wanner, 1996]⁵⁰, старокаталонский язык [Fischer, 2003] и позднее греческое койне [Кисилиер, 2008]. W*-системами являются также описанные П. Макконвеллом языки мудбурри и гуринди (оба семья пама-ньюнга, группа нгумпин) [McConvell, 1996]⁵¹.

3.6.4. V-системы

Самым известным случаем W*-систем являются языки, где цепочки клитик локализируются в глагольной группе и не имеют постоянного места в предложении. Такого рода клитики называют вершинными клитиками (head clitics), поскольку они вводятся синтаксически вершинами заданного типа, в данном случае – глагольными вершинами. Клитики могут перемещаться в пределах глагольной группы и переходить из позиции энклизы в позицию проклизы в одном и том же или разных типах предложений [Rouveret, 1999]. Место глагола / глагольной группы с клитиками в языках этого типа не фиксировано [Cardinaletti, 1999: 38]. Назовем языки подобного рода V-системами (V = 'Verb'): отсутствие запретов на перемещение глагола / глагольной группы в предложении и наличие запрета на дистантное расположение глагольной вершины и клитик и запретов на вынос клитик из группы, возглавляемой финитным глаголом, являются диагностическими характеристиками V-систем. Классическими образцами V-систем являются современные романские языки – французский, итальянский, испанский, европейский португальский, каталонский, румынский, а также новогреческий и албанский языки. В славянском ареале V-системы практически отсутствует, что не является само собой разумеющимся фактом, если учесть многовековые контакты южнославянских языков с балканскими V-системами.

⁵⁰ Существует мнение, что старофранцузский язык, где действовал параметр контактной позиции клитик и глагола, также имел ограничение V2 [Mathieu, 2006]. Если это верно, старофранцузский язык следует признать W⁺-системой германского типа.

⁵¹ В своей статье П. Макконвелл сопоставляет мудбурри и гуринди с близкородственными им языками того же региона: вальмадьери, билинара, мальнгин, варнман и нгариниман – все эти языки являются стандартными W-системами.

Единственным славянским языком / диалектом, для которого гипотеза о том, что он является V-системой, имеет основания, является молизский славянский (moliseslav) или славизано (slavisano) – до недавнего времени бесписьменный язык хорватских переселенцев в области Молизе, провинция Кампобассо, Италия (см., в частности, [Брой, наст. сб.]). Носители языка двуязычны. В финитных предложениях употребляются местоименные проклитики, которые могут стоять в начале предложения. Синтаксические структуры предложений с клитиками повторяют соответствующие итальянские. См. примеры из [Kosta, 2009a]:

- (38a) Ит. *Mi=capisci?* || (38b) молиз. *Ma=kapiš?* или *Ma= razumiš?*
 ‘Ты меня понимаешь?’, букв. «**меня**=понимаешь.2Sg»
- (39a) Ит. *Ti=amo.* || (39b) молиз. *Ta=amam.*
 ‘Я тебя люблю’, букв. «**тебя**=люблю.1Sg»
- (40a) Ит. *La=disturbo, professore?* || (40b) молиз. *Ta=dišturbam, profeso?*
 ‘Я вам мешаю, профессор?’, букв. «**этим**=мешаю.1Sg, профессор».

Македонский язык не является V-системой, поскольку он сохраняет ограничение на перемещение блока [V – CL] дальше второй позиции предложения: эволюция македонского языка в сторону V-систем возможна только в том случае, если это ограничение исчезнет, и порядки #XP – [...] – [V – CL] станут грамматичны.

3.6.5. C-системы

Ограничения на размещение цепочек клитик могут комбинироваться как с ограничениями на размещение других категорий предложения (болгарский, македонский язык и прочие W⁺-системы), так и с отсутствием таковых (прочие славянские языки, отнесенные выше к W-системам и W*-системам). Однако отсутствие ограничений на размещение цепочек клитик не означает, что в языке есть какие-то другие грамматикализованные ограничения на расстановку категорий предложения. Доказательством служат русский, белорусский и украинский языки, где кластеризуемых клитик нет вообще, как нет и ограничений на место глагола и других категорий предложения. Языки данного типа мы назовем C-системами (C = ‘communicative’).

Язык L является C-системой, если в нем нет грамматикализованных ограничений на расстановку категорий предложений, реализующихся автоматически независимо от выражаемых коммуникативных значений.

Ответ на вопрос, как подобная система вообще может функционировать, уже был намечен выше в разделе о ЛА-преобразованиях. Сформулируем его в форме имплицативной гипотезы: если язык L является C-системой, линейные и акцентные варианты предложений с общей лексико-синтаксической структурой порождаются направленными преобразованиями, одновременно меняющими место и коммуникативный статус элементов, – ЛА-преобразованиями. ЛА-преобразования действуют на коммуникативные составляющие, границы последних могут не совпадать с границами синтаксических групп.

По отношению восточнославянским C-системам эта гипотеза конкретизируется так: славянские C-системы относятся к языкам с прямым интонационным маркированием коммуникативных составляющих. В языках с прямым интонационным маркированием коммуникативных составляющих имеется тональный алфавит из ограниченного числа синтаксически релевантных просодий, соотносенных со значениями темы, ремы и других базовых коммуникативных статусов.

Классы C-систем и языков с прямым интонационным маркированием не совпадают: интонационное маркирование может сочетаться и с фиксированным порядком слов. Вместе с тем вероятно, что большинство C-систем имеют интонационное маркирование.

3.7. Эволюция систем порядка слов в славянском ареале

Праславянский язык с высокой вероятностью был стандартной W-системой, близкой к древненовгородской [ср. Циммерлинг, 2002: 81–82; 2008а: 181–182]. А. А. Зализняк показал, что книжная древнерусская W*-система выводима из древненовгородской системы, в то время как деривация в обратном направлении невозможна: [Зализняк, 2008], ср. обсуждение в [Циммерлинг, 2009: 269–270]. Согласно М. Димитровой-Вулчановой, Й. Гылыбов был первым славистом, который интерпретировал болгарскую W⁺-систему как систему с законом Вакернагеля с наложенным на нее ограничением на место глагола [Gǎlǎbov, 1950]. Напротив, Р. Якобсон пытался объяснить исчезнове-

ние W-систем в восточнославянском ареале фонетически – изменением характера словесного ударения [Jakobson, 1935]. Эта гипотеза не опровергнута, но и не верифицирована. Синтаксические ограничения обладают определенной инерцией и не всегда коррелируют с просодическими условиями, действующими в синхронии. Так, болгарский язык имеет фонологическое разноместное ударение и фонетические механизмы выделения ударного слога, а македонский язык имеет фиксированное ударение на третьем слоге от конца, при этом ударный слог фонетически выделен слабее, чем в болгарском. Однако синтаксические системы болгарского и македонского языков близки.

Наличие однотипных W-систем с разным составом клитик в разных частях славянского ареала не может объясняться параллельным развитием. Становление W⁺-систем – инновация болгарского и македонского языков. Утрата цепочек клитик в истории русского языка тоже является инновацией: еще в XV в. живой древнерусский язык (сев.-зап. диалект) был стандартной W-системой. Выделяются три ареала славянских W-систем, использующих три разных варианта правила рангов – балканский (включая болгарский и македонский), западнославянский и древнерусский: эти три ареальных типа правил рангов определяются с опорой на место наиболее поздних слоев клитик, получивших место в цепочках уже после распада праславянской общности [Циммерлинг, 2009]. Отдельные диалекты украинского языка (Закарпатье) в плане синтаксиса клитик близки древнерусскому языку: диалект с. Синевир является хорошо описанной W-системой [Толстая, 2000]. Древнечешский язык XV–XVI вв. квалифицируется как W-система западнославянского типа, хотя набор кластеризуемых клитик в древне- и новочешском не совпадают. Старопольский язык в большей мере соответствует характеристике W-систем, чем современный польский. Наиболее древней W*-системой является книжная церковнославянская. Отход от стандартной W-системы в этом языке и в языке древнерусских книжных памятников можно связать с ориентацией на письменную речь и с переводным или подражательным характером памятников [Зализняк, 2008: 166].

Итак, восстанавливаются следующие направления эволюции:

1) W-система → W-система (консервация исходного типа): сербохорватский, словенский, чешский, словацкий, закарпатский украинский, русинский;

- 2) W-система → W⁺-система: болгарский, македонский языки;
- 3) W-система → W*-система: польский, верхнелужицкий, нижнелужицкий языки;
- 4) W-система → C-система: русский, украинский и белорусский языки.

4. Синтаксические ограничения в славянских системах порядка слов с клитиками

Общей характеристикой W-систем, W⁺-систем и W*-систем является наличие правил рангов, упорядочивающих синтаксические клитики в том случае, когда они стоят контактно в предложениях с базовым порядком слов: XP – CL, или, в более подробной записи, XP – [_{CliticPhrase} CL¹ CL² CL³...CLⁿ].

4.1. Производные порядки слов в W-системах, W⁺-системах и W*-системах

Под понятие производного порядка слов в языках с кластеризуемыми клитиками подводятся случаи, где часть кластеризуемых клитик или все клитики стоят дальше своего канонического места в предложении. В первом случае принято говорить о расщеплении цепочки (cluster splitting), во втором – о поздней постановке клитик (late placement of clitics, skipping). В работе [Зализняк, 1993: 288] оба отклонения от базового порядка XP – CL впервые были объяснены единообразно, действием правила барьера: барьером является синтаксическая категория или фактор, препятствующий всем или некоторым кластеризуемым клитикам занять их каноническое место. Теория барьеров А. А. Зализняка принимается с некоторыми модификациями в [Циммерлинг, 2002; 2008a; Kosta, Zimmerling, 2012], см. также [Ćavar, Wilder, 1999].

Барьер – синтаксическая категория (синтаксическая вершина или полная группа), добавление которой в состав предложения меняет позиции отдельной клитики или цепочки клитик.

Для одиночных клитик возможны два сценария – либо барьер отодвигает клитику а° на n шагов от ее синтаксического хозяина (the host

category) в определенном направлении, либо меняет ее ориентацию по отношению к категории-хозяину.⁵² В языках с законом Ваккернагеля (W-системах и W⁺-системах) барьеры не могут менять ориентацию клитик. Если же учитывать цепочки клитик, то возможны два разных сценария, в зависимости от свойств самого барьера:

- барьер может быть «слепым» (blind), или, в иной терминологии, ‘неселективным’ (indiscriminating)⁵³ и воздействовать на все клитики цепочки: в этом случае вся цепочка клитик смещается на n шагов вправо;
- барьеры могут быть «селективными» (category-sensitive, selective, discriminating), т. е. воздействовать на клитики определенного типа: в этом случае происходит разрыв цепочки.

Примеры слепых барьеров приводятся ниже в (41)–(44): в данных примерах барьером является начальная группа со значением темы высказывания.

- (41) Др.-новг. [^{BARRIER} [ppНа молодогъ (1)]] даць (2) =*есемь* рубль (грамота 689).
‘Относительно солода: я дал на него рубль’, букв. «на солод (1)» дал (2) =*есемь*. I.Sg. (3) рубль».
- (42) Др.-новг. [^{BARRIER} [А рожь Петровоу]] (1) повелецо (2) =*есемо* (3) измолотиво Криву дати (грамота 196, XIV в.)⁵⁴.
‘Относительно ржи Петра: я велел ее смолотить и передать Криву’, букв. «А рожь Петрову (1) велел (2)=*есемь*. I.Sg (3) измолотив, отдать Криву»
- (43) Болг. [^{BARRIER} [ppА около [npформата на Веско]]] (1) имате (2)=*ли* (3) притеснения?
‘Есть ли у вас претензии к форме Веско?’, букв. «[^{BARRIER} [ppА к [npформе Веско]]] (1) имеете (2)=*ли* (3) претензии?»
- (44) Болг. [^{BARRIER} [ppВ [npдробовете на умрелия]]] (1) имало (2) =*ли*=*e* (3) вода?

⁵² Второй сценарий реализуется при перемещении объектных клитик в европейском португальском языке [Циммерлинг, 2002: 88].

⁵³ Термин *indiscriminating barrier* заимствован нами из теории формальных грамматик, где он указывает на наличие ограничительного условия, воздействующего на все синтаксические категории предложения. Его антитеза – *discriminating barrier* – указывает на ограничительное условие, действующее на категории заданного типа и не действующее на другие категории.

⁵⁴ Примеры цит. по [Зализняк, 1993: 287], нотация наша. – А. Ц.

‘Была ли вода в легких покойного?’, букв. «В легких умершего (1) имело (2) =ли=есть.3Sg (3) вода?»

Примеры селективных барьеров приводятся в (45)–(46).

(45) Др.-рус. а_{[BARRIER a {TopicP_{[PP} оу королева=еси_b мужа}]}] слышалъ=ли_a ω томъ чстном кресте? (Ипат., под 1152, л. 166 об.)⁵⁵.

‘Разве ты не слышал о том честном кресте от человека короля?’.

Букв. «а у королева=еси-2Sg человека слышалъ=ли о том честном кресте?».

(45') [_{BARRIER a}[_{XP} X]] = CL^b [_{YP} Y] = CL^a

(46) Болг. [_{BARRIER a} {_{TopicP} [_{NP} **Книгата**]}] (1) [_{Barrier a} [**ще**]] (2)=си^b (3)=я^c (4) || прочел (5)=ли_a (6) до утра?

‘Ты прочтешь эту книгу к завтрашнему дню?’, букв. «[_{BARRIER a} {_{TopicP} [книга. опр.(1)]}] [_{Barrier a} [**FUT**]] (2)=еси.2Sg^b (3)=е^c (4) прочел (5)=ли^a (6) до завтра?»

Разрыв цепочек клитик всегда объясняется правилом барьера. Постановка кластеризуемых клитик после не-первого ударного слова предложения может объясняться как правилом барьера, так и иными причинами. Параметрическое варьирование между разными славянскими языками обусловлено тем, что в одних и тех же контекстах одни языки прибегают к производным порядкам с барьером, в то время как другие языки сохраняют базовый порядок XP – CL.

4.2. Правила начальной составляющей

Начальная позиция в W-системах и W⁺-системах не закреплена за какой-то определенной категорией предложения и является позицией произвольной категории (XP) [Циммерлинг, 2008а, 49] точно так же, как начальная позиция независимого повествовательного предложения в германских языках V2⁵⁶ и в языке кашмири [Bhatt, 1999: 80–168]. Начальная позиция должна заполняться по крайней мере двумя разными типами категорий. «Минимальные» W-системы такого типа известны в других ареалах, где начальная позиция может заполняться глаголом

⁵⁵ Пример цит. по [Зализняк, 1993: 288], нотация наша. – А. Ц.

⁵⁶ Понимание начальной позиции в W-системах как позиции произвольной категории XP содержится уже в работе самого Я. Ваккернагеля [Wackernagel, 1892, 405].

и некоторой другой категорией, после которых употребляется один и тот же набор кластеризуемых клитик: так устроен язык люмми сэлишской семьи [Jelinek, 1996: 273–282] и некоторые афроазиатские языки⁵⁷. В славянском ареале таких систем нет: наиболее часто клитикам предшествуют группы подлежащего, дополнения, обстоятельств, финитные формы глагола, инфинитивы и причастия.

W-системы и W⁺-системы жестко ограничивают число групп членов предложения, которые могут предшествовать кластеризуемым клитикам: в синтаксически непроединительных структурах перед кластеризуемыми клитиками в W-системах и W⁺-системах может стоять одна и только одна группа члена предложения.

В славянских языках критерии замкнутости синтаксической группы варьируют из-за способности славянских языков образовывать ансамбли⁵⁸ в начальной позиции XP. Так, чешский язык разрешает постановку перед клитиками единственной группы обстоятельства, однако в коммуникативно маркированных высказываниях допускаются ансамбли из нескольких обстоятельств [Avgustinova, Oliva, 1997: 45–46]. В примере (47) ансамбль из трех обстоятельств склеивается коммуникативным значением выделенной множественной темы.

(47) Разг. чеш.

XP	CL	YP
[_{TopicP} Minulý týden] [v nedéli ráno] [v koupelné]	=se	Jan nebezpečně zranil
[На прошлой неделе] [в воскресенье] [утром в ванной]	=ся	Ян опасно поранил (ся)

В наиболее важных случаях все славянские W-системы и W⁺-системы исключают начальные ансамбли из двух и более групп член-

⁵⁷ Одним из кандидатов, согласно описанию А. Ю. Айхенвальд, является кабилский язык, где кластеризуемые клитики могут ставиться либо после начального глагола, либо после начальных частиц с отрицательным или аспектуальным значением [Айхенвальд, 1989: 125–126]. В «минимальных» W-системах типа кабилской или люмми, где начальная позиция предложения, предшествующая позиции кластеризуемых клитик, заполняется либо глаголом, либо операторным словом, полная синтаксическая группа, по-видимому, не может выступать в качестве базиса кластеризуемых клитик.

⁵⁸ Термины «цепочка» или «кортеж» были бы здесь не совсем правильными, так как славянские языки, разрешающие несколько групп в XP, обычно не фиксируют их порядок.

нов предложения в XP. Категорически запрещены ансамбли четырех типов:

- финитный глагол + дополнение * $[V_{fin} + O]$,
- подлежащее + финитный глагол * $[S + Vf_{fin}]$,
- финитный глагол + обстоятельство * $[V_{fin} + Adv]$,
- подлежащее + дополнение * $[S+O]$.

Тем самым требование единственности начальной группы, предшествующей клитикам в непроемных структурах $\#[XP] - CL$ в славянских языках не размывается: появление ансамблей запрещенного типа является достаточным основанием для исключения языка из множества W-систем и W^+ -систем. Возможность образования ансамблей разрешенного типа служит для славянских языков дополнительным ресурсом, позволяющим вставлять в начальную позицию предложения с клитиками более длинные группы. Болгарский язык, по-видимому, является единственным славянским языком, где начальные ансамбли встречаются в коммуникативно нейтральных неконтрастивных высказываниях, см. (48):

(48) Болг.

$XP [_{NP} [NP1] [NP2]]$	CL	V + YP
На Иван (1) книгата (2) Ивану (1) эту книгу (2)	=съм=му=я =есъм=ему=е	<i>върнал</i> вернул

Общим условием построения начальных ансамблей разрешенного типа является то, что их элементы образуют единую коммуникативную составляющую: в (47) это контрастная тема, а в (48) – неконтрастная тема.

В генеративной славистике принято говорить о выносе элементов в начало предложения как о синтаксической операции XP-fronting или XP-movement (т. е. «перемещение в начало предложения»). Признание выноса группы, предшествующей клитикам, собственно синтаксической операцией вытекает из признания помещения клитик во вторую позицию предложения синтаксическим, а не фонетическим механизмом.

4.2.1. Кластеризуемые клитики

в главном и придаточном предложениях

Диагностической характеристикой W-систем и W^+ -систем является наличие общего набора кластеризуемых клитик для главного и прида-

точного предложения. Главным системным требованием является возможность присоединения одних и тех же клитик к начальным элементам главного и придаточного предложения – группе первого члена (XP) в главном предложении и подчинительному союзу (Comp) в придаточном предложении.

Рис. 8. Кластеризуемые клитики в главном и придаточном предложении

	Главное предложение	Придаточное предложение
Базовый порядок	# XP – CL	Comp – CL
Производный порядок с барьером	# ^{[Barrier [XP]]} – YP – CL	Comp – ^{[Barrier [XP]]} – CL

Аналогия между начальной группой (XP) и подчинительным союзом (Comp) неабсолютна. С одной стороны, Comp представляет синтаксическую категорию строго определенного типа – Comp нельзя заменить, например, на сочинительный союз, в то время как группа XP может возглавляться самыми разными категориями – финитным глаголом, существительным, прилагательным, наречием, инфинитивом, причастием – выбор конкретного типа синтаксической категории для постановки клитик нерелевантен. С другой стороны, узел Comp заполняется только одной словоформой, которая может быть как ударной (ср. чеш. *jestliže* «если же»), так и безударной (ср. чеш. *že* «что»), в то время как XP может быть представлена одной либо несколькими ударными словоформами. Поэтому тот факт, что W-системы и W⁺-системы поддерживают параллелизм между узлами Comp и XP, потенциально представляет угрозу для стабильности этих систем порядка слов. Более точно: отождествление Comp и XP в качестве «универсального базиса» Comp/XP должно определяться дополнительными правилами, регулирующими длину и состав базиса клитик. Такие правила есть в каждом славянском языке с кластеризуемыми клитиками.

4.2.2. Базисы кластеризуемых клитик

W-системы и W⁺-системы налагают ограничения на длину и структуру начальной группы, но лишь в том случае, если в предложении есть кластеризуемые клитики. Тем самым присутствие кластеризуемых клитик является фактором, уменьшающим число допустимых по-

рядков слов. Кластеризуемые клитики могут стоять в славянских языках после начальных элементов (базисов клитик) следующего типа:

- А Первой ударной словоформы.
- В Первой полной составляющей.
- С Начальной проклитики.
- Д Подчинительного союза.
- Е Фразы-цитаты.
- Ф Сентенциальной составляющей.

Опция А для клитик главного предложения генерализована в древнейшей славянской W-системе – древненовгородском диалекте [Зализняк, 1993: 281, 288]. В древненовгородском диалекте опция В для клитик главного предложения недоступна, что для языков мира является типологической редкостью.⁵⁹ Если в начало древненовгородского предложения вынесена полная ИГ или полная составляющая другого типа, единственной альтернативой опции А и с постановкой клитик после первого ударного слова группы (см. пример (20) выше) и единственной возможностью избежать разрыва начальной группы является производный порядок с барьером. Это распределение показано на рис. 9.

Рис. 9. Линейный порядок с разрывом начальной группы и производный порядок с барьером в древненовгородском диалекте

	Пример
Базовый порядок. Разрыв начальной группы	(49a) Новг. Того (1)=ми=ся=есмь (2) села <u>отъступилъ</u> . 'Я отступился от того села'. (49b) Новг. Села (1)=ми=ся=есмь (2) отъступилъ того. 'Я отступился от того села'.
Производный порядок. Клитики после полной составляющей	(49c) *[_{XP} Того села]] (1) <u>отъступилъ</u> (2)=ми=ся=есмь (3)
Барьер, разрыв начальной группы отсутствует	(49d) [^{BARRIER} _{XP} Того села]] (1) <u>отъступилъ</u> (2)=ми=ся=есмь (3) ¹

⁵⁹ Опция А для клитик главного предложения генерализована в тех W-системах, где в начале предложения не может стоять ИГ и другие полные группы предложения. Так устроен язык люмми [Jelinek, 1996: 273]. В кабилском языке вынесенная в предлагольную позицию топиальная ИГ с синтаксической точки зрения стоит за пределами основной части предложения, кластеризуемые клитики к ней присоединяться не могут [Айхенвальд, 1989: 125]. Во всех W-системах, где предложения может начинаться с (необязательно топиальной) ИГ, опция В имеется.

Сербохорватский язык сохраняет для клитик главного предложения как опцию А, так и опцию В. Опция А является основной, см. (50a), но опция В, см. (50b), не запрещена, соответственно, постановка барьера после полной начальной группы, см. (50c), не является обязательной.

Рис. 10. Базовые и производные порядки после начальной ИГ в сербохорватском языке

А	(50a) Срб.-хрв. [_{NP} Tu novu pojedinnost] (1) = sam (2) <u>saznao</u> četvrtog dana jutro. ‘я обнаружил эту новую деталь утром четвертого дня’, букв. «[Эту новую деталь] (1) = есмь (2) осознал четвертого дня утро».
В	(50b) Срб.-хрв. [_{NP} Tu (1)= sam (2) novu pojedinnost] saznao četvrtog dana jutro. Букв. «[_{NP} Эту (1) = есмь (2) новую деталь] осознал четвертого дня утро».
Барьер	(50c) Срб.-хрв. [^{BARRIER} [_{NP} Tu (novu pojedinnost)] 1) <u>saznao</u> (2) = sam (2) četvrtog dana jutro. Букв. «[^{BARRIER} [_{NP} Эту новую деталь]] (1) <u>осознал</u> (2)= есмь (3) четвертого дня утро(м)».

Древненовгородский диалект и современный сербохорватский язык находятся в дополнительной дистрибуции в плане обязательности правила барьера после начальной группы предложения, состоящей из двух или более ударных слов, что показано на рис. 11. В древненовгородском языке начальная группа из двух и более ударных слов автоматически становится барьером, а в сербохорватском языке барьер факультативен, так как сохраняется опция В. Напротив, древненовгородский диалект на ранней стадии допускал опцию С, постановку кластеризуемых клитик после начальных проклитик *a, и, да, нх, ци, не, ни*, см. др.-новг. *не даль=ли еси ~ не=ли еси даль* [Зализняк, 1993: 289] – в то время как в современном сербохорватском языке такая возможность утрачена.⁶⁰

⁶⁰ Кластеризуемые энклитики после начальной отрицательной проклитики *не* сохранялись также в глаголических древнехорватских текстах [Mihaljević, 1997: 87].

Рис. 11. Базис клитик и обязательность барьера⁶¹

Базис клитик в XP	Древненовгородский диалект	Сербохорватский язык
Длинная начальная группа: [_{XP} W ¹ W ² ... W ⁿ]	Барьер обязателен: #[_{XP} W ⁿ] – Y – CL ~ ~ *#[_{XP} W ⁿ] – CL	Барьер факультативен: #[_{XP} W ⁿ] – Y – CL ~ ~ #[_{XP} W ⁿ] – Y – CL
Проклитика: [₀ PCL]	Барьер факультативен: #[₀ PCL] – Y – CL ~ ~ #[XP] – Y – CL	Барьер обязателен: #[₀ PCL] – Y – CL ~ ~ *#[₀ PCL] – Y – CL

Словацкий язык сохраняет опции А и В для клитик главного предложения [Циммерлинг, 2002: 87]. То же самое касается словенского языка и украинского диалекта с. Синевир, а также старославянской и книжной южнорусской W*-систем [Зализняк, 2008: 126] Часть славянских W-систем и W⁺-систем – чешская, бургенландская хорватская, болгарская, македонская – полностью запрещают разрыв начальной составляющей и генерализуют опцию В – постановку кластеризуемых клитик после полной начальной группы. Такое распределение – запрет опции А и обобщение опции В для клитик главного предложения – соответствует наиболее распространенному распределению допустимых базисов клитик в W-системах за пределами славянского ареала.⁶²

Клитики придаточного предложения обычно присоединяются в славянских языках непосредственно к подчинительному союзу (Comp – CL), опция D. Этот случай иллюстрируется словенским примером (51), где связочная клитика *so* из второй клаузы присоединяется к подчинительному союзу *da*; в последней клаузе того же словенского примера другая кластеризуемая клитика присоединяется к сочинительному союзу *in* «и». В первой клаузе примера (51) цепочка клитик *=pa=je* присоединяется к первому ударному слову. Тем самым три клаузы примера (51) иллюстрируют опции А, D и В для одного и того же набора кластеризуемых клитик.

⁶¹ Символ W (=word) в таблице на рис. 11 читается ‘фонологически ударное слово’.

⁶² Симптоматично, что возможность разрыва начальной группы с постановкой кластеризуемых клитик после первого ударного слова отсутствует во многих бесписьменных языках (ср. кавиненья [Guillaume, 2008]) и младописьменных языках (ср. пашто [Roberts, 1997]). Этот факт свидетельствует против трактовки закона Ваккернагеля как преимущественно фонетического, т. е. несинтаксического, принципа расстановки клитик.

- (51) Слов. [Тако=*pa=je kalkulirala*, [da=*so* poškodovane mišice v hrbtu od udarca]] [in=*je stisnila zobe*].
 ‘Так она тоже смекнула, что мышцы у хребта повреждены от удара, и стиснула зубы’, букв. «[Так=*же=есть-3Sg. подсчитала*, [что=*суть-3Pl. повреждены мышцы в хребте от удара*]] [и=*есть-3Sg. стиснула зубы*]]».

Кластеризуемые клитики придаточного изредка могут присоединяться не к подчинительному союзу, а к следующему элементу придаточного, создавая порядок Comp – [XP] – CL, что отмечено для разговорного чешского языка [Hana, 2008] и некоторых типов придаточных сербохорватского [Radanović-Kocić, 1996: 434] и болгарского языков. Этот линейный порядок интерпретируется по-разному, но предпочтительно трактовать его не как базовый, а как производный [Kosta, Zimmerling, 2012], поскольку он сопряжен с выражением маркированных коммуникативных значений.

Словенский язык также использует опцию E – постановку клитик после фразы-цитаты, ср. пример (52). Аналогичные примеры спорадически встречаются в верхнелужицких и разговорных чешских текстах.

- (52) Слов. <Premier Borut Pahor> «Slovenija ima junakinjo, narodno junakinjo, ki=*je* v športu pokazala, kaj pomeni zmagovalna miselnost,» = *se= je poklonil* športnici.
 ‘<Премьер-министр Б. Пахор> «У Словении есть героиня, народная героиня, которая показала в спорте, как...» – выразил восхищение спортсменке [премьер-министр]’⁶³, букв. «“Словения имеет героиню, народную героиню, которая показала, как...” =*ся=есть* поклонил спортсменке».

Типологически редкая возможность постановки кластеризуемых клитик после сентенциальной составляющей, не являющейся цитатой (опция F), засвидетельствована в славянском ареале в словенском языке [Циммерлинг, 2008a]⁶⁴. В словенском примере (53) цепочка клитик главного предложения =*se je =že* присоединяется непосредственно к правой границе придаточного, в котором уже имеются свои кластеризуемые клитики, упорядочиваемые по опции D.

⁶³ *Закавыченная фраза*, которую цитирует автор текста (52), принадлежит премьер-министру Словении Боруту Пахору.

⁶⁴ Е. Ю. Иванова (устное сообщение) указала на то, что постановка клитик главного предложения непосредственно после инвертированных временных и условных придаточных возможна и в болгарском языке.

- (53) Слов. [тр[_{CP} ko=*smo* (1)=*se* (2) vrnilij]=*se* (1)=*je* (2)=*že* (3) stemnilo].
 ‘Когда мы вернулись, уже стемнело’, букв. [[_{CP} когда =*мы* (1)=*ся* (2) вернули]]=*ся*=(1) *есть* (2) = *уже* (3) смеркало].

Словенский язык, единственный из всех славянских языков, использует все 6 типов базисов, но большинство славянских языков использует не более 3–4 разных базисов. Наиболее важны опции В и D, так как в главном и придаточном предложениях славянские языки, как правило, используют один и тот же набор кластеризуемых клитик: ср. в связи с этим термин *C-oriented clitics* «клитики, ориентированные на позицию подчинительного союза» (англ. *Complementizer*), который конкурировал с термином «клитики второй позиции» (англ. *2P clitics*) в работах 1990-х гг. [Progovac, 1996; Ćavar, Wilder, 1999: 435; Dimitrova-Vulchanova, 1999: 89; Cardinaletti, 1999]. Для чешского языка стандартно такое соотношение опций В и D:

- (54) Чеш. [Profesor Petr X.] = *se* *odstěhoval*.
 «Профессор Петр X. ушел», букв. «[профессор Петр X.]=*ся* удалил».
- (55) Чеш. Helena říkala, že = *se* [profesor Petr X.] *odstěhoval*.
 ‘Хелена сказала, что профессор Петр X. ушел’, букв. «Хелена сказала, что=*ся* [профессор Петр X.] удалил».

Возвратная клитика =*se* в (54) и (55) занимает одну и ту же позицию, поэтому естественно предположить, что позиции союза *že* («что») и синтаксической группы *Profesor Petr* тоже идентичны.

4.3. VA-клитики и 2P-клитики

После работы [Franks, King, 2000] в славистике стало популярным относить болгарско-македонские клитики и кластеризуемые клитики в прочих славянских языках к разным категориям. Первые называются термином *Verb-Adjacent clitics*, т. е. «клитики, смежные с глаголом», вторые называются термином *2P clitics*, т. е. «клитики второй позиции», или *Wackernagel clitics*, букв. «ваккернагелевские клитики». В качестве дескриптивного обобщения эти термины не лучше и не хуже принятых в данной статье терминов «W⁺-системы» и «W-системы». Но «смежность с глаголом» нельзя понимать как признак самих клитик: этот признак лишь констатирует, что кластеризуемые клитики в болгарском и македонском языке реализуются в контактной позиции с глаголом, но никак не характеризует синтаксическую область кли-

тик. Синтаксической областью болгарских и македонских кластеризуемых клитик является все предложение, где они имеют фиксированную линейную позицию – CL2 (2P, в нотации Фрэнкса) – в болгарском языке, или CL2/CL1 – в македонском языке. Последнее невозможно в V-системах романского типа, где ни клитики, ни глагольные формы не имеют фиксированной позиции в предложении. Если выводить синтаксические конфигурации из свойств лексических вершин, признак «контактная позиция с клитиками» нужно приписать болгарским и македонским глаголам, но никак не наоборот. В пользу такого решения много доводов:

- Болгарские клитики никогда не покидают второй позиции от начала предложения, а болгарские глаголы при наличии клитик имеют две равноправные позиции.

- При отсутствии клитик место болгарского и македонского глагола в предложении нефиксировано.

- Для позиции болгарских и македонских клитик различие между глагольным и именным сказуемым нерелевантно: параметр контактной позиции с клитикой действует для предикатов обоих типов.

- В болгарском и македонском языках нет параметра Clitic Climbing: перенос клитик в вышестоящую предикацию отсутствует. Следовательно, все кластеризуемые клитики принадлежат той синтаксической области, где они порождены.

Ссылки на фонетические свойства строгих энклитик объясняют наличие одной или нескольких словоформ перед ними, но не могут объяснить ограничения на число синтаксических групп, предшествующих кластеризуемым клитиками. Наличие таких ограничений доказывает, что кластеризуемые клитики имеют фиксированное место в предложении, и одновременно позволяет анализировать операции по заполнению начальной позиции предложения с клитиками как собственно синтаксические механизмы. Для болгарского языка доказательство представлено М. Димитровой-Вулчановой [Dimitrova-Vulchanova, 1999: 90] и К. Мигдальским [Migdalski, 2003]. Оно состоит в том, что перифрастические глагольные формы, которые могут состоять из двух и более ударных слов, могут целиком выноситься в позицию перед клитиками, но не могут объединяться с группами других членов предложения, например, с дополнением или подлежащим. Ср. примеры с формой плюсквамперфекта:

- (56a) Болг. #_[VP] Купил бих]=я книгата.
 ‘Я бы купил эту книгу’, букв. «_[VP] Купил бы.я]=ея книгу-опр.»
- (56b) Болг. #_[NP] Книгата]=я бих купил.
 ‘Я бы купил эту книгу’, букв. «Книга-опр.=ея бы я купил».
- (56c) Болг. *Книгата=я купил бих. (Нарушено требование контактной позиции вершины сказуемого – связки *бих* и местоименной клитики =я.)
- (56d) Болг. *_[NP] Книгата] _[VP] купил бих]=я. (Две синтаксические группы перед клитикой.)
 Тот же запрет, что и в (56), распространяется и на предложения с формой перфекта, где презентная связка сама является клитикой.
- (57) Болг. *_[NP] Книгата] _[VP] _[V] дал]=с_М]=му=я.
 Подразумеваемое значение: ‘Я дал ему книгу’.

Таким образом, болгарские кластеризуемые местоимения и связки одновременно являются 2Р клитиками – см. запрет на (56d) и (57) – и VA-клитиками, занимающими смежное положение с глаголом / лексической вершиной предиката – см. запрет на (56c).

4.4. Правила барьера в W-системах и W⁺-системах

Главное синтаксическое отличие W-систем и W⁺-систем, которое при желании можно представить как отличие 2Р-clitics vs VA-clitics, определяется ограничением на место глагола в предложениях с кластеризуемыми клитиками. В W-системах при базовом порядке слов XP – CL место глагола в предложении нефиксировано, а контактный порядок [V – CL] возникает только в производных структурах, порождаемых правилом барьера, см. (viii).

(viii) XP – CL... V ⇒ [^{BARRIER}_[XP] X]] V_i – CL ... t_i

Схеме (viii) непосредственно удовлетворяют древненовгородские примеры (41) и (42), где после начальной топиальной группы, выступающей в качестве коммуникативного барьера, стоит глагол, а клитика (клитики) помещается непосредственно за ним, создавая порядок XP – [V – CL]. Тот же механизм действует в главных предложениях сербохорватского [Čavar, Wilder, 1999; Browne, 2007] и словацкого языков [Циммерлинг, 2002; 2008a: 57]. В [Kosta, Zimmerling, 2012] он идентифицируется как «барьер главного предложения». В W⁺-системах ба-

рьер главного предложения возможен в вопросительных предложениях: в болгарском и македонском языках, как и в прочих славянских языках да-нет вопросы порождаются при перемещении глагола. Эта возможность иллюстрируется выше болгарскими примерами (43) и (44). В невопросительных предложениях болгарского и македонского языка порядок XP – [V – CL] исключен: повествовательные предложения с начальным топикализованным барьером и глаголом на втором месте невозможны. Ср. грамматичное предложение (44) с аномальным (58):

- (44) Болг. [^{BARRIER} [_{pp}V [_{NP}дробове те на умрелия]] (1) имало (2) =ли=e (3) вода?
 ‘Была ли вода в легких покойного?’, букв. «В легких умершего (1) имело (2) =ли=есть.3Sg (3) вода?».
- (58) Болг. * [^{BARRIER} { [_{pp}V [_{NP}дробове те на умрелия]] (1) имало (2) =е (3) вода.
 Подразумеваемое значение: «В легких умершего имелась вода».

Такое распределение означает, что в W⁺-системах, где контактная позиция глагола и клитик грамматикализована в структурах с базовым порядком XP – CL – V, перемещение глагола в повествовательных предложениях отсутствует и уже порожденная контактная последовательность [CL – V] не может преобразоваться в последовательность [V – CL]. Теоретическая интерпретация этого ограничения предлагается в [Kosta, Zimmerling, 2012]. Можно констатировать, что кластеризуемые клитики в болгарской W⁺-системе тверже привязаны ко второму месту от начала предложения, чем 2P-клитики в славянских W-системах: набор конфигураций, где болгарские клитики в результате действия правила барьера покидают вторую позицию и освобождают ее для глагола, меньше, чем в стандартных W-системах. Проявлением этого может быть т. н. *ли*-инверсия в болгарском языке, когда клитика *ли* под влиянием селективного барьера – отрицания *не* и показателя буд. вр. *ще* меняет свое место в цепочке, но остается в том же фонетическом слове:

- (59) Болг. * [_{NegP}He] = им^b = ли^a = се^c яде? ⇒ [^{BARRIER} [_{NegP}He]] = им^b = ли^a = се^c яде?
 ‘Не хочется ли им поесть?’⁶⁵, букв. « [^{BARRIER} [_{NegP}He]] = им^b = ли^a = ся^c есть.3Sg?».

⁶⁵ Поскольку инверсия *ли* и *им* в (59) обусловлена формальными причинами, а позиция сентенциального отрицания в болгарском предложении фиксирована, пример (59) не выражает контрастивного значения «не ИМ=ли хочется поесть?».

5. Выводы

Мы показали, что основное для славянских языков ограничение в области порядка слов – ограничение на место кластеризуемых клитик – закономерно сочетается с отсутствием ограничений на место глагола. В славянских W-системах, к которым относится большинство славянских языков с кластеризуемыми клитиками, контактная последовательность [V – CL] с глаголом во второй позиции от начала предложения порождается только в производных структурах благодаря действию правила барьера. Те славянские языки, которые грамматикализовали контактное положение клитик и глагола [CL – V] в предложениях с базовым порядком слов (болгарская и македонская W⁺-системы), не используют общеславянский механизм Барьера в независимых повествовательных предложениях.

Литература

- Абаев В. И.* (1959). Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе.
- Айхенвальд А. Ю.* (1989). Порядок слов в кабыльском языке // И. Ф. Вардуль (ред.), Очерки типологии порядка слов. М.: Наука, 123–134.
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* (1983). Русское предложение. Бытийный тип. М.: Наука.
- Грамматика 1970 – Н. Ю. Шведова (ред.), Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука.
- Гринберг Дж.* (1970). Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов / Пер. с англ. // Б. А. Успенский (ред.), Новое в лингвистике, вып. 5. М.: Прогресс, 114–162.
- Зализняк А. А.* (1993). К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989. М.: Наука, 191–319.
- Зализняк А. А.* (2008). Древнерусские энклитики. М.: Языки славянской культуры.
- Иванова-Лукьянова Г. Н.* (2004). Культура устной речи. Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. М.: Флинта-Наука.
- Кисиллер М. Л.* (2008). Синтаксические особенности личных местоимений в позднем койнэ: двусложное местоимение в «Луге духовном» Иоанна Мосха // Acta Linguistica Petropolitana. Т. II. Ч. 1. СПб., 116–133.

Ковтунова И. И. (1976). Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Наука.

Кодзасов С. В. (1996). Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русской речи. М.: Ин-т русского языка РАН, 85–123.

Котова Н., М. Янакиев (2001). Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М.: Изд-во МГУ.

Курилович Е. (1962). Очерки по лингвистике. М.: Иностранная литература.

Николаева Т. М. (1982). Семантика акцентного выделения. М.: Наука.

Оде С. (2003). Перспективы описания и транскрипции русской интонации в корпусах звучащих текстов // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований. К 70-летию профессора Л. В. Бондарко. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 209–214.

Падучева Е. В. (1985). Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука.

Толстая М. Н. (2000). Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балтославянские исследования 1988–1999. М.: Индрик, 134–143.

Циммерлинг А. В. (2002). Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры.

Циммерлинг А. В. (2007). Локативная инверсия в языках со свободным порядком слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, вып. 6 (13) по материалам международной конференции «Диалог 2007». М., 542–549.

Циммерлинг А. В. (2008а). Элементы предложения и синтаксические позиции в языках современной Европы // Язык и речевая деятельность 8, 36–88.

Циммерлинг А. В. (2008б). Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, вып. 7 (14) по материалам международной конференции «Диалог 2008». М., 551–562.

Циммерлинг А. В. (2009). Клитики в пространстве древнерусского языка. Рец. на Зализняк (2008) // Русский язык в научном освещении 1 (17), 259–277.

Янко Т. Е. (2001). Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры.

Янко Т. Е. (2008). Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянской культуры.

Aikhenvald A. Y. (1998). Warekena // D. C. Derbyshire, G. K. Pullum (eds.), Handbook of Amazonian Languages, Vol. 4. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 225–433.

Aikhenvald A. Y. (2002). Typological parameters for the study of clitics, with special reference to Tariana // R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.), Word: A Cross-Linguistic Typology. Cambridge: Cambridge University Press, 42–78.

Anderson S. R. (1995). Toward an optimal account of second-position phenomena // J. Dekkers, F. van der Leeuw, J. van de Weijer (eds.), *Optimality Theory: Phonology, Syntax, and Acquisition*. Oxford: Oxford University Press, 302–333.

Avgustinova T., Oliva K. (1997). On the nature of the Wackernagel position in Czech // U. Junghanns, G. Zybatow (eds.), *Formale Slavistik*. Frankfurt a.M.: Vervuert, 25–47.

Babyonyshev M. (1996). *Structural Connections in Syntax and Processing: Studies in Russian and Japanese*. Doctoral dissertation, MIT.

Bailyn J. F. (2004). Generalized inversion // *Natural Language and Linguistic Theory* 22, 1–49.

Barbosa P. (1996). Clitic placement in European Portuguese and the position of subjects // Halpern, Zwicky (eds.) (1996), 1–40.

Bhatt R. M. (1999). *Verb Movement and the Syntax of Cashmiri*. Dordrecht: Kluwer.

Billings L., Konopasky A. (2002). The role of morphology in ordering verb-adjacent clitics: from syntax to prosody in Bulgarian and Tagalog // A. Alexiadou et al. (eds.), *Linguistics in Potsdam 19*. Potsdam: Institut für Linguistik, Universität Potsdam, 1–26.

Bošković Ž. (2001). *On the Nature of the Syntax-Phonology Interface*. Amsterdam: Elsevier.

Bošković Ž. (2004). Clitic placement in South Slavic // *Journal of Slavic Linguistics* 12/1–2, 39–90.

Bresnan J. (1994). Locative inversion and the architecture of Universal Grammar // *Language* 70/1, 72–131.

Browne W. (2007). Word order in Burgenland Croatian: Clitics. Talk at the Third Southeast European Studies Association Conference, April 26–28, 2007.

Browne W. (2008). Porjadok klitikox u vojvodjaskim rusinskim // Шветлосц 3. Novi Sad, 351–362.

Cardinaletti A. (1999). Pronouns in Germanic and Romance languages: An overview // van Riemsdijk (ed.) (1999), 63–82.

Carnie A., Guilfoyle E. (eds.) (2000). *The Syntax of Verb Initial Languages*. Oxford: Oxford University Press.

Čavar D., Wilder Chr. (1999). Clitic third in Croatian // van Riemsdijk (ed.) (1999), 429–467.

Cinque G., Krapova I. (2011). The case for genitive case in Bulgarian // L. Schürcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou and P. Kosta (eds.). *The Structure of NP and Beyond (Studies in Generative Grammar)*. Berlin, London: de Gruyter (to appear).

Cetnarowska B., Pysz A., Trugman H. (2008). How fixed is the postnominal position of classificatory adjectives in Polish? Talk at the 3rd Annual Conference of the Slavic Linguistic Society, Ohio, June 10–12, 2008.

Delbrück B. (1911). *Germanische Syntax, II. Das Stellung des Verbuns.* Leipzig: Teubner.

Diderichsen P. (1946). *Elementær Dansk Grammatik.* København: Nordisk Forlag.

Dimitrova-Vulchanova M. (1999). Clitics in the Slavic languages // van Riemsdijk (ed.) (1999), 83–121.

Donohue M. (2000). One phrase structure // Proceedings of the 2000 Conference of the Australian Linguistic Society. <http://www.als.asn.au/proceedings/als2000/donohue.pdf>.

Erschler D. (2008). Clitics and Possession Marking in Iron Ossetic: Iranian Heritage versus Caucasian Influence. Talk at the Iranian seminar, Moscow, 28 March, 2008.

Fischer S. (2003). Rethinking the Tobler-Mussafia law: Data from Old Catalan // *Diachronica* 20/2, 259–288.

Fontana J. M. (1996). Phonology and syntax in the interpretation of the Tobler-Mussafia law // Halpern, Zwicky (eds.) (1996), 41–84.

Fourquet J. (1938). *L'ordre des éléments de la phrase en germanique ancien.* Études de syntaxe de position. Paris: Les belles lettres.

Franks S. (2008). Clitic placement, prosody and the Bulgarian verbal complex // *Journal of Slavic Linguistics* 16/1, 91–137.

Franks S. (2009). Clitics in Slavic // Kempgen et al. (eds.) (2009), 725–738.

Franks S., King T. H. (2000). *A Handbook of Slavic Clitics.* Oxford: Oxford University Press.

Freeze R. A. (1989). Mayo de los capomos, Sinaloa. México. Archivo de lenguas indígenas de México.

Galves Ch. (2001). Agreement Predications and Pronouns in the History of Portuguese. MS, Unicamp, Brésil.

Golden M., Milojević Sheppard M. (2000). Slovene pronominal clitics // Fr. Buekema, M. den Dikken (eds.), *Clitic Phenomena in European Languages.* Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 191–201.

Gălăbov I. (1950). Zur Frage der bulgarischen Enklitika // *Zeitschrift für slavische Philologie* XX/ 2, 417–418.

Greenberg J. H. (1963). Some universals of grammar with particular reference to the order of the meaningful elements // J.H. Greenberg (ed.), *Universals of Language.* Cambridge, MA: MIT Press, 73–113.

Guillaume A. (2008). *A Grammar of Cavineña.* Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Halpern A., Zwicky A. (eds.) (1996). *Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena.* Stanford: CSLI Publications.

Halpern A. (1996). Introduction // Halpern, Zwicky (eds.) (1996), IX–XXIII.

Hana J. (2008). The position of Czech clitics. Talk at the 3rd Annual Meeting of the Slavic Linguistic Society. Columbus, Ohio, June 10–12, 2008.

Hock H. H. (1996). Who's on first? Toward a prosodic account of P2 clitics // Halpern, Zwicky (eds.) (1996), 429–448.

Jakobson R. (1971). Les enclitiques slaves // R. Jakobson, Selected Writings, II. Word and Language. The Hague, Paris: Mouton, 16–22.

Jakubovich I. (2009). Sociolinguistics of the Luvian Language. Leiden: Brill.

Jelinek E. (1996). Definiteness and second position clitics in Straits Salish // Halpern, Zwicky (eds.) (1996), 271–298.

Jelinek E. (2000). Predicate raising in Lummi, Straits Salish // Carnie, Guilfoyle (eds.) (2000), 212–233.

Kaisse E. M. (1981). Luiseño particles and the universal behaviour of clitics // Linguistic Inquiry 12, 424–334.

Kempgen S., Kosta P., Berger T., Gutschmidt K. (eds.) (2009). Die slavischen Sprachen. The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation, Bd. I. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Kosta P. (2009a). Sentential negation, adverbs and pronominal clitics in Slavic (and some Romance languages) – global vs. local tendencies of language contact. Talk at the 42nd Annual Meeting of Societas Linguistica Europaea, Lisboa, 9–12 September 2009.

Kosta P. (2009b). Targets, theory and methods of Slavic generative syntax: Minimalism, negation and clitics // Kempgen et al. (eds.) (2009), 282–316.

Kosta P., Schürcks L. (2009). Word Order in Slavic // Kempgen et al. (eds.) (2009), 654–684.

Kosta P., Zimmerling A. (2012). Slavic clitic systems in a typological perspective // L. Schürcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou and P. Kosta (eds.). The Structure of NP and Beyond (Studies in Generative Grammar). Berlin, London: de Gruyter (to appear)

Lee F. (2000). VP remnant movement and VSO in Quiavini Zapotec // Carnie, Guilfoyle (eds.) (2000), 143–162.

Marušić F. (2007). Positioning Slovenian clitics. Talk at SLS 2 conference, Berlin 22–26 August 2007.

Mathieu E. (2006). Stylistic fronting in Old French // Probus 18, 219–266.

McConvell P. (1996). The functions of split-Wackernagel clitic systems: Pronominal clitics in the Ngumpin Languages (Pama-Nyungan family, Northern Australia) // Halpern, Zwicky (eds.) (1996), 299–331.

Migdalski K. (2003). Against long head movement in Slavic: the case of Bulgarian, Serbo-Croatian and Macedonian. Paper presented at BASEES Conference. Cambridge, UK, 30 March 2003.

Mihaljević M. (1997). The interaction of li and negation in Croatian Church Slavonic // U. Junghanns, G. Zybatow (eds.), Formale Slavistik. Frankfurt a.M.: Vervuert, 87–92.

Mišeska Tomić O. (2004). The South Slavic pronominal clitics // Journal of Slavic Linguistics 12/1–2, 213–248.

Mushin I. (2004). Second-position clitic phenomena in North-Central Australia: Some pragmatic considerations // Proceedings of the 2004 Conference of the Australian Linguistic Society.

Mushin I., Simpson J. (2008). Free to bound to free? Interactions between pragmatics and syntax in the development of Australian pronominal systems // *Language* 84/1, 566–596.

Nash D. G. (1986). *Topics in Warlpiri Grammar*. Cambridge, MA: MIT.

Nishida Ch. (1996). Second position clitic pronouns and Categorical Grammar // Halpern, Zwicky (eds.) (1996), 333–374.

Pancheva R. (2006). The position of tense in the Old Church Slavonic clause. Talk at the 1st Meeting of the Slavic Linguistic Society, Bloomington, 8–10 September 2006.

Perekrestenko A. (2008). Minimalist Grammars with unbounded scrambling and non-discriminating barriers are NP-hard. Talk at the LATA 08 Conference.

Progovac L. (1996). Clitics in Serbian/Croatian: Comp as the second position // Halpern, Zwicky (eds.) (1996), 411–428.

Radanović-Kocić V. (1996). The placement of Serbo-Croatian clitics: A prosodic approach // Halpern, Zwicky (eds.) (1996), 429–448.

Rambow O. (1994). *Formal and Computational Aspects of Natural Language Syntax*. PhD thesis, University of Pennsylvania.

Rizzi L. (1978). A restructuring rule in Italian syntax // S.J. Keyser (ed.), *Recent Transformational Studies in European Languages*. Cambridge, MA: MIT Press, 113–158.

Roberts T. (1997) The optimal second position in Pashto. <http://roa.rutgers.edu/files/174-0297/174-0297-ROBERTS-0-0.PDF>.

Rouveret A. (1999). Clitics, subjects and tense in European Portuguese // van Riemsdijk (ed.) (1999), 639–678.

Rutkowski P. (2008). From apposition to classification: Polish vs. Lithuanian // A. Smirnova, M. Curtis (eds.), *Issues in Slavic Syntax and Semantics*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 1–13.

Šewc-Schuster H. (1976). *Gramatika hornjoserbskeje rěče. 2 zwjazk-syntaksa*. Budyšin.

Tegey H. (1977). *The Grammar of Clitics: Evidence from Pashto and Other Languages*. Ph.D. dissertation, University of Illinois at Urbana-Champaign.

Tsunoda T. (1988). *The Djaru language of Kimberly, Western Australia*. Canberra: The Australian National University.

van Riemsdijk H. (ed.) (1999). *Clitics in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Wackernagel J. (1892). Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // *Indogermanische Forschungen* 1, 333–436.

Wanner D. (1996). Second position clitics in Medieval Romance // Halpern, Zwicky (eds.) (1996), 537–578.

Werle A. (2002). Southern Wakashan clitics order. Talk at the University of British Columbia Linguistics Department Colloquium.

Wunderlich D., Schürcks L. (2003). Determiner-possessor relation in the Bulgarian DP // M. Coene, Y. D'hulst (eds.), *From NP to DP. Vol. 2: The Expression of Possession in Noun Phrases*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 121–139.

Yokoyama O. T. (2001). Neutral and non-neutral intonation in Russian: A reinterpretation of the IK system // *Die Welt der Slaven XLVI*, 1–26.

Zikánová Š. (2006). *Slovosled ve starší češtině (1500–1620): Postavení syntetického přísudku ve větě hlavní*. Dizertační práce. Praha, 2006.

Zimmerling A. V. (2006). Encoding strategies in word order: the evidence of Slavic languages. Talk at the The 1st meeting of the Slavic Linguistic Society. Bloomington, 8–10 September, 2006.

Zimmerling A. V. (2008). The emergence of the 2nd position clitics in the Slavic languages and the order of cliticization. Talk at the 3rd Annual Conference of the Slavic Linguistic Society, Ohio, June 10–12, 2008.

Zimmerling A. V. (2010). Clitic particles and the typology of 2P languages. Ms.

Zwicky A. M. (1977). *On Clitics*. Bloomington: Indiana University Linguistics Club.

Вальтер Брой (Констанци)

**ЯЗЫКОВОЙ КОНТАКТ
КАК ПРИЧИНА ПЕРЕСТРОЙКИ
КАТЕГОРИЙ РОДА И СКЛОНЕНИЯ
В МОЛИЗСКО-СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ**

In this paper, we give an overview of the role of language contact in restructuring the categories of gender and inflection class of the noun in the Molise-Slavic minority language, spoken in three villages in Southern Italy. Due to the immigration of the ancestors of today's Molise Slavs from the Dalmatian hinterland (Herzegovina) in the 16th century, Molise Slavic is "genetically" related to Bosnian-Croatian-Serbian, and Standard Croatian can serve as a point of comparison for the diachronic changes in question. Two basic changes can be observed, i. e. the loss of the neuter and the disappearance of the ancient feminine inflectional class in **i*. While the first development was induced by the lack of a neuter in Italian, the loss of the class in **i* language-internally allowed for a strict gender-inflection paradigm. Nevertheless, language contact has had a role in the latter case, too, as results from the redistribution of the nouns in question to the masculine or feminine gender strictly depending on the gender of the corresponding Italian nouns. On the other hand, the gender of loanwords partially depends on language-internal criteria, with certain differences in the three Molise-Slavic dialects. Specific details, like the survival of the Molise-Slavic neuter as an impersonal gender (in verbs, adverbs and adjectives), can be explained by considering data from Italian dialects.

1. Введение

Молизско-славянский язык (МСЯ), находящийся со времени иммиграционных процессов в XV–XVI веках под романским диалектальным влиянием и уже более ста лет под влиянием итальянского литературного языка, является средством общения славянского меньшинства в провинции Кампобассо (Campobasso) итальянского региона Молизе (Molise). Территория распространения МСЯ охватывает три населен-

ных пункта: Аквавива Коллекроче (по-итал. Acquaviva Collecroce, помоллизско-славянски *Kruč*), Монтемитро (Montemitro, *Mundimitar*) и Сан Феличе (San Felice del Molise, *Filič*). Этот славянский языковой остров в нижнем Молизе, недалеко от Адриатического моря, заселили люди из Герцеговины, т. е. из внутренней части Далмации. Общие корни МСЯ с современным штокавско-икавским наречием сербохорватского (боснийско-сербско-хорватского) диалектного континуума и на данный момент еще очень хорошо различимы; ср., напр., *što* 'что' (в сравнении с *kaj* или *ča* в других наречиях) и *dvi* 'две' (но *dviije* в хорватском стандартном языке и в иекавских говорах, а *dve* в сербском и в экавских говорах). Вследствие состоявшегося на протяжении столетий языкового контакта в лексике и грамматических структурах МСЯ укоренились и доминантные романские черты. Более того, для используемого в основном только в устной речи ¹ МСЯ итальянский является на сегодняшний день единственным главенствующим стандартным языком, в то время как генетически наиболее близкий хорватский литературный язык не играет в повседневной жизни славянских молизан никакой роли.

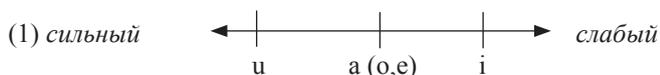
В данной статье большинство исследовательских данных взято из говора главного моллизско-славянского центра – Аквавивы Коллекроче (АК), примеры из говора села Монтемитро (ММ), где МСЯ также активно используется, отмечены отдельно.² Так как в деревне

¹ Весьма незначительное число моллизских славян умеет писать и читать на своем родном языке. Несмотря на это, в печати в 2008 году появилось первое литературное произведение на «чистом» говоре Аквавивы, собрание стихов, ограниченных, с точки зрения всех лингвистических уровней, исключительно повседневной речью, а именно *Štice... do srca* 'Капли... сердца' автора *Nicola Gliosca*. За исключением редких оригинальных текстов в местных журналах и антологиях, письменные произведения, также краткие и немногочисленные, сочинялись в прошлом, как правило, интеллектуалами, владеющими, по крайней мере немного, хорватским языком и поэтому употребляющими в письменной речи также и хорватские слова и конструкции, непонятные обычным людям. Наиболее явным примером такого смешанного «литературного» языка является Притча о блудном сыне первого местного поэта *De Rubertis*, перепечатанная Решетаром [Rešetar, 1911: 298–299]. В последние годы были выданы, впрочем, и первые официальные документы на моллизско-славянском языке, напр., свидетельства о рождении, но всегда вместе с итальянским оригиналом. В 2009 году был напечатан перевод на моллизско-славянский говор Аквавивы книги А. де Сент-Экзюпери 'Маленький принц'; см. [Breu, Gliosca, 2009].

² Настоящая статья основывается в своих главных чертах на описании системы рода МСЯ в статье [Breu, 2004], но учитывает результаты новейших исследований. Об общей лингвистической и внелингвистической ситуации моллизских славян см. [Breu, 1997] и приведенную там литературу; о сжатом обзоре по результатам языкового контакта МСЯ в области грамматики см. [Breu, 1998]. Использованные данные

Сан Феличе (СФ) младшее поколение практически больше не говорит по-славянски, примеры из говора этой деревни приводятся в последующем только в виде исключения.

С фонетической точки зрения, особую важность для нижеследующего исследования представляют специфические для говоров АК и СФ фонологические процессы конца слова. Речь здесь идет, с одной стороны, о «молизско-славянском аканье», т. е. о широко распространенном совпадении исторически кратких *-e* и *-o* в безударном слоге с *-a*, а с другой стороны, о переходе всех конечных кратких гласных в изолированных словах и на конце фонологических фраз в глухие шепотные гласные, склонные к выпадению с различной частотой согласнo следующей шкале устойчивости:

Это значит, что *-i* выпадает всегда, *-u* почти всегда сохраняется, а частота выпадения остальных гласных колеблется между двумя крайностями [Вгеu, 1999].

В говоре Монтемитро все исторически краткие гласные остаются неизменными, выпадает только *-i*. Даже в Аквавиве есть немногочисленные говорящие, прежде всего из старого поколения, которые применяют аканье непоследовательно, употребляя иногда консервативные формы с *o* или *e* на конце слова. С другой стороны, в говоре Сан-Феличе даже *-i* может сохраниться, например, во множественном числе причастия на *-l* или в дательном падеже существительных женского рода.

Поскольку представленное исследование носит морфосинтаксический характер, информация о долготе гласных и ударении в нижеследующих примерах, в общем, не приводится. Но из-за ее важной роли для склонения, учитывается оппозиция полных и редуцированных (шепотных) гласных в окончаниях.

были получены непосредственно на территории МСЯ в рамках проектов B2 и A15 программы «*Variation und Entwicklung im Lexikon*» (SFB 471) университета г. Констанц при финансовой поддержке Немецкого исследовательского общества (DFG, Sonderforschungsbereich 471).

2. Общие рассуждения о категории рода

2.1. Род как категория-классификатор

В отличие от категорий числа и падежа род как лексически классифицирующая категория остается неизменным во всей парадигме данного слова. У класса одушевленных существительных наблюдается определенная связь рода с семантической категорией половой принадлежности (мужской род = мужской пол и т. д.), представляющая собой, однако, только тенденцию. За пределами этой области распределение рода в славянских и других индоевропейских языках у непроемных существительных достаточно свободно, несмотря на то что в отдельных случаях существует формальная связь между родом и суффиксом. Из трех традиционных родов только мужской (м.) и женский (ж.) имеют референтную внеграмматическую основу. Средний род (ср.) при этом представляет собой граммему, наименее связанную с лексико-семантическим значением, и является, таким образом, наиболее слабым звеном категории рода, что находит свое отражение, к примеру, в его постепенном исчезновении в большинстве романских языков. В славянских языках средний род в целом хорошо сохранился. За исключением болгарского и македонского, славянские языки располагают, кроме того, дополнительными, более новыми граммемами рода, ограничивающимися опять-таки областью живых существ: родом одушевленности (*genus animale*) – для обозначения людей и животных, и родом вирильности (*genus virile*) – для обозначения лиц мужского пола, характерным для польского, верхнелужицкого³ и словацкого языков. Во мн. числе наблюдается тенденция к нейтрализации более старых родовых граммем, в то время как более новые граммемы только недавно распространились на эту область или, наоборот, здесь и возникли [Brec, 1988].

В отличие от имен существительных род других склоняемых частей речи, в особенности имен прилагательных и местоимений, изменяется во всеобщей парадигме данного слова.

³ Вирильный род присутствует только в верхнелужицком литературном языке, в то время как сегодняшний верхнелужицкий разговорный язык обладает родом личности (*genus personale* или *humanum*); см. [Scholze, 2008: 111–117]. Под влиянием верхнелужицкого литературного языка вирильный род встречается, впрочем, также и в нижнелужицком литературном языке, по крайней мере, у некоторых авторов [Janaš, 1984: 74].

2.2. Род как морфологическая и как синтаксическая категория

При описании флектирующих языков род имен существительных иногда рассматривается как морфологическая категория, т. е. определенному типу склонения приписывается определенный род, обозначая, например, склонение на *-a* как «женское склонение», несмотря на то что оно содержит также существительные мужского рода. Но, принимая во внимание разнообразные несоответствия, представляется целесообразным четко различать между «склонением» (чисто морфологическим явлением) и «родом». Это не исключает возможности того, что некоторые грамматические рода имеют морфологические особенности и, по крайней мере, в славянских литературных языках намечается некая тенденция к связи рода существительных с классом склонения. Речь здесь идет о женском склонении на *-a* и мужском склонении на согласный в им. падеже ед. числа. Но о «родовой флексии» мы могли бы здесь говорить только в том случае, если бы в этих склонениях не было бы исключений (вследствие исчезновения ж. склонения основ на **i* и м. склонения основ на **a/ja*).

Итак, в последующем грамматический род существительных будет рассматриваться не как морфологическая, а как синтаксическая категория, что предполагает, что его грамемы основываются на оппозициях, исходящих из согласования. При этом имена существительные представляют собой «источник согласования», с которым другие части речи должны согласовываться. Род имени существительного синтаксически определяется из совокупности случаев согласования, которые оно обуславливает. С этой точки зрения род совпадает с «классом согласования».⁴ В первую очередь надо различать между атрибутивным, предикативным, относительным и анафорическим согласованиями, характерными для различных частей речи, главным образом, для имени прилагательного, а также для местоимений, числительных, ар-

⁴ О проблематике классов согласования (*agreement classes*), см. [Corbett, 1991: 147–150, 161–188]. Если неуклонно следовать принципу отождествления рода и класса согласования, то в русском языке следует различать минимум семь родов, или же принять существование подродов; см. там же и [Зализняк, 1964]. По причине скорее периферийной роли одушевленности и – в отличие от русского языка – почти во всех случаях возможного определения рода у *pluralia tantum* в МСЯ (см. ниже), вопрос о дополнительных родах снимается сам по себе.

тиклей и глаголов (в причастных формах, включая формы прошедшего на *-l*). В МСЯ есть все перечисленные случаи согласования.⁵

МСЯ располагает только существительными мужского и женского родов, существительных среднего рода нет. Роль грамматической одушевленности (форма вин. падежа = форме род. ед. числа) также сильно ограничена, так как она носит только факультативный характер и встречается, кроме того, практически только при обозначении лиц [Врец, 1995: 89].

2.3. Роль среднего рода в МСЯ

Интересным является тот факт, что средний род в МСЯ еще продолжает существовать за пределами области имен существительных.⁶ Это проявляется уже морфологически, а именно в наличии третьего, дополнительного к женскому и мужскому родам, ряда форм у местоимений, прилагательных, глаголов и у неопределенного артикля, выступающих в функции согласовательных форм (целей согласования) среднего рода. Кроме того, в качестве источников согласования выступают местоимения среднего рода и субстантивированные прилагательные и наречия.

Указательные местоимения среднего рода *ovo* ‘это’, *to* ‘это/то’, *ono* ‘то’ образуют родовую оппозицию с соответствующими местоимениями мужского и женского родов *ovi*, *ta*, *oni* и *ova*, *ta*, *ona*. Эти местоимения среднего рода используются как самостоятельно (именное использование), так и атрибутивно (в синтаксической зависимости от субстантивированных прилагательных). Полное (не шепотное) окончание *-o* исторически восходит к долготому **-ō*, которое не подвергается молизско-славянскому аканью.

Все прилагательные, образованные с помощью окончания *-o* (< **-ō*, исторически это соответствует «детерминированной полной форме»),

⁵ То же свойственно и всем славянским и романским языкам, в особенности также и близкородственному хорватскому и контактному итальянскому языкам. На этой основе все эти языки могут быть охарактеризованы как языки «высокочувствительные к роду». Тем самым они составляют абсолютную противоположность к слабочувствительному к роду английскому, где род выражается только анафорическим согласованием (посредством личных местоимений). Другие языки занимают серединную позицию. О иерархии типов согласования (*agreement hierarchy*) и основанной на нем классификации различных языков см. [Corbett, 1991: 225–241].

⁶ В последующем мы представим только краткий обзор функций среднего рода за пределами области имен существительных в МСЯ. О более подробном описании см. [Врец, 2003: 59–67].

способны образовывать абстрактные существительные среднего рода. Их детерминанты также обязательно среднего рода. Доминирующие в этой функции указательные местоимения выступают при этом также и в качестве дейктически специфицированных определенных артиклей, например, *ovo dobro* 'это доброе', *to dobro, ono dobro* 'то доброе' и т. д.⁷

Склонение ед. числа среднего рода⁸ пояснено на примерах в таблице 1 (с обозначением современной оппозиции долготы гласных). Наряду с указательными местоимениями и прилагательными с ударением на основе (*dobro*) или на окончании⁹ (*friško*) здесь также учитываются местоимения *što* 'что' и *koho* 'которое', причисляемые к среднему роду на основе их согласовательных качеств. Парадигмы являются частично дефектными, показывая, кроме того, в твор. падеже окончания женского рода. Форм множественного числа нет совсем. Шепотные гласные здесь и в последующем обозначаются подставленной снизу точкой.

Супплетивные формы женского рода объясняются проведением параллели между местоимениями среднего рода и прилагательными с именными выражениями, содержащими существительное женского рода *stvarā* 'вещь' (итал. *cosa*), приводимое информантами для объяснения конструкций типа *ono dobro* 'то доброе' = *ona dobra stvarā* 'та добрая вещь'.

Краткая форма прилагательного, заканчивающаяся на исторически краткий гласный, в МСЯ в большинстве своем используется только предикативно. В среднем роде она согласуется с субъектом среднего рода (местоимением или субстантивированным прилагательным). По причине молизско-славянского аканья она имеет такую же звуко-

⁷ С точки зрения дейксиса, наименее маркированной формой является *ono*, используемой, вероятно, по этой причине чаще всего в функции дейктически неспецифицированного артикля. Субстантивированные прилагательные представляют собой единственный разряд слов, которые в МСЯ проявляют нечто подобное определенному артиклю. У (исконных) существительных определенность выражается не с помощью артикля, а путем отсутствия неопределенного артикля [Брой, 2008: 82–83].

⁸ О парадигмах прилагательных и указательных местоимений мужского и женского родов см. [Brec, Piccoli, 2000: 402–407].

⁹ Точнее говоря, речь здесь идет не о простом ударении на окончании, а о двойном ударении на обоих последних слогах, которое исторически соответствует восходящему ударению на предпоследнем слоге в сербохорватском [Brec, Piccoli, 2000: 388–389].

вую форму, как и краткая форма женского рода (но *-o* в ММ и у консервативных представителей говора АК). Такое же окончание имеют и причастия среднего рода на *-l* в перфекте глаголов, например, *je bila* (ММ *je bilo*) ‘было’.

Табл. 1. Склонение субстантивированных прилагательных и местоимений среднего рода

	‘(то) доброе’	‘(то) свежее’	‘то/ это’	‘что?’	‘какой’
И.	<i>ono dobro</i>	<i>ono friško</i>	<i>to</i>	<i>što</i>	<i>kojo</i>
Р.	<i>do (o)no dobro</i>	<i>do (o)no friško</i>	<i>do to</i>	<i>do što</i>	<i>do kojo</i>
Д.	—	—	—	<i>koju stvaru</i>	—
В.	<i>ono dobro</i>	<i>ono friško</i>	<i>to</i>	<i>što</i>	<i>kojo</i>
Т.	<i>onōm dobrom*</i>	<i>onōm friškōm</i>	<i>tōm</i>	<i>kojōm stvarōm ~ kime</i>	<i>kojōm</i>
Краткая форма	<i>dōbra</i>	<i>friška</i>	—	—	—

* Прилагательные в творительном падеже встречаются и в своей основной форме, т. е. *onōm lipo*. Это может быть связано с проявляющейся в МСЯ тенденцией к ограничению окончания у второго члена именного выражения, как например, у занимающих (вследствие языкового контакта) постпозицию атрибутивных прилагательных (м. и ж.), хотя в этом случае чаще всего употребляется форма родительного падежа, например, *ženōm dobre* ‘доброй женщиной (Т.)’ вместо *ženōm dobrom*.

В качестве субстантивированных форм среднего рода могут выступать также наречия, например, *ono prije* ‘(то) раннее’, *ono doveče* ‘(то) дополнительное’. Чаще всего в этом случае используется *ono mala* (ММ *ono malo*) ‘(то) немногое’ с его уменьшительными формами, типа *ono malica* (ММ *ono malico*) ‘(то) немножечко’. В некоторых случаях эти субстантивированные наречия склоняются как прилагательные, например, *s ovom malom* ‘с этим немногим’.

Наряду с вышеназванными частями речи и субстантивациями в МСЯ имеется также числительное среднего рода *na ~ jena* ‘одно’, конечный звук которого снова объясняется аканьем; в Монтемитро (а

также в консервативном варианте АК) оно звучит *no ~ jeno*. Омонимом является неопределенный артикль среднего рода, например, *na mala* (ММ *no malo*) ‘немного’.¹⁰

Субстантивированные прилагательные и наречия, со своей стороны, редко специфицируются атрибутами среднего рода. Но есть все-таки такие примеры, как *ono lipa mala* = итал. *quel bel po* ‘(то) значительное немногое’ (= довольно много). Атрибут здесь представлен в краткой форме, используемой обычно только предикативно. Пример (2) с тем же самым субстантивированным наречием содержит в качестве атрибута неопределенное местоимение *kojo*, из которого, впрочем, видно также и согласование в среднем роде причастия на *-l*, здесь в плюсквамперфекте¹¹:

(2) *Je bi mi ostala još kojo mala srca dobroga.*

‘Ему оставалось еще кое-что небольшое (от) доброго сердца.’

Как было сказано выше, субстантивированные существительные среднего рода имеют обычно абстрактные значения. Однако очень редко среди них встречаются также и обозначения конкретных предметов, такие как *crnjelo do jaja(ta)* ‘яичный желток’, буквально «красное от яйца». Конкретное значение здесь – производное из абстрактной субстантивации; в этом случае есть даже мн. число *crnjele do jaji* («красные от яиц») И./В., *crnjeli do jaji* Р./Д./Т.

Одна из самых важных сфер употребления молизско-славянского среднего рода – бессубъектные предложения. Можно выделить несколько типов, характеризующихся отсутствием грамматического субъекта и формой глагола в среднем роде (различимой только в перфекте). Используемые формы среднего рода могут относиться к бессубъектным глаголам как таковым (собственно безличным глаголам) или к глаголам, которые за пределами своего безличного употребления встречаются также с субъектом.

В (3а) представлены конструкции с таким только второстепенно безличным глаголом *zabolit* в среднем роде. Наряду с ними здесь также приводится синонимическая личная конструкция с субъектом и с соответствующим согласованием в женском или мужском роде:

¹⁰ О формах и использовании полностью грамматикализированного неопределенного артикля в МСЯ, являющегося отличительной особенностью МСЯ и верхнелужицкого разговорного языка среди других славянских языков, см. [Брой, 2008: 77–82].

¹¹ Плюсквамперфект образуется с помощью неизменной частицы *bi*, добавленной к перфекту [Вреу, 2009: 87–89].

- (3а) *Je mi zabolilā* (ср.) *na glavū / na štomik*.
 ‘У меня заболело в голове / желудке’
 = *Je mi zabolilā* (ж.) *glavā* (ж.) / *zabolijā* (м.) *štomik* (м.).
 ‘У меня заболела голова / заболел желудок’.

Собственно безличными глаголами, употребляющимися в МСЯ всегда в среднем роде, являются, например, глаголы, обозначающие погодные условия или явления природы, как в (3б) и (3в):

- (3б) *Je zvedrilā / daždilā / melā*.
 ‘Прояснилось / шел дождь / падал снег’.
- (3в) *Je sa šmrklā / je zlamalā*.
 ‘Стало темно (наступила ночь)’ / ‘Сошел оползень’.

Такие же предикации могут быть образованы и от личных глаголов, которые, так сказать, входят в безличную диатезу, выраженную, в свою очередь, средним родом. Так, в (3г) глагол *rivat* ‘прибыть’ в бес-субъектной конструкции используется для указания времени:

- (3г) *Je bi rivalā okla Sti Mikel*.
 ‘(Теперь) было около Св. Михаила’ (= 29 сентября).
 Букв. «Прибыло (плюсквамперфект ср. рода) около Св. Михаила».

3. Род, падеж и тип склонения

Несмотря на тесный контакт МСЯ с беспадажными романскими языками, категория падежа в нем сохранилась. Исчез только местный падеж, который в большинстве случаев совпал с вин. падежом, соответственно с функциями этого падежа в итальянском языке, где он одновременно выражает «место» и «направление».¹² Кроме того, по срав-

¹² Утрата исконного местного падежа – сложный вопрос. С одной стороны, действительно нет разницы между выражением «направления» и «места» действия, и также нет никаких предлогов, управляющих только местным падежом. Но форма старого местного сохранилась во фразеологических словосочетаниях с предлогами *u* ‘в’ и *na* ‘на’ у некоторых существительных мужского рода, как напр., *na-putu* ‘по пути’, опять-таки без различения места и направления. Кроме того, в Монтемитро у существительных женского рода есть особая новая форма склонения на *-o*, опять с этими предлогами и опять только во фразеологических оборотах с определенными существительными, в том числе в некоторых случаях с существительными определенного значения, напр., ММ *na-miso* ‘на богослужение / -и’: *na misu* ‘в церковь / в церкви’ (вин. пад.). В говорах АК и СФ таких форм нет. В этой связи интересна и разница между отдельными говорами в адвербиальном обозначении самого языка: АК, СФ *govorat na-našu* ≠ ММ *govorat na-našo* ‘говорить по-моллизско-славянски’ (= «говорить по-нашему»). О деталях нового фразеологического «предложного» падежа в МСЯ и возможном объяснении этой формы см. [Вреу, 2008].

нению с хорватским языком, в МСЯ отсутствует звательный падеж,¹³ но наряду с четырьмя основными падежами сохранился еще и творительный падеж, как это было видно уже из парадигм в таблице 1.¹⁴

3.1. Формы окончаний единственного числа

Женское склонение существительных с исторической основой на **i* в МСЯ полностью исчезло, см. ниже. Поэтому в ед. числе для ж. рода существует только один ряд окончаний, представленный в таблице 2. При этом, если не учитывать просодические чередования (ударение, тон, длительность гласных), основы остаются неизменными.¹⁵

Мужской род в таблице 2 подразделяется на два класса: на основной класс, образовавшийся из исторического склонения основ на **o/ jo*, характерной особенностью которого является нулевое окончание в

¹³ Только в Монтемитро в мужских личных именах сохранились формы звательного падежа на *-e*, хотя окончательно еще не выяснено, являются ли эти формы исконными или же калькой какой-нибудь романской модели. Саммартиньо [Sammartino, 2004: 64] приводит также исконный звательный падеж для основ на **a/ ja*, а именно в форме *divojko* существительного *divojka* 'девушка'. Здесь необходимо добавить, что говорящие употребляют эту форму только с экспрессивно-восклицательной оценкой в диалогах, как: «*Ja sa ta vidila krest*». – «*O divojko, misl što govoraš!*» 'Я видела, как ты украла.' – 'О девушка, подумай, что ты говоришь!'

¹⁴ Как и в некоторых других славянских языках и диалектах, напр., в верхне-лужицком языке, творительный в МСЯ потерял функции беспредложного выражения средства действия, т. е. он всегда управляется предлогом, напр., *s maginom* 'на машине ~ машиной ~ с машиной'. У существительных с начальным *-s*, *-z* или *-š*, *-ž* предлог *s* отсутствует во всех функциях вследствие фонологической ассимиляции: (*s*) *špagom* 'бечевкой', (*s*) *sikirom* 'топором', (*s*) *zvezdom* 'с звездой', (*s*) *ženom* 'с женой'.

¹⁵ Большинство падежных форм соответствует формам хорватского языка, с учетом регулярных звуковых изменений в области длительности гласных. Исключение составляет окончание с шепотным *-u* в дат. падеже ед. числа в говоре АК, в сравнении с регулярным отсутствием первоначального краткого *-i > Ø* в говоре ММ и его возможным сохранением в СФ (см. выше). По всей видимости, оно происходит из вин. падежа, окончание которого вследствие синкретизма места и направления распространилось сначала на м. падеж, а затем, вследствие уже искомого тождества форм м. и дат. падежей в склонении на **a/ ja*, оно было перенесено и на дат. падеж [Врец, 2008: 90–99]. Не исключена также возможность перенесения окончания *-u* мужского рода непосредственно внутри Д. падежа, см. [Rešetar, 1911: 195], что повлекло бы за собой ослабление морфологической оппозиции родов в ед. числе, которая на данный момент наблюдается только у окончания *-a* в им. п. (касательно второстепенного мужского класса). По критерию согласования, оппозиция родов ж.:м. в дат. падеже, впрочем, полностью сохранилась, например, *dobromu didu* (м.) : *dobru ženu* (ж.).

им./вин. падежах ед. числа,¹⁶ и второстепенный класс на шепотный гласный *-a* (в ММ из-за отсутствия аканья: *-o*, *-e*, *-a*). Как представлено ниже, большая часть имен существительных на *-a* в им./вин. падежах принадлежит к бывшему среднему роду. Кроме того, в эту группу входят также и существительные бывшего м. склонения основ на **a/ja*, как *tata* в таблице 2, принявшие в остальных падежах окончания склонения основ на **o/jo*, а также заимствованные слова с группой согласных на конце слова. У всех существительных мужского рода окончания в твор. падеже варьируются между *-om* и *-am* (ММ *-em*).

Табл. 2. Окончания единственного числа существительных в МСЯ

ед. число		И.	Р.	Д.	В.	Т.
	ж.	<i>žena</i> 'жена'	<i>-e</i>	<i>-и</i>	<i>-и</i>	<i>-ōm</i>
	м. (главное скл.)	<i>did</i> 'старик'	<i>-a</i>	<i>-и</i>	<i>-∅</i>	<i>-om</i> , <i>-am</i>
	м. (второстеп. скл.)	<i>tata</i> 'отец'	<i>-a</i>	<i>-и</i>	<i>-a</i>	<i>-om</i> , <i>-am</i>

3.2. Род во множественном числе и паукале

Во мн. числе молизско-славянского языка согласования в роде больше нет. Также и в парадигмах классов склонения во мн. числе наблюдаются скорее лишь остатки соотношения окончания и рода, см. таблицу 3. Так, женский род в им./вин. падежах имеет окончание *-ę* (исторически краткое, и поэтому в Аквавиве сейчас в виде шепотного гласного, но выступающего – наперекор основному фонетическому правилу аканья – у многих носителей языка как *-ę* без снижения к *-a*). Мужской род имеет наряду с тем же самым окончанием, распространившимся в этом случае с вин. на им. падеж, также и окончание *-a* (исторически долгое), образованное, по всей видимости, от исторического окончания среднего рода или от собирательных существительных. При этом, окончание им./вин. м. рода у данного существительного является неизменяемым, способствуя, таким образом, подразделению на два подкласса, независимых, в принципе, от классификации в единственном числе. В род. падеже у существительных ж. рода и у односложных исконных слов любого рода наблюдается свойственное

¹⁶ Поэтому форма им./вин. ед. числа заканчивается в большинстве случаев на согласный. При вокализации первоначального **l* перед слогоразделом (здесь на конце слова) или у заимствованных из итальянского языка слов с ударением на конечном гласном здесь наблюдается усеченная по сравнению с остальными падежами основа на гласный, см. ниже.

склонениям основ на **o/jo* и **a/ja* нулевое окончание ($-ь, ь > \emptyset$), а также дополнительное окончание $-i$ ($< -\bar{i} < -b/jb$), оставшееся от исторического склонения на **i*. Окончания дат. и твор. падежей всегда совпадают. Для ж. рода в этом случае предпочитается старое окончание твор. падежа $-ami$, а для м. рода $-i$, которое, по всей видимости, было перенесено сюда из род. падежа (возможно, подкрепленное старой формой твор. падежа на $-i$). Но окончание $-i$ встречается также очень часто и у ж. рода, в то время как в м. роде, хотя и намного реже, вариативно употребляется окончание $-ami$.¹⁷ Исторические чередования в основе сохранились еще в очень немногочисленных существительных м. рода, например, им. ед. *vuk* ‘волк’, им. мн. *vuka ~ vusa*, род. мн. *vuci*.¹⁸

Табл. 3. Окончания множественного числа существительных в МСЯ

мн. число	И./В.	Р.	Д./Т.
ж.	<i>ženę</i>	$-\emptyset, -i$	$-ami, -i$
м. (главн.)	<i>dida</i>	$-i, -\emptyset$	$-i, -ami$
м. (второст.)	<i>konje</i> ‘конь’	$-i, -\emptyset$	$-i, -ami$

Числительные 2, 3 и 4 (как в русском и хорватском языках) управляют паукалем (*plurale paucitatis*),¹⁹ который у существительных м.

¹⁷ Род. падеж мн. числа является в МСЯ, как и в других славянских языках, падежом количества (управляемым наречиями количества и числительными от 5), в то время как в беспадежном итальянском языке этой специальной функцией обладает неизменная форма мн. числа. Продуктивность окончания $-i$ в род. падеже и распространение этого окончания на другие падежи мн. числа произошли, по всей вероятности, вследствие его чисто формального совпадения с формой мн. числа существительных м. рода и существительных ж. рода подкласса на $-e$ в итальянском языке. Общей причиной тому могло послужить стремление к одинаковому обозначению мн. числа в обоих контактных языках.

¹⁸ Очень редко в таких случаях встречается оппозиция значений, соответствующая определенным образом итальянской модели чередования родов во множественном числе. Так, существительное *rog* ‘рог’ в МСЯ имеет во мн. числе оппозицию *roze* ‘рога животных’: *roge* ‘рог/острие/зубец предмета’ аналогично итальянскому существительному *corno* с формами мн. числа *corna* (мн. ж.) : *corni* (мн. м.) с теми же значениями.

¹⁹ Зализняк [2002: 46–48] относит паукаль (счетную форму) ко множественному числу, а именно в качестве девятого падежа. Я считаю, что паукаль является такой же граммемой категории числа, как единственное, множественное, двойственное и т. д. Единственная разница состоит в том, что он – зависимая граммема, всегда управляемая числительными. Но он не исключение, так как, напр., двойственное число верхнелужицкого разговорного языка, в противоположность верхнелужицкому литературному, также не является свободным, а всегда управляется числительными *dwaj, dweј* ‘два, две’ и *wobaj, wobeј* ‘оба, обе’ [Scholze, 2008: 135–137].

рода совпадает с род. падежом ед. числа, а у существительных женского рода – с им. падежом мн. числа. В обоих случаях об этом свидетельствуют, по крайней мере, количественные свойства гласных (шепотный или полный), несмотря уже на различия между ед. и мн. числом в отдельных группах существительных в области окончаний или чередований в основе. Различие по родам в паукале поддерживается формами разных родов числительных *dva*, *dvi* ‘два, две’ и *opa-dva*, *opa-dvi* ‘оба, обе’. Прилагательные (как атрибутивные, так и предикативные) употребляются, напротив, в неизменяемой по родам форме им. мн. числа, например, *dva dobre ljudi* ~ *ljudata* ‘два хороших мужчины’ (им. мн. *dobre ljudi*), но *dvi dobre žene* ‘две хорошие женщины’ (род. ед. *dobre žene*).

4. Смена рода у имен существительных

4.1. Переход среднего рода в мужской и женский

Исчезновение среднего рода как родовой граммемы существительных вызвало новое перераспределение существительных между женским и мужским родами. Согласно законам звукового развития, бывший средний род в Аквавиве в им./вин. ед. оканчивается на шепотный гласный *-a*, исторически восходящий к *-e* или *-o* (в ММ они еще сохранились). Эта совпадающая по звучанию с ж. родом исходная форма привела к нестабильной ситуации, последствием которой стал переход некоторых бывших существительных среднего рода в ж., например, *ova zvona* (ж.) ‘этот колокол’; ср. хорв. *ovo zvono* (ср. род).

В таблице 4 во второй колонке представлен полный список бывших существительных среднего рода в МСЯ, перешедших в женский род. В первой колонке даны их современные эквиваленты в хорватском языке, где они средний род сохранили. Сравнение с итальянскими переводами различного рода в третьей колонке показывает, что возможное приравнивание рода к доминирующему языку не сыграло здесь особой роли:²⁰

Впрочем, предложный падеж русского языка тоже не является свободной грамммой, так как он всегда управляется предлогом.

²⁰ Тем самым высказанное в [Muljačić, 1973: 35] мнение – на основе данных диссертации А. Vetta – о том, что род существительных бывшего среднего рода определяется в «stragrande maggioranza dei casi» (в подавляющем большинстве случаев) родом их соответствий в итальянском языке, уже с точки зрения существительных женского рода ставится под вопрос. Также и приведенное там в соответствие с итал. *carne* (ж.) существительное бывшего среднего рода *mesa* (< *meso*) ‘мясо’ в действительности является существительным м. рода (сюда следует отнести и заимство-

Табл. 4. Переход молизско-славянских существительных среднего рода в женский

Хорватский средний род	МСЯ женский род	Итальянский эквивалент	Значение
<i>čelo</i>	<i>čela</i>	<i>fronte</i> ж.	‘лоб’
<i>sedlo</i>	<i>sedla</i>	<i>sella</i> ж.	‘седло’
<i>zdravlje</i>	<i>zdravlja</i>	<i>salute</i> ж.	‘здоровье’
<i>zvono</i>	<i>zvonā</i>	<i>campana</i> ж.	‘колокол’
<i>nebo</i>	<i>neba</i>	<i>cielo</i> м.	‘небо’
<i>srebro</i>	<i>sreba</i>	<i>argento</i> м.	‘серебро’
<i>gnijezdo</i>	<i>njizda</i>	<i>nido</i> м.	‘гнездо’

В случае бывших существительных среднего рода, перешедших вопреки итальянскому образцу в женский (нижняя часть таблицы 4) можно предположить внутриязыковое распределение по концам основ или суффиксам, типичным для женского рода. Это касается, в первую очередь, слов *neba* и *sreba*, представляющих собой единственные существительные бывшего среднего рода на *-ba* (<-*bo*). Они могли присоединиться к существительным женского рода с тем же конечным слогом, к примеру, *baba* ‘старуха’, *riba* ‘рыба’, *žaba* ‘черепаха’ или *roba* ‘вещи’ (← итал. *roba*). Сложнее дело обстоит с *njizda* ‘гнездо’, т. к. есть существительные среднего рода на *-da*, не перешедшие в женский род, ср., например, существительное мужского рода *brda* ‘холм’ (< *brdo* ср.) вопреки итал. *collina* (ж.). В качестве внутриязыковой мотивировки перехода существительного *njizda* в женский род можно предположить аналогию к единственному существительному женского рода на *-zda* – рифмующему с ним существительному *zvizda* ‘звезда’.²¹

Вышеназванные существительные бывшего среднего рода, перешедшие в Аквавиве в женский род, сохранили в Монтемитро конечный гласный исконной формы и перешли исключительно в мужской род: (*ovi*) *čelo*, *sedlo*, *zdravlje*, *zvono*; (*ovi*) *nebo*, *srebro*, *gnijzdo*. Это ясно

ванное существительное м. рода *makra* ‘постное мясо’ ← итал. *magro* ‘нежирный, постный’). Корректировки требует и предположение Решетара [Rešetar, 1911: 188] о том, что все существительные среднего рода (в говоре Аквавивы) по своим синтаксическим признакам перешли в мужской род.

²¹ Интересным с точки зрения языкового контакта является тот факт, что в диалектных вариантах итальянского языка провинции Кампобассо у эквивалентов к *nido* во мн. числе часто встречается окончание *-əɾə-* (из лат. *-ora* ср.), рассматриваемое на сегодняшний момент как окончание женского рода [Giammarco, 1976: 1279]. Это могло бы привести к распространению женского рода и на ед. число.

подчеркивает отсутствие в этом говоре аканья как обязательной предпосылки типичного для Аквавивы развития.

Хорватское существительное *doba* в значении 'время дня' перешло во всем МСЯ в женский род, также и в Монтемитро, причиной чему, безусловно, стало исконное окончание *-a*. Существительное *doba* имеет полную парадигму окончаний. Остается неразрешимым, произошла ли смена рода у этого первоначально неизменяемого существительного среднего рода после переселения в Италию или еще на изначальной родине, тем более что *doba* в чакавском диалекте, а также в некоторых значениях в хорватском языке тоже женского рода.

Все остальные существительные среднего рода как в Аквавиве, так и в Монтемитро перешли в мужской род. При этом гласный в окончании им./Вин. ед. числа был отчасти заменен нулевым окончанием, что полностью приравнивало их к парадигме прочих существительных мужского рода. Если в этих случаях исчезновение конечного гласного приводило к скоплению согласных на конце слова, то они по аналогии с соответствующими исконными существительными мужского рода разбивались гласными. Существует целый ряд различных случаев: сохранение гласного окончания в изначальной форме (конечно, с аканьем), как в (4), исчезновение окончания без последующих изменений (5а), исчезновение окончания с последующей вставкой гласного *-a-* в исходной форме (5б) и исчезновение окончания в исходной форме с развитием соответствующих чередований с согласным *-l* в других падежах (5в).²² В скобках представлены формы из говора Монтемитро, где встречается только сохранение окончания (4) или простое его исчезновение (5а):

(4) *brda* (*brdo*) 'холм', *grozja* (*grodje*) 'гроздь винограда'.

(5а) *mor* (*mor*) 'море', *jizer* (*izer*) 'озеро'.

(5б) *sukan* (*sukno*), Р. *sukna* 'сукно, шерстяная ткань'.

krosan (*krosno*), Р. *krosna* 'ткацкий станок'.

(5в) *držaj* (*držalo*), Р. *držala* ~ *držaja* 'палка, стержень'.

sfrda (*svrdlo*), Р. *sfrdla* 'сверло'.

²² Основная оппозиция между сохранением окончания среднего рода в (4) и его утратой в примерах в пункте (5) является систематическим различием, т. к. в первом случае утрата граммы среднего рода составляет всеобщую основу для смены рода, а во втором первоначально предполагается идиосинкразическая замена отдельных существительных. Это подтверждается тем фактом, что смена рода с одновременным исчезновением окончания временами происходит и в хорватском языке или его диалектах, например, *svrdlo* (ср.) ~ *svrdao* (м.), но смена рода при сохранении окончания происходит исключительно в МСЯ.

Типы (5б) и (5в) в Монтемитро отсутствуют. К тому же чистое исчезновение гласного окончания типа (5а) встречается в Аквавиве намного чаще. Между двумя говорами существуют, например, оппозиции типа *kolin* (АК) : *kolino* (ММ) ‘колено’, *ral* : *ralo* ‘плуг’, *zlat* : *zlato* ‘золото’.²³ Несмотря на то что общее ослабление бывших кратких гласных на конце слова в Аквавиве, вероятно, способствовало появлению исходных форм без окончаний, необходимо все же учесть, что при таком, фонетически обоснованном, факультативном исчезновении конечных гласных – так же, как это на сегодняшний момент происходит в (4), – группы согласных или *-l* на конце слова остаются неизменными, в то время как при полном исчезновении окончания в представленных здесь примерах (5б) и (5в) наблюдается эпентетический гласный или исчезновение конечного *-l*. Речь в этом случае действительно идет о морфологических изменениях, что подтверждается также ситуацией в ММ, см. (5а).

Также обращает на себя внимание тот факт, что более консервативный с точки зрения произношения и морфологической адаптации существительных среднего рода говор Монтемитро заменил в целом ряде случаев существительные бывшего среднего рода заимствованными словами, ср., например, *kaldza* вместо *japan* (АК) ‘известь’, *pašta zamišena* вместо *tist* (АК) ‘тесто’, *dota* вместо *ruha* (АК) ‘приданое’. В этом отношении его можно считать более прогрессивным.

В обоих живых говорах МСЯ у существительных бывшего среднего рода в парадигмах хорошо сохранились чередования в основе, особенно в случае наличия исходной гласной формы, например, *dita* (ММ *dite*), род. *ditata* (*diteta*), им. мн. *dica*, род. мн. *dicov* ‘ребенок’; *jima* (*jime*), род. *jimana* (*jimena*) ‘имя’; *piplja* (*piplje*), род. *pipljata* (*pipljeta*), им. мн. *pipljena* ‘цыпленок’; *tela* (*tele*), род. *telata* (*teleta*), им. мн. *telenja* ‘теленок’; *driv* (*drivo*), род. *drivata* (*driveta*) ‘древесина’. Но чередова-

²³ По подсчету данных из [Brec, Piccoli, 2000] в Аквавиве сохранилось около 70 перешедших в мужской род существительных среднего рода. Примерно одна треть из них потеряла конечный гласный, наряду с вышеназванными или рассматриваемыми ниже случаями сюда относятся: *blag* ‘скот’, *čriv* ‘кишка’, *kljupak* ‘комок’, *korit* ‘корыто’, *sirišt* ‘сычужный фермент’, *tim* (*do glave*) ‘темя, затылок’, *ulišt* ‘улей’. Число этих случаев у молодых носителей языка заметно растет. Иногда даже у пожилых носителей языка, которые обычно всегда произносят в речи шепотный гласный *-a*, можно наблюдать чередование типа *lit* ~ *liṭa* ‘лето’ и *sit* ~ *sita* ‘сито’. Обособленную позицию здесь занимает существительное *godišť* ‘год’, которое сохранило конечный гласный только в своем сокращенном варианте *gošťa* (ММ только *gošte*).

ния такого типа не ограничиваются бывшим средним родом. В особенности в Аквавиве они также часто встречаются у существительных, уже исконно принадлежащих к мужскому роду, например, *ljud*, род. *ljuda ~ ljudata* ‘человек’, *dub*, Р. *duba ~ dubata* ‘дерево’, и у заимствованных слов, например, *ćip*, род. *ćipa ~ ćipata*, им. мн. *ćipenja* ‘ветка хвороста’. С другой стороны, мужское существительное бывшего среднего рода *čeljada* ‘лицо, особа’ (хорв. *čeljade*, род. *čeljadeta*, замененное во мн. числе женским собирательным существительным *čeljad*), стало регулярным: род. ед. *čeljada*, им. мн. *čeljade*.

Необходимо также отметить переход основы мн. числа в ед. у существительных бывшего среднего рода *oč* ‘глаз’ (только АК) и *uš* ‘ухо’ (также ММ). Наряду с ними еще встречаются исконные формы единственного числа, в Аквавиве без гласного в исходной форме, т. е. *ok* (в ММ – всегда *oko*) или *uh* (*uho*).

Особого рассмотрения среди существительных бывшего среднего рода требуют существительные, употребляемые только во мн. числе (*pluralia tantum*). Определение рода здесь, так же как и в других языках, не располагающих во мн. числе согласованием в роде, довольно сложно. Поскольку парадигма мн. числа в МСЯ имеет сильное колебание окончаний во всех родах, чисто морфологическая классификация также не является весьма полезной. Однако у исчисляемых существительных *pluralia tantum* решение можно найти в том факте, что многие носители языка соотносят их с имеющим родовую дифференциацию числительным *dva, dve* ‘два, две’.²⁴ Все относящиеся сюда примеры вследствие их комбинации с мужским числительным *dva* обозначаются как мужские, например, *jasla* ‘кормушка’, *usta* ‘рот’ (ММ *guandže* ← итал. *guancia* ‘щека’), *vrata* ‘дверь’, *Uzma* ‘пасха’ (ср. хорв. *Vazam* м. ед., а чакавск. *Uzma pl. tantum* среднего рода). Но у существительного *drva* ‘дрова’ этот принцип не действует. Бывшее существительное *pl. tantum* среднего или женского рода *prs* (хорв. *prsa* ср. ~ *prsi* ж.) ‘грудь’ стало в обоих говорах обыкновенным существительным мужского рода ед. числа без гласного окончания в им./вин. падежах.

Интересный случай развития в МСЯ представляет собой ставшее несклоняемым существительное *zlo* ‘зло’. С точки зрения согласова-

²⁴ Если речь идет о референтах, состоящих из двух частей, то предпочитается в основном следующий тип счета: *dva para vrat* ‘две пары дверей’. В качестве неопределенного артикля со значением ед. числа (и как число ‘одни’) у существительных *pluralia tantum* используется неизменяемая по родам форма мн. числа *jene* [Брой, 2008: 78].

ния оно присоединилось к мужскому роду: *ovi zlo nije mi proša* ‘это зло у меня не прошло’.²⁵ Несклоняемыми являются также образовавшиеся от существительных среднего рода наречия типа *podne* ‘в полдень’ (так же *prije podne* ‘до обеда’, *dôra podne* ‘после обеда’, *popozuk* ‘за пазухой’ (ММ *potpazuk*; ср. хорв. *pazuho* ~ *pazuh* ‘пазуха’).

Выражение *vo-gošta* ‘в этом году’ (ММ *vogošte*) может рассматриваться как пережиток бывшего согласования в среднем роде, если принять во внимание его возможное образование из **ovo godište* ‘этот год’. На сегодняшний момент *godišt* ~ *gošta*, конечно, мужского рода.

4.2. Внутренние перераспределения мужского и женского рода

Существительные, исконно относящиеся к м. или ж. роду, в основном сохранили свою родовую принадлежность. В принципе, возможное при языковом контакте «выравнивание» рода по итальянской модели здесь, как правило, не состоялось. Очевидно, принадлежность к определенной морфологической парадигме, т. е. идентификация рода с определенным классом склонения, выступило в этом случае важным сохраняющим фактором. И все же некоторые исконные слова в условиях языкового контакта изменили свой первоначальный род, например, **prisega* ж. → *priseg* м. ‘клятва, присяга’ (ср. итал. *giuramento* м.), и наоборот: **mrav* м. → *mbrava* ж. ‘муравей’ (ср. итал. *formica* ж.). Произошло даже расщепление лексических значений на основе родовой оппозиции: **zima* ж. → *zim* м. ‘зима’ (ср. итал. *inverno* м.) ≠ *zima* ж. ‘холод’ (вопреки итал. *freddo* м., очевидно, по модели синонимичного *mrzlina* ж.). Говор Монтемитро не принял полного участия в этих процессах, например, *mbrav* ‘муравей’ осталось в нем существительным м. рода.

Роль морфологических парадигм в консервативности родовой принадлежности косвенно подтверждается судьбой исторического склонения женских основ на **i*, препятствовавшего принципу связи между родом и склонением. МСЯ полностью утратил это склонение. До его утраты оно вызывало в МСЯ – как и в других славянских языках – противоречие между относящейся, как правило, к мужскому роду основ-

²⁵ В Монтемитро его бывшее мн. число, *zla*, еще продолжает существовать, но в качестве несклоняемого варианта ед. числа м. рода. В Аквививе эта форма используется только в конструкции *govorat/reč zla* ‘плохо говорить/сказать (о ком-либо)’ и рассматривается здесь как наречие.

ной формой (им. ед.) на согласный и ее согласованием по женскому образцу.²⁶

У бывших существительных с основой на **i* были, в принципе, две возможности перераспределения: переход в мужской род (по согласованию и окончанию) с сохранением основной формы на согласный или переход в женский род с добавлением окончания *-a* к исконной форме и присоединением к словоизменительной парадигме основ на **a/ja*.²⁷ Выбор типа перехода зависел в этом случае, в отличие от нового рода существительных бывшего среднего рода (см. выше), от рода соответствующих существительных в контактном языке. Это подтверждают приведенные ниже списки сохранившихся в Аквавиве существительных бывшего женского склонения основ на **i*, расположенные в таблице по роду предполагаемых существительных-моделей в итальянском.²⁸ мужскому – в таблице 5, а женскому – в таблице 6. Факт существования представленных в скобках дополнительных итальянских эквивалентов, не совпадающих с новым родом, не повлиял на регулярное перераспределение по образцу первого варианта. Представленные в таблице русские переводы касаются значений в МСЯ и в итальянском. В отношении к хорватскому (БСХ) в этих языках произошли некоторые смещения.²⁹

²⁶ Дополнительной причиной ослабления склонения женских основ на **i* в МСЯ послужило масштабное вытеснение исконных абстрактных существительных заимствованными словами, следствием чего стала полная утрата абстрактного суффикса *-ost-*, поддерживающего это склонение в других славянских языках, ср. хорв. *mladost* : МСЯ *džuvindu* ‘молодость, юность’ (← итал. *gioventù*).

²⁷ Зачаточные стадии сокращения у склонения основ на **i* видны и в других славянских языках. Так, в близкородственном с генетической точки зрения хорватском языке и его диалектах мы находим случаи частичного или полного перехода существительных бывшего женского рода из склонения основ на **i* в склонение основ на **a/ja*, например, *žed* ~ *žeda* ‘жажда’, МСЯ *žedža*. Другим процессом развития является частичная замена отдельных окончаний окончаниями из склонения основ на **a/ja*, например, в украинском языке в род. и дат./предл. ед. ч. с окончанием *-i* (< **ě*).

²⁸ Точнее говоря, в его моллизском диалекте, так как эти изменения довольно старые, произошедшие уже до исследований Решетара [Rešetar, 1911], если сделать вывод из рассмотрения небольшой части существительных в следующих таблицах, представленных также в его книге.

²⁹ Некоторые из следующих существительных даже в хорв. языке, по меньшей мере, вариативно или регионально относятся к мужскому роду, например, *bol* м./ж., *nit* м./ж., не говоря уже о всеобщем переходе таких существительных как *miš* м. (БСХ, МСЯ), ср. *мышь* ж. (в русском и других славянских языках). Это никак не противоречит факту, что полное и безысключительное приведение в соответствие

Табл. 5. Переход бывших женских существительных с основой на *i в мужской род

Хорватский (ж. *i)	МСЯ м. (*o/jo)	Итальянский эквивалент = мужской	Значение
<i>kost</i>	<i>kost</i>	<i>osso</i>	‘кость’
<i>krv</i>	<i>krv</i>	<i>sangue</i>	‘кровь’
<i>mast</i>	<i>mast</i>	<i>lardo</i>	‘жировая прослойка’
<i>nečist</i>	<i>nečist</i>	<i>sporco (sporcizia ж.)</i>	‘мусор, грязь’
<i>nit</i>	<i>nit</i>	<i>spago</i>	‘нить’
<i>pamet</i>	<i>pamet</i>	<i>senno, giudizio</i>	‘разум, рассудок’
<i>peć</i>	<i>peć</i>	<i>forno</i>	‘печь’
<i>ravan</i>	<i>ravan</i>	<i>piano (pianura ж.)</i>	‘равнина, плоскость’
<i>sol</i>	<i>so</i>	<i>sale</i>	‘соль’
<i>vlas</i>	<i>vlas</i>	<i>capello</i>	‘волос’
<i>žuć</i>	<i>žuć</i>	<i>fiele (cistifellea ж.)</i>	‘желчь, желчный пузырь’
<i>zvijer</i>	<i>zvirā*</i>	<i>animale selvatico (fiera ж.)</i>	‘зверь’

* Существительное *zvirā* имеет форму И./В. ед. бывшего ср. рода. Тем не менее, кажется невероятным, что это существительное сначала перешло в ср. род, который к моменту утраты склонения типа *i, возможно, еще существовал. Такие формы доказывают скорее, что бывшая парадигма ср. рода здесь, как и у бывших исконных существительных ср. р. воспринимается как обычная мужская парадигма. То обстоятельство, что именно это слово при смене рода получило исходную форму на гласный, объясняется, по всей видимости, проведением аналогии к другим названиям животных, например, к *telā* м. ‘теленоч’, *nimaldža* м. ‘животное’.

Табл. 6. Переход бывших женских существительных с основой на *i в склонение *a/a

Хорватский (ж. *i)	МСЯ ж. (*a/a)	Итальянский эквивалент = женский	Значение
<i>bol</i>	<i>bolā</i>	<i>bua</i>	‘боль’ (детск. язык)
<i>cijev</i>	<i>civa</i>	<i>spola</i>	‘катушка, шпуля’
<i>kokoš</i>	<i>kokoša</i>	<i>gallina</i>	‘курица’

рода и типа склонения было вызвано влиянием языкового контакта на новой родине. Об отдалении от отношений в хорватском языке свидетельствует, к примеру, наличие в МСЯ только женского рода у существительного *bolā*, как у итал. *bua* (детский язык). Этому не противоречат также существительные, которые в хорв. вариантивно, в некоторых диалектах или в книжном языке, перешли в склонение основ на *a/a: *bol(a)*, *kokoš(a)*, *laž(a)*, *kći ~ kćer(a)*, *žeđ(a)*.

Окончание

Хорватский (ж. *i)	МСЯ ж. (*a/ja)	Итальянский эквивалент = женский	Значение
<i>laž</i>	<i>laža*</i>	<i>bugia</i>	‘ложь’
<i>mati</i>	<i>mat**</i>	<i>madre</i>	‘мать’
<i>noć</i>	<i>noča</i>	<i>notte</i>	‘ночь’
<i>pregršt</i>	<i>pregništa</i>	<i>giumella</i>	‘две горсти, жмени’
<i>riječ</i>	<i>riča</i>	<i>parola</i>	‘слово’
<i>smrt</i>	<i>smrtva</i>	<i>morte</i>	‘смерть’
<i>stvar</i>	<i>stvara</i>	<i>cosa</i>	‘вещь’
<i>kći</i>	<i>ščera</i>	<i>sorella</i>	‘сестра’
<i>večer</i>	<i>večara</i>	<i>sera</i>	‘вечер’
<i>žed</i>	<i>žedža</i>	<i>sete</i>	‘жажда’

* В устойчивом выражении *govorat/reč laž* ‘говорить/сказать ложь = (со)лгать’ сохранилась первоначальная форма. Она не склоняется и воспринимается как наречие.

** У существительного *mat*, Р. *mat(a)re*, еще сохранилось историческое чередование в основе, а также И. ед. без окончания, но в остальном его флексии соответствуют – как и в современном хорватском языке – склонению основ на **a/ja*.

Исключением из общего правила регуляризации существительных с основой на **i* по аналогии с родом в доминирующем языке является существительное *glad* ‘голод’, соответствующее итал. существительному ж. рода *fame*. Но здесь необходимо учесть два факта: факультативная форма м. рода существует также и в хорватском литературном языке, и мужской род этого слова является в прибрежных регионах Далматии – как и вообще в славянских языках – даже единственной возможностью, ср., напр., чакавское существительное *glôd* [Hraste, 1979]. К тому же наличие только м. рода у существительного *glad* в штокавско-икавском словаре Вольтиджи [Volliggi, 1802] говорит о его присутствии на миграционной территории МСЯ в древности. Так, можно допустить, что это существительное уже ко времени переселения молизских славян не относилось к склонению на **i*.

В большинстве случаев существительные с основой на **i* в Монтемиро ведут себя так же, как это представлено в списках для Аквивавы. Однако выпадают из представленной таблицы 5 *nit*, *ravan* и *zvira*, т. к. они были заменены другими словами (*lič*, *ravnica*, *nima*). Различия наблюдаются у *vlasa* (ж. вместо *vlas* АК) в табл. 5 и у существительного *laž* (м. вместо *laža* АК), а также *pregušto* (м. вместо *pregništa* АК) в

табл. 6. Речь здесь идет либо о самостоятельных развитиях на пути к утрате склонения на **i*, либо регуляция рода произошла по образцу отличных от представленных выше итальянских эквивалентов. В любом случае различие родов в обоих молизско-славянских говорах заслуживает пристального внимания.

5. Род заимствованных слов

Род заимствованного существительного определяется обычно родом этого существительного в языке-источнике. Существительные с безударным концом слова, как правило, без особых трудностей присоединяются к стандартной парадигме мужского рода (им./вин. на согласный) или соответственно к парадигме женского рода (им. на *-a*). Это распределение не зависит от окончания слова в итальянском языке: существительные мужского рода с безударными *-o* или *-e* на конце теряют этот гласный, в то время как существительные женского рода на *-a* или *-e* заменяют его на *-a*, напр., *quadro* м. → *kvadr* ‘картина’, *ospite* м. → *ospit* ‘гость’, *piccione* м. → *pičun* ‘голубь’ или *cipolla* ж. → *čipula* ‘лук’, *birra* ж. → *birā* ‘пиво’, *processione* ж. → *prčasijuna* ‘процессия’. Также и итальянские заимствования м. рода на *-a* образуют им./вин. падеж без окончания, напр., *problema* м. → *pròblèm* ‘проблема’, *pianeta* м. → *pjanet* ‘планета’, *statista* м. → *štatišt* ‘государственный деятель’. Тем не менее заимствованные существительные можно также найти и в мужском дополнительном классе с им./вин. на *-a*, что объясняется попыткой избежания определенных групп согласных на конце слова, например, *barile* м. → *barla* ‘бочка’.³⁰

Во мн. числе существительные м. рода имеют в им./вин. пад. наряду с главной формой *-a* при наличии определенных суффиксов (например, итал. *-one* → *-un*) окончание *-e* дополнительного класса, ср. *kvadra*, *ospita*, но *pičune*. У существительных женского рода это, конечно, единственно возможное окончание им./вин. мн., напр., *bire*, *prčasijune*. В остальных падежах в том и другом роде преобладает окончание *-i*, чередование с другими окончаниями является скорее редкостью. Такое

³⁰ В Монтеитро существует еще другой тип заимствований мужского рода. Речь здесь идет о заимствованиях с сохранением итальянского окончания *-o* в им./вин. ед., напр., итал. *gallo* м. ‘петух’ → *galo* (АК *pivac*), итал. *largo* ‘простор’ → *largo* ‘поле’ (АК *njiva*). Сохранение безударного окончания *-o* здесь – как у бывших существительных среднего рода – вызвано отсутствием аканья в этом говоре.

сильное преобладание окончания *-i* у заимствованных слов подтверждает высказанную выше мысль о поддержке этого окончания неизменной формой мн. числа у большинства существительных в итальянском языке, имеющей такое же звучание.

По аналогии с заданным образцом в исконной лексике у заимствованных существительных мужского рода также наблюдаются чередования между им./вин. ед. числа без окончания и остальными формами парадигмы. Например, процесс вокализации *l* на конце слова в древних стадиях сербохорватских (БСХ) языков обнаруживается в форме чередования *-a/-al* в примерах типа итал. *ospedale* м. → *spida*, род. *spidala* ‘больница’, а также чередованием *-j/-l* в примере *bacile* м. → *bačij*, род. *bačilā* ‘миска, таз’. В принципе, моделью здесь могли послужить исконные чередования типа *kota* ‘котел’ : род. *kotla*, *vo* ‘вол’ : род. *volā* или *držaj* ‘палка, стержень’ : род. *držaja* ~ *držala*. Но следует учесть тот факт, что конкретное чередование *-a/-al* проявляется только у заимствованных существительных.³¹ В этой сфере оно даже распространилось на заимствования, имеющие на конце не *-l*, а гласный под ударением, например, итал. *caffè* м. → *kafě*, род. *kafěla* ‘кофе’, *papà* м. → *papa*, род. *papala* ‘папа’, но только в говоре Аквививы; ср. соответствующие формы *kafe*, род. *kafeja* и *papa*, *P. papaja* в Монтемитро.

В некоторых случаях род заимствований не совпадает с родом соответствующих итал. существительных, напр., *aeroplano* м. → *rivoplana* ж. ‘самолет’, *calcio* м. → *kaldžā* ж. ‘пинок’. Причины этому могут быть разные. Например, на род существительного *rivoplana* могло повлиять его отнесение к *magina* ж. ‘машина’, так же как и у синонима *parekja* ‘самолет’ ж. (← итал. *apparecchio* м. ‘прибор’). Иногда речь идет только о мнимом разногласии, т. к. различие родов является уже внутророманским, и слово в этом случае было заимствовано не из литературного языка, а из молизского диалекта. Однако на данный момент исследования остаются еще до конца не выясненные случаи. Прежде всего это касается заимствованных слов, род которых различается в говорах Аквививы и Монтемитро, как в примерах: итал. *crivello* м. → *kurvalā* ж. (АК) ‘сито для зерна’ ≠ *kurveja* м., род. *kurvela* (ММ), итал. *catomilla* ж. → *katomila* ж. (АК) ‘ромашка’ ≠ *kambumil* м. (ММ).

³¹ Однако это чередование свойственно исконным глаголам, например, *je pisa* м. : *je pisa(a)* ж. ‘тисал(а)’, наряду с чередованием *-a/-l*, как напр., *je reka* м. : *je rekla* ‘сказал(а)’; ср. хорв. *pisao je* : *pisala je*, *rekao je* : *rekla je*.

Особенным случаем является смена рода у существительных женского рода, имеющих в итальянском языке ударение на конце слова. Они переходят, как правило, в мужской род, т. к. только он в форме парадигм с чередованием согласного *l* обладает образцом для склонения существительных на полный гласный: *carità* ж. → *karita* м., род. *karitala* ‘милостыня’ или *qualità* ж. → *gvalita* м., род. *gvalitala* ‘качество’. Заимствования, не принявшие участие в такой, обусловленной морфонологией, интеграции, сохраняют обычно свой ж. род и становятся неизменяемыми, *gioventù* ж. → *džuvindu* ж. ‘молодость, юность’. Говор Монтемитро располагает, по всей видимости, из двух возможностей только последней, ср. *qualità* ж. → *gualita* ж. (неизменяемое).

6. Тип рода и языковой контакт

Подытоживая, можно сказать, что описанная в пункте 2.2 тенденция славянских языков к тесному сочетанию рода и типа склонения существительных – в МСЯ вследствие утраты среднего рода и склонения женских основ на **i* – почти полностью осуществлена. Не принимая во внимание два варианта окончаний в им./вин. ед. и чередования в основе некоторых существительных мужского рода, в ед. числе здесь можно действительно говорить о «родовой флексии». Во мн. числе ввиду многочисленных вариаций она представлена только частично, а именно в типичных парадигмах с окончаниями им./вин. мн. м. *-a* ≠ им./вин. мн. ж. *-e* (но с единым окончанием *-i* во всех остальных падежах). Яснее всего такая «родовая флексия» выражена у заимствований. Главной причиной все еще существующих вариаций и идиосинкразий во мн. числе является, несомненно, тот факт, что согласования по роду здесь больше нет.

Хотя тенденция к родовой флексии различима также и в других славянских языках, необходимо указать на то, что неуклонная реализация этого процесса в МСЯ, по всей видимости, была возможна только благодаря ситуации языкового контакта, в которой он находится. Наряду с реформированием отдельных существительных, в особенности при замене рода у бывших существительных женского рода с основой на **i*, это отчетливо наблюдается прежде всего в исчезновении среднего рода у существительных. Нет сомнения, что причину утраты среднего рода как класса согласования у исконных существительных в МСЯ

можно найти в господствующем итальянском языке и в находящемся в непосредственной близости диалекте Нижнего Молизе, которые имеют только мужской и женский род.

Не принимая во внимание специфические для каждого отдельного языка особенности, можно попытаться установить различие между «романским» и «славянским» типом рода. При этом утрату среднего рода и сохранение родового различия во мн. числе следует рассматривать как диахронические константы романских языков, а сохранение среднего рода, развитие дополнительных различий в сфере одушевленности и тенденцию к утрате состоявшейся ранее родовой дифференциации во мн. числе – как диахронические константы славянских языков.³² Полная утрата среднего рода как родовой граммемы существительных, с одной стороны, и постепенная ликвидация грамматического различия в области одушевленности, с другой – свидетельствуют о том, что МСЯ в основных своих чертах теперь может быть причислен к «романскому» родовому типу, несомненно, по причине многовекового контакта с романскими языковыми системами. Со «славянским» типом МСЯ, по всей видимости, еще совпадает только в одном пункте, а именно в утрате родовой дифференциации во мн. числе. Однако как раз близкородственный хорватский, в отличие от болгарского / македонского и севернославянских языков, этот шаг не совершил. Таким образом, можно предположить, что эта утрата также была вызвана языковым контактом. При этом надо учесть, что сохранившиеся мужской и женский рода в согласующихся частях речи (местоимениях, прилагательных) в иммиграционный период – так же как и в современном хорватском языке – различались только в им. падеже. Поэтому утрата родового различия во мн. числе в МСЯ может рассматриваться

³² В качестве индивидуальной языковой особенности, не противоречащей универсальному романскому типу, можно рассматривать *ambigena* румынского языка как третий род, хотя именно в этом случае нельзя исключать, что латинские реликты, которые отчасти встречаются также еще в итальянских существительных обоих родов типа *paio* 'пара' (ед. м.) ≠ *paia* (мн. ж.), *uovo* 'яйцо' (ед. м.) ≠ *uova* (мн. ж.), сохранили и расширили здесь свое использование вследствие влияния славянского среднего рода во время тесного языкового контакта. Наличие «среднего» рода у вещественных существительных в некоторых диалектах Средней Италии также является нетипичным остаточным явлением; см. ниже. Среди славянских языков сохранение исконной родовой оппозиции м. : ж. : ср. во мн. числе в сербском/хорватском, словенском и частично (м. : ж. : ср.) чешском литературных языках отличается от общего типа. Но и здесь уже заметны тенденции к редукции системы; ср. «resolution rules» [Corbett, 1991: 280–283].

как случайное побочное явление в процессе общей замены именительного падежа мн. числа винительным, а не как намеренное удерживание славянской константы развития.

Вышеустановленное сохранение молизско-славянского среднего рода как источника согласования за пределами области существительных не противоречит допущению перехода в «романский» тип рода. Здесь как раз наоборот, истоки дальнейшего существования среднего рода в сфере местоимений также можно искать в языковом контакте, ибо в противовес существительным именно в этой области в итальянском языке мы находим указательные местоимения среднего рода, отличные от местоимений мужского и женского родов, см. подробнее [Breu, 2003: 67–71].

В итальянском стандарте существует, например, безличное *ciò* ‘это’, а также различие между *questi* (мужское лицо) : *questo* (ср. / м.) : *questa* (ж.) ‘этот, это/этот, эта’ и т. д. Во многих средне и южноитальянских диалектах дифференциация форм мужского, среднего и женского рода происходит как у указательных местоимений, например, в неаполитанском *chéstə* (ср.) : *chistə* (м.) : *chésta* (ж.); см. [Rohlf's, 1968: 207], так и у определенного артикля, напр., *lo* (ср.) : *lu* (м.) : *la* (ж.).

Также и в случае столь распространенных в МСЯ субстантиваций типа *ono lipo* ‘(то) красивое’ надо подразумевать языковой контакт, т. к. их формы и функции для славянских языков настолько не свойственны, что их появление из исконной славянской сферы практически исключено. С другой стороны, субстантивации во многих средне- и южноитальянских диалектах представляют собой важную область пополнения для среднего рода, который в них еще существует,³³ хотя на тот факт даже со стороны романистики обращается скорее незначительное внимание. Но, по меньшей мере, в [Grassi et al., 1997: 121] приводятся оппозиции типа *lə 'werdə* (ср.) ‘(то) зеленое’ : *lə 'werdə* (м.) ‘(тот) зеленый (платок)’ или *lo bruttu* (ср.) ‘(то) некрасивое, некрасивость’ : *lu bruttu* (м.) ‘(тот) некрасивый (мужчина)’. Значения этих субстантиваций явно соответствуют известным из МСЯ абстрактным прилагательным среднего рода. Ср. [Giammarco, 1979: 128], который в этой связи говорит о «*concetto 'astratto*’ (‘абстрактный концепт)».

³³ Эти диалекты являются, как известно, не единственными на романской территории, ср., к примеру, рассмотрение субстантивированных прилагательных как форм среднего рода с собственным артиклем *lo* (м. *el*, ж. *la*) в испанском языке.

Ввиду отсутствия в МСЯ (непроизводных) существительных среднего рода в теории контактов наше внимание привлекает тот факт, что существительные третьего рода все еще существуют в некоторых итальянских диалектах. Семантически они близки субстантивациям, поскольку они являются исключительно вещественными существительными, которые тоже не индивидуальны, например, выражения для обозначений 'молоко', 'соль', 'дым', отчасти в прямом противопоставлении к таким индивидуальным существительным, как *lu panə* 'буханка хлеба' (м.) и *lo panə* 'хлеб' (веществ., ср.); см. [Rohlf, 1968: 109]. Речь здесь, по всей вероятности, идет о единой мотивированной, с точки зрения содержания, категории.³⁴

В этой связи возникает вопрос, почему МСЯ не сохранил тем же образом и существительные среднего рода с вещественным значением или не образовал новые существительные этого типа. Ответ на этот вопрос надо искать в формальном способе выражения среднего рода в соответствующих контактных языковых системах. Необходимо отметить, что существительные среднего рода в них не влияют на предикативное или атрибутивное согласование с прилагательными или глаголами. Формально их можно распознать зачастую только при помощи особого определенного артикля, к примеру, (*l*)o, *lə* вместо мужского (*l*)u, *lə*. К другим возможным отличительным признакам среднего рода в средне- и южноитальянских диалектах относятся отсутствие метафории (здесь в противовес мужскому роду) или *radoppiamento sintattico* (удвоение инициальных согласных); см. [Rohlf, 1968: 108–110]. Чтобы скопировать эту формальную модель, в наличии не было структурных эквивалентов. Ведь в МСЯ у существительных нет явного определенного артикля, а упомянутые звуковые правила ему абсолютно чужды. Таким образом, в МСЯ у исконных существительных, по всей вероятности, тоже произошла бы соответствующая реорганизация родовой системы, если бы модель контактных языков была для молизских славян очевидна и воспроизводима.

³⁴ Хазе [Haase, 1999: 89–91] выводит оппозицию мужской : средний в среднеитальянском из представленного у местоимений в латинском языке различия между «индивидуумом» и «массой», которое с помощью развившегося из указательного местоимения артикля было перенесено на существительные, где оно закрепилось и расширилось. Об объеме, значении и происхождении среднего рода в диалектах граничащего с Молизе региона Абрुццо см. [Giammarco, 1979: 124–130].

В отличие от этого, итальянские литературные и диалектальные субстантивации прилагательных и других частей речи имели кое-что, что для двуязычных славянских переселенцев представлялось очевидным и непосредственно воспроизводимым. Речь идет о типичном для итальянского языка и его диалектов подкреплении субстантивированных прилагательных указательным местоимением в функции определенного артикля. В случае самостоятельных, т. е. незллитических, субстантиваций используются местоимения среднего рода. Это можно было без проблем сконструировать по образцу, а именно при помощи славянских указательных местоимений среднего рода.

Побочным эффектом этого стало сохранение среднего рода и у других частей речи как следствия (исконно славянского) согласования, отсутствующего в этом роде в итальянском языке, а именно: между субстантивациями, глаголами и предикативными прилагательными. Принципиальное сохранение глагольных форм среднего рода в этой вызванной влиянием контакта частной области способствовало их сохранению также и в исконных функциональных областях безличности, например, у глаголов, обозначающих погодные условия; тем более что модели для их замены другим родом в романских языках наготове не было.³⁵ Тенденция к развитию безличной диатезы, как в приведенном выше примере (3г) *je bi rivala* 'пришло' в значении времени, указывает на то, что средний род в этом случае приобрел даже новую продуктивность. Прямых итальянских соответствий здесь нет, и поэтому данная конструкция может быть передана только при помощи «безличного» пассива с возвратным местоимением *si*, здесь *si era arrivati*, который, однако, как это свойственно такому типу конструкций, подразумевает личный смысловой субъект.

В общем и целом подтверждается тот факт, что заимствование лексических и грамматических концептов в языковом контакте не фиксируется на конкретных формах контактного языка, а осуществляется с помощью собственных средств в случае наличия структурных соответствий. Если их нет, как в случае отсутствия особого определенного артикля, который мог бы выделить вещественные существитель-

³⁵ Связь с использованием личного местоимения среднего рода *gli* у глаголов, обозначающих погодные условия (*gli è piovuto* 'шел дождь'), или в смысле безличного немецкого субъекта *es*, как он представлен в древнеитальянском и еще сегодня встречается в северных диалектах [Rohlf: 1968, 144], кажется скорее сомнительной, но полностью ее исключать нельзя.

ные на фоне остальных, модель главенствующего языка не может быть скопирована. С другой стороны, на основании структур перенимающего языка приравнивание может выйти даже за пределы данной модели.

Перечисленные случаи достаточно отчетливо показывают, что МСЯ на базе исконных славянских форм склонения с помощью сокращения и реорганизации, которые берут свое начало в языковом контакте, развил собственный в морфологическом и синтаксическом отношении тип среднего рода. С точки зрения содержания он специализируется на безличности и вещественности, что, вероятно, можно обобщить как «категорию неиндивидуальности». МСЯ является в этом отношении уникальным среди всех славянских языков. Однако при оценке этого развития нельзя забывать о том, что средний род, выступающий по своему исконному характеру как род, не подкрепленный категорией пола, является в своей самобытной сущности «неиндивидуативным». Все же тот особый путь, который избрал МСЯ, можно понять только на фоне модели романских языков, оказавших влияние на славянскую основу.

Проблема аргументации с помощью контактных языков проявляется в том, что – как уже указывалось выше – в современном диалекте Нижнего Молизе вблизи Адриатического моря, расположенного непосредственно в окрестности Аквавивы, не наблюдается никаких признаков среднего рода ни у субстантиваций, ни у местоимений или вещественных существительных [Vgeu, 2003: 70–71]. Это его объединяет с другими расположенными вблизи побережья диалектами [Giammarco, 1979: 131]. Наипростейшее решение этой проблемы ввиду неоспоримых обстоятельств в пользу объяснения с помощью контактных языков заключается в предположении, что потеря среднего рода в расположенных вблизи побережья областях произошла относительно недавно. Но, с другой стороны, средний род мог бы являться доказательством не принятого до этого момента во внимание факта внешней истории МСЯ. Если идеальным истоком развития являются более северные среднеитальянские диалекты, удаленные от моря, то это значит, что первичный славянско-итальянский контакт, по всей вероятности, произошел именно там, а не в Нижнем Молизе. Точнее говоря, можно предположить, что современный МСЯ после иммиграции славянского населения в Италию через лежащие севернее адриатические гавани, как Анкона или Ортона, развился в своих основных чер-

тах во внутренней части региона Абруццо, и передвижение населения к побережью Молизы произошло значительно позже. Для обоснования этой гипотезы необходимы, конечно, дальнейшие признаки из области грамматики и лексики МСЯ, различающие итальянские диалекты, о которых идет речь.

Литература

Брой В. (2008). Развитие систем артиклей при полном контакте славянских меньшинств с немецким и итальянским языками // *S. Kempgen, K. Gutschmidt, U. Jekutsch, L. Udolph* (Hrsg.). *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress Ohrid 2008*. München: Sagner, 75–88.

Зализняк А. А. (1964). К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке // *Вопросы языкознания* № 4, 25–40.

Зализняк А. А. (2002). «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по русскому языку и общему языкознанию. Москва: Языки славянских культур.

Breu W. (1988). Die grammatische Belebtheit als Genusgrammem // *P. Rehder, V. Setschkareff, H. Schmid* (Hrsg.), *Ars Philologica Slavica. Festschrift für Heinrich Kunstmann*. München: Sagner, 43–55.

Breu W. (1995). Aspekte der Deklination des Substantivs im Moliseslavischen // *D. Weiss* (Hrsg.), *Slavistische Linguistik 1994*. München: Sagner, 65–96.

Breu W. (1997). Italienisch – Kroatisch // *H. Goebel, P.H. Nelde, Z. Stary, W. Wölck* (Hrsg.), *Kontaktlinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Bd. 2. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1362–1366.

Breu W. (1998). Romanisches Adstrat im Moliseslavischen // *Die Welt der Slaven* XLIII, 339–354.

Breu W. (1999). Phonologie und Verbkonjugation im Moliseslavischen // *R. Rathmayr, W. Weitlaner* (Hrsg.), *Slavistische Linguistik 1998*. München: Sagner, 47–76.

Breu W. (2003). Impersonales Neutrum im Moliseslavischen // *S. Kempgen, U. Schweier, T. Berger* (Hrsg.), *Rusistika · Slavistika · Lingvistika. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag*. München: Sagner, 57–71.

Breu W. (2004). Die Genuskategorie im Moliseslavischen // *M. Okuka, U. Schweier* (Hrsg.), *Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag*. München: Sagner, 29–43.

Breu W. (2008). Der slavische Lokativ im Sprachkontakt. Ein Beitrag zur Binnendifferenzierung des Moliseslavischen // *P. Kosta, W. Weiss* (Hrsg.), *Slavistische Linguistik 2006/2007*. München: Sagner, 59–102.

Breu W. (2009). Situationsgeflechte. Zum Ausdruck der Taxis im Molise-slavischen // *T. Berger, M. Giger, I. Mendoza, S. Kurt* (Hrsg.), Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern – Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache: Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag. München: Sagner, 83–108.

Breu W., Gliosca N. (2009). *Mali Kraljič – s dizenjami do autora. Na-našu, Slavomolisano, Molise Slavic: Antoine de Saint-Exupéry, Le Petit Prince.* Paris: Gallimard, 1946). Neckarsteinach: Edition Tintenfaß.

Breu W., Piccoli G. (2000). *Dizionario croato-molisano di Acquaviva Collecroce. Dizionario, registri, grammatica, testi (con la collaborazione di S. Marčec).* Campobasso.

Corbett G. G. (1991). *Gender.* Cambridge: Cambridge University Press.

Giammarco E. (1976). *Dizionario Abruzzese e Molisano. Vol. 3.* Roma: Edizioni dell'Ateneo.

Giammarco E. (1979). *Abruzzo. Profilo dei dialetti italiani 13.* Pisa: Pacini.

Grassi C., Sobrero A. A., Telmon T. (1997). *Fondamenti di dialettologia italiana.* Roma: Laterza.

Haase M. (1999). *Dialektodynamik in Mittelitalien. Sprachveränderungsprozesse im umbrischen Apenninenraum.* Tübingen: Stauffenburg.

Hraste M. et al. (Hrsg.) (1979). *Čakavisch-deutsches Lexikon. Teil I.* Wien: Böhlau.

Janaš P. (1984). *Niedersorbische Grammatik für den Schulgebrauch.* Bautzen: Domowina.

Sammartino A. (2004). *Grammatica della lingua croatomolisana.* Montemitro/Zagreb: Profil.

Scholze L. (2008). *Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt. Mit Grammatiktafeln im Anhang.* Bautzen: Domowina.

Voltiggi J. (1802). *Ricsoslovník illiriskoga, italianskoga i nimackskoga jezika.* Wien: Kurtzbeck.

А. Ю. Русаков (Санкт-Петербург)

**НЕКОТОРЫЕ ИЗОГЛОССЫ
НА АЛБАНСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ КАРТЕ
(К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ
И РАСПРОСТРАНЕНИИ БАЛКАНИЗМОВ
АЛБАНСКОГО ЯЗЫКА)***

The goal of this paper is to examine some grammatical isoglosses on the dialectal map of Albanian as well as the history of the formation of the complex dialectological situation of Albanian. Four periods in the history of the Albanian dialect development are distinguished: 1) The formation of the Albanian language *proprie dictum* (= the period of the Albano-Balcano-Romance symbiosis, from the beginning of the first millenium A. D. to 7–8 centuries A.D.); 2) Geg-Tosk Dialect split (8–10 centuries A. D.); 3) Geg-Tosk convergent development on their present territories (“Medieval Albanian”, from 10–11 to 14–15 centuries); 4) “The Ottoman period” (the time of the formation of modern Albanian dialectal areas, from the end of the 15th century to the second half of the 19th century). The origin and dialectal spread of some “major” balkanisms is studied in the context of the multilateral contact interaction between Albanian and other Balkan languages.

1. Вступительные замечания

1.1. Балканский языковой союз: некоторые общие соображения

В настоящее время в балканском языкознании все более и более укрепляются взгляды, согласно которым плодотворное научное изучение Балканского языкового союза (далее – БЯС) предполагает его представление не как более или менее закрытого набора языков, различающихся «степенью балканизированности» (т. е. количеством наличия у них достаточно условно отобранных диагностических признаков – балканизмов), а как реального географического пространства, на котором в течение длительного времени (более двух тысяче-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ № 11-04-00231а «Островные и периферийные диалекты балканских языков: грамматика и лексика».

летий) происходили (и происходят, см., например, [Friedman, 2009]) разнородные языковые контакты идиомов разного таксономического уровня и социолингвистического статуса, при этом одни и те же языки и диалекты могли выступать в разные временные периоды и в разных географических точках и как доноры, и как реципиенты контактного воздействия (см., например, [Friedman, 2009; Русаков, Соболев, 2008]).¹ Задача балканистики при таком подходе сводится не к описанию некоего условного «балканского лингвистического типа», представляющего настолько грубое отражение реальности, что он по сути не обладает никакой научной ценностью, а к восстановлению – по мере возможности – реальных фрагментов истории этих контактов (см. [Десницкая, 1979]). При этом в рамках «балканского» географического пространства могут выделяться – по самым разным признакам – и изучаться ареалы меньшего размера, многие из которых представляют собой своего рода мини-союзы или, по крайней мере, зоны специфических языковых контактов.² Точно так же балканская языковая территория может рассматриваться в рамках больших ареальных единств, например, как периферия так называемого «среднеевропейского» (Standard Average European, далее – SAE) ареала (см., [Friedman, 2009, 2007; Русаков, 2004])³ или как переходная зона между SAE и языками Центральной Евразии (см. подобные соображения о циркум-балтийском языковом ареале в [Koptjevskaja-Tamm, Wälchli, 2001: 728–733]).

Само понятие языкового союза сохраняет при этом свою теоретическую значимость как обозначение типа ареала, где языки вследствие интенсивных взаимных контактов подверглись значительному действию конвергентных процессов.

¹ Вообще, в теоретическом плане подход, развиваемый в данной статье наиболее близок соображениям Й. Линдстедта о «взаимном усилении» (mutual reinforcement) как движущей силе распространения контактных изменений на Балканах [Lindstedt, 2000: 241–243].

² См. в этой связи, например, работы В. Фридмана о контактных процессах в Македонии ([Friedman, 2006a] и др.) или работы А. Н. Соболева, посвященные языковым контактам в зоне «сербско-болгарского» пограничья (прежде всего [Sobolev, 1998]).

³ Идея о том, что процессы балканизации и «европеизации» совпадают, высказывается достаточно часто, см., например, о цыганском языке: «балканизация раннего цыганского вызывает одновременно европеизацию многих его черт» [Matras, 2001: 199]. Любопытно, что в последних предлагаемых списках балканизмов фигурирует и посессивный перфект – типичная черта языков SAE ареала, см. [Friedman, 2009].

В данной статье я постараюсь показать, как некоторые контактные процессы, релевантные для балканского языкознания, реализуются в диалектном ландшафте албанского языка. Основное внимание будет уделено, с одной стороны, контактному взаимодействию в области грамматики, с другой – попыткам понять – насколько это возможно, – какие конкретные исторические обстоятельства могли привести к существующим лингвистическим последствиям.

1.2. Теоретические положения, существенные для настоящей работы

1. Для лучшего понимания языковых процессов, происходивших и происходящих на Балканах, важное значение имеет выдвинутое Дж. Николс противопоставление двух существенных в лингвистическом плане типов языковых ареалов – протяженных (spread) и замкнутых (residual) зон ([Nichols, 1992]; см. также [Кибрик, Плунгян, 1995; Кибрик, 2000]). По Дж. Николс, Балканы представляют собой хороший образец замкнутой зоны [Nichols, 1992: 21]. Однако, как кажется, Балканский полуостров сочетает в себе некоторые черты обоих типов зон. Из существенных черт замкнутой зоны для Балкан характерно прежде всего «постоянное проникновение новых языков и тем самым увеличение языкового разнообразия» [Nichols, 1992: 21]: на протяжении нескольких тысячелетий на Балканы приходят извне носители всё новых языков, принадлежащих как к разным группам индоевропейских языков, так и к другим языковым семьям; большая часть этих языков продолжает бытовать на Балканах, повышая тем самым уровень языкового разнообразия. Тем не менее эти черты сочетаются с моментами, более свойственными протяженной зоне: вновь появившиеся на полуострове языки часто не занимают скромно место рядом с уже наличествующими (что является признаком замкнутой зоны), а распространяются по всему полуострову, начиная играть при этом роль лингва-франка для всего ареала или большей его части (греческий, латынь, в меньшей степени турецкий). Вообще, для Балкан характерна ситуация, при которой некоторый набор языков в отдельном регионе более или менее сохраняется, но их функции меняются, а также происходит смена языков (или языковой доминанции) у определенных групп населения.⁴

⁴ Й. Линдстедт замечал, что глобально соотношения по «влиятельности» (power relations) между основными балканскими языками не менялось с течением времени: греческий всегда находился на верху иерархии, а цыганский – внизу [Lindstedt,

2. Для исторической лингвистики имеет значение проведенное в классической монографии С. Томасон и Т. Кауфмана ([Thomason, Kaufman, 1998], см. также [van Coetsem, 1988]) различение двух основных социолингвистических контактных ситуаций – сохранение языка и языковой сдвиг. Несмотря на то что базовые интерференционные механизмы не зависят от типа ситуации, последний влияет на особенности реализации этих процессов – прежде всего на то, проявляется ли интерференция преимущественно на лексическом или на фонетико-грамматических уровнях. В настоящее время, однако, высказываются соображения о том, что строгое разделение этих двух ситуаций часто достаточно затруднительно.⁵ См., например ситуацию с языковыми контактами в зоне черногорско-албанского пограничья, где существовало а) постоянное межэтническое общение, когда «этнические» сербы говорили по-албански, а «этнические» албанцы – по-сербски; б) смена языка: албанцы «ассимилировались с сербами», сербы «албанизировались» (см., например, [Соболев, 1990]). Реальные исторические детали подобных одновременно идущих процессов часто невозможно реконструировать. Представляется, что такая ситуация достаточно типична для многих районов Балкан.

В контактологической литературе в качестве важнейшего условия «успешности» интерференционных процессов постулируется необходимость доминанции одного из языков, участвующих в контакте. Действительно, серьезные структурные изменения в ситуации сохранения языка обычно возможны, когда второй, «неэтнический», язык становится доминирующим, то есть после смены языковой доминанции (что является также необходимым, хотя и не достаточным усло-

2000: 242]. При всей справедливости этого утверждения (в частности, оно безусловно верно для цыганского) надо отметить, что оно более последовательно работает на макроуровне, нежели на микроуровне. Имеют место случаи и радикальных изменений уровня престижа и влияния. Наиболее яркий пример – развитие от латинского, высоко престижного государственного и культурного языка, к арумьнскому, в последние века последовательно играющего в ситуации контактов роль языка сугубо субдоминантного. Но и тут бывали случаи регрессивного развития, см., например, полунезависимые «влашские» государственные образования XII в. или достаточно престижное положение арумьн в процветающем южноалбанском городе Воскопя (Мосхополис) в середине XVIII в.

⁵ См., например: «A binary distinction between ‘language shift’ and ‘language maintenance’ (as in Thomason and Kaufman, 1988) should be taken only as a metaphor: for languages which have or have not undergone massive structural convergence... and system-altering changes, one would be better off positing a continuum between these two extremes» [Aikhenvald, 2006: 44].

вием языкового сдвига). Существуют, однако, и случаи так называемого сбалансированного билингвизма (см., например, [Aikhenvald, 2006: 43–44]), при котором выраженной доминации какого-либо из языков, участвующих в контакте, не наблюдается. Такая ситуация характерна прежде всего для областей, где разноязычные группы населения находятся примерно на одном уровне общественного развития. Как кажется, специфика Балкан заключается в сочетании ситуаций ярко выраженной языковой доминации и ситуаций относительно равновесного контакта (см. выше об албанско-черногорском пограничье).

Восстановить конкретные конфигурации языковой доминации (включая и отсутствие таковой) для различных регионов и микрорегионов Балкан в исторически различное время трудно, а точнее, практически невозможно, что характерно также и для большинства других языковых союзов. Выскажу лишь два соображения.

Во-первых, при отсутствии языковой доминации на макроуровне она может присутствовать на микроуровне (микрорегиона, села, наконец, отдельной семьи). В результате контактов групп населения и отдельных носителей даже на одном языке может происходить столкновение разных – по степени интерферированности – языковых вариантов, так что языковые изменения могут распространяться и в результате своеобразной аккомодации (или «торга», *negotiation*, [Thomason, 2001]).

Во-вторых, приходится дифференцированно подходить к самому понятию языковой доминации. Следует, например, отличать доминацию одного из языков, обусловленную неполным или недостаточным владением другим (как правило, вторым, но иногда и родным), от функциональной доминации. Особо выделяются языки высокого социального престижа (государственной власти, церкви и т. д.), и в этой связи полезно разработанное Я. Матрасом понятие прагматически доминантного языка – языка, определяющего правила и узус речевого общения в многоязычном сообществе. Такой язык служит для билингвальных носителей ресурсом для «дискурсивных, жестообразных, регулирующих дискурс целей», т. е. прежде всего донором междометий, слов-наполнителей (*fillers*) и эмблематических выражений, синтаксических частиц, фокусных частиц, включающих фазовые наречия, а также союзов, прежде всего противительных [Matras, 1998: 281, 293–294]. На протяжении известной лингвистической истории Балкан в разных их регионах роль прагматически доминантных играли прак-

тически все языки полуострова, за исключением языков совсем малых и/или дисперсно рассеянных групп, резко ограниченных от остальных конфессионально или этнически (вроде сефардского и цыганского). Важно при этом, что уровень реального знания доминантного языка значительной частью населения может быть сравнительно низким, но достаточно того, что существует билингвальная группа авторитетных носителей, «навязывающих» окружающим определенные правила и рамки ведения дискурса.

Другим важным социолингвистическим параметром являются свойства самого языкового сообщества – его открытый или закрытый характер (см. [Aichenvald, 2007: 43–44; Trudgill, 2003; Thurston, 1987]). Этот параметр определяет как выживаемость языка в условиях контактов, так и, до известного предела, лингвистические результаты контакта, например, степень допущения в подвергающийся контакту язык лексических заимствований.

3. Механизмы, действующие при контактнообусловленных языковых изменениях хорошо описаны еще со времен классической работы У. Вайнрайха ([Вайнрайх, 1979], см. также [Thomasson, 2001; Winford, 2003]). Отметим лишь, что в последние десятилетия всё более распространяются представления, согласно которым процессы, происходящие при языковых контактах, принципиально не отличаются от процессов, имеющих место при функционировании языка вообще (см., например, [Croft, 2000; Heine, Kuteva, 2005]). Соответственно, представления исторической лингвистики о типах и механизмах языковых изменений оказываются полностью применимыми и к изменениям интерференционного типа.

1.3. Албанский как балканский язык.

Роль диалектологии для его исторического изучения.

Общая схема истории диалектного членения албанского языка

То, что албанский язык является базовым, центральным и тем самым типичным языком – членом Балканского языкового союза, является своего рода лингвистическим триумфом, в целом, как и всякий триумф, верным. Верным, с точки зрения традиционного балканистического подхода, является и соображение о том, что «в рамках» албанского языка⁶ сосуществуют диалектные разновидности, демонстрирую-

⁶ Здесь и далее, я употребляю термин «албанский язык» в значении «группа близкородственных индоевропейских диалектов, разошедшихся не ранее второй

щие разную степень балканизированности. Совсем не является банальным, однако, вопрос (вернее, множество вопросов) о том, когда и где приобрел албанский в целом (и его диалектные варианты) черты, сближающие его с другими балканскими языками, какие из них приобретены под влиянием соседних языков, а какие являются результатом внутреннего развития. В более широком плане это касается и некоторых иных черт албанского, не входящих в традиционный список «балканизмов» (из работ последних лет, рассматривающих общие черты балканских языков в целом, см. [Асенова, 2002; Hinrichs, 1999; Mišeska, Tomić 2006]), но также объединяющих его с языками БЯС и далее с языками других ареалов, прежде всего с языками, демонстрирующими черты SAE типа. Полным ответом на эти вопросы явилась бы история албанского языка, написанная *sub specie* языковых контактов, одновременно такое исследование ответило бы и на многие вопросы, интересные для балканистов широкого профиля.⁷

Следует отметить особое положение албанского в БЯС. Действительно, в каждом языке, входящем в языковой союз есть нечто, что делает его членом этого союза, и нечто – материальное и структурное, –

половины первого тысячелетия н. э. (см. об этом ниже), центральная часть основного ареала современного распространения которых совпадает с территорией Республики Албания». Первые упоминания об албанцах в зоне их нынешнего пребывания фиксируются в исторических источниках, относящихся ко второй половине XI в., первое упоминание албанского как особого идиома – к 1285 г. Основной албаноязычный ареал (зона непрерывного в географическом плане присутствия албанского населения) охватывает территорию Албании, большую часть Косова, часть юго-восточной Сербии, прилегающую к границам Косова, значительную часть Западной Македонии, Южную Черногорию и прилегающую к Албании территорию Северо-Восточной Греции (в последнем регионе вследствие бурных исторических событий 1920–1940 годов албанское население радикально сократилось и с социолингвистической точки зрения местные говоры стоило бы считать островными; в плане историческом они являются, однако, частью основного албаноязычного региона). Для истории албанского диалектного членения большое значение имеют говоры старой албанской диаспоры, в первую очередь, Греции, Италии, Далмации, Болгарии и Украины.

⁷ В существующих исследованиях по албанскому языку подобная проблематика не рассматривается в обобщающем виде. «Краткая историческая грамматика албанского языка» В. Э. Орла [Orël, 2000] посвящена в основном отражению в албанском индоевропейского наследия и почти что не затрагивает период балканского «бытия» албанского. Монументальная «Историческая морфология албанского языка» Ш. Демирая ([Demiraj, 1985], см. также более сжатое немецкое издание [Demiraj, 1993]) является бесценным собранием языкового материала и содержит много интересных соображений, однако, сами установки автора не предполагают усиленного поиска внешних объяснений фактов албанской языковой истории.

что, так сказать, осталось от прежнего состояния. Обычно одно отделяется от другого путем сравнения, с одной стороны, с соседями по языковому союзу, а с другой – с языками того же генетического таксона, куда входит наш язык, и/или с предшествующими историческими стадиями этого языка (см., например, [Thomason, 2001: 93–95]). Необходимым условием для такого сравнения является, разумеется, наличие других членов таксона и «доступа» исследователя к предшествующим стадиям развития языка. Первое условие (наличие «родственников») в рамках БЯС удовлетворяется для балкано-славянских и балкано-романских языков, второе (доступность фактов ранней языковой истории) – для греческого, балкано-романских и балкано-славянских. У албанского языка нет ни богатых родственников, ни блистательной истории. Между первыми письменными памятниками⁸ и периодом, когда предок албанского должен был существовать в виде языка условно «позднеиндоевропейского типа»⁹ пролегает период в несколько тысячелетий.

С «нижней стороны» лагуну позволяет заполнить материал лексических заимствований в албанский из других индоевропейских языков, прежде всего из латинского (см. раздел 2).

С «верхней стороны» недостаток наших знаний по албанской языковой истории восполняет материал албанских диалектов. Недаром А. В. Десницкая одну из своих статей так и назвала «Диалектология – основа исторического изучения албанского языка» [Десницкая, 1984б].¹⁰

⁸ Первые единичные письменные памятники албанского языка относятся ко второй половине XV в., первый крупный памятник – «Служебник» Гьона Бузука – к 1555 г. (обзор см. [Жугра, Сытов, 1990; Elsie, 1995]).

⁹ Я не буду касаться здесь активно разрабатываемой с последней четверти XIX в. прежде всего путем анализа лексических изоглосс проблемы ареальных связей албанского как индоевропейского языка [Jokl, 1963; Порциг, 1964; Pisani, 1950, 1959; Напр, 1966; Иванов, Гамкрелидзе, 1984]. Замечу лишь, что албанский демонстрирует особую ареальную близость, с одной стороны, с балто-славянскими языками (албанский является языком *satem*, демонстрирующим при этом непоследовательную сатемизацию), а с другой стороны, с греческим.

¹⁰ Разумеется, албанский язык не представляет собой в этом отношении что-то исключительное. И для балкано-романских и для балкано-славянских языков сравнение с «родственниками» и письменно зафиксированными «предшествующими стадиями» позволяет до известной степени определить, что является балканизмом. Однако ответить на вопрос, как распространялись и реализовывались в этих языках отдельные балканизмы может, скорее, диалектное сравнение.

В этом отношении албанистика сделала в последние годы значительный рывок.¹¹ Для данной работы прежде всего важны два издания, вернее серии изданий. В 2007–2009 гг. вышел долгожданный «Диалектологический атлас албанского языка» (далее – ДААЯ, [ADGjSh, I, II]), представляющий собой обобщение достаточно интенсивной и объемной работы албанских диалектологов, проводившейся в основном в 50–80-е годы прошлого столетия.¹²

Вторым событием, весьма существенным для албанских диалектологических исследований, является проводящаяся с 90-х годов XX века работа в рамках проекта «Малого диалектологического атласа албанского языка» (МДАБЯ)¹³. Ограниченная сетка пунктов (в частности, включены лишь два албанских пункта) компенсируется подробными анкетами, охватывающими морфосинтаксис (1200 вопросов), лексику (исчерпывающе описан ряд лексико-семантических по-

¹¹ В качестве обобщающих работ по албанской диалектологии необходимо назвать [Gjinari, 1975, 1989; Gjinari, Shkurtaj, 2000; Десницкая, 1968].

¹² ДААЯ представляет собой результат работы группы известных албанских языковедов во главе с видным диалектологом Й. Гинари. Полевая работа в рамках проекта велась с 1980 по 1989 год. Атлас охватывает весь ареал основного распространения албанского языка включая территорию Албании (86 пунктов), Косова (24 пункта), Македонии (10), Черногории (6), Сербии (1), греческой Чамерии (4). Отражена в атласе и «ближняя» диаспора: Италия (10), Греция (3), Далмация (1) и район Нови Пазара (1). К сожалению, по политическим причинам авторы атласа были лишены возможности проводить полевую работу в Югославии и материал по большей части югославских пунктов был собран в Албании у информантов – выходцев из соответствующих регионов. Первый том атласа включает в себя 360 собственно лингвистических карт. 134 карты посвящены фонетике (инвентарь фонем, реализации групп фонем, фонемные чередования, фонетическая реализацию фонем и реализация фонем в составе слов). 217 морфологических карт описывают формальные аспекты морфологии: наличие / отсутствие эксплицитно выраженных грамматических категорий и отдельных граммем, принадлежность конкретных слов к тому или иному классифицирующему разряду, устройство парадигм, фонологическую и морфонологическую реализацию словоформ в рамках этих парадигм. Маленький синтаксический раздел (9 карт) рассматривает – достаточно выборочно – особенности согласования в атрибутивных конструкциях, устройство некоторых предложных групп, устройство конструкций с вторичной предикацией. Второй том атласа содержит 274 карты, иллюстрирующие лексические вопросы опросника.

¹³ О задачах атласа см. [Соболев, 2003: 10–16]. По настоящее время вышли следующие тома атласа: [Соболев (ред.), 2003; Соболев (ред.), 2005а; Соболев (ред.) 2005б; Соболев (ред.), 2006; Соболев (ред.), 2009; Домосилецкая, 2009], а также отдельные тома диалектологических описаний (включая два албанских пункта): [Соболев, 2001; Юллы, Соболев, 2002; Юллы, Соболев, 2003; Vara, Kahl, Sobolev, 2005; Leluda-Voss, 2006].

лей) и этнолингвистику. Следует отметить, что благодаря МДАБЯ мы имеем первое в балканистике однородное описание морфосинтаксиса одиннадцати балканских диалектов (албанских, балкано-славянских, балкано-романских и греческих), т. е. описание именно той области, где контактное влияние может проявляться особенно ярко.

Как хорошо известно, албаноязычный ареал в диалектологическом плане делится на две большие зоны – североалбанскую (или гегскую) и южноалбанскую (или тоскскую).¹⁴ Надо отметить, что это фундаментальное деление носит абсолютный характер, то есть все албанские диалекты являются либо гегскими, либо тоскскими.¹⁵ Границей между гегской и тоскской зонами на большей части основного албаноязычного ареала служит река Шкумбин.

Суммарно общую схему истории диалектного членения албанского можно представить следующим образом.

1. Формирование албанского языка в собственном смысле слова (период албано-балкано-романского симбиоза): начало первого тысячелетия н. э. – VII–VIII века н. э.

2. Период первичного диалектного разделения: VIII–X века.

3. Конвергентное гегско-тоскское развитие на нынешней территории («средневековый» албанский): от X–XI до XIV–XV веков.

4. «Османский период»: конец XV – вторая половина XIX века.

2. Формирование албанского языка в собственном смысле слова (период албано-балкано-романского симбиоза)

2.1. Контакты албанского с латинским языком

Традиционно в общих работах по истории албанского языка проблематика контактов албанского с (балканской) латынью рассматривается как бы по двум ведомствам: лексические латинизмы описываются как результат заимствования из латинского языка, фонетические,

¹⁴ Сами термины гегский и тоскский являются достаточно условными, они опираются на название этнографических групп албанского населения (геги и тоски), статус которых достаточно зыбок (см. [Десницкая, 1968: 46–48]). Во всяком случае большие группы носителей албанского языка не считают себя ни гегами, ни тосками. Термины североалбанский и южноалбанский более точно отражают современную географическую реальность по отношению к говорам основного албаноязычного ареала.

¹⁵ Исключением является лишь узкая полоса так называемых смешанных говоров, располагающихся к югу от реки Шкумбин., см. [Десницкая, 1968: 220–230].

грамматические и некоторые лексические (как правило, не относящиеся к латинскому фонду) схождения между албанским и «румынскими» идиомами изучаются как особая проблема в рамках балканистики (см., например, [Demiraj, 1988]). Надо отметить, однако, что наши знания истории албанского и восточнороманских языков не позволяют провести какие-либо четкие хронологические и диатопические границы внутри обширного комплекса взаимоотношений между этими идиомами.¹⁶ В дальнейшем употребление выражений типа «латынь», «латинский язык», «восточно-романский», «балкано-романский» будет определяться, скорее, своего рода традицией – первые два я буду использовать, говоря об общеалбанских лексических заимствованиях, а последние – когда речь будет идти о схождениях, по преимуществу грамматических и фонетических между албанским, с одной стороны, и дако-румынским и арумынским, с другой.

Само понятие древнеалбанского периода албанской языковой истории хронологически во многом определяется эпохой контакта албанского с латинской речью¹⁷. Важность периода латинского влияния для истории албанского языка определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, латинские заимствования составляют значительную часть основного лексического фонда албанского языка, вклинившись и в части лексикона, традиционно считающиеся относящимися к базовой лексике (части тела, основные природные явления, базовые цветообозначения, глаголы движения и др.).¹⁸ Во-вторых, именно во

¹⁶ Речь идет здесь об языковых отношениях, развивавшихся в течение первого тысячелетия н. э. Существуют и более поздние отношения между албанским (и его диалектами) и отдельными романскими языками – итальянским, арумынским.

¹⁷ В целом я буду придерживаться периодизации албанского языка, предложенной А. В. Десницкой: «I. Протоалбанский... период... древнейшее состояние албанского языка как самостоятельной лингвистической единицы, вычленившейся из состава индоевропейской языковой общности... Термином *ad quem* можно считать начало языковых контактов носителей [протоалбанского] языка с Римом... II. Древнеалбанский период, который условно можно ограничить временной протяженностью, начиная от последних веков до н. э. и до конца I тысячелетия н. э.... III. Среднеалбанский период... условно может быть приурочен к первой половине II тысячелетия н. э. IV. Новоалбанский период: от начала письменной фиксации албанского языка... до настоящего времени» [Десницкая, 1984а: 240–241].

¹⁸ О латинских заимствованиях в албанском см. прежде всего [Haarman, 1972; Mihaescu, 1966; Landi, 1989; Vătăşescu, 1997; Десницкая, 1987а]. Достаточно сказать, что общие списки латинских этимонов в албанском (без учета производных) содержат не менее 600 единиц. Интересно, что надежных древнегреческих заимствований в албанском насчитывается чуть более двадцати (см., к примеру, [Tzitzilis,

время контактов с Римом и в период непосредственно после них произошли те радикальные изменения языковой системы, которые придали албанскому его «современный» характер (наиболее полную попытку реконструкции фонетической и грамматической системы протоалбанского до его контактов с Римом см. в [Orel, 2001]). Мы можем судить об этом с достаточной степенью достоверности, так как эти изменения затронули латинские заимствования в целом в той же степени, как и «исконную» лексику (что, в частности, привело к тому, что иногда решение вопроса о том, является ли конкретное слово индоевропейским или латинизмом, представляет достаточно сложную этимологическую проблему). К этим изменениям относится акцентный сдвиг, связанная с ним редукция безударных слогов и, как следствие, падение значительной части «старых» индоевропейских окончаний¹⁹, выпадение интервокальных звонких шумных. К концу периода контактов с Римом относится завершение в целом формирования современного албанского консонантизма, установление новой системы грамматических противопоставлений (в своей ядерной части близкой современной) и способов их формального выражения, в частности с помощью морфонологических чередований (см. об этом [Десницкая, 1984а; Demiraj, 1985]).

1999: 600)]. Кроме лексики в албанский было заимствовано также некоторое количество латинских словообразовательных морфем – префиксов и суффиксов (см. [Xhuvani-Çabej, 1976a, 1976b]). Существуют имеющие давнюю традицию попытки диатопически и хронологически стратифицировать латинскую лексику албанского языка. «Географическая» стратификация базируется прежде всего на том, находят ли албанские латинизмы параллели в румынском (и его ближайших когнатах), западных романских языках или в тех и других одновременно (см. [Naatman, 1972; Mihăescu, 1966] и др.). Следует отметить, что подсчеты достаточно сильно различаются у разных авторов. Однако, очевидно, что существует как большая группа албанских латинизмов, общих для албанского и румынского (в большей части разделяемой и другими романскими языками), так и латинизмы, отсутствующие в румынском. Значительную группу (по [Mihăescu, 1966: 85]) представляют собой латинизмы, не представленные в других романских языках. Попытки хронологической дифференциации базируются на данных исторической фонетики албанского и латинского. Они не приводят к успеху в плане статификации всей латинской лексики албанского. Однако на основании разных рефлексов отдельных латинских звуков и звукосочетаний удастся установить относительную хронологию вхождения в албанский отдельных групп латинских этимонов.

¹⁹ Акцентный сдвиг должен был произойти в албанском непосредственно перед или в самом начале контактов с Римом, так как в латинских заимствованиях албанского перетяжки ударения не происходило [Orel, 2000: 124], падение ряда старых и.-е. именных окончаний могло также начаться непосредственно перед началом контактов с латинским языком см. об этом, в частности [Русаков, 1987: 133].

Определение времени начала относительно интенсивных контактов протоалбанского языка с латынью во многом зависит от ответа на «вечный» вопрос албанистики: являются ли албанцы по отношению к нынешнему ареалу их обитания (относительными) автохтонами и жили ли там во время контактов с римлянами, или их предки пришли на место нынешнего пребывания позже из внутренних, более восточных, районов Балкан (при этом прийти на запад они могли либо до, либо во время, либо после контактов с Римом). Напомним, что упоминания об албанцах как этносе до XI в. отсутствуют. Эта историческая проблема коррелирует (хотя и не полностью однозначным образом) с проблемой непосредственного происхождения албанского из одного из палеобалканских индоевропейских диалектов, принадлежащих к иллирийской или фракийской группе. Вопрос этот имеет давнюю традицию изучения (обзор см. в [Нерознак, 1978]) и едва ли будет положительно решен в ближайшее время. В данной статье я не буду касаться вопроса об иллирийском *gesp.* фракийском происхождении албанского, а проблему местопребывания албанцев в разные исторические периоды буду затрагивать лишь постольку, поскольку она будет иметь отношение к проблеме появления балканизмов (см. § 2.2). Если считать, что предки албанцев являются автохтонами на нынешней территории или ее части, то реальные языковые контакты с Римом могли начаться во второй половине II в. до н. э., а если они находились в этот период где-то во внутренних частях Балкан, языковое взаимодействие могло начаться несколько позже – в I–II вв. н. э. Во всяком случае сильная степень латинского влияния на албанский язык предполагает нахождение протоалбанского населения в рассматриваемый период севернее линии Йиричека, разделяющей, зоны греческого и латинского языкового влияния на Балканы и проходящей по северной части нынешней территории Албании [Jirešček, 1911]. Я также не буду заниматься определением статуса языкового состояния, с которым столкнулись предки албанцев и буду условно называть его просто латынью или латинским языком.

Во всяком случае «предок» нынешнего албанского языка в конце эпохи контактов с латынью должен был представлять собой достаточно единое языковое состояние, на что указывает, в частности, общеалбанское распространения подавляющего большинства латинских заимствований.

2.2. Первые балканизмы албанского: албано-восточнороманские схождения

К моменту диалектного разделения грамматическая система албанского языка имела вид, сравнительно близкий к современной [Десницкая, 1984а: 242].

К периоду до разделения на гегский и тоскский ареалы относится и появление в албанском первых балканизмов.

Постпозитивный артикль. Среди историков албанского языка наиболее распространена точка зрения, согласно которой, окончательная консолидация и агглютинация постпозитивного артикля и тем самым становление противопоставления неопределенного и определенного склонения должна была произойти в последний период (или непосредственно по окончании) контактов албанцев с Римом (см. [Demiraj, 1985; Orel, 2000: 246] и др.). Об этом свидетельствуют прежде всего латинские заимствования – очевидно, что агглютинация артикля произошла уже после того, как в латинских этимонах произошла редукция ударных слогов (*cal-i* ‘конь’ <**caballu(m) is*).²⁰ Во всяком случае строение и функционирование системы склонения, несомненно, демонстрирует общеалбанский характер.²¹

Постпозитивный артикль является наиболее известным кандидатом на роль балканизма, обязанного своим происхождением албанскому языку. Действительно, постпозитивный артикль не встречается в небалканских романских и славянских языках (за исключением не полностью грамматикализовавшегося «артиклеобразного» употребления указательного местоимения в севернорусских диалектах) и в новогреческом языке. Естественно в этой связи полагать, что источником инновации мог быть именно албанский язык.²²

²⁰ В этой связи все еще не решенную с точки зрения наших представлений об албанской исторической фонетике проблему представляет собой происхождение формы албанского определенного артикля ед. ч. вин. падежа, см. [Demiraj, 1985].

²¹ Разница в этом аспекте между отдельными диалектами либо объясняется действием достаточно ясных аналогических процессов (например, распространением вариантов падежных окончаний на новые типы склонения в одних диалектах и сохранением более архаического состояния – в других), либо отражают разную скорость развития тенденций, свойственных албанской падежной системе в целом (более «убыстренное» исчезновение формальных реликтов аблатива; большая или меньшая степень редукции неопределенного склонения в целом). О возникновении специальной формы так называемого локатива см. ниже § 4.

²² См. в этой связи поиски следов структур, могущих демонстрировать возможные предшествующие стадии развития постпозитивного артикля в палеобалкан-

Сходства в строении именной группы. Историю возникновения балканского постпозитивного артикля, по-видимому, не следует рассматривать в отрыве от разительных и чрезвычайно глубоких сходжений в строении именной парадигмы и функционирования именной группы в целом, существующих между албанским и восточно-румынскими языками, включающих, помимо постпозитивного артикля, в частности:

1. Наличие в посессивных конструкциях специального элемента, занимающего особую синтаксическую позицию, и в то же время согласующегося с ядерным словом в роде, числе (в албанском и дакорумынском), падеже и частично определенности /неопределенности (в албанском); элемент этот абсолютно обязателен в албанском (1) и синтаксически обусловлен в румынском (2).

- (1) a. *djal-i* *i* АЛБАНСКИЙ
сын-NOM.SG.M.DEF ART.NOM.SG.M
mirë *i* *fshatar-it*
хороший ART.NOM.SG.M крестьянин-OBL.SG.M.DEF
'хороший сын крестьянина'
- b. *djal-it* *të* *mire*
сын-OBL.SG.M.DEF ART.OBL.SG.M хороший
të *fshatar-it*
ART.OBL.SG.M крестьянин-OBL.SG.M.DEF
'хорошему сыну крестьянина'
- c. *djal-in* *e* *mirë*
сын-ACC.SG.M.DEF ART.ACC.SG.M хороший
të *fshatar-it*
ART.OBL.SG.M крестьянин-OBL.SG.M.DEF
'хорошего сына крестьянина'
- d. (*një*) *djalë* *të*
ART. INDEF сын:ACC.SG.M.INDEF ART.OBL.SG.M
mire *të* *një*
хороший ART.OBL.SG.M ART. INDEF
fshatar-i
крестьянин-OBL.SG.M.INDEF
'(некоего) хорошего сына (одного) крестьянина'
- (2) a. *elev-ul* *profesor-ului* РУМЫНСКИЙ
ученик-NOM.SG.M.DEF професор-OBL.M.DEF
'ученик профессора'

ских языках. См., например, работу [Напр, 1982: 79], в которой Э. Хэмп возводит топоним Drobeta в Северо-Западной Олтении к именной синтагме **druudā-tā*, демонстрирующей постпозитивный артикль.

b.	<i>un</i> ART.SG.M.INDEF	<i>elev</i> ученик	<i>al</i> ART.M.SG	<i>profesor-ului</i> профессор-OBL.M.DEF
				‘(некий) ученик профессора’
c.	<i>elev-ul</i> ученик-NOM.SG.DEF	<i>cel</i> ART.NOM.M.SG	<i>bun</i> хороший	
	<i>al</i> ART.NOM.M.SG	<i>profesor-ului</i> профессор-OBL.M.DEF		‘хороший ученик профессора’

Высказывались соображения как о типологически редком способе устройства генитивной конструкции, представляющем особый подтип Suffixaufnahme, или двойного падежного согласования [Plank, 1995: 75], так и об ареально относительно обособленном положении албанского (и румынского) в этом отношении среди языков европейского ареала [Кортъевская-Тамм, 2003].

2) Наличие аналогичного элемента в адъективной именной группе. В албанском он тождественен посессивному показателю (1), в дакорумынском (2с) – нет. Оба этих элемента – и адъективный, и генитивный – в традиционной албанистике называются артиклями. В современном албанском адъективный «артиклъ» трактуется как элемент аналитической формы прилагательного. При этом имеется класс прилагательных, употребляющихся без артикля (см. [Demiraj, 1985; Десницкая, 1960]). Распределение прилагательных по классам закреплено лексически и как будто бы не демонстрирует диалектной вариативности.

3) Сходство в оформлении именной группы (маркируется падежными окончаниями и показателем определенности первый член синтагмы независимо от того, выражен ли он прилагательным или существительным).

(3)	a.	<i>djal-i</i> сын-NOM.SG.M.DEF	<i>i</i> ART.NOM.SG.M	<i>mirë</i> хороший	АЛБАНСКИЙ
	b.	<i>i</i> ART.NOM.SG.M	<i>mir-i</i> хороший-ART.NOM.SG.M	<i>djalë</i> сын	
					‘хороший сын’
(4)	a.	<i>elev-ul</i> ученик-NOM.SG.DEF	<i>bun</i> хороший		РУМЫНСКИЙ
	b.	<i>bun-ul</i> хороший-NOM.SG.DEF	<i>elev</i> ученик		
					‘хороший ученик’

При интерпретации этих сходжений (об этой проблематике см. [Çabej, 1977a], см. также [Русаков, 2004]) встает вопрос о том, какой

язык является источником влияния. Традиционно в качестве такового постулируется албанский, что определяется двумя обстоятельствами.

Во-первых, в албанском все вышеперечисленные явления выступают более последовательно и с меньшим диалектным разнообразием. Параллелизм в строении генитивной и атрибутивной именной группы характерен для всех албанских диалектов и реализуется в первых письменных памятниках.

Во-вторых – и это более существенно, – то, что мы имеем в восточнороманском,²³ достаточно сильно отличается от особенностей строения и функционирования именной группы в других романских языках. Что касается болгаро-македонского (где постпозитивный артикль также маркирует первый член именной группы), то имеются все основания полагать, что он мог испытать в этом плане влияние восточнороманского (см., например, [Черняк, 1998: 195]).

Проблема формирования архитектуры именной группы в самом албанском достаточно сложна, и ее рассмотрение выходит далеко за рамки данной статьи. Укажу лишь, что в историческом плане формирование албанской генитивной и адъективной именной группы имеет определенные индоевропейские параллели (формирование членных прилагательных в балто-славянском, противопоставления сильных и слабых прилагательных в связи с формированием категории определенности в германском, изафетных конструкций в иранском).

Некоторые другие албанско-балкано-романские сходства. Важно отметить, что сходства в строении именной группы – лишь часть общих черт, которые демонстрируют албанский и балкано-романские языки, черт, выходящих за пределы балканизмов как таковых и позволяющих постулировать внутри БЯС особый албанско-восточнороманский языковой союз.

Отметим некоторые из этих черт:

1) Дифтонгизация в сходных условиях звука *e*. В албанском речь идет о кратком и.-е. *ě* в исконной лексике (алб. *bie* ‘приносить’

²³ Ситуация в румынском отличается значительным диалектным разнообразием как на уровне балкано-романских «макродиалектов» (арумынского, мегленорумынского, истрорумынского), в которых генитивный артикль практически превратился в предлог, так и на уровне диалектов собственно дакорумынского (в большинстве диалектов – за исключением мунтянских – в генитивной конструкции мы имеем предлог *a*). Таким образом, на большей части балкано-романского ареала возобладали «романская» тенденция маркировки посессивных отношений (см. [Koptjevskaja-Tamm, 2003]).

< **bher-*) – и о *ę* (из лат. *ĕ* и *ae*: алб. *qiell* ‘небо’ < *caelum*, *pjepen* ‘перец’ < *pĕpine*), см. [Orel, 2000: 25–26; Русаков, 1987: 143–144], в румынском о *ę* (из лат. *ĕ* и *ae*: *miez* ‘ядро’ < *mĕdiu*, *ied* ‘козленок’ < *haedu*). По всей вероятности, здесь мы имеем дело с романским влиянием на албанский.

2) Сходные морфонологические явления. Так, в обоих языках активно используются консонантные чередования для противопоставления основ единственного и множественного числа слов мужского рода (см. алб. ед. ч. *plak* ~ мн. ч. *pleq/k'* ‘старик’; рум. ед. ч. *român* – мн. ч. *români/n'* ‘румын’ и т. п.). Нетипичность подобного способа выражения грамматических значений для романских языков позволяет предположить (конечно, с большой долей гипотетичности) албанский источник данной инновации. Разные конечные фонологические результаты палатализации (ограниченные определенными морфологическими позициями противопоставление по палатальности в румынском и возникновение особого палатального ряда в албанском) объясняется последующим раздельным развитием, в частности славянским влиянием на румынский.

3) Наличие в обоих языках особого согласовательного класса неодушевленных существительных, демонстрирующих в единственном числе согласовательные свойства слов мужского рода, а во множественном числе – женского. В албанской грамматической традиции эти существительные называются амбигенными, в румынской – словами среднего рода (и действительно, они этимологически частично продолжают латинский средний род). Направление влияния остается неясным: одни исследователи видят в румынском среднем роде влияние субстрата [Togebu, 1968], другие склонны усматривать в этом албанско-румынском схождении «типологический параллелизм в развитии грамматических систем» [Десницкая, 1976а: 54], возможно, это явление отражает романские тенденции (см. аналогичное развитие в итальянском).²⁴

²⁴ Амбигенные имена фиксируются в первых письменных памятниках албанского языка (см. [Demiraj, 1985]) и присутствуют в большинстве албанских диалектов, в том числе и арбрешских. При этом в гегских и тосских диалектах как амбигенные реализуются существительные разного морфонологического типа (см. [Цивьян, 1965: 150; Gjinar, 1989; ADGjSh I, карта 352]). Нельзя исключать в отношении албанского возможности того, что на тенденцию, заложенную еще в эпоху ранних албанско-балкано-романских контактов, могли наложиться более поздние контакты албанских и арумынских диалектов.

4) Многочисленные лексические схождения, выражающиеся как в том, что среди латинизмов албанского имеется значительное количество лексем, демонстрирующих параллели в фонетическом и/или семантическом развитии с румынским, так и в наличии в обоих языках лексем, определяемых как субстратные (подробный обзор см. в [Калужская, 2001]).²⁵

Характер ранних албано-балкано-романских языковых отношений. Прежде всего следует отметить, что эти отношения должны были носить достаточно длительный, внутренне неоднородный и постоянно меняющийся характер. Это подтверждается уже тем, что приведенные выше схождения имеют, по всей видимости, разную контактную направленность.²⁶ Романоязычное население восточных провинций Империи III–IV веков должно было радикально отличаться от переходящих к отгонному пастушеству племен VII–VIII веков, стремительно терявших какие-либо связи с римской цивилизацией. Подобная нестабильная и постоянно меняющаяся демографическая, политическая и социальная ситуация на Балканах середины и второй половины I тыс. н. э. не могла не приводить к постоянной смене или, по крайней мере, изменениям в конфигурации языковой доминанции. Вполне вероятно, что часть носителей древнеалбанского сохраняла свой язык, подвергаясь влиянию восточнороманского²⁷, а часть могла на этот восточнороманский переходить, подпитывая в том или ином масштабе основу будущего румынского этноса.²⁸ Отметим, что, по крайней мере,

²⁵ О других албанско-румынских схождениях см. [Sandfeldt, 1931; Joseph, 1999; Schütz, 2000] и др.

²⁶ По поводу общей албанско-румынской лексики мысль о неоднородности албанско-румынских контактов удачно сформулирована И. А. Калужской: «Сам же состав корпуса румыно-албанских (лексических. – А. Р.) соответствий неоднороден и включает элементы различного генезиса: собственно палеобалканские реликты; раннесредневековые заимствования из албанского в румынский... предшествовавшие славянскому влиянию; относительно поздние албанизмы, занесенные в диалекты Трансильвании с какой-то переселенческой волной; латинизмы, попавшие в румынский через раннедревнеалбанское посредство; проторумынские элементы в албанском; общие романские элементы; общие славянские и тюркские заимствования» [Калужская, 2001: 145].

²⁷ При этом сам этот восточнороманский язык следует понимать хронологически широко: от регионально окрашенной латыни балканских провинций империи до ранних стадий собственно прарумынского.

²⁸ Я не хочу вдаваться здесь в проблематику этногенеза румын, однако надо заметить, что характер албано-романских отношений и, в частности, большая близость во многих аспектах албанского и дакорумынского, делает очень вероятным

развитие палатализации в румынском чрезвычайно напоминает традиционное развитие субстратного типа – сохранение артикуляционного уклада при переходе на другой язык. В любом случае мы имеем характерную для Балкан ситуацию длительного сохранения контактирующих этносов (древнеалбанского и восточнороманского) при постоянной смене языковой доминанции и переходе отдельных групп населения с одного языка на другой.²⁹

Вопрос о месте древнеалбанско-восточно-романских контактов также не поддается хоть сколько-нибудь однозначному определению. Замечу, что крайне соблазнительно видеть в нем бассейн реки Моравы, зону чрезвычайно богатую романскими топонимами (см., например, [Сухачев, 1990: 239]). Этот район неоднократно выдвигался исследователями в качестве прародины албанцев ([Weigand, 1927], отчасти [Jokl, 1924]), для славистов он важен как буферная зона, разделявшая до определенного времени западно-южнославянские и восточно-южнославянские диалекты (см., например, [Соболев, 2003]). О времени конца периода «албано-восточно-романского» симбиоза см. § 3.

2.3. Другие ранние общеалбанские балканизмы. «Европеизмы» албанского языка. «Антибалканизмы»

Следует отметить, что агглютинация постпозитивного артикля является единственным явлением этого порядка, затронувшая флективную морфологию албанского и структуру албанской словоформы. Следствием из этого является то, что мы в какой-то степени способны хронологизировать последнюю стадию развития постпозитивного артикля исходя из фактов внутренней, а в том, что касается заимствований, – и внешней хронологии. Остальные грамматические балканизмы представляют собой контактные явления, относящиеся к типу структурного и/или семантического уподобления конструкций.³⁰ Из этого

предположение о том, что, по крайней мере, часть предков современных румын проживала в первом тыс. н. э. южнее Дуная.

²⁹ Такой картине более или менее соответствует состав латинизмов албанского, четко распадающихся на две примерно равные части – имеющие прямые соответствия в румынском и тяготеющие, скорее, к западнороманскому ареалу (см. [Naarmann, 1972; Mihaescu, 1966]).

³⁰ Некоторым исключением является такой частичный балканизм как адмиратив, о котором будет сказано ниже.

вытекает, по крайней мере, два следствия: во-первых, мы знаем, что явления подобного типа могут распространяться достаточно быстро, во-вторых, у нас практически отсутствует сколько-нибудь строгий аппарат для определения времени их распространения, в этом вопросе приходится ориентироваться на более или менее общие соображения исторического характера.

Исходя из этих соображений следует признать безусловно общеалбанским совпадение флективных форм генитива и датива. Это доказывается отсутствием каких бы ни было следов различия этих падежных форм в диалектах и старых текстах, а также гетерогенностью единой падежной формы генитива-датива (в ед. ч. окончание генитива-датива неопределенного склонения восходит к индоевропейскому локативному окончанию – м. р. *-i* < **-ei*, ж. р. *-e* < **-āi*, а во мн. ч. – к индоевропейскому окончанию генитива *-e* < **-ōm*).

Более чем вероятным является и общеалбанский характер удвоения местоименного объекта. Это определяется не столько достаточно единым характером реализации этого явления (что является, вне всякого сомнения, результатом позднейших грамматикализационных процессов)³¹, сколько топикой кратких местоимений и особенностью их формального выражения. Так, в частности, практически во всех диалектах присутствуют контракционные формы кратких местоимений первого и второго лица (*ma* < *më* + *e* «мне его (ее)» *ta* < *të* + *e* «мне его (ее)»), демонстрирующие общеалбанское морфологическое явление.³² Романский импульс в развитии явления местоименного удвоения как будто бы достаточно правдоподобен.

По всей вероятности, к древнеалбанской эпохе может относиться и появление в албанском аналитического конъюнктива балканского типа. Во всяком случае флективные формы конъюнктива (отличающиеся от индикатива) носят общеалбанский характер и не демонстрируют существенных ранних диалектных различий.³³ В первых албанских текстах, в частности у Бузука, встречаются достаточно ча-

³¹ См. в этой связи практически полное отсутствие разницы в условиях реализации удвоения в среднегеском пункте Мухурр и севернотосском пункте Лешня на картах МДАБЯ [Соболев (ред.), 2005: карты 38–45, 47–48, 59–60].

³² Ш. Демирай достаточно убедительно пишет о вторичном, аналогическом характере форм «слитных» кратких местоимений *me*, *te*, встречающихся в чамерийском и некоторых арбрешских говорах ([Demiraj, 1985: 460, прим. 56], см. также [ADGjSh 1: карта 207]).

³³ О поздних диалектных различиях в этой сфере см. ниже.

стотные формы конъюнктива без частицы *të* [Fiedler, 2004: 409–416], указывающие на то, что в относительно ранние периоды развития в албанском был употребителен синтетический конъюнктив. Однако наличие конъюнктива с *të* во всех албанских диалектах и общеалбанский характер конструкций, в которых употребляется аналитический конъюнктив (протасис условного предложения с частицей *po*, формы «носива» с частицей *le* [Fiedler, 1999, 507]³⁴), указывают на ранний характер этих форм. Однако произошло ли формирование аналитической парадигмы конъюнктива из относительно свободного сочетания гипотактического союза и глагольной формы в период единого существования албанского языка или в эпоху более позднего тесного контакта гегского и тосского диалектов, сказать довольно трудно.

Возможно, что к древнеалбанской эпохе относится и такой важный балканизм, как аналитические формы сравнительной степени прилагательного, также не демонстрирующие никаких существенных диалектных различий, см. [Demiraj, 1985: 440].

В албанском не сохранилось и следов синтетически выраженных степеней сравнения. Решить вопрос о том, зародился ли аналитический способ выражения компаратива в эпоху древнеалбанско-балкано-романского симбиоза или распространился в албанском ареале в более поздний период, практически невозможно.

Те же рассуждения можно применить и к такому балканизму, как образование числительных второго десятка по модели «число единиц» + на + десять. Традиционно считается, что это чуть ли не единственный из «крупных» балканизмов, хорошо объясняющийся славянским влиянием (см., например, [Lindstedt, 2000: 236]). Э. Хэмп, напротив, считал наличие подобной модели в албанском одной из древних изоглосс, связывающих албанский с балтийским и славянским внутри индоевропейского языкового пространства [Hampr, 1992]. Наличие в тексте Бузука (1555) отдельных написаний этих числительных (5) и некоторые другие моменты указывают на сравнительно поздний (хотя и вполне общеалбанский характер) этой конструкции.

- (5) *gneh* *enbeh* *çiete*
 один на десять
 ‘одиннадцать’ [Demiraj, 1997: 101]

³⁴ К сожалению, характер описаний большинства албанских говоров не дает нам возможности выявить реальную картину распределения подобных форм, не фиксируются они и в ДААЯ.

Относится ли ее первоначальное возникновение к периоду единого существования албанского или она возникла как инновация, распространившаяся на все албанские диалекты, остается неясным, так же как и степень влияния славянского на ее возникновение *gesp.* распространение (подробно см. [Demiraj, 1997: 100–109]).

Следует подчеркнуть, что в своих рассуждениях о возможном отнесении ряда балканизмов албанского к древнеалбанскому периоду я касался лишь вопроса о самом возникновении соответствующих структурных моделей, а не об особенностях их дальнейшего грамматикализационного развития, продолжавшегося и в более поздние периоды албанской языковой истории.

Первые «европеизмы» албанского. Из не собственно балканизмов, а, скорее, черт, объединяющих албанский с языками SAE ареала, претендентами на возникновение в древнеалбанский период являются прежде всего два.

Во-первых, это посессивный перфект, представленный во всех албанских диалектах. По всей вероятности, появление перфекта является непосредственным результатом периода древнеалбанско-балканороманского симбиоза (подробно см. [Fiedler, 1999]). Важно отметить, что общеалбанским является не только наличие самого перфекта, но и других времен, входящих в перфектную систему, – плюсквамперфекта и аориста II:³⁵

(6)	a.	<i>kam</i>	<i>shkruar</i>	перфект
		иметь:PRS.1SG	писать:PART	
		‘Я (на)писал.’		
	b.	<i>kisha</i>	<i>shkruar</i>	плюсквамперфект
		иметь:IPF.1SG	писать:PART	
		‘Я (на)писал (давно).’		
	c.	<i>pata</i>	<i>shkruar</i>	аорист II
		иметь:AOR.1SG	писать:PART	
		‘Я написал (давно).’		

Детали образования этой системы неясны. Как известно, в дакорумынском отсутствует аналитический плюсквамперфект, который, напротив, имеется в арумьнском (а в диалектах присутствует и аорист II, см. [Fiedler, 1999: 492], ср., однако, отсутствие подобной формы в ма-

³⁵ Отсутствие аориста II в арванитике объясняется позднейшим контактным влиянием (см. [Fiedler, 1999]).

териалах МДАБЯ: [Bara, Kahl, Sobolev, 2005: 174–175]). Есть и еще ряд существенных различий, в частности использование в перфекте разных форм причастия. Важно отметить также, что из всех балканских языков дакорумынский прошел наиболее далеко по пути грамматикализации *habeo*-перфекта, превратившегося в нарративное прошедшее (или расширенный перфект, по терминологии В. А. Плунгяна), это грамматикализационное семантическое развитие сопровождается в дакорумынском и фонетической редукцией вспомогательного глагола (чего нет в арумынском). В этом аспекте своей грамматической системы албанский демонстрирует, таким образом, больше сходства с арумынским, нежели с дакорумынским. Одно из объяснений этого факта состоит в том, что первоначальный импульс, приведший к образованию системы перфекта, албанский мог получить в эпоху контактов с балканороманскими идиомами в период до диалектного разделения, а затем система перфекта могла окончательно консолидироваться уже под влиянием арумынских диалектов³⁶.

Другой важный «европеизм» албанского (разделяемый балканороманскими языками, греческим и – в разной степени – балканославянскими диалектами, см. [Friedman, 2009: 123–124]) – наличие неопределенного артикля, восходящего, а в большинстве диалектов и тождественного числительному «один» (*një*)³⁷. Явление это имеет, несомненно, общеалбанский характер (развитие в гегских диалектах, приводящее к редукции неопределенного артикля и тем самым к его дифференциации от числительного, носит поздний характер). Точное время появления неопределенного артикля в албанском определить достаточно трудно.

«Антибалканизмы» албанского. В этот же период были сформированы некоторые грамматические черты, не свойственные другим балканским языкам (а также языкам SAE ареала), которые достаточно стойко сохраняются в албанских диалектах (см. об этом, в частности [Friedman 2005: 33]).³⁸ К ним относятся:

³⁶ Весьма распространено мнение о греческом влиянии на консолидацию системы перфекта в самом арумынском, см., например, [Черняк, 1979]).

³⁷ Собственно, важным признаком SAE ареала является одновременное наличие в грамматической системе определенного и неопределенного артиклей [Haspelmath, 2001].

³⁸ А. Н. Соболев предлагает называть явления («супraseгментные и сегментные единицы самого различного ранга и все возможные операции модификаций и

А. Наличие функционально несколько увядающей, но парадигматически сохраняющейся достаточно стойко категории опатива, см. табл. 1.

Табл. 1. *Формы настоящего времени опатива от глагола *punoj* 'работать'*

	Единственное число	Множественное число
1 лицо	<i>puno-fsha</i>	<i>puno-fshim</i>
2 лицо	<i>puno-fsh</i>	<i>puno-fshi</i>
3 лицо	<i>puno-ftë</i>	<i>puno-fshin</i>

Следует отметить, что эта форма не имеет этимологической связи со старым индоевропейским опативом и происхождение ее неясно, возможно, она представляет собой результат развития аористных форм протоалбанского конъюнктива (см. [Demiraj, 1985: 890–896; Klingenschmitt, 1981]). В современном языке опатив достаточно ограниченно используется в независимых предложениях, в основном в формульных выражениях с функцией пожеланий, проклятий и т. п., а также – более широко – в протасисе условных предложений (как с реальным, так и с нереальным условием, см. [Buchholz, Fiedler, 1987: 165–166]). Опатив как будто бы присутствует во всех диалектах основного ареала распространения албанского³⁹ и является категорией, демонстрирующей мало диалектных расхождений (что, возможно, объясняется именно ее низкой функциональной нагрузкой).

Б. Сохранение – или развитие – особой падежной формы аблатива. В ряде исследований [Boretzky, 2000; Demiraj, 1985: 406–413] показано постепенное сужение функционирования аблатива (в период начиная от появления первых письменных памятников) и превращение его из падежа, обладающего формальной противопоставленностью другим

конверсий»), не заимствующиеся в другие балканские языки и, в свою очередь, не являющиеся результатом контактного воздействия, антибалканизмами [Соболев, в печати].

³⁹ В некоторых диалектах албанской диаспоры опатив либо фоссилизировался (например, в арванитике, см. [Tsitsipis, 1998], в диалекте с. Мандрица в Болгарии, см. [Sokolova, 1983]), либо исчез совсем (см., например, современное состояние диалектов албанцев Приазовья, [Морозова, 2008]). Однако тут мы имеем дело с тенденцией к уменьшению роли этой категории в связи с общей редукцией языковой системы в условиях языкового сдвига (так, опатив был засвидетельствован для более ранних стадий бытования говора албанцев Украины (см. [Vogonina, Domosileckaja, Sharapova, 1996]).

падежным формам и функционально-семантической самостоятельностью, в факультативный вариант общекошвенного падежа.⁴⁰ Тем не менее мы можем констатировать, что, по крайней мере, в XVI–XVII веках албанский еще демонстрировал наличие в именной системе этого, столь несвойственного другим балканским языкам, падежа.

3. Период первичного диалектного разделения. Начало контактов со славянами

Противопоставление гегских и тоскских говоров базируется на нескольких «базовых» фонетических изоглоссах, демонстрирующих инновационное развитие в тоскском ареале. Самыми существенными являются две:

- 1) ротацизм, то есть изменение общеалбанского интервокального *-n-* в тоскское *-r-*;
- 2) противопоставление гегскому назализированному *â* тоскского *ĕ* /*ə*;⁴¹ см. гегск. *bâna* ~ тоск. *bĕra* ‘я сделал (аорист)’.⁴²

⁴⁰ Таким образом, мы имеем тут своего рода продолжающийся процесс балканизации, приводящий к большему уподоблению албанской именной системы тому, что мы имеем в других балканских языках. Конечным результатом этого процесса является полное исчезновение форм, демонстрирующих старое аблативное окончание *-sh* в некоторых диалектах диаспоры (арванитика, см. [Haebler, 1965: 63], Мандрица см. [Sokolova, 1983: 59–63]; албанцы Украины, см. [Морозова, 2010]).

⁴¹ Албанское (тоскское) *ĕ* /*ə* представляет собой особую фонему, реализующуюся как в безударной (где она является результатом редукции ряда индоевропейских и латинских безударных гласных), так и в ударной позиции. В последней она исторически восходит к назализированному *â*, реже назализированному *ê* и представляет собой гласный неопределенного тембра. Наличие подобного гласного в тоскском представляет собой фонетический балканизм (см., например, [Савицкая, 2000]).

⁴² Есть достаточно оснований полагать, что наличие назализованных гласных было общеалбанским явлением, таким образом, и тут мы можем говорить об изменении в тоскской языковой зоне. В качестве базовых упоминают обычно еще две изоглоссы: соответствие в нескольких словах (принадлежащих к исконной лексике, латинским и древнегреческим заимствованиям) гегскому начальному *vo-* тоскского *va-* (гегск. *vojta* ~ тоскск. *vajta* ‘я пошел (аор.)’; гегск. *voj* ~ тоскск. *vaj* ‘масло’ < лат. *oleum*) и отсутствие назальных гласных в тоскском. Однако первая изоглосса, действительно чрезвычайно последовательно совпадающая с гегско-тоскской языковой границей, не поддается однозначной хронологической интерпретации. Потеря назализации в тоскском (частью которой является и переход *â* > *ĕ*) является важным фактом тоскской языковой истории, однако представляет собой достаточно неспецифический языковой процесс (ср., например, сравнительно позднюю поте-

Обе изоглоссы практически совпадают (см. [ADGhSh 1: карты 7, 8, 129]), легкое их несовпадение наблюдается лишь в смешанных говорах (см. прим. 15).

Обе изоглоссы чрезвычайно важны для решения вопроса о хронологии первичного разделения албаноязычного ареала. Абсолютная хронология и ротацизма и перехода $\hat{a} > \check{e}$ определяется прежде всего тем, что оба явления захватывают весь корпус латинских заимствований в албанском (см. гег. *rân(ĕ)*, тоск. *rĕrĕ* ‘песок’ < лат. *arenā*). Представления о «послелатинском» характере данных изменений, прежде всего ротацизма, поддерживается и некоторыми моментами, связанными с относительной хронологией звуковых изменений, – ротацизм должен был начаться после действия в албанском важных морфонологических процессов, затронувших латинскую лексику, таких как умлаут и консонантные палатализации (подробнейшее рассмотрение вопросов, связанных с хронологией ротацизма см. в [Jansson, 1988], там же библиография).

Для уточнения хронологии «первичного» диалектного разделения албанского решающее значение имеет вопрос о том, отражается ли ротацизм и противопоставление $\hat{a} \sim \check{e}$ в славянских заимствованиях албанского.

Точные хронологические и географические обстоятельства начала контактов албанцев и славян неизвестны. Можно предположить, что первые контакты могли начаться с периода окончательного расселения славян на Балканском полуострове, т. е. с VII века.

Контакты со славянскими языками и диалектами были весьма продолжительны. В некотором смысле (если учитывать весь комплекс взаимодействия славянских и албанских диалектов в пределах основного албаноязычного ареала) они продолжаются до настоящего времени. Их характер отличался необычайным разнообразием. Они включают в себя ранние контакты славянского земледельческого и албанского, по всей видимости, в основном скотоводческого населения, в период непосредственно после заселения славянами Балкан, длительные пери-

оду назализации в некоторых гегских диалектах под славянским языковым влиянием, см. ниже). Ряд изоглосс, традиционно предлагавшихся в качестве различительных, на деле таковыми не являются. Так отсутствие долготы в южноалбанском характеризует не все тоскские говоры. Не могут служить изоглоссой, противопоставляющей гегскую и тоскскую области, и разные рефлексy староалбанского дифтонга **uo*, т. к. в некоторых гегских говорах этот дифтонг демонстрирует «тоскский» рефлекс. О морфологических изоглоссах, разделяющих гегский и тоскский, будет сказано ниже.

оды проживания иногда всего, а иногда части албанского населения на территории средневековых славянских государств – Первого и Второго Болгарского царств, сербского государства Неманей⁴³, совместное существование славянского и албанского населения на территории независимых княжеств XIV века. Особую главу в истории албанско-славянских отношений составляет бытование славян и албанцев в качестве подданных Османской империи (см. § 5). В этот период имели место как ситуации относительно стабильного билингвального контакта, так и случаи смены языка (в частности, албанизации славянского населения) во многом связанные с исламизацией населения Западных Балкан. Как представляется, именно контакты со славянским населением определяли многие ключевые моменты в албанской языковой и, в частности, диалектной истории последних тринадцати веков.

Наиболее заметным лингвистическим следствием контактов со славянами явилось огромное количество славянских заимствований, вошедших в албанский лексический фонд (из большой литературы, посвященной славянским заимствованиям в албанский, см. [Miklosic, 1870; Селищев, 1931; Jokl, 1934; Svane, 1992; Ylli, 1997]).

Существуют фундаментальные отличия славянского лексического фонда албанского языка от латинского.

Во-первых,⁴⁴ лишь меньшая часть славизмов имеет общеалбанское распространение, основная их масса ограничена определенными диалектными ареалами⁴⁵. Это дает возможность определить внутри албаноязычного ареала зоны, особенно насыщенные славизмами (и/или демонстрирующие особые, уникальные, славизмы, не характерные для

⁴³ Надо заметить при этом, что в разные исторические эпохи за фактом формального включения территории, на которой проживали албанцы, в состав того или иного славянского государства могли стоять совершенно разные социолингвистические и контактные ситуации.

⁴⁴ Мы оставляем в стороне детально разработанный в имеющихся исследованиях вопрос о семантических сферах, в которых представлены славянские заимствования (см. [Десницкая, 1987б; Svane, 1992]). Заметим только, что наиболее полно представлены области сельского хозяйства и материальной культуры, но присутствует и лексика, относящаяся к сферам духовной жизни, общественного бытия, календарно-временной сфере и т. п. Слова, относящиеся к базисной лексике, крайне немногочисленны.

⁴⁵ В этом смысле значительный шаг вперед в исследовании албанских славизмов представляет монография Дж. Юллы, где на основании полевых исследований (но с полным учетом предшествующей научной литературы) показано географическое распределение албанских славизмов. Из материалов Юллы вытекает, что лишь четверть из примерно 1000 албанских славизмов имеет более или менее общеалбанское распространение [Ylli, 1997].

других частей ареала), и тем самым в какой-то степени восстановить исторические обстоятельства албано-славянских языковых контактов (см. [Соболев, 2010]). Этому же служат случаи – правда, сравнительно немногочисленные, – когда мы можем определить восточно-южнославянское или, напротив, западно-южнославянское происхождение того или иного (как правило, диалектно ограниченного) славизма.⁴⁶

Во-вторых, славянские заимствования вошли в албанский язык уже после того, как была завершена коренная перестройка его языковой системы. Они не демонстрируют следов редукции безударных слогов и выпадения интервокальных звонких, которые наблюдаются в албанских латинизмах.

Существует сравнительно небольшая группа славизмов, вхождение которых в албанский на основании фонетических критериев можно отнести к эпохе относительно ранних славяно-албанских контактов.

Ряд этих критериев базируются на фактах славянской исторической фонетики. Сюда относятся особенности передачи в албанском славянских редуцированных, носовых и у [Svane, 1992: 290–304; Ylli, 1997: 315–321; Orel, 2000: 37–41]. Примеры подобной лексики см. в указанных работах Сване и Юллы. Общее количество слов, которые принадлежат по этим критериям к древнейшему слою албанских славизмов, не превышает двух десятков, а время их вхождения в албанский не должно быть позднее XI–XII вв. Ряд критериев «древности» албанских заимствований опирается на албанскую историческую фонетику. Здесь следует упомянуть около десятка славизмов, в которых слав. *s* отражается как албанское *sh* (такой же рефлекс демонстрирует в албанском латинское *s* и индоевропейское *s* в определенных позиционных условиях, в абсолютном большинстве же албанских славизмов славянское *s* передается албанским *s* (см. [Orel, 2000: 121]).

Ранние албанские славизмы имеют большое значение для решения проблемы датировки начала действия процессов ротацизма и деназализации *ā* в тоскском. Действительно, существуют два тоскских слова славянского происхождения, демонстрирующие ротацизм:

⁴⁶ Особое значение для исследования проблемы истории албано-славянских контактов имеет изучение славянских топонимов на территории Албании. Пионером в этой сфере был Селищев [Селищев, 1931], убедительно показавший неравномерность распространения славянских топонимов на албанской языковой территории. Наиболее полный материал, представляющий славянскую топонимику на территории Республики Албания, см. в [Ylli, 2000].

- (7) южнотоск. *tërsirë* ‘веревка из дрока’ < болг. *trъsina*, м. б. через посредство рум. *trăsină* [Çabej, 2006: 112–113; Orel, 1998: 455]
- (8) тоск. *shtëpreshë*, гегск. *shpneshë* ‘пастушка, хозяйка дома’, женское производное от гегск. *shtëpâ* ‘пастух, занимающийся производством сыпа’ < слав. *stopanъ* [Çabej, 2006: 81–82; Orel, 1998: 438]. Мужской коррелят второго слова демонстрирует гегский назальный гласный.

Большинство же славянских заимствований не демонстрирует ни ротацизма, ни назальности в гегском. Тем не менее приведенные выше примеры показывают, что в первый период албанско-славянских контактов ротацизм либо еще не начал действовать, либо был активным продолжающимся фонетическим процессом.

Все это указывает на последние века первого тысячелетия н. э. как на наиболее правдоподобное время появления первых гегско-тоскских изоглосс и, следовательно, конца «единого существования» албанского.⁴⁷

Ключевую роль для решения многих неясных до конца проблем албанской языковой истории играет ответ на вопрос о том, где собственно произошло начальное разделение единого албанского на гегскую и тоскскую «части». Традиционная албанская историческая диалектология исходит из положения, что это разделение произошло *in situ* и, соответственно, река Шкумбин является «первичной» границей двух диалектных зон. Такая гипотеза достаточно соблазнительна, поскольку деление албанского языка на северный и южный ареалы коррелирует с некоторыми другими географическими противопоставлениями, существенными для истории албанской территории и албанского этноса. В «долатинскую» эпоху несколько южнее Шкумбина проходила граница между сильно эллинизированным Эпиром и в меньшей степени затронутой греческим влиянием Илирией. Севернее Шкумбина, но также рассекая нынешнюю албанскую территорию, проходила линия Йиричека. В эпоху зрелого Средневековья территорию Албании пересекала постоянно меняющая свое точное местоположение, но в конце концов стабилизировавшаяся несколько севернее Шкумбина граница между сферой влияния православия и католицизма. Кро-

⁴⁷ Это не означает, разумеется, что албанский был до этого периода диалектно однороден. Речь идет лишь о хронологизации того диалектного разделения, которое мы можем наблюдать на протяжении видимой албанской языковой истории.

ме того, в районе Шкумбина в ходе бурной и достаточно переменчивой албанской истории неоднократно проходили границы различных средневековых государств и владений (например, с середины XIII в. по первую треть XIV в. – граница между государством Неманидов и Византийской империей, см. об этом, например, [Manyard, 2003]). Все эти обстоятельства (прежде всего относящиеся ко второму тысячелетию н. э.), возможно, сыграли определенную роль в консолидации албанского диалектного ландшафта (см. § 4), но едва ли могут дать положительный ответ о месте диалектной бифуркации, происходившей где-то в VII–VIII веках.

В § 2.2 предлагалось вернуться к старой идее о бассейне реки Моравы как зоне, где могли происходить албано-восточнороманские языковые и этнические контакты. Если принять эту гипотезу, то можно предположить, что именно наступление славян могло явиться побудительным толчком к движению албанцев к местам их нынешнего расселения и к их диалектному разделению.⁴⁸

Следует отметить еще одно обстоятельство. Как известно, переход *ǣ* в гласный неопределенного тембра в тоскском представляют собой важный фонетический балканизм, чуждый гегскому (см. несколько иное мнение в [Савицкая, 2000]), но разделяемый восточнороманским. Можно предположить, что тоскский получил первый импульс к этому развитию в контакте с румынским и что геги и тоски пришли на свою нынешнюю территорию неодновременно. При этом тоски могли в конечном итоге занять области к югу от Шкумбина, а геги – северную территорию, включая бассейн Мата, постулируемый рядом исследователей в качестве зоны формирования всего албанского этноса (см. [Stadtmüller, 1966] и др.).⁴⁹

⁴⁸ См. в этой связи интересные рассуждения А. Н. Соболева о возможном восточнороманском посредничестве при проникновении некоторых общеалбанских лексических славизмов [Соболев, 2010: 43].

⁴⁹ См. у А. В. Десницкой: «Изоглосса ротацизма, разделившая древнеалбанский ареал, указывает на существование определенной границы языкового общения в какой-то из ранних периодов истории албанского народа. В настоящее время приходится удовлетвориться лишь самыми общими предположениями о возможных причинах имевшей место языковой изоляции: территориальный разрыв в результате переселения, внедрение иноязычного этноса, языковое смешение или что-либо иное» [Десницкая, 1984б: 266].

4. Конвергентное гегско-тоскское развитие на нынешней территории («средневековый» албанский)

При взгляде на диалектную карту современного албанского⁵⁰ бросается в глаза одно обстоятельство. Гегско-тоскская диалектная граница маркируется целым пучком практически совпадающих изоглосс, отображающих явления, большинство из которых относится к двум совершенно разным хронологическим эпохам. С одной стороны, это эпоха диалектного разделения (наличие / отсутствие назализованных гласных; ротацизм; противопоставление *vo-/va-*, см. прим. 42), с другой стороны, ряд изоглосс отмечают границу сравнительно поздних явлений (в основном гегских инноваций), относящихся к «исторической» эпохе после появления письменных памятников. Вместе с тем имеется и ряд изоглосс, пересекающих гегско-тоскскую языковую границу. Возникает вопрос о том, какова была судьба гегского и тоскского диалектов в период после диалектного разделения.

Отвечая на этот вопрос, А. В. Десницкая прозорливо отметила, что, «оставаясь в области гипотез, можно предполагать, что во времена дальнейшего формирования албанской народности существовавшие ранее барьеры общения утратили значение и что уже в XIII–XIV вв. (период албанского феодализма) конвергирующие тенденции преобладали над дивергирующими. Во всяком случае нет оснований думать, что река Шкумбин, вдоль которой в историческое время проходит граница гегской и тоскской диалектных областей, могла быть тем барьером общения, который некогда создал разделение двух диалектов» [Десницкая, 1984б: 267].

Исторический фон. Итак, суммируя сказанное в предыдущем разделе, мы можем представить себе следующую картину. Переселившись (предположительно после VII–VIII вв.) на территорию нынешнего распространения албанского языка, предки албанцев долж-

⁵⁰ В вопросе более дробной классификации албанских говоров я следую схеме, предложенной А. В. Десницкой. Согласно ее классификации, гегские говоры делятся на три большие зоны – северногогскую (в свою очередь подразделяющуюся на северозападные и северовосточные гегские говоры), среднеггскую и южноггскую. Внутри тоскской области выделяется севернотоскская и южнотоскская зоны, последняя включает в себя ляберийские и чамерийские говоры [Десницкая, 1968]. Эта классификация отличается от аналогичных схем, используемых албанскими диалектологами, лишь не очень значительными деталями (см., к примеру, [Gjinari, 1989]).

ны были в какой-то момент встретиться в районе реки Шкумбин.⁵¹ А. В. Десницкая предполагала, что эта встреча произошла в XIII–XIV веках, но, в принципе, это могло случиться и раньше. Как уже было сказано выше, первые сведения об албанцах относятся ко второй половине XI века, в XIII веке албанское население фиксируется на большей части нынешнего албаноязычного ареала, в том числе в областях к югу от Шкумбина. В XIV веке начинается массированное переселение тоскского населения в южном направлении на территорию нынешней Греции (см. [Historia, 1959]). Период XI–XIV веков был одной из наиболее бурных эпох албанской истории. Территория Албании была предметом соперничества и притязаний, с одной стороны, Византии (которая ее удерживала и постепенно теряла), с другой стороны славянских государств (Западно-Болгарского царства, Дукли, государства Неманидов, Второго Болгарского царства), в течение этого периода территория Албании (как правило север, но иногда и практически вся территория) неоднократно входила в состав славянских государственных образований.⁵² Весь этот период албанские диалекты подвергались ощутимому влиянию со стороны греческого и балкано-славянских языков. Влияние греческого с течением времени все более и более ограничивалось Южной Албанией и, соответственно, тоскским диалектом, влияние балкано-славянских языков распространялось на большую часть албанской территории, при этом носители западно-южнославянского сталкивались по-преимуществу с носителями гегских диалектов, а носители восточно-южнославянского – с носителями тоскских и южных гегских говоров.⁵³

Говоря о лингвистических процессах, происходивших в албанских диалектах начиная с XIII–XIV веков, следует отметить, что при опре-

⁵¹ Этому не противоречит, как кажется, и наличие к югу от Шкумбина неширокой (8–10 км) полосы так называемых смешанных говоров – они могли возникнуть вследствие диффузии диалектных черт после того, как Шкумбин стал гегско-тоскской диалектной границей. Как отмечалось [Десницкая, 1968: 220–230], в смешанных говорах всегда можно определить гегскую или тоскую диалектную основу.

⁵² Кроме того, с конца XI в. Албания притягивает интересы итальянских государств – Неаполитанско-Сицилийского королевства (начиная от норманнов), а несколько позже Венеции. «Западное» влияние, впрочем, не оказало ощутимого лингвистического влияния на албанский язык (не считая лексических заимствований).

⁵³ Случалось, что север Албании входил на какое-то время в состав болгарских государств, а юг – сербских, однако мы, разумеется, не должны отождествлять временное вхождение какой-нибудь территории под юрисдикцию того или иного средневекового государства с реальными этническими и языковыми изменениями.

делении их хронологии и направления развития мы находимся в гораздо более выгодном положении, чем при изучении явлений, гипотетически относимых к предшествующему периоду. Имеется две группы источников, представляющих для нас достаточно надежные хронологические ориентиры. Это а) материалы албанских говоров диаспоры, оторвавшихся от основного албаноязычного ареала в конце XIII–XV веках и б) первые письменные памятники. Последние, к сожалению, дают неравноценный в диалектологическом плане материал. Если гегский диалект представлен для XVI–XVII веков несколькими монументальными произведениями, насчитывающими около двух тысяч страниц и включающими такой выдающийся памятник как «Служебник» Гь. Бузука (1555),⁵⁴ то для тоскского диалекта этого же периода мы имеем лишь небольшой текст катехизиса Л. Матранги (1596) объемом менее 30 страниц. Тем не менее первые письменные памятники дают нам важную точку отсчета, позволяющую понять, с одной стороны, к какому состоянию пришли албанские диалекты к середине XVI века, а с другой – от какого состояния они ушли в своем дальнейшем развитии. Именно наличие письменных памятников делает возможным фундаментальный для албанской диалектологии и истории языка вывод о том, что албанский в XVI веке имел в диалектном отношении значительно более единый характер, чем сегодня, и что тем самым многие диалектные инновации имели место в последние века албанской истории (см. [Десницкая, 1984б: 264]).

В целом мы можем сказать, что период, охватывающий первую половину второго тысячелетия н. э. с диалектологической точки зрения был временем активного конвергентного развития обеих диалектных зон.

С балканонологической точки зрения это было время интенсивных языковых контактов и стабилизации большей части албанских балканизмов (в том числе и тех, само возникновение которых может быть отнесено к «общеалбанскому» периоду, см. § 2.3). Процесс балканизации был сильнее на южной части албаноязычной территории. Зона распространения тоскского диалекта примыкала к «[э]пицентру балканизмов... где-то южнее Охридского озера и озера Преспа, где встретились греческий, албанский, македонский арумынский и цыганский языки и где их местные варианты, несомненно, более похожи друг на друга,

⁵⁴ Уникальность этого памятника заключается и в том, что его автор, безвестный католический священник Гь. Бузук обладал редкостным лингвистическим чутьем.

чем все пять идиомов, взятые в целом» [Lindstedt, 2000: 234]. Балкано-логические процессы, проходившие здесь, можно охарактеризовать как процессы «взаимного усиления» (*mutual reinforcement*) [Lindstedt, 2000: 241–243]. Гегский диалект в эту эпоху был распространен в зоне, характеризовавшейся постоянным сокращением греческого культурного и языкового влияния, славянские идиомы, которые контактировали тогда с гегскими говорами, были менее балканизированными, особенно в северной части гегской зоны.

Наличие / отсутствие рефлексивно-посессивного местоимения. Прежде чем перейти к явлениям, возникновение которых можно отнести к периоду вторичного сближения албанских диалектов, упомянем важную грамматическую изоглоссу, представляющую собой абсолютную границу, разделяющую гегские и тоскские говоры. Это наличие в гегском рефлексивно-посессивного местоимения *i, e vet* ‘свой’ и, соответственно, его отсутствие в тоскском. Сам жесткий характер диалектной границы и одновременно присутствие этого местоимения в ранних гегских письменных памятниках указывает на достаточно старый характер этой изоглоссы. Возникает вопрос, какой из диалектов является в этом плане инновативным. Ответить на него определенным образом достаточно трудно. Действительно, в течение продолжительного периода гегские диалекты контактировали с западно-южнославянскими и македонскими говорами, в которых подобное местоимение присутствует, тогда как тоскские с греческим (в котором нет не эмфатического рефлексивно-посессивного местоимения) и теми восточно-южнославянскими диалектами, в которых специальное рефлексивно-посессивное местоимение отсутствует (см. [Sobolev, 1999: 205–206]).⁵⁵ Нет подобного местоимения и в арумынском. Можно предположить, что тут мы имеем дело с достаточно старой общетоскской инновацией контактного происхождения, где общим источником контактного воздействия и на южный албанский, и на балкано-славянские диалекты мог быть либо греческий, либо арумынский язык (либо они оба вместе).⁵⁶

⁵⁵ К подобным говорам относятся, в частности, южномакедонские и болгарские западные, мизийские и рупские говоры [Sobolev 1999: 205–206].

⁵⁶ Любопытно, что в двух тоскских диалектах диаспоры, сравнительно рано (вероятно, не позднее XVI в.) оторвавшихся от основного албаноязычного ареала и происходящих из одной (северновосточнотоскской) диалектной зоны, – диалекте с. Мандрица (Юго-Восточная Болгария) и диалекте албанцев – Украины развилась инновативная форма рефлексивно-посессивного местоимения, представляющая со-

Гегско-тоскские инновации. Локатив. Перейдем теперь непосредственно к инновациям, возникшим в результате гегско-тоскских контактов. Одно из самых ярких из подобных явлений, не являющееся при этом балканизмом, представляет собой наличие в ряде гегских и тоскских диалектов особой падежной формы, употребляющейся после некоторых предлогов и обозначающейся в албанской грамматической традиции как локатив. Форма эта образована путем прибавления к чистой именной основе показателя *-t*:

(9) *në mal-t* ‘на горе’.

Существует достаточно обширная литература, посвященная как категориальному статусу этой формы, действительно несколько выбивающейся из «логики» построения албанской падежной системы, так и возможным путям ее возникновения (см. обзор литературы в [Demiraj, 1985]; см. также [Десницкая, 1976а: 93–104]). Высказывались разные мнения и о времени и месте ее появления. Следует отметить, что в настоящее время формы локатива присутствуют (см. [ADGjSh 1: карта 193]) практически во всех севернотоскских говорах (кроме говоров Юго-Западной Македонии), в большей части южногегских и среднегегских говоров. Соответственно, отсутствует он в Лаберии и Чамерии и в северногегских говорах (включая всю территорию Косова).⁵⁷ Эта форма не употребляется в албанских говорах Греции и большей части арбрешских говоров Италии, но используется в говоре Мандрицы [Sokolova, 1983: 67] и в говоре албанцев Украины [Морозова, 2010]. Форма локатива присутствует в текстах старых албанских авторов и как будто бы имела раньше более широкую диалектную дистрибуцию: засвидетельствованы редкие случаи ее употребления в некоторых лаберийских и северногегских говорах [Demiraj, 1985: 376–377]. Опира-

бой генитив собственно рефлексива (*veti-ut*, Мандрица [Sokolova, 1983: 104–105], ср. [Voronina, Domosileckaja, Sharapova, 1996: 75]). Был ли тут какой-либо внешний толчок к подобному развитию, остается неясным – рупские говоры, в окружении которых находился последнее столетия говор Мандрицы, подобным местоимением не обладают. М. б., имело место влияние тюркских диалектов? Говоры албанцев Украины контактировали со смешанными болгарскими переселенческими говорами, среди которых были и говоры подбалканского типа, имеющие местоимение *свој*. Наличие подобного вторичного рефлексивно-посессивного местоимения могло поддерживаться и нарастающими со временем контактами с русским языком.

⁵⁷ См. современную фиксацию единичного случая употребления формы локатива в говоре горного села Тет (Theth), расположенного на крайнем севере Албании (Beluscio, Genesis, 2010: 183).

ясь на эти данные, некоторые исследователи полагают, что изначально распространение локативной формы имело общеалбанский характер и ее появление могло относиться к периоду до диалектного разделения (так, к примеру, [Friedman, 2005: 33]). В пользу этого предположения свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что наличие особой локативной формы в целом противоречит общим тенденциям развития падежной системы балканских языков. Вместе с тем сам «лингвогеографический» характер прохождения этой изоглоссы указывает на наличие центра распространения инновации, охватывающего области по обе стороны Шкумбина. Это подтверждается и тем, что в непосредственной близости к нынешней геско-тоскской диалектной границе локативная форма выступает как *единственная* употребляющаяся после предлогов *në* ‘в’, *nën* ‘под’, *nëpër* ‘через’, *tbi* ‘на, над’, *me* ‘с’, по мере отхода от этой границы в качестве ее конкурента начинает употребляться форма «нормального» аккузатива (*në mal-(in)*, [ADGjSh 1: карта 193]). Это как будто бы подтверждает мысль о том, что центром инновации является именно зона гегско-тоскского пограничья и, следовательно, эта изоглосса могла возникнуть в первые века «вторичных» контактов между диалектами (XII–XIV века). При этом употребление формы локатива могло в какой-то период времени распространиться на более широкую территорию, нежели сегодняшняя, а затем могла произойти ее потеря в периферийных (по отношению к этой инновации) диалектах.

Классические балканизмы. Диалектная дисперсия. Утрата инфинитива и его функциональная замена конъюнктивом. Говоря о таком балканизме как потеря инфинитива, следует заметить, что мы имеем тут дело, по крайней мере с двумя, хотя и тесно взаимосвязанными, проблемами: проблемой судьбы инфинитива на тоскской территории и проблемой распространения конструкций с постглагольным конъюнктивом на территорию гегскую. Первому вопросу посвящена гиганская литература (см. прежде всего [Joseph, 1983]; а также [Габинский, 1967, 1970, 2008]). Главный вопрос заключается в том, присутствовал ли когда-нибудь инфинитив гегского типа (*me bâ* ‘делать’, представляющий собой сочетание предлога со значением «с» с причастием) в тоскских диалектах. Разумеется, если исходить из протоалбанского состояния, аналитическая форма «гегского» инфинитива сама является вторичной, она, по всей видимости, возникла уже после коренной перестройки албанской грамматической системы и, вероятно, заместила утраченную форму «старого» инфинитива

индоевропейского типа, возможно, слившегося (полностью или для определенных глагольных типов) с причастием. Языковые факты – прежде всего активное использование в тоскских диалектах лексикализованных конструкций, включающих в себя формы, параллельные гегским, но в тоскской фонетической форме (самое распространенное из них *domethĕnĕ* ‘значит’, включающее в себя «инфинитив» *me thĕnĕ* ‘говорить’), а также наличествующие в арбрешских диалектах довольно многочисленные, хотя и не систематические, случаи употребления инфинитива (подробно см. [Габинский, 1970; Altimari, 2010])⁵⁸ – указывают на значительное правдоподобие соображений об общебалканском характере «гегского» инфинитива. Можно представить себе, что после диалектного разделения инфинитив начал активно вытесняться в тоскском диалекте под влиянием окружающих языков (прежде всего, греческого?) и что этот процесс был достаточно близок к завершению к моменту начала переселения албанцев в Италию.

Одновременно в период вторичного сближения гегского и тоскского диалектов шел активный процесс внедрения конъюнктивных форм в те синтаксические позиции, которые раньше занимали формы инфинитивные. Процесс этот, источником которого могло быть как влияние тоскского диалекта, так и контактирующих языков (например, македонских диалектов для восточной части среднегегских говоров) привел не к вытеснению инфинитива (по данным [ADGjSh I: карта 319], инфинитив сохраняется во всех гегских диалектах), а к конкуренции конъюнктивных и инфинитивных форм. Такая конкуренция была характерна уже для первых албанских письменных памятников (подробный анализ материала «Службника» Бузука см. в [Fiedler, 2004], где ясно показано грамматикализационное направление процесса замещения инфинитивных форм конъюнктивными). Четыре карты ДААЯ [ADGjSh I: карты 357–360] наглядно демонстрируют, что продвижение конъюнктивных форм в зону употребления инфинитива происходит в направлении с юго-востока и что наиболее стойкими по отношению к этому продвижению оказываются северногегские говоры. Если говорить о синтаксических позициях, то можно заметить (хотя атлас и

⁵⁸ Надо отметить все же, что приводимые примеры инфинитива гегского типа в арбрешских текстах достаточно немногочисленны, а в ряде памятников (прежде всего в старейшем из них – «Катехизисе» Л. Матранги, 1592 г.) отсутствуют вовсе. Таким образом, распространенная идея о том, что инфинитивные формы в арбрешских литературных текстах могут быть вторичными «гегизмами», не может быть полностью отброшена.

существующие диалектные описания не дают здесь полной картины), что инфинитив более стойко сохраняется после фазовых глаголов, нежели после модальных [ADGjSh I: карты 357–360].

Положение дел с коллизией «инфинитив vs. конъюнктив» осложняется еще и тем, что в албанском языке достаточно активно распространяются новые аналитические заместители инфинитива («вторичные инфинитивные формы», по терминологии М. А. Габинского [Габинский, 1967]). Самой распространенной из этих форм является конструкция типа *për të bërë* собств. ‘ради делания’, образованная сочетанием предлога со значением ‘для’, ‘ради’ и отглагольного имени и появляющаяся, прежде всего в целевых конструкциях, но встречающаяся и в других позициях употребления поствербального инфинитива (после фазовых, модальных глаголов и др.)⁵⁹. Судя по всему, конструкция *për të bërë* является тоскской инновацией, на карте 319 ДААЯ она зафиксирована всего в двух гегских пунктах.⁶⁰ Тем не менее она встречается у старых албанских авторов (см. [Demiraj, 1985: 977–984])⁶¹.

Суммируя, можно заметить, что развитие инфинитивных форм в албанских диалектах демонстрирует нам специфическое «волнообразное» движение со своего рода сдвигом на фазу: старые инфинитивы

⁵⁹ Другим заменителем инфинитива является конструкция *së beri* (представляющая собой форму аблатива отглагольного имени среднего рода), употребляющаяся в основном с фазовыми глаголами. Данная конструкция имеет яркие соответствия в арумынских говорах, в частности в южноарумынском говоре с. Турья (см. [Bara, Kahl, Sobolev, 2005: 211–214]). Следует отметить, что обе конструкции отличаются от гегского инфинитива типа *me bā* тем, что представляют собой падежные или предложно-падежные формы отглагольного имени и в разной степени сохраняют сочетание именных и глагольных черт (эта проблематика подробнее рассмотривается в [Габинский, 1967, 2008]).

⁶⁰ В ряде северо-восточных гегских говоров представлена контаминированная инфинитивная конструкция типа *për me punue* ‘(для того, чтобы) работать’ (‘для’ + ‘с’ + инфинитив) [ADGjSh I: карта 319]. Интересно, что эта форма представлена и в текстах старых арбрешских письменных памятников [Altınari, 2010].

⁶¹ Следует отличать инфинитивные употребления этой конструкции от употреблений, которые могут быть интерпретированы как сочетание отглагольного имени с предлогом: в текстах старых гегских авторов (и особенно Бузука) отричастные имена среднего рода очень распространены, являясь основным средством номинации в области абстрактной лексики. Примеры с конструкцией типа *për të bërë*, зафиксированные у Бузука, легко интерпретируются как предложные группы. Первые случаи, несомненно, инфинитивного употребления этой конструкции встречается в тексте П. Богдани (1685), где отричастная форма сопровождается показателем неактивного залога (что невозможно при употреблении отглагольных имен) [Demiraj, 1985: 977].

вытесняются в тоскском конъюнктивными финитными формами, под (частичным) влиянием тоскского эти формы начинают все более и более внедряться в гегский, параллельно в тоскском развиваются «вторичные» инфинитивные формы, также проникающие в гегский. Отграничить строгим образом иноязычные влияния от тенденций внутреннего развития достаточно сложно.⁶²

Следует обратить также внимание на характерную для гегских говоров черту: новые явления, обязанные своим возникновением контактному влиянию, не вытесняют старые полностью, а соседствуют с ними, что приводит к усложнению языковой системы этих диалектов.

Будущее время «балканского» типа. Другим ярким примером диалектной дисперсии важного балканизма является распространение в гегских говорах будущего времени «тоскского» типа, образованного по балканской модели из частицы, восходящей к глаголу желания, и глагольной формы в конъюнктиве:

- (10) *do* *tě* *shkruaj*
 FUT CONJ писать:PRS.1SG
 ‘буду писать’

Традиционно считается, что будущее волитативного типа является (наряду с отсутствием инфинитива) одним из тех балканизмов, наличие которых отличает тоскский от гегского и делает первый более балканским. Современный диалектный материал заставляет сильно модифицировать эти представления. Так, карты ДААЯ демонстрируют проникновение форм «тоскского» будущего во все зоны гегского ареала: они отсутствуют лишь в трех северо-восточно-гегских и одном северо-западно-гегском пункте [ADGjSh I: карта 305]! Подавляющее большинство гегских пунктов атласа характеризуется параллельным употреблением двух типов будущего времени – «тоскского» и «гегского», образуемого с помощью спрягаемой формы глагола обладания и инфинитива основного глагола:

- (11) *kam* *me* *shkrue*
 иметь:PRS.1SG INF(=с) писать:PART
 ‘буду писать’

⁶² В этой связи следует упомянуть соображения Б. Джозефа, полагавшего, что развитие вторичных инфинитивных форм в тоскском может быть объяснено влиянием греческого, сохраняющего остаточные инфинитивные формы [Joseph, 1983]. Заметим, что при всей остроумности этого объяснения все же достаточно трудно видеть в греческом одновременно и катализатор потери инфинитивности в южно-албанских диалектах, и источник влияния, замедляющего этот процесс.

Более того, в ряде гегских пунктов, в том числе северногегских, используется только тоскский тип будущего времени. Разумеется, диалекты, характеризующиеся параллельным присутствием обоих типов будущего времени, различаются частотностью их употребления (см., например, [Friedman, 2005]). Во многих гегских диалектах, впрочем, «тоскское» будущее время является абсолютно преобладающим (см., например, ситуацию в среднегегском говоре с. Мухурр, где формы «гегского» футура порождаются информантами только в ответ на прямой вопрос эксплоратора [Юллы, Соболев, 2003: 174–175]).

В том, что такая ситуация не является результатом развития последнего времени, убеждают некоторые исторические факты. Первый случай употребления будущего времени тоскского типа зафиксирован в одной из первых записей албанского языка, маленьком словарице, записанном немецким путешественником Арнольдом фон Харффом в Дурресе в 1497 г. (*do duple = do ta ble(j)* “wyl it gelden, я это куплю”, [Ashta, 1996: 51–66]). Дуррес лежит в южногегской зоне, и мы имеем тут как будто бы случай употребления «тоскской» формы будущего времени на гегской территории.⁶³

В то же время в старых гегских письменных памятниках форма будущего времени «тоскского» типа практически не встречается [Demiraj, 1985: 825–826; Fiedler, 2004: 531–532].⁶⁴

Можно предположить, что распространение формы будущего времени, образованной с помощью частицы *do*, было мощной инновацией, идущей из тоскской области и достаточно рано захватившей южногегские диалекты (см. [Жугра, 1976]). В северо-гегской области «тоскское» будущее время фиксируется в первой половине XVIII века – это доказывается его наличием в изолированном говоре селения Арбанас (Борго Эриццо) близ Задара, жители которого покинули свою первоначальную родину – основной албаноязычный ареал – в 1730-е годы, а также в тексте, происходящем из ныне не существующей албанской колонии в Истрии, основанной в конце XVII–начале XVIII вв. выходцами с крайнего севера Албании, см. [Ajëti, 1985: 137–139, 291; Demiraj, 1985: 826].

⁶³ См., однако, критику интерпретации этой формы как футуральной в [Matzigea, 2010: 56–59].

⁶⁴ Примеры употребления «тоскской» формы футурума у Бузука были недавно убедительно проинтерпретированы как волитивная конструкция (см. [Matzinger, 2010: 53–55]).

Особую историческую проблему представляют собой «гибридные» формы будущего времени, представленные в некоторых албанских диалектах. Так, в большинстве арбрешских говоров представлено будущее время, образованное по схеме «спрягаемый глагол обладания + конъюнктив»⁶⁵:

- (12) *kam* *të* *vete*
 иметь:PRS.1SG CONJ идти:1SG
 ‘Я пойду’.

Эта конструкция зафиксирована уже в первом памятнике арбрешской письменности – катехизисе Л. Матранги (1596), спорадически она встречается и в южнотоскских говорах – лаберийском и чамерийском [Demiraj, 1985: 836–838, Mansaku, 2010: 344–349]. В некоторых говорах глагол *kam* спрягается, в других он грамматикализировался в неизменяемую частицу *ka*.⁶⁶

На закрепление «арбрешской» формы будущего времени могла повлиять распространенная в южных итальянских диалектах перифрастическая футуральная конструкция, образованная «по модели *habeo ad (da) + инфинитив*»: абруц. *o da fa* ‘я сделаю’» [Чельшева, 2001: 139]; см. об этом [Çabej, 1975: 83]. Против этого говорят, однако, следы этой конструкции в южнотоскском. Скорее речь может идти о том, что к моменту появления первых албанских поселенцев в Италии, по крайней мере в некоторых южно-тоскских говорах, еще употреблялось будущее время со вспомогательным глаголом *kam* ‘иметь’ и что параллельно с продвижением деволитивного будущего на север происходило вытеснение нецесситивного будущего на юге (см. также прим. 67). Любопытно, что в албанских диалектах Греции, которые подверглись особо сильному влиянию греческого языка, следы будущего с *kam* как будто бы не фиксируются.⁶⁷

⁶⁵ В некоторых арбрешских говорах употребляется и футурум «тоскского» типа, иногда оба типа будущего времени фиксируются в одном и том же говоре, см. [Savoia, 1991: 396–398].

⁶⁶ В некоторых арбрешских идиомах футуральные конструкции с частицей *ka* и со спрягаемым *kam* употребляются параллельно, как, например, в говоре Фальконара Альбанезе, где форма со спрягаемым вспомогательным глаголом имеет оттенок будущего обязательного (см. [Samaj, 1977: 94]).

⁶⁷ Продуктом тоско-гегского конвергентного взаимовлияния (или независимого развития в обеих диалектных группах?) является еще один тип будущего времени *kam për të shkuar* «пойду» (букв. «имено для хождения»), представляющий собой сочетание глагола обладания и «вторичного» целевого инфинитива. Эта форма

Из других типов «гибридного» футурума следует упомянуть представленную в некоторых северногегских диалектах конструкцию, образуемую с помощью спрягаемого глагола желания и инфинитива:

- (13) *Dua* *me* *shkue*
 хотеть:PRS.1SG INF ИДТИ:PART
 ‘Я пойду’.

Конструкция эта практически никогда не употребляется в качестве единственной футуральной формы, конкурируя с будущим «гегского» и «тоскского» типа. Диалекты, в которых эта форма встречается, образуют широкий пояс в северногегском ареале (Ана э Малит, Плав и Гусинье в Черногории, Нижняя Морава и Ругова в Косово и др., см. [Friedman, 2005; Ahmetaj, 2002: 161; 2006: 162; Hajdaraj, 1996: 135–136; Halimi, 1985: 331]), практически все эти диалекты находились в течение длительного периода в контакте со славянскими языками.

Можно предположить, что в этих гегских диалектах внедрение «тоскских» форм футурума и формирования собственного деволитивного будущего представляли собой два относительно независимых процесса. Второй процесс мог быть результатом непосредственного, «местного», славянского влияния (и относится к сравнительно более позднему периоду).

Другим контактным явлением в сфере будущего времени является тенденция к опусканию маркера конъюнктива в футуральной конструкции:

- (14) *do* *të* *shkruaj* > *do* *shkruaj*
 FUT CONJ писать:PRS.1SG FUT писать:PRS.1SG
 ‘буду писать’.

Эта тенденция реализуется более широко в тоскской зоне, нежели в гегской (см. [Gjinari, Shkurtaj, 2009: 232]). И в этом случае источником контактного развития может быть греческое, арумынское и славянское влияние.

Тоскские диалекты «восточной» диаспоры, находившиеся в течение длительного времени под сильным болгарским влиянием, демон-

распространена как в гегских (где она фиксируется с конца XVII века), так и в тоскских говорах (в том числе в Мандрице [Sokolova, 1983: 137–138], но везде занимает как бы периферийную позицию в глагольной системе, уступая в употребительности другим типам футурума (см. [Demiraj, 1985: 838; Gjinari, 1989: 67; Mansaku, 2010: 343–344]).

стрируют эту же тенденцию в несколько ином виде, здесь происходит фузия футурального и конъюнктивного маркеров: *Do + tĕ > dot* (Мандрица), *ot* (Украина). [Sokolova, 1983: 137; Морозова, 2008]. Аналогичное явление наблюдается и в некоторых гегских диалектах: см. *tot* (Опойе, Косово, [Pajaziti, 2005: 167–168]).⁶⁸

Итак, суммируя, мы можем с достаточной долей уверенности сказать, что период гегско-тоскского конвергентного развития (продолжавшийся примерно с X–XI до ок. XIV–XV веков) был временем стабилизации ряда грамматических балканизмов в тоскской зоне и их проникновения в гегскую зону.⁶⁹ В этот период носители тоскского диалекта находились в тесном контакте с носителями арумьинского, греческого и восточноюжнославянских диалектов. Очень часто мы не в силах установить один конкретный источник языкового влияния.

По всей видимости, в это время происходила и грамматикализационная стабилизация в албанском балканизмов, само возникновение которых могло относиться к предшествующим периодам, в частности, местоименного повтора дополнения и использования аналитического конъюнктива.

5. «Османский период»

Османское завоевание, начавшееся в самом конце XIV века и окончательно завершившееся к концу XV в., вызвало глубокие изменения в структуре албанского этноса. Среди этих изменений можно отметить:

– многочисленные миграции албанского населения как вовне (тут в первую очередь нужно упомянуть массовую миграцию албанцев в Италию), так и внутри албанской территории (о внутриалбанских миграциях см. [Десницкая, 1968]);

⁶⁸ Заметим, что для района Опойе документируется массиванный переход славянского населения на албанский, см. [Malcolm, 1998: 197]. Сращение футуральной и конъюнктивной частицы имеет место и в арбрешских говорах: *ka + tĕ > kat* [Samaj, 1977: 94].

⁶⁹ Особую балканистическую проблему представляют собой параллели в структуре и функционировании балканского кондиционала (=будущее в прошедшем), см. [Gołąb, 1964, Belyavski-Frank, 2003].

– глубокие социальные сдвиги, усиление фисовой (клановой) структуры в северной (и в меньшей степени – юго-западной части) территории нынешней Албании;⁷⁰

– исламизация значительной части албанского населения и «ориентализация» культурной жизни.

Как результат этих изменений мы можем констатировать своего рода «фрагментаризацию» албанского этноса, представлявшего в этот период «набор» разнообразных этносоциальных групп с различной самоидентификацией. Среди них мы можем отметить, к примеру:

– горцев Северной Албании – католиков и мусульман, ведших полунезависимую от османских властей жизнь, всецело определявшуюся нормами обычного права;

– исламизированных жителей городов Центральной Албании с их во многом «турецкой» самоидентификацией;

– православное население Южной Албании, находившиеся под сильным греческим культурным влиянием и тесно связанное с арумynским населением.

Исчезновение старого этнонима, образованного от корня *arb-*, обозначающего албанцев, и появление нового (*shqiptar < shqiptoj* ‘говорить ясно’, ранее – ‘понимать’) – одно из проявлений подобной фрагментаризации и одновременно реакция на нее (см. подробный анализ истории появления и распространения этого термина в [Demiraj, 2010]).

Из вышесказанного, разумеется, не вытекает, что албанский этнос был един до османского завоевания и – тем более – что албанцы обладали выраженным этническим самосознанием. Подобное самосознание вообще не было характерным и определяющим в средневековый период.⁷¹ Речь идет о том, что османское вторжение и установление нового военно-административного режима привело к значительной перегруппировке албанского населения, потерям старых связей и установлению новых.

Лингвистическим следствием вышеупомянутых процессов явилось преобладание центробежных тенденций диалектного развития на про-

⁷⁰ См., в частности, исследование Фр. фон Нопчи, посвященное образованию и стабилизации североалбанских фисов (напечатано в *Vaxhaku, Kaser, 1996*).

⁷¹ См. в этой связи, однако, признаваемую большинством историков подлинной переписку Скандербеге с феодальной верхушкой Неаполитанского королевства, в которой албанский вождь с гордостью указывает на то, что он и его люди являются потомками «эпиротов» см. [Frasheri, 2002: 251 и др.].

тяжении всего этого периода. Именно в этот период сформировались основные диалектные ареалы, которые мы можем наблюдать на лингвистической карте Албании в наше время (см. [Десницкая, 1968: 49]). Во многом развитие этих ареалов обусловлено иноязычным влиянием.

Ниже я бегло рассмотрю лишь некоторые из этих ареалов.

Севернотосский инновативный ареал. Эта зона (расположенная между течениями рек Шкумбин и Вьоса) имеет достаточно однородный характер с диалектологической точки зрения. Ряд существенных изоглосс (в частности отсутствие противопоставлений долгот и др.) отделяют ее как от гегского, так и от южнотосского ареала (соответственно, сближая два последних друг с другом). Важной грамматической изоглоссой является наличие и в гегской и – частично – в южнотосской зонах (см. [ADGjSh, карты 301–302]) сверхсложных глагольных времен со значением отдаленного прошлого и отмененного результата:

(15)	a.	<i>Kam</i>	<i>pasë</i>	<i>shkuar.</i>
		иметь:PRS.1SG	иметь:PART	идти:PART
		‘Я ушел (давно).’		
	b.	<i>Kisha</i>	<i>pasë</i>	<i>shkuar.</i>
		иметь:IPF.1SG	иметь:PART	идти:PART
		‘Я ушел (очень давно).’		

Наличие сверхсложных прошедших времен часто рассматривалось как гегская инновация. Однако, по всей видимости, его следует считать относительно старым общеалбанским явлением, угасшим в севернотосской зоне.

По поводу формирования этой инновативной зоны А. В. Десницкая высказала в свое время предположение о том, что особенности севернотосского, отделяющие его от гегского, с одной стороны, и ляберийского и чамерийского, с другой могут быть объяснены массовым переходом на албанский славян (а возможно, и арумын, – А. Р.), проживавших на севернотосских территориях [Десницкая, 1976б]. Действительно, и топонимия, и исторические данные указывают на очень высокий процент неалбанского населения в этом регионе (см., в частности, [Ylli, 1997: 2000]).

Массированный языковой сдвиг мог повлечь за собой:

– прерывание некоторых тенденций языкового развития, которые продолжали действовать в гегском и южнотосском;

– определенное упрощение языковых структур.

Интересно, что островные говоры албанцев Украины, представляющие собой филиацию севернотосских говоров (район Корчи – Виткуча) демонстрируют некоторые черты, отсутствующие в их «материнском» регионе (например, монофтонгизацию дифтонгов, см., [Kaminskaia, 2010]). Эти черты имеют, однако, определенные параллели как в гегских, так и в южнотосских говорах. Говоры, предки носителей которых покинули этот ареал до этого перехода, продолжали развивать некоторые общеалбанские фонетические тенденции, тогда как в собственно севернотосской зоне произошла их консервация, обусловленная языковым сдвигом. Мы имеем, таким образом, косвенное свидетельство сравнительно позднего характера севернотосского развития, так как предки носителей диалектов Украины должны были покинуть албанскую территорию не позже XVI–XVII веков.

Общегегские инновации. Почти все общегегские инновации этого периода не вторгаются в тоскскую зону. Некоторые из этих инноваций распространяются с юга на север гегской территории (например, монофтонгизация дифтонгов), другие – с севера на юг (например, распространение имперфекта с суффиксом *-sh-*) (см. [Десницкая, 1968]).

Наиболее яркой морфологической инновацией является реорганизация системы имперфекта: инновативные формы с суффиксом *-sh-* появились в большинстве гегских диалектов ⁷²:

(16)	a. <i>puno-jsh-a</i>
работать-IPF-1SG	ГЕГСКИЙ
	b. <i>puno-j-a</i> < <i>puno-nj-a</i>
работать-IPF-1SG
'Я работал.'	ТОСКСКИЙ

Кажется весьма соблазнительным приписать гегское развитие славянскому влиянию: некоторые исследователи объясняли гегский имперфект результатом фузии причастия с формой имперфекта бытийного глагола (*hapë + isha* > *hapsha* 'я открывал', см. обзор литературы в [Demiraj, 1985: 774]). Хронологические соображения делают эту ги-

⁷² Формы на *-sh-* отсутствуют только в крайних южногегских говорах и восточной части среднегегских [ADGhSh I, карты 281, 282 и др.]. Любопытно, что эти же говоры оказались не затронутыми и другой мощной общегегской инновацией – заменой синтетической формы имперфекта неактивного залога (*la-he-sh-a* 'я мылся') на аналитическую (*u laj-sh-a* 'тж.'), [ADGhSh I, карты 339 и др.].

потезу, скорее, маловероятной. Действительно, гегский имперфект мог возникнуть не ранее конца XVII века [там же]⁷³. Более вероятно предположение о том, что мы имеем тут аналогическое воздействие со стороны имперфектной парадигмы бытийного глагола (*i-sh-a* 'я был', см. там же).

В целом, как неоднократно отмечалось, в османский период гегский диалект албанского языка представлял собой большую инновативную зону (подробный список гегских инноваций см. в [Gjinari, 1989: 44–47]). При этом в отличие от инноваций севернотоскской области, представлявших собой в определенной степени результат упрощения и системного выравнивания, гегские инновации часто приводили к усложнению и образованию новых форм (см., например, имеющее практически общегегское распространение образование сложных указательных местоимений *ceky* 'этот' < *qe + ky*, *njeky* 'этот' < *nje + ky*, образовавшихся путем сращения указательного местоимения с частицами *qe* и *nje*, [ADGjSh, карта 209]).

Северо-западные гегские диалекты: архаизмы и контактное развитие. Крайне северная часть гегской зоны характеризуется стойким сохранением клановой системы и изолированным образом жизни в горных районах. В первые века турецкого завоевания эта зона переживала период интенсивных миграций, отчасти отражающихся в североалбанских генеалогических легендах (см. [Vaxhaku, Kaser, 1996: 210–273; Иванова, 1973: 77–87]).⁷⁴ Албанское население жило здесь в тесном контакте, переходящем в симбиоз, с соседними черногорскими племенами. Имело место стойкое сохранение обоих языков, сопровождавшееся иногда двусторонними переходами отдельных групп населения с одного языка на другой (см. [Соболев, 1990]).

Как следствие этих процессов в говорах этого региона мы наблюдаем комбинацию весьма архаичных черт и совместных албано-славянских инноваций с неясным направлением заимствования. В качестве примера можно привести диалект местности Плав (находящейся на Черногорской территории, на границе северо-западной и

⁷³ В произведениях северногегских писателей XVI–XVII вв. эти формы отсутствуют, впервые они встречаются в тексте «Албанского совета» (1706, см. [Demiraj, 1985: 775]).

⁷⁴ Интересно, что легенды о происхождении многих североалбанских фисов четко указывают на то, что к моменту их окончательного поселения на нынешнюю территорию проживания они находили там представителей романоязычного населения (Latini, Gog, см. [Vaxhaku, Kaser, 1996: 224, 229, 269 и др.]).

северо-восточной гегской зон, пункт 5 ADGjSh). Для этого говора характерны:

– архаическая трактовка дифтонгов: мы имеем здесь формы типа *тиој* ‘месяц’ [ADGjSh, карта 100] с реализацией корневого дифтонга, совпадающей с той, которую мы имеем в «Службнике» Бузука (в большинстве гегских говоров мы имеем формы *тueј*, *mij*);

– архаическая форма имперфекта бытийного глагола: *jешa*, ср. общеслб. *isha* ‘я был’ (этот архаизм разделяется с южнотоскскими диалектами, [ADGjSh, карта 274]);

– наличие инновативной формы (?) футура (*dua* ‘хотеть’ + инфинитив смыслового глагола, см. выше § 4);

– оглушение конечных звонких согласных [ADGjSh, карта 44]. Эта инновация (нетипичная для большей части северногегских диалектов), свойственна и соседним черногорским сербским диалектам. Направление контактного развития остается неясным (см. [Friedman, 2005]).

Среднегегские диалекты: специфические инновации. Совершенно другую ситуацию мы наблюдаем в изолированных среднегегских говорах, прежде всего в районе реки Мат и в Мирдите. Эти районы часто рассматривались как своего рода албанская прародина (см., например, [Stadtmüller, 1966]). Для региона характерно малое число славянских топонимов и славянских лексических заимствований (в этой зоне фиксируются только общеслбские лексические славизмы, [Соболев, 2010: 44]).

Среднегегские диалекты претерпели ряд звуковых изменений, достаточно радикально изменивших их вокалическую и – в меньшей степени – консонантную систему (см. подробно в [Десницкая, 1968]).

Северо-восточные гегские и восточные среднегегские диалекты: массивированное контактное влияние. В западной части Македонии (и примыкающих районах Албании) и в Косово славяно-албанские контакты были весьма продолжительными. Они были осложнены многочисленными миграциями различных групп населения и характеризовались меняющейся конфигурацией языковой доминации.

Результатом этих процессов явились многочисленные случаи взаимных интерференционных процессов (см. прежде всего [Станишић, 1995]).

Два грамматических явления в албанских диалектах этого региона объяснялись славянским влиянием уже достаточно давно (см. [Џабеј, 1976: 63]):

1) В северно-восточном гегском перфект от некоторых непереходных глаголов образуется с помощью вспомогательного глагола *jam* 'быть' (см. [ADGjSh, карты 303–304]):

(17)	a.	<i>kam</i> иметь:PRS.1SG 'Я (у)шел'.	<i>shkuar</i> идти:PART	АЛБАНСКИЙ
	b.	<i>jam</i> быть:PRS.1SG 'тж.'	<i>shkue</i> идти:PART	СЕВ.-ВОСТ. ГЕГСКИЙ

Такие формы достаточно широко фиксируются уже в «Служебнике» Бузука (1555), см. [Fiedler, 2004]. Это говорит о том, что в эпоху первых письменных памятников ареал распространения этого явления был несколько шире, однако, по всей видимости, у нас нет оснований приписывать ему общеалбанский или общегегский характер.

2) В диалектах Косова и Дибры существует достаточно сильная тенденция к смешению презентных форм индикатива и конъюнктива [ADGjSh I, карты 306–313].

В диалектах этого ареала наблюдаются и другие изменения, которые можно рассматривать как симплификацию (под возможным славянским влиянием). Сюда можно отнести устранение согласных палатального ряда путем слияния их с аффрикатами, устранение склонения существительных на *-и* (см. [Десницкая, 1968]), слияние форм имперфекта адмиратива и имперфекта индикатива. Все эти явления характерны для северо-восточных гегских говоров Косова и прилегающих районов Албании. Одновременно, как уже было сказано выше восточносреднегегские говоры Дибры не развили некоторых общегегских инноваций (см. прим. 72). Это достаточно хорошо согласуется с нашими представлениями об истории этих областей. Для в целом равнинного Косова были характерны процессы активного междиалектного смешения (в частности вследствие миграции с гор жителей близлежащей Дзяковской Мальсии и более отдаленных областей Северной Албании). Все это способствовало распространению общих инноваций. Для Дибры, являвшейся естественным продолжением изолированной среднегегской зоны, и для Западной Македонии в целом в историческом плане было характерно достаточно медленное продвижение некоторых групп албанского населения на восток. В результате мы имеем здесь сочетание некоторых среднегегских инноваций (дифтонгизация отдельных гласных), упрощений глагольной системы (вероятно,

под славянским влиянием) и отсутствие некоторых общегегских инновативных явлений (см. выше о формах имперфекта).⁷⁵ В целом и Косово, и Дибра претерпели чрезвычайно сильное славянское влияние (см. [Соболев, 2010]).

Разумеется, в этот период продолжались процессы грамматикализации, в том числе и консолидации балканизмов, начавшиеся в предшествующие эпохи. Эти в целом однонаправленные процессы могли происходить в отдельных диалектных ареалах достаточно независимо. К сожалению, нам часто не хватает достоверного диалектного материала, позволяющего судить о реальной ситуации с реализацией некоторых грамматических явлений (см., например, материалы МДАБЯ, свидетельствующие о том, что процессы грамматикализации повтора косвенного дополнения в диалектах не достигли уровня, зафиксированного в нормативных грамматиках, см. [Юллы, Соболев, 2003: 69–70]).

К османской эпохе относится, по всей видимости, развитие и стабилизация хронологически последнего значительного грамматического балканизма албанского языка – адмиратива. Албанский адмиратив на фоне общей проблематики балканской эвиденциальности чрезвычайно подробно рассматривался в целой серии работ В. Фридмана (большая их часть перепечатана в [Friedman, 2004], из последних публикаций см. [Friedman, 2010]; на русском языке см. прежде всего [Сытов, 1979; Макарецев, 2010]). Я не буду касаться здесь этой проблемы, замечу лишь, что совокупность известных албанистике фактов⁷⁶ позво-

⁷⁵ Косвенно такая констелляция диалектных свойств указывает на то, что некоторые среднегегские фонетические инновации относятся к более раннему периоду, чем общегегские морфологические. См. соображения о том, что форма *shpirtit* ‘духа (род. п.)’ в м. общалбанского *shpirtit* в первом памятнике албанского языка, «Формуле крещения» (1462) передает реальную среднегегскую черту – начало изменений ударного *i* [Çabej, 1977b: 344]. Интересно, что в Дибре отмечается чрезвычайно редкая для гегских говоров потеря назализации, объясняемая славянским влиянием; отсутствие назальных гласных в гегской области фиксируется также в черногорском Ульцине и в Арбанасе близ Задара – пунктах, также находящихся в длительном славянском окружении ([Friedman, 2005: 35; ADGjSh 1, карты 8–12]).

⁷⁶ Среди этих фактов можно упомянуть: относительно позднюю (не ранее XVII века) стабилизацию формы адмиратива в ее современном виде, отсутствие адмиратива в арбрешских говорах Греции и Италии, а также в чамерийском диалекте, употребление адмиратива как нарративной формы в говорах албанцев Мандрицы и Украины, большое разнообразие формального устройства адмиративной парадигмы в албанских диалектах, неравномерность использования этой формы в разных албанских диалектных ареалах (см. [Friedman, 2005: 39–40; Demiraj, 1985: 905–931; Buchholz, Fiedler, 1987: 120 Anm. 93–97; Fiedler, 2004: 380–405]).

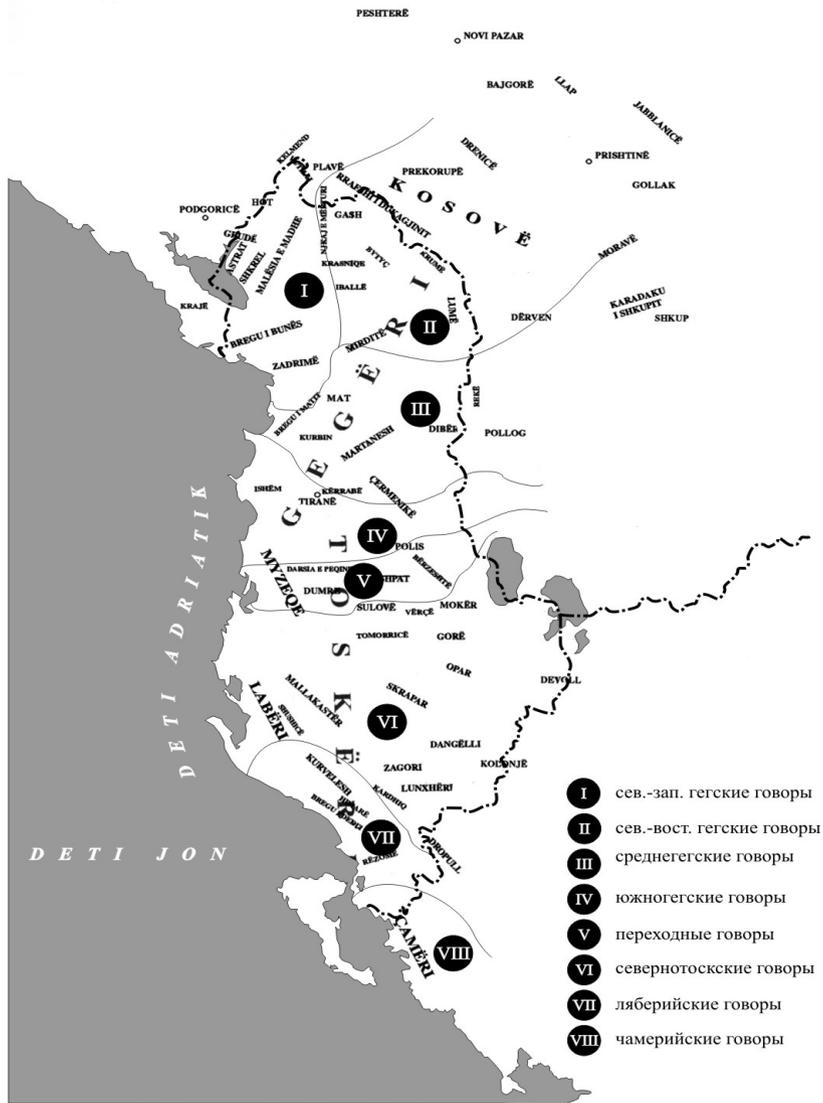
ляет согласиться с основным выводом В. Фридмана о том, что относительно ранним явлением было начало грамматикализации использования инвертированного перфекта, а распространение чисто эвиденциального употребления этой формы связано с влиянием городских центров, где «активно говорили по-турецки» [Friedman, 2005: 40]. Следует отметить, что адмиративность (и эвиденциальность вообще), принадлежат к числу прагматически обусловленных языковых явлений, которые могут распространяться очень быстро (см. [Friedman, 1994: 86]).⁷⁷

6. Заключение

Главным – не претендующим на оригинальность – выводом этой статьи является постулирование двух основных периодов балканизации албанского, протекавших, по всей видимости, в разном географическом окружении. Первый период охватывает середину I тысячелетия нашей эры и характеризуется албанско-восточнороманским симбиозом. Здесь в тесном контакте с восточнороманским албанский развил ряд важных балканизмов. Местом этого симбиоза были, по всей вероятности, области, находящиеся к северо-востоку от нынешнего основного ареала распространения албанского языка. В конце этого периода, совпавшем, по всей вероятности с началом интенсивных контактов протоалбанцев со славянами, произошло разделение албанского на два основных диалекта и миграция албанского населения в области, в целом совпадающие с местами их нынешнего проживания. Первая половина II тысячелетия н. э. была временем активных междиалектных тоскско-гегских контактов уже на нынешней территории распространения албанского языка. Основным источником инновативного «балканистического» развития был тоскский диалект, интенсивно контактировавший с греческим, арумьским и болгаро-македонским языками. Ряд балканизмов, зародившись в тоскском ареале, начинал проникать на север, в гегскую область. Османское завоевание привело к значительным изменениям в структуре албанского населения и формированию современных диалектных ареалов. Многие из этих ареалов испытали сильное контактное влияние разного типа.

⁷⁷ Ср.: “The use of the grammatical system of evidentialis must surely correlate” with “[t]he beliefs, mental attitudes and behavioural conventions of the speakers” [Aikhenvald, Dixon 1998: 254].

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ АЛБАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО АРЕАЛА

Карта основана на ADGjSH, карта С и Gjinari/Shkurtaj 2009: 161

Сокращения

ACC – аккузатив	FUT – будущее время	NOM – номинатив
AOR – аорист	INDEF – неопределённость	OBL – косвенный падеж
ART – артикль	INF – инфинитив	PART – причастие
CONJ – конъюнктив	IPF – имперфект	PRS – настоящее время
DEF – определённый	M – мужской род	SG – единственное число

Литература

Асенова П. (2002). Балканско езиковзнание: основни проблеми на балканския езиков съюз. В. Търново: Faber.

Бара М., Каль Т., Соболев А. Н. (2005). Южноарумынский говор села Турья (Пинд). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. München: Biblion.

Вайнрайх У. (1979). Языковые контакты. Киев: Вища школа.

Габинский М. А. (1967). Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковой процесс (на материале албанского языка). Л.: Наука.

Габинский М. А. (1970). Появление и утрата первичного албанского инфинитива. Л.: Наука.

Габинский М. А. (2008). Балканский инфинитив – очередной этап дискуссии. Аналитический обзор. Кишинев.

Десницкая А. В. (1960). Два типа прилагательных в современном албанском языке // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 291–309.

Десницкая А. В. (1968). Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука.

Десницкая А. В. (1976а). Категория собирательности и категории массы в истории грамматического строя албанского языка // Грамматический строй балканских языков. Л.: Наука, 5–104.

Десницкая А. В. (1976б). Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения (из истории славяно-албанских языковых контактов) // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 186–197.

Десницкая А. В. (1979). О современной теории балканистических исследований // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л.: Наука, 3–15.

Десницкая А. В. (1984а). Некоторые вопросы изучения ранних периодов истории албанского языка // Сравнительное языкознание и история языков. Л.: Наука, 240–253.

Десницкая А. В. (1984б). Диалектология – основа исторического изучения албанского языка // Сравнительное языкознание и история языков. Л.: Наука, 260–276.

Десницкая А. В. (1987а). К проблеме образования албанского языка и албанской народности // Албанская литература и албанский язык. Л.: Наука, 204–252.

Десницкая А. В. (1987б). Славянские элементы в албанской лексике // Албанская литература и албанский язык. Л.: Наука, 252–269.

Домосилецкая М. В. (2010). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 4. Ландшафт. СПб.: Наука.

Жугра А. В. (1976). О происхождении албанского футурума тосканского типа // Грамматический строй балканских языков. Л.: Наука, 225–253.

Жугра А. В., Сытов А. П. (1990). Албанский язык // Основы балканского языкознания: Языки балканского региона. Ч. 1. Л.: Наука, 46–91.

Иванов Вяч. Вс., Гамкрелидзе Т. В. (1984). Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета.

Иванова Ю. В. (1973). Северная Албания в XIX–XX в. Общественная жизнь. М.: Наука.

Калужская И. А. (2001). Палеобалканские реликты в современных балканских языках. М.: Индрик.

Кибрик А. А. (2002). Языки мира и языковые ареалы: проспект учебника // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. М.: Индрик, 252–275.

Кибрик А. А., Плунгян В. А. (1995). Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: УРСС, 276–339.

Макарцев М. М. (2010). Категория эвиденциальности в пространстве балканского текста (на материале болгарского, македонского и албанского языков). АКД. М.: Ин-т славяноведения РАН.

Морозова М. С. (2008). Глагольная система в говоре албанцев Приазовья (села Георгиевка, Девнинское): образование и употребление глагольных форм. Выпускная квалификационная работа. СПб.

Морозова М. С. (2010). Именная система говора албанцев Приазовья (села Георгиевка, Девнинское). Выпускная квалификационная работа магистра филологии. СПб.

Нерознак В. П. (1978). Палеобалканские языки. М.: Наука.

Порциг В. (1963). Членение индоевропейской языковой области. М.: Наука.

Русаков А. Ю. (1987). К вопросу о фонетической адаптации латинской лексики в албанском языке // ROMANO-BALCANICA. Вопросы адаптации латинского элемента в балканском языковом ареале. Л.: Наука, 127–144.

Русаков А. Ю. (2004). Албанский язык: между Востоком и Западом // IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. Доклады российских ученых. СПб.: Наука, 259–274

Русаков А. Ю., Соболев А. Н. (2008). Субстанциально-функциональная теория Балканского языкового союза и славянские языки. Доклад к XIV Международному съезду славистов. СПб.: Наука.

Савицкая И. (2000). Об одном средневековом фонетическом балканизме // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции препода-

вателей и аспирантов СПбГУ. Вып. 21. Балканские исследования. Ч. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 25–27.

Селищев А. М. (1931). Славянское население в Албании. София: Издание Македонского научного института.

Соболев А. Н. (1990). Заметки о падежном синтаксисе сербохорватских говоров контактных зон // *Јужнословенски филолог XLVI*, 13–28.

Соболев А. Н. (1998). Сербохорватский язык // *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2. Славянские языки.* СПб.: Наука, 114–155.

Соболев А. Н. (2001). Болгарский широколыкский говор. Синтаксис. Лексика духовной культуры. Тексты. Marburg: Biblion.

Соболев А. Н. (2003). Южнославянские языки в балканском ареале. Marburg: Philipps-Universität Marburg. Institut für Slawische Philologie.

Соболев А. Н. (2010). Древнейшие славянские, сербские и македонские лексические заимствования в албанских диалектах: проблемы диахронической и диатопической стратификации // *Македонски јазик LXI*, 37–52.

Соболев А. Н. (в печати). Антибалканизмы.

Соболев А. Н. (ред.). (2003). Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный том. München: Biblion.

Соболев А. Н. (ред.). (2005a). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия грамматическая с преимущественным вниманием к структуре балканославянских языков. Т. 1. Категории имени существительного. München: Biblion.

Соболев А. Н. (ред.). (2005b). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 1. Лексика духовной культуры. München: Biblion.

Соболев А. Н. (ред.). (2006). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 2. Человек. Семья. München: Biblion.

Соболев А. Н. (ред.). (2009). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 3. Животноводство. СПб.: Наука.

Станишић В. (1995). Српско-албански језички одности. Београд: Српска Академија наука и уметности. Балканолошки институт.

Сухачев Н. Л. (1990). Истрорумынский язык // *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 1. Новогреческий, албанские, романские языки.* Л.: Наука, 231–247.

Сытов А. П. (1979). Категория адмиратива в албанском языке и ее балканские соответствия // *Проблемы синтаксиса языков балканского ареала.* Л.: Наука, 90–124.

Цивьян Т. В. (1965). Имя существительное в балканских языках. М.: Наука.

Чельшева И. И. (2001). Диалекты Италии // *Языки мира. Романские языки.* М.: Academia, 90–146.

Черняк А. Б. (1998). Болгарский язык (разделы 1–4) // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2. Славянские языки. СПб.: Наука, 189–206.

Юллы Дж., Соболев А. Н. (2002). Албанский тоскский говор села Лешня (Краина Скрапар). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. Marburg: Biblion.

Юллы Дж., Соболев А. Н. (2003). Албанский гегский говор села Мухурр (Краина Дибыр). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. München: Biblion.

ADGJSH 2007–2008 – J. Gjinari, B. Beci; Gj. Shkurtaj, Xh. Gosturani. Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe. Vëll. 1–2. Napoli: Università degli Studi di Napoli L’Orientale.

Ahmetaj M. (2002). E folmja e Plavës dhe e Gucisë. Prishtinë: Instituti albanologjik i Prishtinës.

Ahmetaj M. (2006). E folmja e Anës së Malit. Prishtinë: Instituti albanologjik i Prishtinës.

Ajeti I. (1985). Studime gjuhësore në fushë të shqipës. Prishtinë: Rilindja.

Aikhenvald A. Y. (2006). Grammars in contact: A cross-linguistic perspective // Aikhenvald, Dixon (eds.) (2006), 1–66.

Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (1998). Evidentials and areal typology: a case-study from Amazonia // Language sciences 20, 241–257.

Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.) (2006). Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press.

Altimari F. (2010). Traces d’infinitifs anciens dans l’albanais d’Italie // Wir sind die Deinen. Studien zur albanischen Sprache, Literatur und Kulturgeschichte. Wiesbaden: Harrassowitz, 127–139.

Ašta K. (1966). Leksiku historik i gjuhës shqipe. V. I. Shkodër: Luigi Gurakuqi.

Baxhaku F., Kaser K. (1996). Die Stammesgesellschaften Nordalbanians. Wien etc: Böhlau.

Belluscio G., Genesin M. (2010). Thethi e la sua parlata. Osservazioni di carattere linguistico e culturale dopo un’indagine sul campo // Wir sind die Deinen. Studien zur albanischen Sprache, Literatur und Kulturgeschichte. Wiesbaden: Harrassowitz, 140–198.

Belyavski-Frank M. (2003). The Balkan Conditional in South Slavic. A Semantic and Syntactic Study. München: Sagner.

Boretzky N. (2000). Natürlicher morphologischer Wandel: Der Rückzug des Ablativ im Albanischen // A. Bittner et al. (Hrsg.). Angemessene Strukturen: Systemorganisation in Phonologie, Morphologie und Syntax. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag.

Buchholz O., Fiedler W. (1987). Albanische Grammatik. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie.

Camaj M. (1977). Die albanische Mundart von Falconara albanese in der Provinz Cosenza. München: Trofenik.

Cimochowski W. (1951). Le dialecte de Dushmani. Description de l'un des parlars de l'Albanie du Nord. Poznań: Poznańskie towarzystwo przyaciół nauk.

Coetsem, F. van. (1988). Loan Phonology and the Two Transfer Types in Language Contact. Dordrecht: Foris.

Croft W. (2000). Explaining Language Change: An Evolutionary Approach. London: Longman.

Çabej E. (1975). Histori gjuhësore dhe strukturë dialektore e arbërishtes së Italisë // Studime gjuhësore. V. 5. Prishtinë: Rilindje, 71–86.

Çabej E. (1977a). Disa mendime mbi marrëdhëniet gjuhësore rumuneshqiptare // Studime gjuhësore. V. 4. Prishtinë: Rilindje, 241–254.

Çabej E. (1977b). Pesëqindvjetori i shkrimit shqip (Kuvendi rishtar i Matit i vitit 1462 dhe Formula e pagëzimit // Studime gjuhësore. V. 6. Prishtinë: Rilindje, 341–346.

Çabej E. (2006). Studime etimologjike në fushë të shqipes. V. VII. Tiranë: Akademia e shkencave e Republikës së Shqipërisë. Instituti i gjuhësisë dhe i letërsisë.

Demiraj B. (1997). Sistemi i numerimit të gjuhës shqipe. Tiranë: Akademia e shkencave e Republikës së Shqipërisë. Instituti i gjuhësisë dhe i letërsisë.

Demiraj B. (2010). Shqiptar – the generalization of this ethnic name in the XVIII century // Wir sind die Deinen. Studien zur albanischen Sprache, Literatur und Kulturgeschichte. Wiesbaden: Harrassowitz, 533–565.

Demiraj Sh. (1985). Gramatikë historike e gjuhës shqipe. Tiranë: Shtëpia botuese “8 nëntori”.

Demiraj Sh. (1988). Gjuha shqipe dhe historia e saj. Tiranë: Shtëpia botuese e librit universitar.

Demiraj Sh. (1993). Historische Grammatik der albanischen Sprache. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

Elsie R. (1995). History of Albanian Literature. 2 Vols. New York: Columbia University Press.

Fiedler W. (1999). Tempus, Modus und Aspekt in den Sprachen Südosteuropas // *U. Hinrichs (Hrsg.)*. Die Handbuch der Südosteuropa-Linguistik. Wiesbaden: Harrassowitz, 487–517.

Fiedler W. (2004). Das albanische Verbalsystem in der Sprache des Gjon Buzuku. Prishtinë: Akademia e shkencave dhe e Arteve e Kosovës.

Frashëri K. (2002). Skënderbeu. Jeta dhe vepra. Tiranë: Botimet Toena.

Friedman V. (1994). Variation and grammaticalization in the development of Balkanisms // *K. Beals et al. (eds.)*, Papers from the 30th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society Vol. 2, 101–115.

Friedman V. (2003). Studies on Albanian and other Balkan Languages. Prishtinë: Dukagjini.

Friedman V. (2005). Albanian in the Balkan linguistic league: a reconsideration of theoretical implications // *Studia Albanica* XXXIII/1, 33–43.

Friedman V. (2006a). West Rumelian Turkish in Macedonia and adjacent areas // *H. Boeschoten, L. Johanson (eds.)*. *Turkic Language Contacts*. Wiesbaden: Harrassowitz, 27–45.

Friedman V. (2006b). Balkanizing the Balkan Sprachbund: A closer look at grammatical permeability and feature distribution // *Aikhenvald, Dixon (eds.)* (2006), 201–219.

Friedman V. (2008). Balkan Slavic dialectology and Balkan linguistics: Periphery as center // *Chr. Bethin (ed.)*, *American Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists*. Bloomington, IN: Slavica, 131–148.

Friedman V. (2009). Balkans as a linguistic area // *K. Brown, S. Ogilvie (eds.)*. *Concise Encyclopedia of Languages of the World*. Oxford: Elsevier, 119–134.

Friedman V. (2010). Admirativity and modality in Albanian-Macedonian language contact // *Wir sind die Deinen. Studien zur albanischen Sprache, Literatur und Kulturgeschichte*. Wiesbaden: Harrassowitz, 277–281.

Gjinari J. (1975). *Dialektologjia shqiptare*. Tiranë: Universiteti i Tiranës, Fakulteti i Historisë dhe i Filologjisë.

Gjinari J. (1989). *Dialektet e gjuhës shqipe*. Tiranë: Akademia e shkencave e RPS të Shqipërisë. Instituti i gjuhësisë dhe i letërsisë.

Gjinari J., Shkurtaj Gj. (2009). *Dialektologji*. Tiranë: Shtëpia botuese e librit universitar.

Gołqb Zb. (1964). *Condicionalis typu bałkańskiego w językach południowo-słowiańskich ze szczególnym uwzględnieniem macedońskiego*. Wrocław etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Haarman H. (1972). *Der lateinische Lehnwortschatz im Albanischen*. Hamburg: Buske.

Haebler C. (1965). *Grammatik der albanischen Mundart von Salamis*. Wiesbaden: Harrassowitz.

Hajdaraj A. (1996). *E folmja e Rugovës*. Prishtinë: Instituti albanologjik i Prishtinës.

Halimi M. (1985). *Kërkime dialektologjike*. Prishtinë: Instituti albanologjik i Prishtinës.

Hamp E. (1966). *The position of Albanian* // *Ancient Indo-European Dialects*. Berkeley; Los Angeles: The University of California Press, 97–121.

Hamp E. (1982). *The oldest Albanian syntagma* // *Balkansko Ezikoznanie* 25, 77–79.

Hamp E. (1992). *Albanian* // *Indo-European Numerals*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 835–921.

Haspelmath M. (2001). *The European linguistic area: Standard Average European* // *M. Haspelmath et al. (eds.)*, *Language Typology and Language Universals*. Bd. 2. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1492–1510.

Heine B., Kuteva T. (2005). *Language Contact and Grammatical Change*. Cambridge: Cambridge University Press.

Jinrichs U. (Hrsg.) (1999). *Die Handbuch der Südosteuropa-Linguistik*. Wiesbaden: Harrassowitz.

Historia 1959 – Historia e Shqipërisë. 1959. V. I. Tiranë: Universiteti Shtetëror i Tiranës. Instituti i historisë dhe i gjuhësisë.

Janson B. (1988). Etymologische und chronologische Untersuchungen zu den Bedingungen des Rhotazismus im Albanischen unter Berücksichtigungen der griechischen und lateinischen Lehnwörter. Frankfurt a/M: Peter Lang.

Jireček K. (1911). *Geschichte der Serben*. Bd. 1. Gotha: F. A. Perthes.

Jokl N. (1924). *Albaner // Eberts Reallexikon der Vorgeschichte*. Bd. 1. Berlin: Walter Gruyter & Co.

Jokl N. (1934). *Slaven und Albaner // Slavia XIII*, 281–325.

Jokl N. (1963). Die Verwandtschaftsverhältnisse des Albanischen zu den übrigen indogermanischen Sprachen // *Die Sprache IX/2*, 113–156.

Joseph B. (1983). *The Synchrony and Diachrony of the Balkan Infinitive: A Study in Areal, General, and Historical Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Joseph B. (1999). Romanian and the Balkans: Some comparative perspectives // *S. Embleton, J. Joseph, H.-J. Niederehe (eds.)*. *The Emergence of the Modern Language Sciences. Studies on the Transition from Historical-Comparative to Structural Linguistics in Honour of E. F. K. Koerner*. Vol. 2: *Methodological Perspectives and Applications*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 218–235.

Kaminskaya L. (2010). Disa veçori të sistemit fonologjik të së folmes shqipe të fshatit Gjeorgjevka (Ukrainë) // *Wir sind die Deinen. Studien zur albanischen Sprache, Literatur und Kulturgeschichte*. Wiesbaden: Harrassowitz, 312–324.

Klingenschmitt G. (1981). Albanisch und Indogermanisch // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft 40*, 93–131.

Koptjevskaja-Tamm M. (2003). Possessive noun phrases in the languages of Europe // *F. Plank (ed.)*, *Noun Phrase Structure in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 621–722.

Koptjevskaja-Tamm M., Wälchli B. (2001). The Circum-Baltic languages. An areal-typological approach // *Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.)*, *Circum-Baltic Languages*. Vol. 2. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 615–750.

Landi A. (1989). *Gli elementi latini nella lingua albanese*. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane.

Lehuda-Voss Chr. (2006). *Die südgriechische Mundart von Kastelli (Peloponnes)*. Morphosyntax und Syntax. Lexik. Ethnolinguistik. Texte. München.

Lindstedt J. (2000). Linguistic Balkanization: contact-induced change by mutual reinforcement // *D.G. Gilbers et al. (eds.)*, *Languages in Contact*. Amsterdam, Atlanta, GA: Rodopi, 231–246.

Malcolm N. (1998). *Kosovo. A short Kosovo*. London: Macmillan.

Mansaku S. (2010). Sur la typologie et la chronologie des formes du futur en albanais // *Wir sind die Deinen. Studien zur albanischen Sprache, Literatur und Kulturgeschichte*. Wiesbaden: Harrassowitz, 330–355.

Manyard K. (2003). A historical dialectological approach to convergence: isoglosses of Balkan convergence area features in Albanian dialects. Doctoral Dissertation, University of Illinois at Urbana-Champaign.

Matras Y. (1998). Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing // *Linguistics*, 36/2, 281–331.

Matras Y. (2001). *Romani. A Linguistic Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.

Matzinger J. (2010). Die albanische Sprache im Zeitalter Skanderbegs, Teil 1: Ein Überblick zur vorliterarischen Dokumentation // *The Living Skanderberg. The Albanian Hero between Myth and History*. Hamburg: Verlag Dr. Kovoč, 41–69.

Mihăescu H. (1966). Les éléments latins de la langue albanaise // *Revue des études sud-est européennes* 4, 5–33, 323–353.

Miklosic F. (1870). *Albanische Forschungen*. I. Die Slavischen Elementen im Albanischen. Wien: Karl Gerold's Sohn.

Mišeska Tomić O. (2006). *Balkan Sprachbund Morpho-Syntactic Properties*. Dordrecht: Springer.

Nichols J. (1992). *Linguistic Diversity in Space and Time*. Chicago: University of Chicago Press.

Orel V. (1998). *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden: Brill.

Orel V. (2000). *A Concise Historical Grammar of the Albanian Language: Reconstruction of Proto-Albanian*. Leiden: Brill.

Pajaziti N. (1995). *Prishtinë. E folmja e Opojës*. Prishtinë: Instituti albanologjik i Prishtinës.

Pisani V. (1950). L'albanais et les langues indo-européennes // *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'histoire orientale et slaves* X, 519–538.

Pisani V. (1959). Lexikalische Beziehungen des Albanesischen zu den anderen indogermanischen Sprachen // *Saggi di linguistica storica*. Torino, 96–136.

Plank F. (ed.). (1995). *Double Case. Agreement by Suffixaufnahme*. Oxford: Oxford University Press.

Sandfeld K. (1930). *Linguistique balkanique. Problèmes et résultats*. Paris: Champion.

Savoia L. (1991). Alcuni elementi per una classificazione dei dialetti arbëreshë // *La lingua nell'Italia meridionale*. Salerno: Università di Salerno, 381–420.

Schütz I. (2000). *Fehér foltok a Balkánon. Bevezetés az albanológiai és a balkanisztikába*. Budapest: Balassi Kiadó.

Sobolev A. N. (1998). *Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens*. Bd. 1–3. Marburg.

Sobolev A. N. (1999). Probleme der Balkansyntax aus der dialektologischen Sicht // *Zeitschrift für Balkanologie* 35/2, 195–213.

Sokolova B. (1983). Die Albanische Mundart von Mandrica. Berlin: In Kommission bei Otto Harrasowitz.

Stadtmüller G. (1946). Forschungen zur albanischen Frühgeschichte. 2. Auflage. Wiesbaden: Harrasowitz.

Svane G. G. (1992). Slavische Lehnwörter im Albanischen. Aarhus: Aarhus University Press.

Thomason S. G. (2001). *Language Contact. An Introduction.* Edinburgh: Edinburgh University Press.

Thomason S. G., Kaufman T. (1988). *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics.* Berkeley: University of California Press.

Thurston W. R. (1987). *Processes of Change in the Languages of Northwestern Britain.* Canberra: Pacific Linguistics.

Togebly L. (1968). Le neutre en roumain et en albanais // *Revue Romane. Num. special*, 2, 150–164.

Trudgill P. (2003). Linguistic and social typology // *J. K. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes (eds.)*. *The Handbook of Language Variation and Change.* Oxford, New York: Blackwell, 707–728.

Tzitzilis Ch. (1999). Der Einfluss des Griechischen in Südosteuropa // *U. Hinrichs (Hrsg.)*. *Die Handbuch der Südosteuropa-Linguistik.* Wiesbaden: Harrasowitz, 584–617.

Tzitzipis L. D. (1998). *A Linguistic Anthropology of Praxis and Language Shift: Arvanitika (Albanian) and Greek in Contact.* Oxford: Oxford University Press.

Vătăşescu C. (1997). *Vocabularul de origine latină în limba albaneză în comparație cu româna.* Bucureşti: Institutul de Tracologie.

Voronina I., Domosileckaja M., Sharapova L. (1996). *E folmja e shqiptarëve të Ukrainës.* Shkup: Shkupi.

Weigand G. (1927). Sind die Albaner die Nachkommen der Illyrer oder der Thraker? // *Balkan-Archiv* III, 227–251.

Winford D. (2003). *An Introduction to Contact Linguistics.* Oxford: Blackwell.

Xhuvani A., Çabej E. (1976a). *Parashtesat e gjuhës shqipe // E. Çabej. Studime gjuhësore. V. III. Prishtinë: Rilindje, 149–188.*

Xhuvani A., Çabej E. (1976b). *Prapashtesat e gjuhës shqipe // E. Çabej. Studime gjuhësore. V. III. Prishtinë: Rilindje, 191–307.*

Ylli Xh. (1997). *Das slavische Lehngut im Albanischen. 1. Teil. Lehnwörter.* München: Sagner.

Ylli Xh. (2000). *Das slavische Lehngut im Albanischen. 1. Teil. Ortsnamen.* München: Otto Sagner.

Д. В. Сичинава (Москва)

**ЧАСТИЦЫ БЫЛО И БЫВАЛО:
РУССКИЕ «ВТОРИЧНЫЕ МОДИФИКАТОРЫ»
В СВЕТЕ ТИПОЛОГИИ И ДИАХРОНИИ***

The paper deals with the Russian deverbial particles *bylo* and *byvalo*. In different contexts they have syntactic and prosodic properties either of verbal modifiers or of semi-autonomous discourse markers; alongside with this, there exist contexts, particularly in oral speech, where their grammaticalized status is dubious and they can be construed as serialized verbal forms. Both particles exhibit semantics typologically close to the one of the so-called 'discontinuous past' markers, which is corroborated by their etymology. Historically some of their uses have been also semantically close to each other and related to verbal serialization (a secondary phenomenon for *bylo* but a primary one for *byvalo*). It is shown that for both markers two zones of more grammaticalized uses exist, namely, for *bylo*, marking of an early abnormal twist of a situation, and, for *byvalo*, retrospectivization of some specific habitual present/future forms. However, in the course of the 20th century their grammaticalized uses have been gradually losing ground, whereas the properties of degrammaticalization on the prosodic, semantic, and statistical levels are becoming salient.

В настоящей статье речь пойдёт о двух лексических единицах русского языка – о частицах *было* и *бывало* (иногда *бывало* характеризуется как «вводное слово», если таковое выделяется в качестве самостоятельной части речи). Русское *было* – достаточно неплохо изученный элемент русской лексики и грамматики (ср. прежде всего [Barentsen, 1986; Шоштайшвили, 1998; Князев, 2004; Kagan, 2011]). Соображения по поводу русского *было*, изложенные в данной работе, отчасти уже были предметом обсуждения в моих предыдущих статьях (прежде всего [Сичинава, 2009, 2010, 2012]), однако соотнесение с русским *бывало* (не столь хорошо изученным) помогает заново «высветить» некоторые характерные признаки этого слова. При оценке данных со статистической точки зрения я буду опираться, как и в указанных выше работах, на Национальный корпус русского языка, в том числе на подкорпус устной речи и недавно ставший доступным мультимедийный подкорпус.

* Данная работа выполнена при поддержке Программ Президиума РАН «Корпусная лингвистика» и «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», а также проектов РГНФ 10-04-00256а и № 11-24-01004а/Bel.

1. Формальный статус: разные уровни грамматикализации

Как частица *было*, так и частица / вводное слово *бывало* в современном языке с формальной точки зрения неоднозначны, а именно могут занимать разные места в морфологическом континууме между самостоятельным словом и близкой к аффиксу клитикой. Этот континуум соответствует различным степеням грамматикализации обсуждаемых показателей, причём одновременное существование в языке всех трёх стадий не является чем-то необычным – это частный случай так называемого наслаивания уровней грамматикализации, или *layering*, по [Норре, 1991].

Вот эти три положения на шкале между аффиксом и полнозначным словом:

- А) вторичные морфологические модификаторы к глагольным словоформам, занимающие известное маргинальное место в словоизменительной парадигме;
- Б) дискурсивные показатели, или «дискурсивные слова»;
- В) элементы глагольной сериализации, близкие к глагольным формам (особенно в примерах из разговорной речи).

Русская лексикографическая традиция считает *было* частицей, а *бывало* либо частицей, «употребляющейся в значении вводного слова» ([БАС-2 1991: 845], также [МАС 1981: 128]), либо вводным словом как самостоятельной частью речи (так в [Ушаков (ред.), 1935] и различных изданиях словаря С. И. Ожегова / Н. Ю. Шведовой). По-видимому, к частице в прототипическом понимании ближе всего случаи А) и Б), ко вводному слову – случаи Б) и В); дискурсивный показатель представляет собой точку пересечения того и другого.

Разберём эти три статуса подробнее. Во-первых, и *было*, и *бывало* могут рассматриваться в ряду так называемых «вторичных модификаторов», достаточно тесно присоединяющихся «снаружи» к полностью оформленной словоформе финитного глагола. Один подкласс таких показателей рассмотрен в работах В. А. Плунгяна и Й. ван дер Ауверы ([Плунгян, 2001; Plungian, Auwera, 2006]), а именно здесь речь идёт о показателях, с семантической точки зрения добавляющих к словоформе ту или иную составляющую значения, связанную с временным планом прошлого и, конкретнее, с так называемым «неактуальным прошедшим» (*discontinuous past*), причём в ряде языков таких показателей несколько. Семантическая зона «неактуального прошедше-

го» включает в себя, в частности, прекращённую ситуацию в прошедшем, аннулированный или недостигнутый результат, неактуальный опыт в прошедшем, нереальное условие. Как мы увидим далее, ровно к этому семантическому типу и относятся оба рассматриваемых показателя, хотя, разумеется, «вторичный модификатор» – понятие морфологическое, связанное с определённым этапом грамматикализации и не предопределяющее использования такой техники (в терминологии Плуныяна – ретроспективного сдвига) как показателя именно и только этой специфической области значений.

И действительно, *было* и *бывало* употребляются – в «прототипических» случаях, преобладающих в литературных текстах и находящихся в поле зрения традиционной грамматики, – в составе достаточно устойчивых конструкций, где тяготеют, во-первых, к контактной позиции с модифицируемой глагольной словоформой, во-вторых, к выбору определённого класса словоформ с грамматической точки зрения, в-третьих, к несамостоятельному просодическому статусу.

Проведённые ранее нами подсчёты по русскому *было* показывают, что для этой частицы в литературных текстах решительно преобладает контактное словоупотребление [Сичинава, 2009: 367–368]; а из двух возможных логически контактных позиций – препозиции и постпозиции – существенно преобладает последняя (примерно 75–80% случаев), причём различие в порядке элементов, по-видимому, семантизировано (а именно, у глаголов умозаключения и ощущения вроде *подумать* и *испугаться* предпочтительна препозиция, [там же: 357–369]).

С просодической точки зрения частица *было* наследует показателю древнерусского плюсквамперфекта, к которому она восходит, по крайней мере, в составе конструкции вроде *пошёл было, но передумал* (об этимологии наших показателей подробнее см. ниже). Этот показатель был клитикой уже в древнерусский период, хотя, возможно, его энклитический статус установился «не вполне прочно» [Зализняк, 2008: 39–40]; о современном языке [там же: 268], в литературном языке по крайней мере XVIII–XIX вв. он ещё не нёс самостоятельного ударения; академический словарь 1948 г. аттестует *было* как «безударную» частицу. Безударное (или со слабым вторичным акцентом в общей синтагме) произношение *было* обычно в речи актёров старшего поколения в фильмах 1950–1970-х, входящих в мультимедийный корпус НКРЯ¹:

¹ При этом в расшифровке в части случаев может стоять «обычное» полное ударение и/или иное деление на синтагмы. О необходимой доле скепсиса в связи с субъективностью просодической расстановки «слэшей» в устных подкорпусах

- (1) [Хоттабыч, Николай Волков, муж., 56, 1900]. А мнѣ *было* показáлось / что эта почтѣнная жѣнщина остана́лась недовольна широтой твоѣх познáний [Геннадий Казанский, Лазарь Лагин. Старик Хоттабыч, к/ф (1956)].
- (2) [Евдокия, Лидия Смирнова, жен., 59, 1915]. Да я ужѣ *было* закрѣла магазѣн [Михаил Жаров и др. Анискин и Фантомас, к/ф (1974)].
- (3) [Кузьма, Юрий Никулин, муж., 40, 1921]. А! А я *было* обеспоко́ился [Лев Кулиджанов, Николай Фигуровский. Когда деревья были большими, к/ф (1961)].

Наконец, прототипическим грамматическим классом словоформ, к которым присоединяется вторичный модификатор *было*, являются финитные словоформы прошедшего времени на *-л*, что опять-таки соответствует этимологии данной конструкции – древнерусский плюсквамперфект относится к классу так называемых «сверхсложных» глагольных форм, образованных при помощи аналитического перфекта (впоследствии развившегося в прошедшее время на *-л*) как полнозначного, так и вспомогательного глагола [Петрухин, Сичинава, 2006]. Само по себе наличие «формы-фаворита» не является обязательным для вторичных показателей, для многих из которых характерна, по [Плунгян, 2001], как раз «широкая сфера действия»²; так, в лезгинском или в волоф показатели «ретроспективного сдвига» присоединяются практически ко всем видо-временным формам. И действительно, как мы увидим, грамматическая сочетаемость показателя *было* проявляет явную тенденцию к расширению, а восходящая к плюсквамперфекту конструкция – к расшатыванию.

Показатель *бывало* в существенно меньшей степени проявляет признаки «вторичного модификатора», чем *было*; безусловно, это связано с его этимологией, где отсутствует поддержка со стороны аналитической грамматической формы (см. ниже). Тем не менее есть известный круг употреблений, где такие признаки можно выделить. В. А. Плунгян

НКРЯ см. [Гришина, 2005: 95–96; Сичинава, 2010: 194]). Далее я иногда без оговорок исправляю эти параметры расшифровки на основании прослушивания.

² Под сферой действия в цитируемой работе имеется в виду круг словоформ, к которым обсуждаемый показатель может присоединяться. Ниже речь пойдёт также о сфере действия в синтаксическом и дискурсивном смысле (*score*), то есть об отрезках предложения и/или текста, к которым относится значение показателя; поэтому для значения, в котором этот термин употреблён в статье В. А. Плунгяна, я в данной работе буду использовать выражение «грамматическая сочетаемость».

[2001: 83] в связи с его грамматической сочетаемостью отмечает, что показатель *бывало*, в отличие от *было*, «в принципе, способен присоединяться к любым глагольным формам, но наиболее частотны, по-видимому, всё же сочетания с презенсом СВ типа *откроешь бывало*». Класс употреблений «будущее время + *бывало*» (причём в достаточно высоком проценте случаев – именно в сочетании с обобщённо-личным употреблением формы 2 лица ед. ч.) в действительности преобладал лишь в литературном языке XIX – первой половины XX вв.; как будет сказано ниже, с 1950-х годов его употребительность существенно сокращается. Однако именно он является наиболее грамматикализированным, где употребление *бывало* сильнее всего продвинуто в направлении «вторичного модификатора».

Например, конструкция с *бывало* без учёта временной формы глагола, по данным Национального корпуса русского языка, не обнаруживает видимого предпочтения ни к дистантному, ни к контактному расположению: 49% случаев контактного *бывало* против 45% дистантного (в остальных 6% случаев глагол поверхностно не выражен и тем самым параметр не определяется)³. При этом для случаев, когда полнозначный глагол выражен формой будущего времени, контактных употреблений уже 64%, а в случаях с формой прошедшего времени – наоборот, только 38%; настоящее время значимых предпочтений не даёт, представляя собой как бы усреднённый «фон». Естественно объяснять это как эффект более сильной грамматикализации контекста: сочетание будущего времени с этимологической формой прошедшего времени от глагола *бывать* сильнее оторвано от употребления этого глагола в ряду с другими формами прошедшего времени (в рамках сериализации или иначе).

Значимо также употребление обобщённо-личного 2 лица ед. ч., причём не только в будущем, но и в настоящем времени: предложения с контактным *бывало* типа (4) встречаются вдвое чаще, чем с дистантным расположением показателя (5).

³ При подсчётах контексты с неотделимыми словоформами между *бывало* и глаголом, например, частицей *не*: *Бывало, не поем полдня*, – учитывались как пример контактного *бывало*. Случаи, когда *бывало* относится к широкой сфере действия, включающей глаголы разного времени (см. ниже), исключены из подсчётов по конкретным временам; впрочем, пробный подсчёт показал, что сочетание настоящего времени с будущим ведёт себя как «чистое» будущее время, с тем же предпочтением к контактному положению *бывало* с одной из глагольных словоформ (обычно именно футуральной).

- (4) С каким волнением, *бывало*, ждешь появления вальдшнепа из-за вершин деревьев и как обрадуешься удачному выстрелу! [С. Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии (1852)].
- (5) *Бывало*, когда идешь из дальнего района города и добираешься до первой вывески «Петрорайрабкоопа», чувствуешь себя дома. [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава третья (1926–1928) (1995)].

При этом не удаётся усмотреть какого-либо статистического эффекта для форм глаголов прошедшего времени несовершенного вида, так называемого многократного способа действия, на *-ыва-*, образованных аналогично *бывать* от *быть*; здесь *бывало* находится ещё «в своей стихии» и не нуждается в прикреплении к глагольной словоформе:

- (6) Мы, приближенная прислуга, не знаем, кому и как служить; и я, *бывало*, по глупому своему характеру, еще при жизни покойной генеральши этим разбойникам, княжеским лакеям, смело *говаривал*: «Что это, говорю, разбойники, вы у нас наделали!» [А. Ф. Писемский. Тысяча душ (1858)].

В отвлечении от параметров, дополнительно способствующих контактному употреблению, в целом для *бывало* характерна позиция не обязательно в непосредственном контакте с глаголом, а перед всей группой сказуемого, которая, в частности, может и начинаться с глагола. *Бывало* «пропускает» в позицию между собой и глаголом практически не ограниченный набор обстоятельств, в отличие от *было*, имеющего достаточно строгие лексические ограничения на обстоятельства в этой позиции (см. [Шошитайшвили, 1998] и уточнения в [Сичинава, 2009]):

- (7) Дедушка приходил и на нашу квартиру в Кремле и, *бывало*, подолгу *сидел* у меня в комнате, дожидаясь прихода отца к обеду [Светлана Аллилуева. Двадцать писем другу (1963)].
- (8) Я *бывало* теперь в лес так *пройдуся*, или краем полей и радость меня охватывает всего: всему дивлюсь и все понимаю [М. М. Пришвин. Дневники (1927)].

О просодии частицы *бывало* косвенно говорит тот факт, что по современной пунктуационной норме она обособляется. Можно утверждать, однако, что эта норма сравнительно поздняя: немногочислен-

ные исключения из этого правила в Корпусе приходится на литературу XIX – первой половины XX вв., ср. пример (8) из Пришвина⁴; в этой связи интересно отметить, что в примере из [Ушаков (ред.), 1935] – *В молодости он б<ывало> охотился на волков – бывало*, хотя и названо «вводным словом», пунктуационно всё же не обособлено. В целом это потенциально несамостоятельная единица, способная выступать как в роли отдельной синтагмы, так и в роли проклитики и энклитики, а также слова с второстепенным ударением. Клитический или не полностью самостоятельный статус надёжно засвидетельствован в текстах мультимедийного корпуса XX – начала XXI вв. (правда, пока имеются только примеры из речи актёров не позже 1930-х годов рождения); характерно, что во всех этих примерах речь идёт о контактном *бывало* в сочетании с будущим временем:

- (9) [Бабушка, жен.]. У меня́ мно́го б́ыло ребя́т. *Бывало сошьо́ рубашку*. Пёрвым С́анечка но́сит / пото́м Витя́ / пото́м Лёша́ [Георгий Дanelия, Геннадий Шпаликов. Я шагаю по Москве, к/ф (1963)].
- (10) [Катя, Валентина Ананьина, жен, 37, 1933]. А в о́тпуск / *быва́ло (второст.) прие́дет* / и в до́ме светле́й стано́вится [Андрей Смирнов, Вадим Трунин. Белорусский вокзал, к/ф (1970)].
- (11) [Мэр, Олег Табаков, муж, 67, 1935]. Ре́дко загля́дываете в мэ́рию! Как ча́сто встреча́лись ра́ньше / а́! Бывало *зайде́те* / мы́ посиди́м! А́! [Дмитрий Астрахан и др. Леди на день, к/ф (2002)].

Статус «вторичного модификатора» – это статус грамматического, морфологического показателя, сфера действия которого – словоформа, к которой он присоединён. Однако неоднократно обращалось внимание и на случаи, когда показатели схожего типа и этимологии имеют более широкую сферу действия, охватывающую несколько предикаций; таким образом, перед нами уже не морфологический показатель, а показатель связности дискурса, «дискурсивное слово», в понятиях работ [Путеводитель, 1993; Пайяр, Киселева (ред.), 1998]. Так, на-

⁴ Пунктуации современных переизданий текстов XIX в. можно доверять лишь с известной долей условности, как мы уже отмечали в связи со схожей проблемой – обособление *было* – в [Сичинава, 2009]; она обычно выравнивается по современным нормам. Таким образом, сохранение в современном издании ненормативной с современной точки зрения пунктуации скорее информативно, в то время как совпадение с современной нормой ни о чём не говорит; каждый такой случай необходимо сверять по прижизненным изданиям.

пример, показатели плюсквамперфектного происхождения, выражающие значение неактуального временного интервала, нередко маркируют лишь самую первую предикацию, их сфера действия – весь первый абзац или текст; это так называемый «сдвиг начальной точки» [Сичинава, 2008: 256, 270].

Применительно к русскому *было* подход, рассматривающий его как дискурсивный маркер с широкой сферой действия, принят в работах Т. Л. Поповой-Боттино [Попова-Боттино, 2009]. Сфера действия *было* может охватывать несколько глаголов:

- (12) Сперва *было катался, бился*, потом примолк. [Марк Сергеев. Волшебная галоша... (1958–1965)].

Кроме того, как отмечено, в частности, в [Князев, 2004: 303], стандартный контекст конструкции с *было* ('X P *было*, но Q') может без заметной потери смысла заменять этот показатель (он пошёл *было*, но раздумал ≈ он пошёл, но раздумал), который не является факультативным только с причастиями:

- (13) И *взбунтовавшийся было* сотрудник выкатывается из редакции в ближайший гастроном [Михаил Козаков. Актерская книга (1978–1995)]. ≠ И *взбунтовавшийся* сотрудник выкатывается из редакции в ближайший гастроном.

Что касается *бывало*, то для его употребления характерна именно широкая сфера действия, охватывающая несколько предикаций. Нередкой является смена глагольного времени внутри этой сферы действия. Чаще всего сочетается настоящее время с будущим, однако засвидетельствованы и все другие логически возможные комбинации времён.

- (14) Я нередко нарочно испытывал эту его колдовскую способность; *бывало, выдумую* что-нибудь и *рассказываю* как бывшее, но он, послушав немножко, отрицательно качал головою [Максим Горький. Детство (1913–1914)].
- (15) *Бывало*, не его *вызывали* к доске, а он сам *идет* к ней, мучает преподавателя, потому что ему непонятны те или другие математические формулы [Никита Хрущев. Воспоминания (1971)].

Наконец, как с *было*, так и с *бывало* отмечен, прежде всего в устных текстах, круг примеров, пограничных между полнозначным (впрочем, само обозначение «полнозначный» по отношению к бытийному,

экзистенциальному глаголу применимо лишь с некоторой оговоркой) употреблением глаголов *быть* и *бывать*, включенных в общий ряд предикаций нарратива, с одной стороны, и употреблением грамматикализованных частиц, с другой стороны.

Применительно к *было* ряд таких примеров выделен мной ранее в работе [Сичинава, 2009]. Их статус колеблется между конструкцией, причём не литературной (со значением «нарушения нормального хода ситуации»), а с иной, экспериенциальной, семантикой, с одной стороны, и свободным объединением *было* с иными глаголами, «вводящими» ситуацию, возможно, в контексте подбора синонимов, с другой стороны. Схема этих примеров – *было (так, что): Р или Р – было (такое)*.

В следующем случае имеется отдельно выраженное подлежащее при *было* и пауза между двумя предложениями – следовательно, имеют место две предикации без следов грамматикализации:

- (16) [№ 2, жен., 37]. Конечно / да / на Красной площади в пионеры *принимали* / *было* конечно все это [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2001].

Похоже устроен и следующий пример, где отсутствует подлежащее вроде *это*, но пауза отмечена:

- (17) [№ 4, муж., 35]. Один раз *было* / *попал* / не помню в каком году / сейчас скажу / в 91-м / я был в Москве на Красной площади 7 ноября и видел Горбачева / на Мавзолее стоит. Мне понравилось. С москвичами транспаранты нес какие-то... [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Воронеж) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

Следующий пример, где *было* не отделено, допускает ещё и двойную трактовку:

- (18) [№ 0]. Птичий рынок / это общественная организация? [№ 6, муж., 44]. Это не общественная организация [№ 10, жен., 46]. Нет ну митинги сколько *было разгоняли* [№ 0]. Санкционированные? [№ 10, жен., 46]. Нет /несанкционированные. Их объявляют несанкционированными и не разрешают [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2001].

Здесь возможны две трактовки исходной синтаксической конструкции: ‘Сколько *было* митингов, их ещё все разгоняли’; ‘Митинги, сколько бы их *было*, разгоняли’.

В корпусе устных текстов имеется ряд аналогичных примеров, где при *бывало* выступают обстоятельства времени или образа действия, которые могут относиться как к *бывало*, так и к полнозначному глаголу. Возможна интерпретация вида ‘тогда так *бывало*: он приходил...’ и ‘тогда он, *бывало*, приходил...’ Вот некоторые примеры этого рода:

- (19) [Соколова, жен., 77]. Ну вот он *сдерживается некоторое время бывало* [Воспоминания о прошлом Е. Соколовой (1981) // М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999].
- (20) Значит / *там у них бывало* / *мать говорила* / что вот если кто-нибудь из них там дежурит на кухне / значит / обязательно / говорила / что-нибудь принесет [Биография (беседа лингвиста с информантом) // Архив Хельсинкского университета, 1998].
- (21) Знаете / *все-таки бывало* / *вот так придешь* / она приходит и говорит / “Можно с вас получить за квартиру?” [Биография (беседа лингвиста с информантом) // Архив Хельсинкского университета, 1998].
- (22) [Вася, муж.]. *Там как бы бывало* / *знаешь* / *приходит* человек / *напивается* / вообще в смерть... [Беседа на радио Next (2006)].

Большинство этих примеров связаны с употреблением настоящего или будущего времени (*откроешь бывало*), поэтому они выступают как пограничные между конструкцией с *бывало* в чистом виде и развёртыванием событий после начального «объявляющего» заголовка типа *тогда вот так бывало*.

2. Диахронические и ареальные источники

С диахронической точки зрения «литературная» конструкция с *было* происходит, как уже говорилось, от древнерусского плюсквам-перфекта «сверхсложного» типа *ходилъ (есмь) былъ*, в которой форма прошедшего времени от вспомогательного глагола впоследствии утратила согласование ([Петрухин, Сичинава, 2006], там же и данные о типологических и ареальных параллелях этого явления); в северных

великорусских говорах, а также в украинском и белорусском языках плюсквамперфект с согласуемой связкой сохраняется (иногда наряду с несогласуемой частицей).

Что касается «нелитературных» конструкций и свободных сочетаний с *было*, встречающихся в разговорной и диалектной речи, то для них, помимо живой синхронной глагольной сериализации, возможно и объяснение, связывающее их с древнерусскими (и современными диалектными, правда, не с полностью тождественным территориальным распределением) конструкциями с избыточным *есть* типа *Ребята есть курят*; этой теме посвящён ряд работ М. Н. Шевелёвой, прежде всего [Шевелёва, 2007].

Таким образом, весьма вероятно, что двойственное сосуществование сильнее и слабее грамматикализованного русского *было* и переходной зоны между ними – явление, насчитывающее по меньшей мере шесть веков, с первых фиксаций избыточного *есть* в древнерусских памятниках.

Частица *бывало*, в отличие от *было*, имеет более однозначную этимологию; это, безусловно, претерит от экзистенциального глагола *бывать*, втянутый в орбиту вторичных морфологических модификаторов через сериализованную конструкцию. Как мы видим, этот процесс также не полностью завершился. При этом перед нами также достаточно старое, общевосточнославянское явление. Частица с аналогичной семантикой и сочетаемостью (при всех трёх временах) имеется в белорусском (*бывала*) и в украинском (*бувало*) языках. На толкование этих лексических единиц в академических словарях советского времени сильно влияет русская традиция (подробнее см. ниже, сноска в разделе 3), однако данные готовящихся в составе НКРЯ украинско-русского и русско-украинского параллельных корпусов показывают, что *бывало* и *бувало* – действительно основные переводные эквиваленты друг для друга. Ср. употребление другого показателя со схожей семантикой в русском переводе: *Але, по правді кажучи, бувало їй недоїсться, а все відложилося якусь там часточку за про слабість та старість... [І. Франко. На дні] – Да все же, сказать правду, иной раз и не доешь, а все отложишь да припасеешь малость на черный день, да на старость лет... [перевод Леси Украинки].* Аналогичные выводы по материалам параллельных белорусско-русских текстов можно сделать и в связи с белорусской частицей *бывала*. В украинском отмечено и не имеющее полного аналога в русском грамматикализованное соот-

ветствие *бувало* в настоящем времени – *бувае* или *бува* ‘случается, иногда’ с другими, помимо хабитуального, дополнительными значениями (‘в случае’, ‘может быть, чего доброго’) [Гринченко, 1907: 105], [СУМ 1970: 245].

Конструкции сходного вида отмечены также в литовском языке, ср. *Parvažiuos* (приехать. fut), *būdavo*, *toks ponaitis atostogų ir ištisus tris mėnesius bindzinėja...* ‘Приедет, *бывало*, такой барчук в отпуск и целых три месяца шатается без дела...’ [*J. Tumas-Vaižgantas. Pragiedruliai*, цит. по Dambriūnas, 1960: 46]. Ряд авторов связывает их со славянским влиянием, см., например, [Senn, 1966: 454–455]⁵.

С ареальной точки зрения с частицами *было* и *бывало* возможно сближать также показатели «ретроспективного сдвига» (в трактовке [Плунгян, 2001]; здесь проводится только типологическая параллель с русским материалом) в финно-угорских (пермских и волжских) языках. Здесь они также восходят к претеритным формам глагола ‘быть’, которые стали неизменяемыми. Как и в русском, в ряде языков они парные (ср. удмуртское *вал* и *вылем*, где второй показатель привносит оттенок эвиденциальности); они сочетаются с разными глагольными формами, в том числе презенсом и футурумом, развивают значения семантической зоны неактуального прошедшего, в том числе аннулированного результата. Важно, что для финно-угорских языков характерна сериализация глаголов, также связываемая с соответствующим субстратом в русском языке [Вайс, 2003].

Диахроническая связь *было* с финским субстратом была признана принципиально возможной в работах [Шошитайшвили, 1998] и [Петрухин, Сичинава, 2006]; теоретически допустима она и для *бывало*. Надо учитывать, впрочем, и все сложности, на которые наталкивается такая гипотеза с точки зрения доказательности. Что касается показателя плюсквамперфекта, то, по крайней мере, с семантической точки зрения, он развивался аналогично во всех славянских языках, а согласование (*було*) факультативно утратил и в украинском [СУМ 1970: 254], где финно-угорское влияние отсутствовало. Точное или очень близкое соответствие *бывало*, как мы видели, имеется в украинском и белорусском, причём не исключено заимствование восточнославянской конструкции в литовском. Кроме того, сопоставимый финно-угорский материал имеется только для пермской и волжской зон. Сама идея рас-

⁵ Выражаю благодарность П. М. Аркадьеву, указавшему на литовский материал.

пространения субстратного явления столь глубинного свойства, как калькирование грамматики, по всей великорусской территории, в том числе в говорах, не обнаруживающих других явлений подобного рода, достаточно уязвима. Здесь можно напомнить не вполне убедительную гипотезу О. Б. Ткаченко [Ткаченко, 1979], см. подробнее её критику в [Петрухин, 2007] о связи русского сказочного зачина *жили-были* – вполне объясняемого исходя из типологических свойств плюсквамперфекта – с серийной конструкцией гипотетического «субстратного мерянского языка» при отсутствии прямых параллелей с большинством известных финно-угорских языков. Таким образом, уместнее говорить более осторожно – лишь о возможной ареальной «поддержке» тенденций, уже заложенных в исходном славянском материале, и, разумеется, о типологической параллели.

3. Семантика

Семантика обеих обсуждаемых языковых единиц, как уже отмечалось, связана с типологически устойчивой зоной «неактуального прошедшего». В связи с семантикой частицы *было* существуют две конкурирующие трактовки – модализация значения («неосуществление задуманного действия») и значение аннулированного, недостигнутого результата (подробнее об этих трактовках см. [Varensen, 1986; Сичинава, 2009]). Представляется, что обе эти трактовки можно примирить через предложенную Ю. П. Князевым [Князев, 2004] идею «нарушения нормального хода течения ситуации», частными случаями которой является как недостижение прагматической цели при достижении материального результата, так и неосуществление ситуации в целом. Принципиально важна для частицы *было* такая специфика, как кратковременность осуществления описываемой ситуации и пресечение её «на корню». Об этом говорит как её повышенная сочетаемость с глаголами-инхоативами (помимо прототипических *начать* или *стать*, также и с такими специфическими, как *броситься*, *кинуться* и *раскрыть рот*) [Сичинава, 2009], так и наблюдаемая в параллельном корпусе модель появления *было* при переводе обстоятельств кратковременного действия типа англ. *for a while* или нем. *einen Augenblick lang*.

Основное значение *бывало* – некоторая привычная ситуация в прошедшем, неактуальная для настоящего момента.

- (23) Тоже никак не мог он стерпеть, когда кто-нибудь, зная всегдашний норов его, *начнёт, бывало*, из одного баловства приставать и расспрашивать, что у него лежит в сундучке... [Ф. М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846)].
- (24) *Бывало, стрелялись* в начале войны, когда мы отступали. [Никита Хрущев. Воспоминания (1971)].

С типологической точки известно, что хабитуалис в прошедшем представляет собой устойчивую межъязыковую видо-временную категорию (PASTHAB в нотации работы [Dahl, 1985]), часто маркируемую отдельно от хабитуалиса в настоящем; в нашем случае, однако, определённую хабитуальную семантику несут уже исходные формы презенса совершенного вида (будущего): *как увижу, как услышу, всё во мне заговорит* (об этом классе употреблений см., в частности, [Mønnesland, 1984]).

Семантика *бывало* определяет и жанр дискурса, для которого она особенно характерна – воспоминания о (сравнительно далёком) прошлом. Именно в таких текстах (аудиозаписях устных мемуаров людей старшего поколения) она чаще всего и представлена в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка; ср. примеры (18)–(21). Ср. также толкование Н. Ю. Шведовой: «О вспоминаемом: случилось в прошлом, прежде» [Ожегов, 1989: 70] (разрядка наша).

Сочетание *бывало* с формой прошедшего времени этимологически представляет собой двойное маркирование претерита, характерное для форм «неактуального прошедшего» в немногочисленных генетически не связанных языках мира (не считая уже упомянутых «сверхсложных форм»). Замечателен тот типологический факт, что в языках с «двойным показателем прошедшего», включая адыгейский [Короткова, 2009: 277–278], корейский, дьола в Сенегале, эти формы имеют обычно и экспериенциальное значение (не обязательно привычного действия; единичный опыт может быть и достаточно необычным), как правило, в сочетании с неактуальным значением и/или переносом в план прошедшего. Именно такую интерпретацию позволяют и конструкции с *бывало* в сочетании как раз с прошедшим временем несовершенного вида (ср. толкование-парафразу, дословно повторяющуюся в разных авторитетных словарях: ‘случалось в прошлом, прежде, иногда’ [Ожегов, 1952: 53, БАС-2 1991: 845, МАС 1981: 128], так же в Малом толко-

вом словаре В. В. Лопатина и др.; ‘случалось в прошлом, иногда’ [Словарь XVIII: 2: 181] – применительно к синонимичному *бывало* употреблению *было*⁶):

- (25) Обижался на нее, *ругались, бывало, ох ругались!* [Евгений Шкловский. Соглядатай (1990–1996)].
- (26) *Бывало, до войны за деньги самого черта тебе мог смастерить.* [Василь Быков. Знак беды (1982)].⁷

4. Деграмматикализация и пути сближения

С диахронической точки зрения за последние два века, как представляется, грамматикализованные *было* и *бывало*, принадлежащие к смежной семантической зоне, в известной степени уступают место свободному, неграмматикализованному употреблению соответствующих словоформ.

В связи с частицей *было* это утверждение обосновывается пониженной частотностью её в разговорной речи и подавляющим преобладанием её использования в текстах художественной литературы, ограниченностью сочетаемости и факультативностью – то и другое характерно для деграмматикализации [Сичинава, 2009: 364–367, 391–393]; в то же время в устных текстах широко представлены именно свободные употребления с *было*, семантика которого выходит за рамки литературной конструкции.

Что касается частицы *бывало*, то особый подсчёт по вхождению этой словоформы в Национальном корпусе русского языка по нескольким неравным периодам даёт следующие результаты:

⁶ Добавим, что в украинском академическом словаре толкование частицы *бувало* демонстрирует явное влияние русской лексикографии: «Уживається при вираженні дії, що нерегулярно повторялась у минулому, у знач. часом, іноді, траплялось» – в статье *бувало* (разрядка в оригинале); почти так же в статье *було* [СУМ 1970: 245, 254], а в пятитомном «Толковом словаре белорусского языка», очевидно, толкование *бывала* в основном переведено с украинского, причём «раней» добавлено из русской традиции: «Паказвае на значэнне дзеяння, якое нерэгулярна паўтаралася ў мінулым: іншы раз, раней, здаралася» [ТСБМ 1977: 428].

⁷ Любопытно, что этот роман Василя Быкова представляет собой авторский перевод с белорусского и войдёт также в белорусско-русский параллельный корпус в составе НКРЯ. В оригинале Быков также использовал частицу *бывала*, но с будущим временем: *Бывала, да вайны за грошы чорта табе змайструе.*

	XVIII–XIX вв.	1900– 1950	1950– 1990	после 1990
Частица <i>бывало</i> (в составе конструкции) от всех вхождений словоформы <i>бывало</i>	50%	44%	41%	27%
Будущее время + настоящее время от всех вхождений конструкции	65%	75%	46%	41%
Прошедшее время от всех вхождений конструкции	27%	20%	50%	58%

Приведённые цифры говорят о следующем:

1) Конструкция с частицей *бывало*, не являющейся финитным глаголом (*откроешь бывало* или *открывал бывало*), в XVIII–XIX веках встречалась столь же часто, что и финитное *бывало* (в *как ни в чём не бывало*, *ничуть не бывало*, *бывало так, что...*); в наше время – почти втрое реже; резкий перелом в этом процессе наметился в самые последние 20 лет, но плавное снижение шло и раньше. В современном языке у этой конструкции ощущается некоторый налёт цитатного, «сказового» регистра.

2) Наиболее сильно грамматикализованная конструкция с частицей *бывало* + будущее время вместе с имеющей промежуточный статус конструкцией *бывало* + настоящее время, уже начиная со второй половины XX в. уступает место конструкции *бывало* + прошедшее время, для которой характерно дистантное расположение компонентов.

С просодической точки зрения несамостоятельный статус обоих показателей также может быть утрачен; применительно к *было* об этом говорит растущее число его обособлений на письме (по сравнению с записью в XIX в. вида *пошёл-было*; см. [Сичинава, 2009]); что до *бывало*, то аргументами могут служить нормативное закрепление его пунктуационного обособления в XX в., растущее количество его финитных употреблений, вытесняющих частицу, а также преобладание дистантных контекстов.

Что касается грамматической сочетаемости показателей, то сочетаемость конструкции с *было*, первоначально ограниченная, в соответствии с этимологией, глагольными формами прошедшего времени распространяется на причастия и нулевой глагол, а в XX веке – на *praesens historicum* (подробнее см. [Князев, 2004; Сичинава, 2009]). Для *бывало* также чрезвычайно характерна сочетаемость с подвергнутым

эллипсису и нулевым глаголом, изредка встречаются также сочетания с причастиями:

(27) Все те прежние приемы, *бывало*, неизменно *увенчиваемые* успехом... [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867–1869)].

Процесс «высвобождения» *было* и *бывало* из прокрустова ложа грамматикализовавшихся конструкций (в которое, впрочем, они никогда не были загнаны полностью) поддерживает известную близость этих частиц в разговорной ненормированной речи. Эта синонимия существует, судя по всему, непрерывно с достаточно древнего периода, учитывая формальный параллелизм частиц и наличие «альтернативного» источника частицы *было*, не связанного с плюсквамперфектом. В XVIII веке отмечены примеры, где *было* синонимично *бывало* [Словарь XVIII: 2: 180–181; Сичинава, 2012]:

(28) То правда, что уж велик ростом, А в ночи *было* ему никто *не попадайся* на дуло (Интерлюдии).

(29) Когда *было вытьдет*, всяк долой с дороги, И шапочку сняв, ему головою в ноги (А. Д. Кантемир, Сатира II, 35).

О древности синонимии *было* и *бывало* говорит, в частности, до сих пор сохраняющаяся синонимия несогласуемого *було* (в одном из значений) и *бувало* в украинском языке [СУМ 1970: 245, 254].

Ряд русских примеров XIX–XXI веков, в том числе литературных, в которых *было* означает то же, что *бывало*, и устроено аналогично по сочетаемости (в том числе с будущим временем), приведён в [Сичинава, 2010, 2012]:

(30) Они *было*, на своем рабочем месте *пытались объяснить* и объяснили наконец... (В. Астафьев, пример разбирается также в [Попова-Боттино, 2009]).

(31) Как *придет было* с ней, все хотел, чтобы Машка косу свою рыжую расплела поскорей и поменьше чтоб выпивала (М. Вишневецкая).

Ср. пример из диалектной речи с имперфективирующим *-ива-* в полнозначном глаголе (*было говаривали* фактически равнозначно *бывало говорили*):

(32) Мне ещё *было говаривали* мужики: “Как из этого дому поедем того году ловить, дак год оправдан будёт, хорошо попадёт рыбы” (Архангельская область, запись А. Л. Мороза, 1997).

Надо отметить, что в русистике уже известно сочетание хаби­туальной и антирезультативной семантики у маргинальной кон­струк­ции «*было* + будущее». Последняя отмечена в работах А. А. Потеб­ни, В. И. Чернова и др., на письме она нередко выступает с обособле­нием частицы (*пойдёт, было, и вернётся*) [Varentsen, 1986: 11]: В Кор­пусе второй половины XX – начала XXI века таких примеров не встре­тилось. В свете существования хаби­туальных контекстов, где *было* сино­нимично *бывало*, не обязательно рассмат­ривать такие контексты как результат контаминации «литературных» *пойдёт бывало* vs. *пошёл было и вернулся*; частица *было*, возможно, просто демонстрирует в та­ких условиях свою неоднозначность:

- (33) Он *соберет, было*, рекомендации у известных писателей, излов­чится да и ударит по приёмной комиссии. А его возьмут да и от­шибут (Литературная Россия) [Чернов, 1970: 263].

В устных текстах отмечено сочетание *было* с глаголами несовершен­ного вида в прошедшем времени со значением ‘прекращённая ситуа­ция’, нехарактерное для литературной конструкции:

- (34) И / снова / и с тех пор шахта наша села // То *было гремела* / а те­перь / потом села / перестала план выполнять / а потом вообще закрыли ее [Сергеева, Герд (ред.), 1998].

В этом отношении характерен пример с согласованным сериа­лизованным финитным глаголом *были*, который стоит в одном ряду с *бывало*:

- (35) [Респондент, жен., 83]. *Были / собирались мы*. Человек по 20 / *бывало / собирались*. Так мы там и жили-то мало. по-моему / один Новый Год встретили / а потом май и я уехала [Биография (беседа лингвиста с информантом) // Архив Хельсинкского уни­верситета, 1997–1998].

Таким образом, частицы *было* и *бывало*, в определённый историче­ский период проявлявшие тенденцию к жёсткой грамматикализации и специализации как с точки зрения сочетаемости (*решил было, отк­ро­ешь бывало*), так и с точки зрения семантики (‘нарушение нормально­го хода ситуации, обычно раннее’, ‘хаби­туальная ситуация в прошед­шем’), вновь возвращаются в свою прежнюю стихию – полусамостоя­тельных глагольных словоформ, передающих широкий спектр значе­ний из зоны неактуального прошедшего.

Литература

БАС-2 (1991) – Словарь современного русского литературного языка [2-е изд., неоконч.]. Т. 1. А–Б, М.: Русский язык, 1991.

Вайс Д. (2003). Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // Русский язык в научном освещении, № 2 (6), 37–59.

Гринченко Б. Д. (сост.) (1907) Словарь української мови = Словарь украинского языка. Т. 1. К.: Киевская старина.

Гришина Е. А. (2005). Устная речь в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 94–110.

Зализняк А. А. (2008). Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур.

Киселёва К. Л., Пайяр Д. (ред.) (1998). Дискурсивные слова русского языка. М.: Метатекст.

Князев Ю. П. (2004). Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Ю. Д. Апресян (ред.). Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянских культур, 296–304.

Короткова Н. А. (2009). «Прошлое» и «сверхпрошлое» в адыгейском языке // Я. Г. Тестелец (ред.), Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГУ, 262–286.

МАС (1981) – А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: В 4-х т. 2-е изд. Т. 1. М.: Русский язык.

Ожегов С. И. (1952) – Словарь русского языка. Под ред. С. П. Обнорского. 2-е изд. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей.

Ожегов С. И. (1989) – Словарь русского языка. Под ред. Н. Ю. Шведовой. 21-е изд. М.: Русский язык.

Петрухин П. В., Сичинава Д. В. (2006). «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянских культур, 193–214.

Петрухин П. В. (2007). *Жили-были*: вопрос закрыт? // Русский язык в научном освещении, № 2 (14), 268–282.

Плунгян В. А. (2001). Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.), Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М.: Русские словари, 50–88.

Попова-Боттино Т. Л. (2009). Проблема размещения частицы *было* с точки зрения коммуникативного анализа // Вопросы языкознания, № 4, 72–86.

Путеводитель 1993 – Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Кодзасов С. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Русские словари.

Сергеева Н. С., Герд А. С. (ред.) (1998). Русская разговорная речь европейского Северо-Востока России. СПб.

Сичинава Д. В. (2008). «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 241–274.

Сичинава Д. В. (2009). Стремиться пресекать на корню: русская конструкция с *было* по корпусным данным // К. Л. Киселёва и др. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 362–396.

Сичинава Д. В. (2010). Русские маргинальные конструкции с *было*: к постановке проблемы // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М.: МГУ, 192–200.

Сичинава Д. В. (2012). Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века // Русский язык в научном освещении, № 2.

Словарь XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984.

СУМ (1970) – Словник української мови. Т. 1. К.: Наукова думка.

Ткаченко О. Б. (1979). Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. К.: Наукова думка.

ТСБМ (1977) – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: Т. 1. Мінск: Беларус. сав. энцыклапедыя.

Ушаков Д. Н. (ред.) (1935), Толковый словарь русского языка: В 4 т., Т. 1. М.: Советская энциклопедия – ОГИЗ.

Шевелёва М. Н. (2007). «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении, № 2 (14), 214–252.

Шошитайшвили И. А. (1998). Русское «было»: пути грамматикализации // Русистика сегодня, 3/4, 59–78.

Barentsen A. A. (1986). The use of the particle БЫЛО in modern Russian // Dutch Studies in Russian Linguistics. Amsterdam, Vol. 8, 1–68.

Dahl Ö. (1985). Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell.

Dambriūnas L. (1960). Lietuvių kalbos veiksmažodžių aspektai. Boston: Lietuvių enciklopedijos leidykla.

Hopper P. J. (1991). On some properties of grammaticization // E. Traugott, B. Heine (eds.), Approaches to grammaticalization. Vol. 1. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 17–35.

Kagan O. (2011). The actual world is abnormal: on the semantics of the bylo construction in Russian // Linguistics and Philosophy. Vol. 34, 57–84.

Mønnesland S. (1984). The Slavonic frequentative habitual // C. de Groot, H. Tommola (eds.). Aspect bound: a voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology. Dordrecht: Foris, 53–76.

Plungian V. A., van der Auwera J. (2006). Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung 59, 317–349.

Senn A. (1966). Handbuch der Lithauischen Sprache. Bd. I. Grammatik. Heidelberg: Winter.

Аксель Хольфут (Вильнюс)
Елена Коницкая (Вильнюс)

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ ДЕОНТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ: ИСТОЧНИКИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

The present article introduces the notion of *interpretive deontics*, by which we mean deontic expressions (imperatives, hortative particles, infinitives, deontic modal verbs etc.) used interpretively (in the sense of [Sperber and Wilson 1986]), i. e., with reference to speech acts (usually imputed to imaginary interlocutors) expressing directives addressed to the speaker or some third person. The authors argue that interpretive deontics are a distinct gram type used by speakers in order to comment on other people's expectations considered to be unreasonable. A chain of semantic development "request for permission → deontic request → rhetorical deontic request → negative evaluation of other people's expectations → negative evaluation of other people's assertions" is posited. In a further extension of this interpretive gram type, the element of negative evaluation may be dropped, which make interpretive deontics into a source of evidentials. The material for the investigation is taken mainly from Slavonic and Baltic languages.

1. Вводные замечания: интерпретативное использование и грамматика

*Интерпретативное использование*¹ – термин, которым мы обязаны Шперберу и Уилсон [Sperber, Wilson, 1986]. В рамках теории релевантности эти авторы противопоставляют интерпретативное использование, при котором высказывание служит отсылкой к другому выска-

¹ Термин *interpretive use* 'интерпретативное употребление / применение / использование' в данной статье переводится как *интерпретативное использование*, тем более что в русской лингвистике уже начинает складываться традиция употребления этого термина [Сусов, 2006]. Важно отметить, что употребляемое нами понятие *интерпретативное использование* существенным образом отличается от введённого Ю. Д. Апресяном понятия *интерпретационный глагол*, см. [Апресян, 2009]. Интерпретация, которую имеет в виду Ю. Д. Апресян, носит не прагматический, а семантический характер.

званию, и описательное (дескриптивное) использование, при котором высказывание передает внеязыковое положение дел. Для полноты и ясности приводим их определение (*здесь и далее перевод наш*):

«Любая репрезентация в пропозициональной форме и, в частности, любые высказывания могут использоваться для репрезентации некоторой ситуации двумя способами. Она может быть отображением некоторого положения вещей, в силу того, что она как пропозициональная форма является истинной по отношению к этому положению вещей, и в этом случае мы можем говорить, что данная репрезентация является *описательной* (дескриптивной) или что она использована *описательно* (дескриптивно). Она может также передавать некоторое другое высказывание, у которого тоже есть пропозициональная форма – например, мысль, – в силу сходства между двумя пропозициональными формами; в этом случае мы можем утверждать, что первая репрезентация является *интерпретацией* чего-то другого или что она использована *интерпретативно*» [Sperber, Wilson, 1986: 228–229].

Из этого определения явствует, что «интерпретативный» – не то же самое, что «металингвистический». Например, при металингвистическом использовании слово *пришел* отсылает к самому себе как к примеру, скажем, формы прошедшего времени. При интерпретативном использовании слово *пришел* отсылает к высказыванию, в котором употреблено слово *пришел*, не потому, что говорящий хочет что-нибудь сказать именно об этом слове, а потому, что говорящий хочет отнестись к производимому (на основании формального сходства) высказыванию.

В качестве характерного примера интерпретативного использования Шпербер и Уилсон приводят иронию. Использованное иронически, высказывание: *Это было хорошо сказано!*, конечно же, не является отображением положения дел, когда кто-то сказал нечто хорошее; напротив, это высказывание является отсылкой к мнимому высказыванию, с риторической целью приписываемому мнимому собеседнику, который использовал бы это высказывание в прямом, описательном, смысле.

На важность понятия *интерпретативное использование* для грамматики первыми указали Р. Бласс [Blass, 1990], Д. Блэкмор [Blakemore, 1999] и Э. Ифантиду [Ifantidou, 2001], которые высказали предположение, что в языках могут вырабатываться маркеры интерпретативного использования. Они приводят в качестве яркого примера марке-

ры пересказываемости (репортативной или квотативной эвиденциальности, знания понаслышке, «из других рук»): глагольные формы, маркированные как репортативные, могут пониматься как отсылающие не к самому событию, но к высказыванию другого лица, описывающего данное событие. Такое объяснение маркеров эвиденциальности, предлагаемое этими авторами, не встретило широкого отклика у исследователей, вероятно, по ряду причин. Во-первых, при обсуждении эвиденциальности этот феномен часто рассматривается в связи с эпистемической модальностью (так, Палмер [Palmer, 2001] объединяет эвиденциальность и эпистемическую модальность в общую категорию пропозициональной модальности) и более широко понимаемой категорией эпистемического значения [Boye, 2010]. Во-вторых, маркеры пересказываемости представляют собой лишь один аспект эвиденциальности, и в языках с непрямой эвиденциальностью часто имеются группы признаков (кластеры), объединяющие с репортативной функцией конклюзивные (*inferential*) и адмиративные (*mirative*) значения, предполагающие невербальный характер передачи информации, что делает предложение Блэкмор недостаточно удовлетворительным в качестве подхода к эвиденциальности в целом. Несмотря на это, важность понятия интерпретативного использования для описания чистой цитатности (квотативности) заслуживает исследования. Факт, что во многих языках эвиденциальные (квотативные) маркеры используются для передачи, например, иронии, не так легко вписывается в теорию, рассматривающую эвиденциальность как способ определения характера засвидетельствования (указания на источник информации), к которому обязан прибегнуть говорящий в любом высказывании («В любом утверждении должен быть определен характер источника, на котором оно основывается» [Aikhenvald, 2006: 1]), но зато хорошо вписывается в теорию, связывающую пересказываемость и интерпретативное использование.

Эти вопросы, однако, не являются объектом настоящей статьи. В работе [Holvoet, 2005] было указано, что важность понятия интерпретативного использования для грамматики не ограничивается лишь областью исследования маркеров интерпретативного использования (если они существуют); это понятие может быть привлечено также для правильной семантической интерпретации многих грамматических форм, которые употребляются вне своей исходной сферы. Грамматические формы, дескриптивные в своем основном употреблении,

иногда используются во многих периферийных функциях. В [Holvoet, 2005] рассматривается латышская частица *lai* наряду с русским императивом. Ограничимся здесь кратким обзором функций последнего, поскольку эти сведения достаточно хорошо известны, в особенности читателю, знакомому со славянскими языками.

Русский императив – это прежде всего форма с очевидными прагматическими функциями, употребляющаяся для формулировки директив (волеизъявления), ср. (1):

(1) *Принеси мне, пожалуйста, стакан воды!* Русский

Во вторичной функции императив может также использоваться для отсылки к ситуации, при которой предполагается, что от кого-то (обычно говорящего) ожидается, что он сделает что-то, вызывающее его негодование, или о чем он думает как о нежелательном (об определенных семантических и контекстных особенностях такого употребления русского императива говорится в [Храковский, Володин, 2001: 237–238]).

(2) *Он сделал ошибку, а я за него **отвечай!*** Русский

Этот тип употребления императива не раз обсуждался в русской грамматике. В своей известной статье о русском глаголе Р. Якобсон [Якобсон, 1931] характеризовал собственно императив как частный случай более общей категории, которую он определил как «наклонение произвольного действия» (*Modus der willkürlichen Handlung*). Этот признак Якобсон считал инвариантом категории, а все другие значения – контекстуально связанными. Для Якобсона, таким образом, не могло быть речи о том, чтобы признать собственно императив (форму, используемую для формулировки директив) *общи́м значением* (*Gesamtbedeutung*) или семантическим инвариантом данной категории, хотя он, пожалуй, признал бы, что он является *основным значением* (*Grundbedeutung*), или, иначе говоря, доминирующим в употреблении.

Эти необычные русские императивы рассматриваются также в [Шведова, 1970: 579], где форма типа *отвечай* в (2) характеризуется как «форма, воспроизводящая форму повелительного наклонения». Это можно перефразировать следующим образом: *отвечай* в (2) является не подлинным императивом, а «фотографией» императива, используемой в соответствующей функции в некоем другом высказывании. Это глубокое проникновение в суть явления можно легко пере-

дать при помощи понятийного аппарата, предложенного Шпербером и Уилсон: форма *отвечай* в (2) используется не непосредственно как форма выражения приказа, то есть не дескриптивно, но интерпретативно, отсылая к высказыванию в форме *Ты отвечай за него* со значением 'тебе быть в ответе за него', приписываемому воображаемому собеседнику или третьему лицу. В литературе данное явление до сих пор рассматривалось также в категориях транспозиции [Молошная, 2007: 8–15], но хотелось бы уточнить, что мы имеем здесь дело именно с интерпретативной транспозицией. Важно отметить, что это интерпретативное использование императива содержит отрицательную оценку выражаемого с его помощью волеизъявления. Шпербер и Уилсон различают два типа коммуникативной релевантности интерпретативного использования: квотативный (цитатный) и такой, который они называют «эхо-интерпретацией»: «такими интерпретациями релевантность достигается путем информирования слушателя о том, что говорящий имеет в виду сказанное тем-то и тем-то, и о том, что он имеет определенное отношение к этому» [Sperber, Wilson, 1986: 238].

Здесь, конечно, нет специализированного маркера интерпретативного использования в том смысле, который имеет в виду Бласс [Blass, 1990] в своем описании частицы *re* языка сисала. Форма *отвечай* не маркирована ничем, кроме факта, что синтаксический контекст (1-е лицо подлежащего с импликацией, что не говорящий, а 3-е лицо является субъектом волеизъявления) исключает непосредственную повелительную интерпретацию императива, что сигнализирует адресату об интерпретативном использовании формы. Факт перемещения формы императива из области ее прямого употребления со всей очевидностью показывает, что это употребление в определенном смысле периферийно и не может учитываться при формулировке основного значения императива, какое постулировал Якобсон как обязательное в своем инвариантном подходе.

Выражение желаний и ожиданий – это четко определяемый и коммуникативно важный тип грамматического значения. Отсылка к желаниям и ожиданиям других людей является менее фундаментальным типом грамматического значения, однако такая отсылка, тем не менее, могла бы быть грамматикализована, то есть иметь не только лексические, но и регулярные грамматические средства выражения. Используя термин, введенный Б. Пальюкой и популяризированный Дж. Байби и Э. Далем (см., напр., [Bybee et al., 1994: 2–3]), можно вы-

делить отсылку к волеизъявлениям других людей как тип граммы (англ. *gram type*), который может получать различные способы грамматического или полуграмматического выражения в разных языках. Императив с местоимением 1-го или 3-го лица относится к специфическим языковым квазиграмматическим средствам выражения этой граммы. В языках могут использоваться многие средства, в разной степени грамматикализованные; к ним можно отнести флективные формы в определенном использовании, а также периферийные грамматические средства, такие, как, например, модальные глаголы. При обсуждении данной проблемы важное место занимают модальные наречия (частицы). В настоящей статье это явление иллюстрируется фактами из балтийских и славянских языков.

В латышском языке, например, есть гортативная (побудительная) частица *lai*, обычно описываемая как компонент перифрастических форм императива 3-го лица:

- (3) **Lai** *Jan-is* *nāk* *mums* ЛАТЫШСКИЙ
 HORT Янис-NOM.SG ИДИ-PRS.3 1PL.DAT
līdzi!
 совместно
 ‘Пусть Янис идет с нами!’

Однако *lai*, кроме употребления с 3-м лицом индикатива, выступает также в сочетании с другими формами, и некоторые его употребления напоминают рассмотренное выше интерпретативное использование русского императива:

- (4) *Viņ-š* *izdarī-ja* *kļūdu,* ЛАТЫШСКИЙ
 3SG.NOM совершить-PST.3 ошибка-ACC.SG
un *es* **lai** *par to*
 и 1SG.NOM HORT за ЭТО-ACC.SG.M
atbild-u?!?
 отвечать-PRS.1SG
 ‘Он сделал ошибку, а я за это отвечаю?!’

Сферы употребления латышских интерпретативных конструкций с *lai* и русского интерпретативного императива не полностью совпадают, что не должно удивлять, если учесть, что возможности грамматикализации в интерпретативной функции, очевидно, ограничены природой и функциями исходной формы. Например, латышское *lai* может выражать то, что Палмер определяет как деонтическая просьба, то есть

вопрос о намерении, который служит для получения не информации, а директивы, например, (5) при отсутствии возможности аналогичного использования императива в русском языке, ср. (6):

- (5) *K-o lai es viņ-am sak-u?* ЛАТЫШСКИЙ
 что-ACC HORT 1SG.NOM 3SG.DAT.M сказать-PRS.1SG
 ‘Что мне ему сказать?’
 (6) **Что я ему скажу?* РУССКИЙ

Конструкция, обычно используемая для передачи этого значения в русском языке, основывается на инфинитиве:

- (7) *Что (мне) ему передать?* РУССКИЙ

Похожа на латышскую *lai* словенская гортативная частица *naj*, которая употребляется с 3-м лицом всех чисел индикатива. Использование в 3-м лице мн. ч. описывается как имеющее императивное значение [Торговиšč, 2004: 396], а в 3-м лице ед. и дв. ч. – как средство выражения смягченной просьбы (см. также [Kalin Golob, 2002: 300–301]):

- (8) *Dobitnik nagrade naj* СЛОВЕНСКИЙ
 выигравший-NOM.SG награда-GEN.SG HORT
pošlj-e svoj naslov.
 послать-PRS.3.SG свой адрес-ACC.SG
 ‘Выигравший награду должен прислать на свой адрес’.²

Словенское *naj* употребляется также с 1-м лицом в конструкциях с глаголом, указывающих на нежелательность для говорящего действия, требуемого со стороны других [Торговиšč, 2004: 397]; они напоминают русский интерпретативный императив (9):

- (9) *On počiva, jaz (pa) naj dela-m!* СЛОВЕНСКИЙ
 3SG.M.NOM отдыхать-PRS.3SG 1SG.NOM PRTC
 HORT работать-PRS.1SG
 ‘Он отдыхает, а я работай!’

Конструкция с 1-м лицом используется также в деонтических просьбах (10):

- (10) *Naj gre-m domov?* СЛОВЕНСКИЙ
 HORT идти-PRS.1SG домой
 ‘Мне идти домой?’

² Словенские примеры приводятся из SSKJ. Некоторые примеры (с пометой КJ) подтверждены и прокомментированы Кармен Кендой-Еж, сотрудницей Словенской академии наук и искусств, за что мы ей искренне признательны.

В таких примерах *naj*, по мнению словенских исследователей, выполняет роль вопросительной частицы *ali* [Jakob, 2000: 312]; однако надо заметить, что *naj* выступает как специализированное средство деонтической просьбы и его замена частицей *ali* невозможна без утраты этого деонтического значения.

В дальнейшем изложении мы дадим краткий обзор основных типов интерпретативных деонтических форм, иллюстрируя их примерами из латышского языка, которые уже были описаны в работах [Holvoet, 2005, 2007], а затем, для завершения картины, перейдем к словенским конструкциям с *naj*. Как можно было заметить, в путях развития побудительных частиц обоих языков обнаруживается определенное сходство, однако словенская частица демонстрирует несколько интересных особенностей, отсутствующих в латышском языке. Затем будут рассмотрены другие возможные источники интерпретативных деонтических конструкций – инфинитивы и модальные глаголы. Мы также вернемся к более подробному анализу случаев интерпретативного употребления императива, кратко упомянутых ранее. Приводя факты из различных славянских и балтийских языков, мы попытаемся восстановить пути развития средств интерпретативной деонтической модальности в связи с исходными сферами их употребления.

2. Интерпретативное использование латышской гортативной частицы *lai*

Латышская наречная частица *lai* восходит к *laid* – форме 2-го лица императива глагола *laist* ‘пускать’ (исходная форма *laid* частично сохранилась в латышских текстах XVII в.). *Lai* описывается в латышских грамматиках как «формообразующая частица», и ее комбинации с формами 3-го лица в предложениях типа (3) считаются аналитической формой глагола, иначе говоря, конструкции с *lai* относятся к парадигме императива [Bergmane et al., 1959: 801]. Но *lai* может также комбинироваться с другими личными формами, и её значение не всегда прямо императивное. Кратко опишем эти случаи для введения и иллюстрации многочисленных характерных типов интерпретативного использования.

(i) Просьба о разрешении: говорящий обращается с предложением сделать что-либо и для этого просит разрешения у адресата. Значение предложения: ‘Разрешите мне сделать то или это’ или ‘С вашего позволения, я сделаю то или это’:

- (11) *Pagaid-i, lai drusku sasild-o-s.* ЛАТЫШСКИЙ
 подождать-IMP.2SG HORT немного согреться-PRS.1SG.RFL
 ‘Подожди, дай я немного согреюсь!’

(ii) Деонтическая просьба: это понятие, как упоминалось выше, заимствовано у Палмера [Palmer, 1986]. Говорящий побуждает адресата сформулировать команду, просьбу и т. д., ср. пример (5), повторённый ниже:

- (12) *K-o lai es viņ-am sak-u?* ЛАТЫШСКИЙ
 что-ACC HORT 1SG.NOM 3SG.DAT.M сказать-PRS.1SG
 ‘Что мне ему сказать?’

(iii) Риторическая деонтическая просьба-вопрос: говорящий побуждает адресата сформулировать приказ (или, например, совет) с целью подчеркнуть, что для говорящего (или третьего лица) действительно нет никакой альтернативы поведения. Такие риторические вопросы могут вводиться при помощи вопросительных слов (13) или вопросительной частицы *vai* (14):

- (13) *Kur lai es ņem-u tik* ЛАТЫШСКИЙ
 где HORT 1SG.NOM взять-PRS.1SG так
daudz līdzekļ-u?
 много средств-GEN.PL
 ‘Где мне взять так много средств?’ (К. Zariņš).

- (14) *Vai tad es lai bez* ЛАТЫШСКИЙ
 Q тогда 1SG.NOM HORT без
apdom-a nāv-ē skrej-u?
 раздумье-GEN.SG смерть-LOC бежать-PRS.1SG
 ‘Мне тогда что, сломя голову нестись к смерти?’ (P. Rozītis).

Риторические деонтические просьбы могут быть также обращены к прошлому, а это устраняет вероятность, что в намерения говорящего входит желание вызвать соответствующую директиву. Отличительная особенность таких выражений – негативная оценка чьих-то ожиданий по отношению к поведению в прошлом. Глагол употребляется в прошедшем времени ирреального наклонения:

- (15) *K-o lai es bū-tu* ЛАТЫШСКИЙ
 что-ACC HORT 1SG.NOM быть-IRR
darī-jis?
 делать-PST.PA.NOM.M.SG
 ‘Что мне было делать?’

(iv) Негативная оценка ожиданий других. Отрицательная оценка требований или ожиданий других людей не обязательно реализуется в вопросительной форме. В типе (iii) есть некоторые формальные характерные признаки вопросов, но они могут также отсутствовать. Экспрессивность таких предложений примерно соответствует экспрессивности обычных риторических вопросов, что на письме обычно передается восклицательным знаком, хотя возможен также вопросительный знак. При произношении экспрессивность выражается в некоторых интонационных особенностях. В любом случае, по-видимому, среди типов деонтической просьбы и их риторических вариантов этот тип можно выделить как самостоятельный:

- (16) *Lai* *sadabū-ju* *piecdesmit rubļu,* ЛАТЫШСКИЙ
 HORT наскрести-PRS.1SG 50 рублей
kad *ne-zin-u* *kur ņem-t* *piecdesmit kapeikas!*
 когда NEG-знать-PRS.1SG где взять-INF 50 копеек
 ‘Чтоб я наскреб 50 рублей, когда я не знаю, где взять 50 копеек!’
 (R. Blaumanis).
- (17) *Es* *lai* *te* *dzīvo-ju* ЛАТЫШСКИЙ
 1SG.NOM HORT здесь жить-PRS.1SG
trīs dienas kopā *ar* *žurkāms* *un* *spokiem?*
 три дня вместе с крысами и призраками
 ‘Чтоб я жил здесь три дня – вместе с крысами и привидениями?’
 (M. Zīverts).

(v) Эпистемическая оценка: сомнение по отношению к чьему-либо предположению, утверждению и т. д. Этот тип, безусловно, можно считать производным от (iv), имея в виду, что глагол описывает противоречащее фактическому положению дел действие или состояние в прошлом или настоящем. Нечто подобное можно заметить в типе (iii), где есть подтип, относящийся к прошлому. В типе (v), так же, как в противоречащих фактическому положению дел (контрфактивных) риторических деонтических просьбах, глагол употребляется в ирреальном наклонении:

- (18) *Viņš* *lai* *bū-tu* ЛАТЫШСКИЙ
 3SG.NOM.M HORT быть-IRR
palīdzē-jis *slepkav-ām!*
 помогать-PST.PA.NOM.M.SG убийца-DAT.PL
 ‘Чтобы он помогал убийцам!’ (= они думают, что он способен помогать убийцам!) (A. Bels).

- (19) *Balod-is?* *Š-is* *kildīg-ais* ЛАТЫШСКИЙ
 голубь-NOM.SG ЭТОТ-NOM.SG.M вздорный-NOM.SG.M.DEF
un *uzpūīg-ais* *putn-s* *lai*
 и заносчивый-NOM.SG.M птица-NOM.SG HORT
notais-to-s *kā* *gar-s?*
 спуститься-IRR.RFL как дух-NOM.SG
 ‘Голубь? Чтоб эта сварливая и заносчивая птица снизошла как дух?’ (M. Zīverts).

Этот тип эпистемической оценки также является экспрессивным, что передается на письме с помощью восклицательного знака. Экспрессивность может и отсутствовать, это наблюдается обычно в тех случаях, когда в конструкции употребляется глагол типа *nezīnu* ‘не знаю’, *nesaprotu* ‘не понимаю’ и т. д.:

- (20) *Un* *ir* *grūti* *pasak-ā-m-s,* ЛАТЫШСКИЙ
 и COP.PRS.3 трудно-ADV сказать-PRS.PP.NOM.SG.M
kādēļ *sensl.* *jesi* *īsteni* *lai* *bū-tu*
 почему ст.-сл. собственно HORT быть-IRR
vidēj-as *kārt-as* *form-a*
 средний-GEN.SG.F залог-GEN.SG форма-NOM.SG
 ‘И трудно сказать, почему, собственно, старославянское *jesi* следовало бы считать формой среднего залога’ [Endzelīns 1951: 705].

3. Комментарии к пути развития

Размещение просьбы о разрешении сверху списка объясняется тем, что этот тип расширения минимально отклоняется от настоящего гортативного использования таких гортативных маркеров, как латышское *lai*. Говорящий редко адресует приказания самому себе, но форма 1-го лица ед.ч. гортатива может выражать «самопобуждение, разрешение или желание», как это отмечается для когортатива в иврите [Gesenius, Kautsch, 1909: 319]:

- (21) *’āsūrā* *nnā* *wə-’er’eh* ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЙ
 свернуть-СОНОРТ.1SG PRTC и увидеть-ИПФ.1SG
’εḏham-mar’eh *hag-gāḏōl* *haz-zeh*
 ACC.DEF-явление DEF-великое DEF-DEM
 ‘Пойду и посмотрю на сие великое явление’ (Исх. 3:3).

Однако гортатив с 1-м лицом чаще является просьбой о разрешении, как это констатируется для когортатива в иврите [Gesenius, Kautsch 1909: 320]:

- (22) 'ε *'bārā* *bə- 'arʂε-kā* ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЙ
 пройти-СОНОРТ.1SG в-земля-2SG.M
 'Позволь пройти мне землю твоею' (Втор. 2:27).

Обращение говорящего к адресату с просьбой о разрешении сделать что-то предполагает ответный речевой акт – реплику адресата, выражающую разрешение. Однако во многих случаях невозможно решить, вызывается ли этой формой само побуждение или просьба о разрешении, поэтому можно сказать, что гортатив с 1-м лицом ед. ч. занимает промежуточное положение между собственно гортативом (побудительной модальностью в узком смысле слова) и интерпретативным гортативом. В польском языке просьба о разрешении – единственный тип интерпретативного использования гортативной частицы *niech*, выступающей в основном с формами 3-го лица, подобно латышскому *lai*:

- (23) *Niech gości-e usiąd-q.* Польский
 НОРТ ГОСТИ-NOM.PL сесть-FUT.3PL
 'Пусть гости сядут'.
- (24) *Poczekaj, niech najpierw usiąd-ę* Польский
 подождать-IMP.2SG НОРТ сначала сесть-FUT.1SG
 'Подожди, дай я сначала сяду'.

Литовский гортативный префикс *te-*, в современном языке ограниченный употреблением лишь в конструкциях с 3-м лицом, в старолитовском языке использовался также в конструкциях с 1-м лицом в просьбах о разрешении:

- (25) *Ir tar-e Ezau* Старолитовский
 и сказать-PST.3 Исав-NOM
Jokubo-p: Te-sraubi-u meldzi-u isz
 Иакову-ALLAT НОРТ-хлебнуть-PRS.1SG умолять-PRS.1SG из
to raudono
 ТОТ-GEN.SG.M красный-GEN.SG.M
 'И сказал Исав Иакову: дай мне поесть красного' (Библия Хилинского, XVII ст., Быт. 25:30).

Такое употребление, однако, не сохранилось в современном литовском языке. В русском языке есть гортативная частица *пусть* (разг. *пускай*), по происхождению аналогичная польской частице *niech*: с исторической точки зрения *пусть* < *пусти* является формой императива глагола совершенного вида *пустить*, а *пускай* – формой императива от

глагола несовершенного вида *пускать*, однако они не употребляются в просьбах о разрешении:

(26) **Подожди, пусть сяду*. Русский

И в польском, и в старолитовском языках конструкции (24) и (25) репрезентируют максимальное расширение конструкций с гортативными частицами. Ни польское *niech*, ни старолитовское *te*- не распрстраняются на тип (ii) деонтической просьбы.

Следующим шагом в развитии интерпретативного использования является, по всей видимости, употребление форм 1-го лица для отсылки к волевым актам, которые готов выполнить говорящий; такие высказывания, по Палмеру, относятся к деонтическим просьбам. Как и в случае просьбы о разрешении, со стороны адресата предполагается речевой акт (ответная реплика).

На «эхо-интерпретирующую» природу таких деонтических просьб уже указывал Палмер [Palmer, 1986: 171], об интерпретирующей природе вопросов в целом см. [Sperber, Wilson, 1986: 231]. В рассматриваемом случае волеизъявление адресата не совпадает с волеизъявлением, формулируемым говорящим; таким образом, это использование уже не является гортативным. Говорящий не побуждает себя к определенному действию, но ждет директивы, поэтому этот тип является гортативом только в интерпретативном смысле.

Отрицательная оценка, как представляется, грамматически базируется на типе деонтической просьбы, принявшей форму риторического вопроса. У этого типа есть особенности, бесспорно, унаследованные от модели вопросительного предложения – такие, как вопросительные местоимения, в предложение часто вводится вопросительный знак. Однако, как уже говорилось, существуют варианты без формальных признаков вопросов, образующие подтип в рамках оценочного типа (iv). Как можно заметить, русские интерпретативные императивы функционально соотносятся с данным типом.

В типе (v) отмечается перемещение из деонтической модальности в эпистемическую: отрицательно оцениваемое говорящим высказывание является не требованием другого, а утверждением. Это перемещение, как можно предполагать, мотивировано очень широко распространенной тенденцией представлять мнения других людей как волеизъявления. Основная посылка, по-видимому, заключается в том, что гово-

рящий видит вещи, как они есть, тогда как другие (имеются в виду те, кто защищает представления, отличные от представлений говорящего) видят вещи такими, какими они их упрямо хотят видеть. Эта тенденция отражается в следующих выражениях из английского и немецкого языков:

- (27) *Others would have it that...* (=others think) Английский
 ‘Другие хотели бы, чтобы... (= другие считают)’.
- (28) *Er will dich gestern gesehen haben.* Немецкий
 ‘Он утверждает, что вчера тебя видел’.

С типом (iv) рассматриваемый тип связывает отрицательная оценка, выражающаяся в экспрессивном характере произнесения. Как и в типе (iv), произнесение предложения с нейтральной интонацией невозможно во всех случаях, кроме интерпретативных конструкций, включенных в неутвердительную структуру, как в примере (20).

4. Словенская параллель: интерпретативные конструкции с *naj*

Словенский язык – единственный среди славянских языков, который развил близкую параллель к латышскому *lai*: это гортативная частица *naj*, которая представляет собой сокращенную форму *nehaj* ‘пусть’ и, таким образом, является точным этимологическим повторением польского *niech < niechaj*.

Во-первых, кратко проиллюстрируем типы интерпретативного употребления, уже известные из латышского языка:

(i) Просьба о разрешении:

- (29) *Naj se usede-m.* Словенский
 HORT RFL УСАДИТЬ-PRS. 1SG
 ‘Дай я сяду’ (KJ).

(ii) Деонтическая просьба:

- (30) *Kaj mi naj pove-m?* Словенский
 ЧТО-ACC 3SG.M.DAT HORT сказать-PRS. 1SG
 ‘Что мне ему сказать?’

(iii) Риторический вопрос. Подобно ситуации в латышском языке, в этом типе можно выделить две разновидности, одна из которых обращена к будущему (в таких формах употребляются глаголы совершенного вида) (31), а вторая обращена к прошлому (глагол употребляется в сослагательном наклонении) (32):

(31) *Kje naj vzame-m toliko denarja?* СЛОВЕНСКИЙ
 где HORT взять-PRS.1SG столько денег
 ‘Где мне взять столько денег?’

(32) *Kaj naj bi poče-l* СЛОВЕНСКИЙ
 что HORT IRR делать-PART.SG.M
v teh okoliščinah?
 в этих обстоятельствах
 ‘Что (мне) было делать в этих обстоятельствах?’ (KJ).

(iv) Негативная оценка ожиданий других:

(33) *Ali naj se vs-e* СЛОВЕНСКИЙ
 Q HORT RFL ВЕСЬ-ACC.SG.N
življenj-e bode-m z njim?
 жизнь-ACC.SG бодать-PRS.1SG с ним
 ‘Мне что, всю жизнь бодаться с ним?’

Выше отмечалось, что в этом типе негативная оценка требований или ожиданий других людей не всегда реализуется в форме вопроса: экспрессивность в такого рода риторических обращениях на письме может выражаться восклицательным знаком:

(34) *Ali naj čaka-m do* СЛОВЕНСКИЙ
 Q HORT ждать-PRS.1SG до
sodnega dne!
 судного дня
 ‘Мне что, до судного дня ждать!’

(v) Эпистемическая оценка:

(35) *Ali naj bi pomag-a-l* СЛОВЕНСКИЙ
 Q HORT IRR помогать-PART.SG.M
hudodelcem?
 злодеям
 ‘Чтоб я помогал преступникам?’ (KJ).

Иногда такие высказывания вводятся при помощи вопросительного местоимения:

(36) *Kaj, kar vsakega naj bi se* СЛОВЕНСКИЙ
 Q PRTC всякого HORT IRR RFL
ba-l?
 бояться-PART.SG.M
 ‘Что, неужели мне всякого бояться?’

Сравнивая словенский *naj* с латышским *lai*, можно увидеть два существенных различия, которые, вероятно, можно рассматривать как расширение типов интерпретативного использования, отсутствующее в латышском языке.

(vi) В словенском языке конструкции с *naj* могут употребляться для передачи информации о том, какое поведение субъекта ожидается со стороны других лиц (например, от населения страны в целом), и эти лица не обязательно идентифицируются с говорящим. Этот тип предложений отличается от зафиксированных в латышском языке типов тем, что он не является восклицательным или экспрессивным: такие словенские предложения произносятся с нейтральной интонацией, и негативный элемент оценки полностью отсутствует:

- (37) *Politiki naj bi uresničeva-l-i* СЛОВЕНСКИЙ
 политики HORT IRR осуществлять-PART.PL.M
želje ljudstva
 желание народа
 ‘Политики должны осуществлять желания народа’.

(vii) В словенском языке конструкции с *naj* могут иметь эвиденциальное значение, то есть это могут быть высказывания о том, что говорящий знает «из вторых рук», по слухам, или же такие утверждения, для которых не предполагается подтверждение:

- (38) *Taka izjava naj bi bi-l-a* СЛОВЕНСКИЙ
 такое заявление HORT IRR быть-PART.SG.F
da-n-a na nekem sestanku
 дать-PST.PP.SG.F на некоем заседании
 ‘Такое заявление было, как будто, высказано на одном заседании’.

В отличие от латышского языка, в этом случае отсутствует такой элемент, как негативная оценка. При устранении этого элемента остается лишь импликация, что данное высказывание передает высказывание другого (см. [Когоšec, 1998: 33–41]) и этот тип, маркированный пересказывательностью, относится к области эвиденциальности. В латышском языке конструкции с *lai*, по всей вероятности, не развили значения эвиденциальности, так как эта функциональная область уже оказалась занята: грамматической основой маркеров эвиденциальности в латышском языке служат неличные формы глагола (причастия и деепричастия), а не спрягаемые формы; кроме того, может использоваться

добавление причастных окончаний к основам спрягаемых глаголов (см. [Holvoet, 2001: 111–131; 2007: 81–105]).

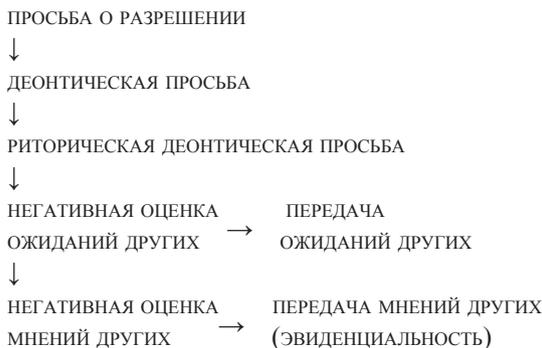
Рассмотрев эти две особенности использования словенской гор- тативной частицы *naj* в комплексе и сравнив их с фактами латышско- го языка, можно заметить, что эти типы использования представля- ют собой расширение типов, описанных для латышского языка в (iv) и (v):

Негативная оценка ожидания других	→	нейтральная передача ожидания других
Негативная оценка предположе- ния/утверждения других	→	нейтральная передача предполо- жения/утверждения других (эви- денциальное значение)

Конечно, учитывая универсальную тенденцию представлять мнe- ния других как волеизъявления, можно предположить, что словенский тип (vii) мог развиваться и непосредственно из (vi), в свою очередь раз- вившегося из (iv), то есть что элемент негативной оценки был утрачен уже ранее и не играл роли в дальнейшем семантическом изменении от деонтического значения к эпистемическому.

На основании рассмотренных выше типов можно создать семантическую карту интерпретативной деонтической области, учиты- вающую последовательность развития вплоть до эвиденциального зна- чения, которое уже выходит за рамки деонтической области, ср. рис. 1:

Рис. 1. Семантическая карта интерпретативных деонтических значений

ператив, который использовался бы в высказывании, репрезентируемом выражением говорящего. Формальные трудности вызваны тем, что форма, обычно выступающая только во 2-м лице, должна быть объединена с 1-м лицом (иногда с 2-м или 3-м). Это происходит по-разному:

(а) путем простой комбинации императива с любым лицом (*я работай, они работай...*);

(б) путем сочетания с дательным падежом субъекта: так происходит, например, в литовском языке, где также есть интерпретативные императивы, однако они не «спрягаются», как русский интерпретативный императив, вместо этого вводится дательный падеж субъекта:

- (40) *Vis-i* *ils-i-si,* *o* Литовский
 весь-NOM.PL.M отдыхать-PRS.3.RFL а
man ***dirb-k***
 1SG.DAT работать-IMP
 ‘Все отдыхают, а я (букв. мне) работай’.

Откуда появляется дательный субъекта, не совсем ясно. Он мог бы связываться с подразумеваемым перформативом («...а мне они говорят: “Работай!”»), однако дательный субъекта сочетается также с такими модальными выражениями, как, например, *reikia* ‘нужно’ в безличных модальных конструкциях, ср. *man reikia eiti* ‘мне нужно идти’. Вне зависимости от происхождения дательного субъекта очевидно, что эта конструкция иллюстрирует альтернативную стратегию интегрирования императива в чуждый его основному употреблению синтаксический контекст.

(с) Третья стратегия обнаруживается в латышских и словенских конструкциях с гортативными частицами: императив и гортатив являются вариантами одного основного семантико-прагматического типа значения, и реплицируемое высказывание, которое должно содержать императив, выражается с помощью гортативной конструкции, возможной для не-второго лица субъекта, то есть с помощью гортативных частиц *lai/naj*.

6. Инфинитивы

Третьим источником показателей интерпретативной деонтической просьбы является инфинитив. В русском языке инфинитивные конструкции – стандартный способ для формулировки деонтической просьбы:

- (41) *Куда мне садиться?* Русский

Примечательно, что на такой вопрос нельзя ответить, используя ту же инфинитивную конструкцию; ответ обычно формулируется при помощи императива:

- (42) а. *Садитесь, пожалуйста, за стол.* Русский
 б. **Вам садиться, пожалуйста, за стол.*

Это заставляет предполагать, что инфинитив в (41) используется в специальной интерпретативной функции. Конечно, русский модальный инфинитив имеет много оттенков значения, и не все могут входить в понятие *интерпретативное использование*. Важно, однако, что инфинитивные конструкции являются одной из составных частей интерпретативной деонтической области. Как представляется, они входят в эту область на стадии развития (ii) и распространяются до (iv), однако со значительными ограничениями.

Риторические деонтические просьбы хорошо иллюстрируются следующим примером:

- (44) *Но мне ли это **делать**, если я не смог у себя в стране добиться правильного решения проблем Чечни?* Русский (НКРЯ).

Дальнейшее развитие, однако, представляется затруднительным из-за того, что дательный падеж и инфинитив покрывают также различные неинтерпретативные оттенки деонтической и динамической модальности (подробнее см. [Fortuyn, 2001]); кроме того, (iv) уже покрыт интерпретативным императивом. Вероятно, в результате этого интерпретативное использование инфинитива ограничивается вопросительными конструкциями, в основном моделируемыми как риторическая деонтическая просьба. Однако это распространяется на эпистемический тип использования, иллюстрируемый в (v): предложения, сформулированные как риторические деонтические просьбы, используются для передачи не соответствующих действительности гипотез:

- (45) *Ему ли не **знать** писателей? Да они через дачу корифея социалистического реализма проходили десятками!* Русский (НКРЯ).

Причина, по которой инфинитивные конструкции оказываются восприимчивы к тому, чтобы стать интерпретативными деонтическими выражениями, заключается, по всей видимости, в том, что они используются в качестве дополнений *verba postulandi*:

- (46) а. *Что прикажете принести из магазина?* РУССКИЙ
 б. *Что принести из магазина?*

7. Лексические маркеры

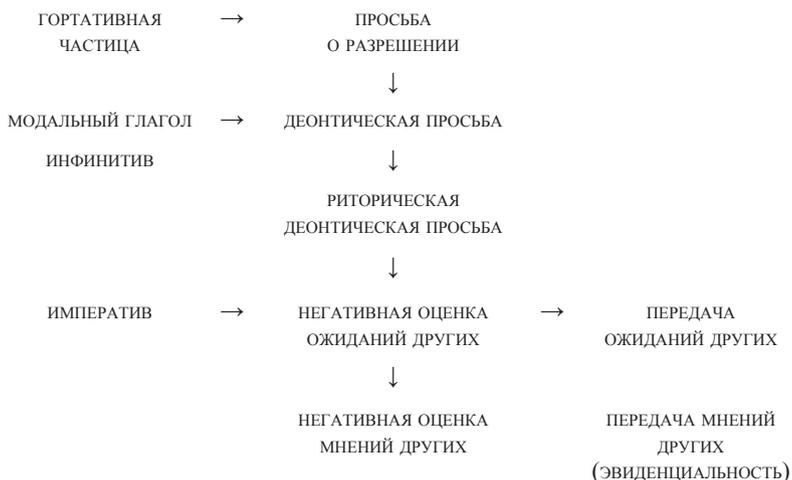
Последний тип включения в интерпретативную деонтическую сферу – модальные глаголы. В польском языке для этого специализированно используется глагол *mieć* ‘иметь’, покрывающий фактически все те типы, которые выше иллюстрируются примерами из словенского языка, за исключением типа просьбы о разрешении, который, как говорилось выше, обеспечивается гортативной частицей *niech*:

- (48) *Co ma-m przynieść ze sklepu?* Польский
 что-ACC иметь-PRS.1SG принести из
sklepu?
 магазина
 ‘Что я должен принести из магазина (= что принести из магазина?)’
- (49) *Co mia-ł-em robić?* Польский
 что-ACC иметь-PST.1SG.M делать-INF
 ‘Что мне было делать?’
- (50) *Ja miał-by-m z tobą pozować do zdjęcia?* Польский
 I SG.NOM иметь-IRR.1SG.M с тобой позировать-INF
 для фотографии
 ‘Мне с тобой позировать для фотографии?’
- (51) *Ja mia-ł-em pomagać mordercy?* Польский
 I SG.NOM иметь-PRT.1SG.M помогать
 убийце
 ‘Я – и помогать убийце?’
- (52) *Politycy ma-ją dbać o dobrobyt narodu.* Польский
 политики-NOM.PL иметь-PRS.3PL заботиться-INF
 о благе народа
 ‘Политики должны заботиться о благе народа.’
- (53) *W Afryce ma być gorąco.* Польский
 в Африке иметь-PRS.3SG быть жарко
 ‘В Африке, говорят, жарко’.

Модальные глаголы как тип ввода интерпретативных деонтических высказываний отличаются от гортативных частиц. Они входят на интерпретативную деонтическую сцену на другой стадии, то есть в том типе деонтических просьб, который с точки зрения модальности может быть охарактеризован как подтип деонтической необходимости.

Мы можем сейчас дополнить семантическую карту, определяя стадии, на которых различные типы деонтических выражений входят в интерпретативную деонтическую область, см. рис. 2.

Рис. 2. Семантическая карта интерпретативных деонтических значений (второй вариант)

8. Заключение

Интерпретативная деонтическая область представляет собой тип грамлеммы, характеризующийся недостатком специализированных маркеров. Нехватка специализированных маркеров, как утверждалось, до некоторой степени является характерной особенностью эвиденциальности ([Willet, 1988], см. также [Aikhenvald, 2004: 80–82]). В случае интерпретативных деонтических выражений это естественно, если считать, что интерпретативные деонтические выражения обязательно вторичны по отношению к основным деонтическим выражениям. Если

маркеры пересказательности действительно являются маркерами интерпретативного использования, как утверждают некоторые авторы, то не должно удивлять, что они могут реплицировать различные грамматические особенности описательного (дескриптивного) выражения, и это хотя бы отчасти могло бы служить объяснением «разбросанной маркировки» (*scattered marking*, [Aikhenvald, 2004: 80]), отмечаемой в литературе. Но эта гипотеза далека от того, чтобы считать ее доказанной.

Интерпретативные деонтические выражения не просто «паразитируют» на базовых деонтических выражениях. Они скорее занимают периферию функциональных областей деонтических выражений. В связи с этим они могут частично обуславливать вид парадигмы деонтических конструкций, в основном гортативных. Они могут также объяснить пути развития в пределах гортативных парадигм. Интерпретативное использование является, в частности, причиной распространения форм 3-го лица на 1-е лицо в гортативе. Однако это не значит, что любой гортатив с 1-м лицом должен быть интерпретативным: гортатив 1-го лица может, например, происходить от волевого конъюнктива, как в случае с когортативом в иврите: *'ektābā* 'позвольте мне писать' развилось из западносемитского волевого субъюнктива *'aktuba*. Но польская конструкция *niech usiądę* 'дай сяду' очевидно вторична по отношению к конструкциям с 3-м лицом *niech usiądzie / usiądq* 'пусть сядет / сядут', и поэтому она должна объясняться как интерпретативное использование.

В проанализированном здесь материале славянских и балтийских языков отсутствуют примеры специальных маркеров интерпретативного деонтического значения. В принципе, однако, вполне возможно предположение, что таковые могут развиваться. Польский модальный глагол *mieć*, например, уже очень близок к такому статусу. Будучи модальным, глагол *mieć* еще в древнепольском языке мог выражать прямое (дескриптивное) деонтическое значение 'быть обязанным' [Hansen, 2001: 317–320], но это значение впоследствии было утрачено, так что модальный глагол *mieć* в настоящее время всегда выступает как интерпретативный. Модальные глаголы всегда носят полуграмматический характер, но вполне допустимо, что таким же образом грамматический показатель деонтического значения мог бы утратить свое прямое значение и стать специальным показателем интерпретативного деонтического значения.

Сокращения

ACC – аккузатив	IMP – императив	PART – причастие
ADV – наречие	IPF – имперфект	PL – множественное число
ALLAT – аллатив	INF – инфинитив	PP – пассивное причастие
CONORT – корогатив	IRR – ирреалис	PRS – настоящее время
COP – связка	USS – юссив	PRTC – частица
DAT – датив	LOC – локатив	PST – прошедшее время
DEF – определенность	M – мужской род	Q – вопросительная частица
DEM – указательное местоимение	N – средний род	RFL – рефлексив
FUT – будущее время	NEG – отрицание	SG – единственное число
HORT – горгатив	NOM – номинатив	
	PA – активное причастие	

Литература

- Апресян Ю. Д.* (2004). Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении № 1 (7), 5–22.
- Молошина Т. Н.* 2007. Грамматические категории и их некатегориальные значения в славянских языках. М.: Ин-т славяноведения РАН.
- НКРЯ = Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>).
- Сусов И. П.* (2006). Лингвистическая прагматика. <http://homepages.tversu.ru/~ips/PragmA.html>
- Храковский В. С., Володин А. П.* (2001). Семантика и типология императива. Русский императив. М.: УРСС.
- Шведова Н. Ю. (ред.)* (1970). Грамматика современного русского языка. М.: Наука.
- Aikhenvald A. A.* (2004). Evidentiality. Oxford: Oxford University Press.
- Bergman et al.* (1959). Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika 1. *Fonētika un morfoloģija*. Rīga: Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas izdevniecība.
- Blakemore D.* (1999). Evidence and modality // K. Brown, J. Miller (eds.), *Encyclopedia of Grammatical Categories*. Amsterdam etc.: Elsevier, 141–145.
- Blass R.* (1990). *Relevance Relations in Discourse. A Study with Special Reference to Sissala*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Boye K.* (2010). *Epistemic Meaning. A Cross-Linguistic and Cognitive Study*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* (1994). *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Dahl Ö.* (1985). *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.
- Endzelīns J.* (1951). *Latviešu valodas gramatika*. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība.
- Fortuin E.* (2000). *Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and the dative-infinitive construction in Russian*. Amsterdam: Institute for Logic, Language and Computation.

Gesenius/Kautsch 1909 = Gesenius' Hebrew Grammar as edited and enlarged by the late E. Kautsch. 2nd English ed. Oxford: Clarendon Press.

Hansen B. (2001). Das slavische Modalauxiliar. Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen. München: Sagner.

Holvoet A. (2001). Studies in the Latvian Verb. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Holvoet A. (2005). Evidentialität, Modalität und interpretative Verwendung // *B. Hansen, P. Karlik* (eds.), Modality in Slavonic Languages. New Perspectives. München: Sagner, 95–105.

Holvoet A. (2007). Mood and Modality in Baltic. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Ifantidou E. (2001). Evidentials and Relevance. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

Jakobson R. (1931). Zur Struktur des russischen Verbums // Selected Writings II, The Hague, Paris: Mouton, 3–15.

Jakop N. (2000). Funkcijska delitev členkov: značilnosti naklonskih členkov // Jezik in slovstvo № 46, 305–316.

Kalin Golob M. (2002). Začetki slovenskega poročevalstva: sklicevalni avtomatizmi glede na nezanesljivost o dogodku // *Slavistična revija*, 2002, št. 3. 295–317.

Korošec T. (1998). *Stilistika slovenskega poročevalstva*. Ljubljana: Kmečki glas.

Leslau W. (1995). Reference Grammar of Amharic. Wiesbaden: Harrassowitz.

Palmer F. R. (1986). Mood and Modality. Cambridge: Cambridge University Press.

Palmer F. R. (2001). Mood and Modality. 2nd edition. Cambridge: University Press.

SSKJ = Slovar slovenskego knjižnega jezika. Ljubljana, 1970–1991 (Elektronska izdaja).

Sperber D., Wilson D. (1986). Relevance: Communication and Cognition. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Toporišič J. (2004). *Slovenska slovnica*. Maribor: Obzorja. 4. izdaja.

van der Auwera J., Dobrushina N., Goussev V. (2004). A semantic map for imperatives-hortatives // *D. Willems, B. Defrancq, T. Coleman, D. Noël* (eds.), Contrastive Analysis in Language. Identifying Linguistic Units of Comparison. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 44–66.

Willet Th. (1988). A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // *Studies in Language* 12/1, 51–97.

Бьёрн Вимер (Майнц)

**ЗНАЧИМОСТЬ СПОСОБОВ МОДИФИКАЦИИ
ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ
АРЕАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВ
(по сравнению с рядом славянских микроязыков)**

The article deals with subtypes of adverbial modification, generally known from work on “event conflation” (L. Talmy), together with their respective type frequency. On the basis of B. Wälchli’s (2001a) work on displacement patterns, the article pursues a more fine-grained classification of verbal “satellites” as it inquires into the equilibrium between verbal particles and prefixes, their functional load, the meaning shifts caused by their interaction with verb stems as well as restrictions with regard to the inventory of verb stems. This survey is provided for both the Latvian and Lithuanian standard languages and for the Latvian–Lithuanian dialect continuum. It can be shown that, from a synchronic perspective, within the Baltic dialect continuum the application of prefixes increases from north to south, whereas with verbal particles the areal cline shows an exactly opposite direction. Thus both techniques of event conflation seem to tend towards delimiting each other: although in some varieties both kinds of adverbial modifiers can be encountered quite prolificly, a more global areal picture suggests that verb particles and prefixes tend toward complementary distribution.

For comparative purposes, the same two types of adverbial modifiers are surveyed over a couple of Slavic minority languages spoken in Germany and Austria. Here we also observe an increase of verbal particles, this time due to German influence. Particular attention is paid not only to the proportion of “bounders” of actionality, especially in the domain of movement proper, but also to the proportion between calqued and borrowed morphemes and their distribution over bounders vs. non-bounders. In connection with this, the extent to which the more frequent application of bounders has led to the development of an aspect opposition in the investigated Baltic varieties is discussed. Prefixes and verbal particles belong to different diachronic layers; verb particles, which represent a younger layer, dominate in sub-areas with heavy Finnic or German contact. In a sense, the entire Baltic speaking

territory finds itself situated in the middle of an areal south(west)–north(east) cline, which can even be continued over West Slavic into German-speaking territory; as a result, the edges of this cline (Finnic and Latvian on the one end, Germanic on the other) show a particular propensity toward verbal particles, while the varieties in-between (Slavic and Lithuanian) are more reluctant in this respect.

Вступление:

лексическая типология и разновидности «спутников»

В данной статье я подхожу к более детальному анализу взаимодействия глагольных корней и основ с разного рода модификаторами глагольного действия в балтийских языках. Этот анализ я предлагаю развивать с точки зрения ареальной лингвистики и языковых контактов, причем особое внимание будет уделяться диалектам латышско-литовского пограничья и их сравнению с рядом славянских микроязыков на западных окраинах славяноязычной территории. Во многом отправной точкой мне послужит известный подход к лексической типологии Л. Талми, направленный на охват, систематизацию и когнитивное выяснение причин разного семантического соотношения глагольных основ с морфемами, модифицирующими заложенные в этих основах лексические концепты.

Классификация Л. Талми представляет собой попытку охватить типы лексикализации концептов, связанных с движением и местоположением. С этой целью выделяются параметры, из которых эти концепты складываются и которые могут быть выражены либо в одной морфеме, либо в разных морфемах. Основными параметрами являются (а) способ движения, (б) направление (или «путь») движения и (в) физические (трехразмерные) свойства двигающегося предмета. Эти параметры оказываются типологически важными при определении семантического вклада, который вносится в предложение глагольными корнями и присоединяемыми к ним аффиксами или морфологически независимыми элементами, способными модифицировать глагольное действие. Оказывается, что соотношение между глагольным корнем и такими «спутниками» варьирует в языках по более или менее устойчивым образцам, так что становится в принципе возможным сгруппировать языки на шкалах, образуемых названными выше тремя параметрами. В результате получаются три идеальных типа язы-

ков, по-разному трактующих (описывающих) движение. В [Talmy, 1985] они были названы в соответствии с тем параметром, который совмещается (“conflates”) со значением движения в глагольном корне, “manner-conflating” (сглаживаются различия в отношении пути движения), “path-conflating” (нерелевантными являются различия в способах передвижения), “figure-conflating” (акцент делается на физических измерениях движущегося предмета, а в фоне остаются только что названные). Последний тип (“figure-conflating”), который Талми наблюдал в двух североамериканских языках, по-видимому, не засвидетельствован в Европе и здесь не будет представлять для нас интереса. Позже, начиная с работы [Talmy, 1991], классификация подверглась некоторым изменениям и стали разграничиваться языки “satellite-framed”, корни глаголов движения которых предпочтительно описывают способ движения (бегом, маленькими шагами, медленным ходом, ползком и т. п.), а направление они могут уточнять (и часто уточняют) с помощью приставок или приглагольных модификаторов (так называемых частиц или сложных оборотов), и языки “verb-framed”, в которых значение глагольных корней различает прежде всего направление движения, а способ передвижения может указываться при помощи синтаксически независимых, например, причастных, оборотов (см. также работы, которые вошли в сборник [Talmy, 2000]). К языкам последнего типа относится основная масса романских языков (ср., например, герундиальные образования во французском, итальянском и иберо-романских языках, где они служат для определения способа действия), а к языкам первого типа – германские, славянские и оба балтийских языка.

Долгое время считалось, что языки родственные (в понимании сравнительно-исторического языкознания) в отношении параметров Л. Талми ведут себя одинаково и что их общий тип только с трудом поддается изменениям. Вместе с тем исследователи были склонны исходить из того, что образцы соединения и исключения параметров в лексическом значении единиц, принадлежащих какой-то одной концептуальной области (“functional domain”) – как, например, глаголы движения – в данных языках (семьях) соблюдаются последовательно, т. е. что лексические единицы в отношении этих параметров однородны. В последнее время была выявлена ложность такой априорной точки зрения: исследования Б. Вэльхли показали, что в целом ряде языков инвентарь глаголов движения не укладывается в рамки названных выше параметров Л. Талми и что существует довольно много языков сме-

шанного типа, т. е. в которых состав лексических единиц (корней), описывающих частные концепты какой-то данной области, в отношении классификации Л. Талми неоднороден [Wälchli, 2001a; 2006]. К тому же в типологии Л. Талми изначально не различались морфологический статус и «формат» модификаторов глагольных корней, так что всякие морфемы (или сочетания морфем) могут считаться «спутниками» глагольного корня независимо от того, входят ли они в состав собственно глагольной формы (словообразовательные аффиксы) или лишь в ее «окружение», будь то в виде неаффиксальных модификаторов (например, клитик), будь то в виде различных более развернутых оборотов (например, предложных групп). Исходя из работ Л. Талми и Л. Теньера Б. Вэльхли предложил разграничить два способа обозначения направления движения (path), вводя подразделение «спутников» на (а) приименные (adnominal), т. е. предлоги / послелог и падежные окончания, и на (б) приглагольные (adverbal), к которым относятся и приставки, и глагольные частицы (см. [Wälchli, 2001a]). При этом он показал, что особо сложная система обозначения различий в направлении движения (“displacement”) наблюдается в современном латышском языке: “There are five slots that contribute to the encoding of displacement in Latvian: the verb stem, the preverb, the verb particle, the preposition, and the case marking of the local nominal”. [Wälchli, 2001a: 310]. Ниже будет рассматриваться часть этой системы (см. 1.2, 2.1).

По сравнению с проницательным подходом Б. Вэльхли вклад, который в данной статье я собираюсь внести в исследование ареальных особенностей взаимодействия глагольных корней и их «спутников», скромн: в принципе он состоит в противопоставлении тех двух типов морфем, которые Б. Вэльхли объединил в группе (б) под рубрикой «приглагольных». Ставя акцент на такое дальнейшее дробление классификации модификаторов глагольного действия, я хочу показать, что в применении к сравнительно небольшой территории контактирующих друг с другом языков (или их диалектов) существенно отличать аффиксальную модификацию от модификации с помощью глагольных частиц; при этом концепты движения будут играть скорее подчиненную роль, поскольку главный акцент ставится на роль калькированных и заимствованных «спутников», описывающих разные глагольные концепты, среди которых движение будет играть, хотя и не единственную, но в отношении развития и представленности приглагольной модификации ключевую роль (см. 2.2).

Упомянутое подразделение приглагольных модификаторов существенно потому, что оно позволяет выявить между языками «наиболее родственными», такими как литовский и латышский, больше различий, чем между одним из них и более отдаленными в генетическом плане языками, такими как славянские. Различия, обнаруживаемые между обоими балтийскими языками в технике модификации глагольного действия, связаны с отдалением латышского языка от более раннего, обще-восточнобалтийского состояния, а объясняются они, видимо, различными типами контактов со славянскими и прибалтийско-финскими языками. Вместе с тем в данной статье будет сделана попытка показать, как в рамках типологии «event conflation» балтийские языки создают континуум на фоне языков северной части Европы.

Дальнейшее изложение строится следующим образом. Сначала анализируются способы модификации глагольных корней (раздел 1). Обсуждаются функциональные типы приставочной модификации в литературном литовском языке (1.1), а на их фоне типы функционального соотношения приставок и глагольных частиц в литературном латышском языке, причем особое внимание будет уделяться вопросу видовой оппозиции (1.2). Затем будут приведены параллели функционального распределения приглагольных модификаторов в ряде славянских микроязыков (1.3). Раздел 2 отводится более детальному разбору роли глагольных частиц в зоне перехода между литовскими и латышскими говорами, а также сопоставлению калек и заимствований среди приглагольных модификаторов в балтийских языках и затронутых в разделе 1.3 славянских микроязыках.¹ На основании полученных выводов я в разделе 3 попытаюсь сформулировать ряд постулатов, относящихся к ареальной типологии приглагольной модификации.

1. Способы модификации глагольных основ в литовском и латышском языках

В обоих балтийских языках весьма распространена префиксация. Как и в славянских языках, она особенно продуктивна в области глагольного словообразования. К более поздним слоям модификации глагольных корней относятся частицы. К их разграничению мы сейчас и приступим.

¹ За ряд консультаций и указаний я обязан Алексею Андронову, Лидии Лейкуме, Николь Нау, Сармите Трупе и Леньке Шолтиц. Разумеется, если я допустил неверность в представлении фактов или их интерпретации, никто из них за это никакой ответственности не несет.

1.1. Функциональные типы приставок в литературном литовском языке

Для того чтобы получить общее представление об функциях приставок в литовском языке, полезно воспользоваться классической работой [Paulauskas, 1958]. Автор, стараясь как можно более последовательно разграничить лексические и грамматические функции приставок, отмечает, что чаще всего приставки выполняют обе функции [Paulauskas, 1958: 325–327 и дальше]. Под грамматической функцией Паулаускас подразумевает видовые функции („veikslo reikšmės“), не уточняя, однако, природу и грамматический статус такой оппозиции. Судя по его изложению, литовские приставки, как правило, изменяют лексическое значение мотивирующей (бесприставочной) основы. Присмотримся поближе к его подразделению функций приставок. Он выделяет три основных группы: (I) модификация пространственного значения мотивирующей основы; (II) модификация способа действия; (IV) функцию «пустую», вследствие того что некогда мотивирующая основа больше не употребляется (хотя бы в литературном языке), ср., например, *su-prasti* ‘понимать’, *pri-prasti* ‘привыкать’ ← †*prasti* ‘привыкать’.² Хотя Паулаускас об этом не пишет, в последнем случае можно исходить из возникновения новой основы, морфемный состав которой на синхронном уровне, хотя и продолжает быть прозрачным в формальном и в семантическом отношениях, но больше не поддается разложению на простую основу и приставку.³ Типы (I–II) совпадают с традиционными способами действия. Для полноты картины между типами (I–II) и (IV) следовало бы добавить еще один тип префиксации: (III) соединение приставки с основой ведет к появлению совсем другого значения, которое с синхронической точки зрения потеряло семантическую связь с мотивирующей основой; ср., например, *rodyti* ‘показывать’ ⇒ *i-rodyti* ‘доказывать’, *nešti* ‘нести’ ⇒ *pra-nešti* ‘докладывать (известия)’. Как видно, изменение исходного значения больше не сводится к модификации глагольного действия, называемого бесприставочной основой, которая продолжает существовать. Вероятно, в начале своей «истории» приставочный дериват обнаруживал прозрачную мотивацию, но она стер-

² Таким образом, в литературном языке мы здесь имеем дело со связанной лексической (корневой) морфемой. Бесприставочная основа встречается еще в некоторых говорах.

³ В данном случае можно было бы, по аналогии с другими *tantum*-классами (например, ‘*pluralia tantum*’, ‘*reflexiva tantum*’ или ‘*reciproca tantum*’), говорить о «*глаголах praefix tantum*».

лась на пути его дальнейшего семантического развития. Можно полагать, что переходы от типа (I–II) к типу (III), а оттуда дальше к типу (IV), плавны.

Кроме уже выделенных четырех типов необходимо упомянуть еще такие случаи (V) в которых приставка вводит временное ограничение исходного действия. Это – образования делимитативные (с *pa-*) и пердуративные (с *pra-*), соответствующие славянским глаголам с приставками *po-* и *pro-* (ср. рус. *по-работать*, *про-работать* (*всю ночь*)).⁴ И наконец следует добавить еще (VIa) случаи, когда приставка имеет функцию акционального и/или лексического уточнения действия, названного исходным глаголом диффузно. Диффузность может касаться либо акциональных характеристик (ср. *su-grįžti* \leftarrow *grįžti* ‘возвращаться’ и т. п.: бесприставочная основа способна называть или предельный процесс или предельное событие, в то время как ее приставочный дериват может называть только предельное событие), либо лексического содержания (ср. *iš-braukti* ‘вы-черкнуть’, *per-braukti* ‘пере-черкнуть’, *pa-braukti* ‘под-черкнуть’ \leftarrow *braukti*, причем бесприставочная основа может обозначать любое из действий, называемых ее приставочными дериватами с более определенным значением). От этой группы следует отличить тип (VIb), в котором приставка ни акционально, ни лексически не модифицирует исходное действие, так что в известном смысле ее можно считать семантически пустой. Такие случаи довольно регулярно отмечаются среди основ, обозначающих ментальные или диктальные акты («конклюдивы»), такие как, например, *sakyti* \Rightarrow *pa-sakyti* ‘сказать / говорить, что P’.

Выделенные типы перечисляются на рис. 1:

Рисунок 1

Функциональные типы префиксации (в сопоставлении с мотивирующей бесприставочной основой)

- (I) пространственная модификация (при сохранении лексического концепта)
- (II) модификация действия (при сохранении лексического концепта)
- (III) полный отрыв от лексического значения бесприставочной основы (изменение лексического концепта), причем бесприставочная основа сохраняется

⁴ Об этом типе см. также [Holvoet, Čižik, 2004: 152–157].

- (IV) утрата исходной (бесприставочной) основы
- (V) временное ограничение действия (делимитативы, пердуративы)
- (VIa) приставка приводит к уточнению заложенного в бесприставочной основе диффузного акционального и/или лексического компонента
- (VIb) приставка не приводит ни к каким семантическим (акциональным или лексическим) изменениям.

По сути дела, хотя и не во всех деталях, подобная классификация функций приставок проводилась в недавних грамматических описаниях литовского языка; ср., например, DLKG (1996: 402–410) и все издания, составленные группой исследователей, возглавляемой В. Амбразасом.

1.2. Функциональные соотношения глагольных приставок и частиц в литературном латышском языке

В латышском языке и в севернолитовских говорах ситуация, по сути, дела, похожа, но она усложняется за счет большей употребительности (как на уровне единиц словаря, так и на уровне текста) глагольных частиц. В латышском языке, как и в литовском, а также в славянских языках, префиксация является распространенной техникой расширения глагольного корня, которая с функциональной точки зрения поддается разделению на те же типы (I)–(VIb), представленные выше для литовского языка. Но достаточно часто встречаются также глагольные частицы, которые отчасти выполняют те же функции, что и приставки. Функциональное пересечение (или дублирование) приставок и частиц объясняется в первую очередь их общим потенциалом служить «ограничителями» действия, названного в глагольной основе. По отношению к глагольным частицам в дальнейшем будет также применяться термин ‘поствербы’ (= ‘verbal particles’); образования постверба с глагольной основой соответствуют тому, что в англоязычной литературе называется ‘phrasal verbs’.

Применительно к латышскому языку, а также к говорам на севере и востоке Литвы поствербы не раз обсуждались в связи с вопросом видовых корреляций. Поскольку относительно соотношения глагольных приставок и поствербов латышская территория с граничащими говорами на севере и в большей части востока Литвы создает континуум, до конца этого подраздела они будут обсуждаться вместе, так что сказан-

ное о латышском языке будет, с некоторыми оговорками, верным также по отношению к названному литовскому ареалу (далее об ареальном континууме см. в 2.1).

Не раз высказывалось мнение, что в латышском языке существует трехчленная видовая система (лит. ‘ternarinė veikslų sistema’)⁵, общую структуру которой можно проиллюстрировать на примере глаголов *sist* ‘бить’, *iet* ‘идти’ и их производных:

(1) <i>sist</i> ‘бить’	{	(1a) <i>nuo-sist</i> ‘уби(ва)ть’,
		(1b) <i>sist nuōst / zemē</i> ≈ ‘изби(ва)ть до смерти’;
(2) <i>iet</i> ‘идти’	{	(2a) <i>ie-iet</i> ‘войти / входить’,
		(2b) <i>iet iekšā / vidu</i> ≈ ‘идти вовнутрь’.

Как видно, бесприставочные глаголы могут присоединять либо приставку, либо частицу, которая бывает этимологически тождественна приставке. Важно подчеркнуть, что и приставка, и постверб модифицируют значение мотивирующей глагольной основы, вводя естественную границу в исходно неопределенном действии. В примерах (1–2) такое лексическое изменение очевидно, и уже по этой причине говорить о видовой оппозиции не приходится.

Интереснее задаться вопросом, каково соотношение между дериватами в примерах (1a–2a) и (1b–2b). Если допустить, что приставочные основы являются перфективными, то образования с поствербом пришлось бы признать имперфективными. Действительно, парафраза, подаваемая в [Girdenis, Kačiuškienė, 1986: 21] сочетанию *sist nuōst* (1b), указывает на то, что действие, обозначаемое с помощью постверба, не обязательно должно довести до естественного предела, т. е. что образования с поствербами способны описывать предельные процессы: “*sist nuōst – mušti taip, kad mušimas beveik neabejotinai atves (ar bent gali atvesti) prie pabaigos – mirties*”.⁶ Получается, что приставочный глагол и бесприставочный глагол с поствербом вступают в соотношение, характерное для предельной видовой пары. Однако данное положение нельзя обобщить, потому что в латышском языке не для каждой ком-

⁵ См., например, [Girdenis, Kačiuškienė, 1986; Liparte, 2000; Mikulskas, 2003]. Данная точка зрения, по-видимому, восходит к Эндзелину.

⁶ „*sist nuōst* – бить так, что это воздействие неминуемо приведет (или хотя бы может привести) к концу, к смерти.“

бинации постверба с бесприставочным глаголом возможно найти синонимический однокоренной глагол с приставкой (см. [Holvoet, 2001: 142]). К тому же не каждый постверб может считаться ограничителем действия; ср., например, *kopā* как в *turēties kopā* досл. ‘держаться вместе’ (ср. англ. *stick together*), *turēt ciet(i)* досл. ‘держаться крепко / закрыто’ (ср. англ. *keep closed*) [Holvoet, 2001: 144 и сл.].

Ситуация (хотя бы внешне) усложняется еще и тем, что и глагол с поствербом (1b) может дополнительно принимать соответствующую приставку, вследствие чего может показаться, что приставка и постверб дублируют друг друга:⁷

- (1c) *nuo-sist nuōst* ‘изби(ва)ть до смерти’,
или, если угодно, тавтологически «уби(ва)ть до смерти»;
- (2c) *ie-iet iekšā* ‘войти / входить вовнутрь’.

Однако, как поясняет [Holvoet 2001: 145], “the addition of such an adverb [= постверб] has, in itself, no aspectual function, though the semantic modification it introduces may be relevant to verbal aspect, e.g., when it renders an atelic verb telic”⁸. Следовательно, постверб и приставка оказываются избыточными всего лишь на лексическом уровне, между тем как в плане акциональных отличий, существенных для «видового вопроса», только приставка могла бы «отвечать» за перфективацию. Но опять-таки в случае глаголов движения и в целом ряде других групп глаголов функция приставок не сводится к одной лишь перфективации, но также вызывает модификацию лексического значения производящих основ. Об этом обстоятельстве забывают исследователи, говорящие о трехчленной видовой системе (см. сноску 5). Степень семантического отрыва того или иного постверба от исходного значения существительного (его падежной формы), к которому данный постверб восходит этимологически, дела никак не меняет. Из севернолитовских говоров ср., например, формы бывших локативных падежей, которые, становясь поствербами, употребляются с глаголами, значение которых

⁷ Это утверждение, равно как и оговорка относительно поствербов без предельной функции уместны также по отношению к глагольным частицам в славянских микроязыках, обсуждаемых в 2.2.

⁸ См. также [Wälchli, 2001a: 316; 2001b: 417, 419 и сл.]. Другие аргументы против грамматического характера оппозиции между приставочным глаголом и глаголом с поствербом обсуждает [Lagzdīņa 1998: 158 и сл.].

не совмещается с исходным значением существительного в данном локативном падеже (или ему даже противоречит)⁹:

- (3) *Mun ir akys pabalo jau, nu pradėjo muni karti žemèn, i gan* (Lc) (≅ *pakarti*).
Досл. 'Нам даже в глазах уже стало рябиться, ну и начали меня вешать **в землю**, и все' (т. е. 'повесили меня (лицом) вниз').
- (4) *Džiūvo eglės laukan, išraudonavo (Šts)* (≅ *visai, iki galo išdžiūti*).
Досл. 'Сохли ели **на улице (снаружи)**, они набрали красного цвета' (т. е. 'иссохли ели').
- (5) *Sodną reiks raut lauka* (Pkr) (≅ *išrauti, kad nebeliktų piktžolių*).
Досл. 'Огород нужно будет полоть **снаружи**' (т. е. 'выполоть, чтобы не осталось сорняков').
- (6) *Vaikščioji kaip baidyklė – plaukus kirpk šalin* (Jdr) (≅ *nukirpti*).
Досл. 'Ты ходишь как призрак – стриги волосы **в сторону**' (т. е. 'постригись').
- (7) *Ta karvė dideliai draskės, puolė žmonims viršuo* (Akm).
Досл. 'Эта корова много бодалась, нападала **наверх** на людей' (т. е. 'нападала на людей').

Как правильно отмечает, например, Р. Микулскас [Mikulskas, 2003], утрата значения, свойственного исходному существительному, и приобретение более абстрактного значения (см. ниже) свидетельствуют о переходе данных форм в класс служебных единиц, способных модифицировать глагольное действие и к глаголу синтаксически присоединяемых. Но тем самым он как раз признает, что они модифицируют, и то лексическое значение!

Отметим, что это положение остается верным во всех случаях, когда применение постверба (или приставки) остается семантически незначущей операцией. А это происходит только в редких случаях, и то, видимо, только с приставками, а не с поствербами. Случаи эти имеют место, когда приставка присоединяется к основе глагольной лексемы, которая называет предельное событие, но не позволяет представить (при помощи того же глагола!) соотносимый с этим событием

⁹ Примеры приводятся из [Mikulskas, 2003: 82-87]. См. также [Liparte, 2000: 147].

процесс.¹⁰ В литовском языке типичными примерами могут послужить глаголы *nu-pirkti* \leftarrow *pirkti* ‘купить/покупать’, *pa-sveikinti* \leftarrow *sveikinti* ‘поздравить/поздравлять’; в латышском языке для них легко найти соответствия (см. ниже).

Подводя итоги и опираясь при этом на систематический анализ и обзор, представленный в [Holvoet, 2001: 132–146], можно сказать, что в латышском языке развитие видовой системы находится в гораздо более начальной стадии, чем в литовском языке. Префиксация, которую можно считать показателем видовой парности с бесприставочными основами, сводится к двум типам: (а) к «пустым» приставкам – в основном от глаголов, акциональная семантика которых не допускает перевод фокуса на предельный процесс (напр., *pirkt* \Rightarrow *no-pirkt* ‘купить’, *ņemt* \Rightarrow *pa-ņemt* ‘взять’, *tikt* \Rightarrow *ie-tikt* ‘попасть (куда-л.)’); (б) к приставкам, вводящим в действие пространственное ограничение – как правило, с глаголами движения (напр., *iet* \Rightarrow *ie-iet* ‘идти, войти’). Тем самым встречаемые в латышском языке типы префиксации, которые вообще могут претендовать на статус показателей видовой оппозиции, относятся к выделенным выше для литовского языка крайним типам (I) и (VIb).¹¹

Другие зачатки видовой системы в латышском языке можно наблюдать только на уровне предложения; см. [Holvoet, 2001: 136]: “it is only within verb phrases such as *iet istabā* : *ieiet istabā* ‘to enter a room’ that one could speak of an aspectual opposition”¹². Добавление пристав-

¹⁰ В соответствии с известной классификацией предикатов Вендлера такие глагольные лексемы относятся к ‘achievements’.

¹¹ Вместе с тем тенденции к употреблению поствербов противостоит отсутствие суффиксации типа лит. {inè} или слав. {iva / yva}, с помощью которой продуктивно могут образовываться члены несовершенного вида в видовых парах. Может даже показаться, что эти два явления в ареальном отношении распределены дополнительно, хотя они и не сводятся к одинаковым семантическим различиям. С одной стороны, поствербы чаще всего указывают на тот или иной предел действия или его подчеркивают, усиливая ту же функцию приставки (если обе морфемы выступают вместе). С другой стороны, литовский суффикс {inè}, если вообще может претендовать на статус продуктивного показателя видовой корреляции *in statu nascendi*, то он как раз служит средством имперфективации (не перфективации). Кроме того – и независимо от его грамматического статуса как показателя развивающейся видовой системы – суффикс {inè} изначально выполняет роль показателя глагольной множественности (в смысле работы [Храковский, 1989]).

¹² В такого типа примерах только указание цели действия в виде местного падежа (*istabā*.Loc ‘комната’ \cong ‘в комнату’), т. е. именной группы, являющейся дополнением к глагольному сказуемому, вводит предел независимо от лексического значения глагола, а приставка, тоже выполняя роль ограничителя, изменяет лексическое содержание исходной основы.

ки либо не является чисто акциональной перфективацией, поскольку одновременно влечет за собой лексическую модификацию исходной основы (прежде всего с глаголами движения), либо сочетается с изначально, т. е. лексически событийной глагольной основой, так что семантический вклад приставки равняется нулю постольку, поскольку высвечивает [= highlights] акциональный компонент, содержащийся уже в бесприставочной основе (ср. выше приведенные *no-pirkt, paņemt, ie-tikt* и др.).

С этим связано другое важное обстоятельство: с точки зрения истории морфологической деривации «пары» типа *ie-iet-iet iekšā* ‘войти / входить вовнутрь’ между собой не выявляют прямой связи, т. е. скорее всего они появились независимо друг от друга. Как показал [Holvoet, 2001: 134–146], есть смысл объяснить возникновение простых сочетаний бесприставочных основ с поствербами (‘phrasal verbs’) в одних случаях как следствие «пропуска» именной группы, указывающей цель действия (особенно с непереходными глаголами движения, см. выше), в других случаях – как перфективацию с помощью приставки уже существующего сочетания исходной основы с поствербом, которую саму по себе нужно считать всего лишь лексической операцией без непосредственных последствий для акциональных функций (см. выше). В этом последнем случае нет принципиального различия по сравнению с префиксацией простой основой (*iet* ⇒ *ie-iet*). В результате приставочный глагол без постверба (*ieiet, nosist*) вступает в акционально релевантную оппозицию как с простой производящей основой (*iet, sist*), так и с производящей основой в сочетании с поствербом (*iet iekšā, sist nuōst*). При этом не следует забывать о том, что поствербы сами по себе не имеют никакой видовой функции; они лишь косвенно могут оказать влияние на возникновение потенциальных видовых оппозиций, делая неопределенные глаголы предельными и тем самым возможными видами партермами для приставочных дериватов (см. выше).

1.3. Параллели в славянских микроязыках

Неоднократно отмечалось, что языки в контакте со славянскими языками обнаруживают тенденцию к употреблению приставок, «перфективирующих» действие, обозначаемое в производящей основе. К таким языкам, кроме балтийских, относятся венгерский и грузинский (см., например, [Breu, 1992] и [Аркадьев, 2007]). Можно сказать, что в Средней и Восточной Европе образовался ареал, языки которо-

го в большей или меньшей степени тяготеют к использованию этого типа приглагольного «ограничителя» действия и что, скорее всего, образование этого ареала вызвано влиянием славянской словообразовательной системы, точнее, той ее части, которая обходится без наиболее продуктивного способа образования видовой корреляции, т. е. без суффиксов. Противоположным образом более регулярное употребление глагольных частиц в латышском языке обусловлено влиянием прибалтийско-финских языков: в них исконно отсутствуют приставки, зато как раз глагольные частицы они используют как продуктивную модель глагольной модификации.

Такая же тенденция к частому использованию глагольных частиц проявляется и в германских языках, в частности в немецком. Поэтому неудивительно, что славянские микроязыки, которые находились под устойчивым влиянием той или иной разновидности немецкого языка, проявляют склонность к использованию глагольных частиц, напоминающую такую же тенденцию в латышском языке. Соответствующие факты тоже многократно и давно отмечались; ср., например, [Baeyer, 2006: 173–245], где приводится свод сведений по лужицким языкам и по говорам хорватского и словенского языков в Австрии, а также [Дуличенко, 2005]. Не раз утверждалось, что в этих языках создалась видовая оппозиция, в которой – наподобие «трехчленной» системы в латышском языке или в севернолитовских говорах (см. 1.2) – простым основам противопоставлены не только приставочные дериваты, но и модификации простых основ с глагольными частицами, так что в целом ряде случаев перфективной приставочной основе противостоит имперфективная основа с частицей; см. краткие обзоры в [Baeyer, 2006: 236 и сл.; Scholze, 2008: 227–229]. Однако подобные утверждения нужно принимать с такой же долей осторожности, что и в обсужденных выше разновидностях балтийских языков; тщательные исследования о том, распределяются ли эти типы расширения основ по дополнительным инвентарям видовых функций, до сих пор не велись.¹³

Несмотря на то что грамматический статус соотношения приставочных основ и основ с частицами остается сомнительным, необходимо отметить, что территория Северной Славии и территория балтий-

¹³ Предметом работы [Michałk, 1959] стали говоры верхнелужицкого языка, но не общеразговорная речь (*serbska wobchadna řeč*), в которой интересующие нас явления выступают достаточно часто.

ских языков «окаймлена» двумя группами языков с одинаковой тенденцией к использованию несуффиксальных и несвязанных или только частично связанных (как в случае немецких отделяемых приставок) типов морфем, модифицирующих глагольное действие – прибалтийско-финскими языками с северо-востока и немецким языком с запада. Эффекты в обоих случаях весьма схожи. К ареальным вопросам я вернусь в заключительном разделе.

2. Лексические связи: кальки и заимствования

2.1. Балтийские языки

Наблюдения ряда балтистов-диалектологов сходятся на том, что в севернолитовских говорах соотношение между глагольными приставками и поствербями промежуточное по сравнению с этими «ограничителями» в литературных латышском и литовском языках (см. сноску 5). Это положение вполне соответствует их географически переходному характеру, вписывающемуся в ареальный континуум, простирающийся от эстонской границы на севере вплоть до литовско-белорусского пограничья на юге. С севера на юг удельный вес поствербов постепенно становится все меньше: приставки и поствербы выступают в эквивалентных функциях, но их частотность как на уровне текста, так и в отношении инвентаря разная в эстонском, ливонском, латышском и литовском. См. [Wälchli, 2001b: 419]: “The main difference between the four languages is the frequency load of the two means of expression. In Estonian there are no preverbs [= приставки; BW]. In Livonian verb particles are still dominant, the use of preverbs differs from speaker to speaker and does not contribute very much to the semantic content of the sentence. In Latvian preverbs are more dominant than verb particles and they are more important means of expression of telicity. In Lithuanian verb particles are almost lacking, except the NW-dialects.” Нужно ли сузить территорию встречаемости более или менее продуктивных поствербов в литовском языке его северо-западными говорами или она распространяется и на северо-восточные говоры, остается пока вопросом, открытым для эмпирической проверки. Но факты, обсужденные выше по материалам статьи [Girdenis, Kačiuškienė, 1986], скорее говорят в пользу убывающей на оси север–юг употребительности подобных поствербов вообще как на уровне текста, так и в составе продуктивных глагольных частиц. По-

лезно было бы учесть релевантные факты латгальского языка, находящегося как бы в треугольнике между северо-восточными литовскими говорами, латышским языком и восточнославянскими говорами. Однако эти факты пока еще не изучались сколько-нибудь подробно.

Что касается литовского литературного языка, то в нем используются всего лишь три постверба, а именно:

- (8a) *lauk* ‘вон, прочь’ (< *laukas* ‘поле’);
- (8b) *žemyn* ‘вниз’ (= иллатив от *žemė* ‘земля’);
- (8c) *aplink(ui)* ‘вокруг’ (< *aplinka* ‘округ, окружение’ или *ap-* ‘об’ + *link-* = корень глагола ‘гнуть’).

В то же время в говорах Северной Литвы (как аукштайтских, так и жемайтских) подобных единиц насчитывается гораздо больше. К сожалению, данный вопрос в этих говорах до сих пор остается мало изученным, так что к настоящему моменту нельзя представить сколько-нибудь удовлетворительную картину. Только для части таких поствербов была установлена южная граница распространения в Литве; см. [Mikulskas, 2003: 76], который отмечает, что территория эта не может быть очерчена четко, однако тенденция к убыванию в южном направлении не подлежит сомнению. Совокупно в статьях [Girdenis, Kačiuškienė 1986; Liparte, 2000; Mikulskas, 2003] их приводится не менее девяти:

- (9a) *aplink, lauk(an), žemyn* (с вариантами, см. [Mikulskas, 2003]);
- (9b) *oran* ‘вон, прочь’ (= иллатив от *oras* ‘воздух’; см. [Liparte, 2000: 147]);
- (9c) *šalin* ‘прочь’ (< иллатив от *šalis* ‘сторона’), *viršuo* ‘напротив’ (< *viršus* ‘верх’) (см. [Mikulskas, 2003]);
- (9d) *vidu* ‘вовнутрь’ (< *viduje* = местный падеж от *vidus* ‘внутренняя сторона, середина’), *kietai* ‘крепко, замкнуто’ (= наречие от *kietas* ‘твердый, жесткий’); *artie* ‘ближе, вблизи’ (ср. литературную форму *arti* ‘вблизи’) (см. [Girdenis, Kačiuškienė, 1986: 23]).

Почти все формы по образованию являются застывшими формами иллатива, и почти все восходят к существительным с тем или иным пространственным значением из основного литовского словарного запаса. Исключительно, и то, видимо, только в некоторых районах совсем близко к латышской границе, отмечались также формы, заимствованные из латышского языка [Girdenis, Kačiuškienė, 1986: 23]:

(10) *prety* ‘(на)против’, *pruojam* ‘вон, прочь’, *valio* ‘открыто’.

Эти единицы ср. с латышскими в следующем списке.

В данном отношении еще менее изученным, чем литовские говоры, является латгальский язык. Насколько мне известно, по этому языку, который, географически располагаясь между севернолитовской, среднелатышской и восточнославянской территорией, испытал большое влияние не в последнюю очередь со стороны восточнославянской диалектной стихии, никакие специальные исследования не велись, так что пока неизвестно даже, используются ли в нем заимствованные поствербы, не говоря уже о том, выступают ли они на уровне текста чаще или реже, чем в смежных латышских, литовских или славянских говорах и сколько единиц входит в инвентарь общепотребительных поствербов.

Что касается латышского языка, то в нем количество поствербов превосходит число поствербов, встречаемых в севернолитовских говорах. Следуя спискам в [Wälchli, 2001a: 310 и сл.; 2001b: 415]¹⁴ и случаям, упоминаемым в [Holvoet, 2001: 133–146], их более, чем 20:

- (11a) *laukā* (< *lauks* ‘поле’), *ārā* (< *āra* ‘воздух’), *nost, projām* ‘прочь, вон’;
- (11b) *ciet(i)* (< *ciets* ‘твердый’) ‘замкнуто’, *vaļā* (< *vaļa* ‘свобода’) ‘открыто’;
- (11c) *apkārt* ‘вокруг’;
- (11d) *iekšā* (< *iekšas* ‘внутренняя сторона’) ‘вовнутрь, внутри’, *priekšā* (< *priekša* ‘передняя сторона’) ‘вперед, впереди’, *augšā, augšup* (< *augša* ‘верхняя сторона’), *viršū* (< *virsus* ‘поверхность’) ‘наверх, наверху’, *aizmugurē* (< *aizmugure* ‘тыл’) ‘в обход, сзади’;
- (11e) *zemē* (< *zeme* ‘земля’), *lejā* (< *leja* ‘долина’) ‘вниз’;
- (11f) *pāri* ‘через’;
- (11g) *garām* ‘мимо’;
- (11h) *atpakaļ, pakāļ* (< *pakaļa* ‘задница’) ‘назад’;
- (11i) *pušu* (< *puse* ‘половина, сторона’) ‘пополам (в разные части)’;
- (11j) *klāt* ‘близко, вблизи’;

¹⁴ Этот список воспроизводит единицы, названные еще в [Эндзелин, 1905–06/1971].

(11k) *kājā* (< *kāja* ‘нога’) ‘на ногу’, *rokā* (< *roka* ‘рука’) ‘на руки, в руку’;

(11l) *kopā* (< *kopa* ‘группа’), *līdzi* ‘вместе’.

Возможно, сюда следовало бы отнести также *cauri* ‘сквозь’, *pretī* (*pretim*) ‘напротив’, *mājās* (< *māja* ‘дом’) ‘домой’.¹⁵

Нетрудно заметить, что подавляющее большинство этих единиц представляет собой формы местного падежа, часто в значении направления, а не местонахождения. Значение некоторых весьма специфическое; ср., например, *kājā* и *rokā*: сочетаемость с глаголами этих поствербов, происходящих от названий частей тела, заметно сужена по сравнению с поствербами, восходящими к общим названиям пространственных отношений (например, *iekšā, priekšā*) или к другим отвлеченным понятиям (например, *vaļā, laukā, ārā*).

Важнее однако то, что опять-таки все эти единицы не заимствованы, а почерпнуты из коренного морфемного запаса балтийских языков. Отметим еще, что в списке латышских единиц встречаются *kopā* и *līdzi* ‘вместе’. В отличие от прочих единиц эти поствербы не обозначают по необходимости предельные действия и события или результативные состояния; ср. примеры из [Wälchli, 2001b: 417]:

(12a) *Vēr logu ciet!* ‘Закрой окно!’ (досл. ‘Сделай окно **закрыто!**’)

(12b) *Logs ir ciet.* ‘Окно **закрыто.**’ (адъективный постверб не согласуется!)

¹⁵ [Lagzdīņa, 1998] критикует противоречия в классификации упомянутых единиц (также тех из списка 11), которые в латышских грамматиках стали называться «полупредлогами». Вместо этого термина она предлагает называть их относительными наречиями (“relative Adverbien”, [Lagzdīņa, 1998: 156]). Из этого разряда она исключает как раз поствербы, если они превратились в «семантически неотделимые компоненты сложных глаголов» (“als semantisch integrale Bestandteile komplexer Verben”), поскольку в таком случае они утрачивают самостоятельную синтаксическую функцию (Ibid: 157). На мой взгляд, предлагаемое Лагздиной разграничение разумно, хотя оно автоматически ведет, наоборот, к исключению из разряда поствербов тех наречных слов, которые еще не утратили свое конкретное пространственное значение (ср. выше с примерами 1–2). Видимо, здесь нужны более тонкие подразделения, подобные тем, которые проводит [Giger, 1998: 140 и сл.] в анализе лужицких поствербов; см. также краткий обзор в [Bayer, 2006: 171 и сл.]. Поскольку Лагздиня сосредоточивается на отличии предложного (последложного) статуса от наречий (см. также [Holvoet, 2001: 138–141]), а мы здесь обращаем внимание только на наречный vs. поствербиальный статус спорных морфем, от ее рассуждений в дальнейшем можно отвлечься.

- (13a) *Paņem suni līdzi!* ‘Возьми с собой собаку!’ (досл. ‘Возьми собаку **вместе!**’)
- (13b) *Suns man ir līdzi.* ‘Собака со мной.’ (досл. ‘Собака мне есть **вместе**’).

Подобный способ передачи комитативного значения в литовском языке отсутствует. Отсутствует он и в литературном русском, белорусском и польском языках, а также – насколько мне известно – в славянских говорах в пограничье с Литвой. Между тем существуют довольно употребительные наречные «спутники» глагольного действия (ср., например, рус. *назад, вокруг, вдребезги, пополам*, пол. *wokolo, wszertz, wzduż* и т. п.). Однако, как правило, они вводят тот или иной пространственный предел действия и при этом не испытывают переносов значения, свойственных указанным выше латышским глагольным частицам (ср. также цитату из [Wälchli, 2001b: 419] относительно частотности, приведенную выше). Таким образом, создается впечатление, что возникновение поствербов начинается с форм, способствующих введению предела действия, т. е. что именно такие формы составляют ядро класса приглагольных частиц (модификаторов). Вместе с тем становится ясным, что, хотя такое ядро, состоящее из «ограничителей» действия, может – при ряде дальнейших условий – стать благоприятным фактором становления видовой системы (см. 1.2), с семантической точки зрения класс поствербов все же не объединяется одним этим признаком. Следовательно, нельзя признать этот признак единственным или определяющим. Этот вывод находит подтверждение при сопоставлении ситуации на балтийскоязычной территории с фактами, наблюдаемыми в ряде славянских микроязыков, которые давно подвергались (и продолжают подвергаться) влиянию немецкого языка (см. 2.2).

Прежде чем приступить к такому сопоставлению, хотелось бы подчеркнуть еще два важных обстоятельства. Во-первых, в материале северолитовских говоров явно преобладают кальки и почти не обнаруживается заимствований (из латышских говоров); единственными примерами последних являются *cauri* ‘сквозь’, *pretī* (*pretim*) ‘напротив’ (см. выше). Кальки, а не заимствования обычны также в образованиях с поствербами, параллельными между латышским, ливским и эстонским языками (см. [Wälchli, 2001b: 433])¹⁶. Во-вторых, и в связи с этим,

¹⁶ Немногочисленные заимствования, как ливское *vāldiņ* ‘властью > свободно > несвязано > открыто’, видимо, относится к более раннему этапу языковой истории.

необходимо обратить внимание на степень и типологическую редкость совпадения лексического материала (как в заимствованиях, так прежде всего и в кальках) между контактирующими языками. При сравнении латышского, ливского и эстонского языков Б. Вэльхли обратил внимание на довольно индивидуальные совпадения в семантическом развитии глагольных частиц, которые не повторяются в окружающих языках (говорах) и с типологической точки зрения частично оказываются даже «экзотическими»: ‘тврдо > закрыто’, ‘в руке > во власти/владении’, ‘в куче/в кучу > вместе’; сюда следует отнести и комитативное употребление наречия ‘вместе’, упомянутое выше. Соответствующие единицы не заимствовались, а, должно быть, образовались как кальки друг друга. Видимо, для установления интенсивности языкового контакта важно не столько учитывать конвергенции в функциях, которые выполняют поствербы (наряду с приставками) в грамматической системе контактирующих языков, но и совпадения в исходных лексических значениях, лежащих в основе поствербов: „Lexical structure is richer and more specific than grammatical structure, and can therefore make a greater contribution to areal investigation. It is especially important to take into account lexical structure that interferes with grammatical structure whenever the origin of grammatical features of areal character is the object of the inquiry.“ [Wälchli, 2001b: 434].

2.2. Способы модификации глагольных основ в славянских микроязыках

В дальнейшем мы рассмотрим положение дел в ниже- и верхне-лужицком языках, в градищанско-хорватском диалекте, используемом в Восточной Австрии (Burgenland) и в каринтском словенском, по которым уже существуют более систематические исследования. Обзор по поствербам в этих языках (диалектах), много столетий находившихся под влиянием той или иной разновидности немецкого языка, представил [Bayer, 2006: 171–245]. Следующая таблица сопоставляет общее число заимствованных и калькированных поствербов, перечисленных в [Bayer, 2006: 240–245].

Таблица 1

**Количество поствербов в славянских микроязыках
под немецким влиянием**
(по данным из [Bayer, 2006])

	Заемствования	Кальки	Совокупно
верхнелужицкий	20	35	55
нижнелужицкий	11	20	31
словенский в Каринтии	5	25	30
градищанско-хорватский (Burgenland, Восточная Австрия)	21	19	40

Как видно, во всех языках, кроме хорватского диалекта, кальки преобладают над заимствованиями. К подобному результату пришел М. Гигер, собрав и обследовав 762 примера из лужицких диалектов XX века (охватывался весь лужицкий ареал): количество калькированных поствербов (35 типов) преобладает, хотя и несильно, над числом заимствованных (25 типов); нашлось всего одно гибридное образование (*za ernst* [< нем. ‘серьезно’] *wzac* ‘принять слишком всерьез’); см. [Giger, 1998: 140].

Во всех четырех микроязыках подавляющее большинство поствербов обнаруживает предположно-наречное происхождение. В словенском диалекте только 6 единиц (из 40), а в хорватском только 10 (из 30) не восходят к предлогам или наречиям (например, слв. *dom* ‘домой’, *rad* ‘рад’); некоторые наречные единицы происходят от корней прилагательных или соответствующих наречий (напр., хрв. *tieško* ‘тяжело’). Что касается лужицких языков, то наиболее частотными являются морфемы *durch* ‘сквозь, через’, *fort* ‘прочь, вон’, *los* ‘прочь’, т. е. опять предположно-наречные элементы.¹⁷ К этому же классу относятся и наиболее частотные калькированные поствербы; *wokolo* ‘около, вокруг’, *won* ‘вон’, *horje(j)* ‘наверх, наверху’, *sobu* ‘вместе, с собой’, *nutř* ‘внутри, вовнутрь’. Частотность на уровне текстов этих пяти морфем взятых вместе составляет почти 70% из всех обнаруженных М. Гигером [Giger, 1998: 141]. В общем и целом можно сказать, что предположно-наречные элементы преобладают как среди типов, так и на уровне текста. Этим происхождение поствербов в рассматриваемых микроязыках

¹⁷ См. также заимствованные морфемы, перечисленные в [Scholze, 2008: 307–310].

на первый взгляд отличается от частеречной принадлежности поствербов в балтийском ареале, где отмечено больше застывших форм косвенных падежей (см. 2.1). Нужно, однако, учесть, что такие застывшие формы сами тяготеют к наречиям.

В лужицком материале поствербы другого, чем предложно-наречного, происхождения представлены в гораздо меньшей степени:

- (14а) всего один от существительного: *koło* (= *колесо*) ‘вокруг’;
- (14б) от прилагательных: *derje* ‘хорошо’, *ćežko* ‘тяжело’, *čisty / cysty* ‘чистый’, *lubo* ‘мило’;
- (14в) от глаголов: *stejo*, *ležo*, *sedžo*, *wisajo* = герундии от позиционных глаголов ‘стоять’, ‘лежать’, ‘сидеть’, ‘висеть’; *zhubjene*, *jate* = причастия в среднем роде от глаголов со значением ‘потерять’, ‘взять’ (< **jęti*).

Далее, стоит отметить, что при сравнении четырех микроязыков выявляется довольно большой разброс сочетаемости приведенных поствербов с глагольными основами. Судя по подробным спискам в [Bayer, 2006: 240–245], большинство поствербов в лужицких языках сочетается с заметно меньшим количеством основ, чем в словенском и хорватском диалектах в Австрии. В этом отношении в словенском диалекте особо свободную сочетаемость обнаруживают поствербы *dol* ‘вниз’, *gor* ‘вверх’, *noter* ‘вовнутрь’, *ven* ‘прочь, вон’, *vkup* ‘вместе’, а в хорватском – *doli* ‘вниз’, *gori* ‘вверх’, *naprvo* ‘перед, вперед, заранее’, *nutra* ‘вовнутрь’, *skupa* ‘вместе’, *van* ‘прочь, вон’. Видно, что это поствербы той же общей семантики, которые, за одним исключением (хрв. *naprvo*)¹⁸, модифицируют пространственное значение или, в одном случае (слов. *vkup*, хрв. *skupa*), имеют комитативное значение. Это последнее значение в градищанско-хорватском и каринтско-словенском диалектах передается даже с помощью заимствованного постверба *mit* ‘с’, в то время как в лужицких языках используется только калька *sobu* (от возвратного местоимения). В лужицких языках эта морфема применяется весьма продуктивно по образцу немецкого постверба (= предлога) *mit* [Bayer, 2006: 172, 211 и сл., 215]. Примечательно, что это те же самые функции поствербов, которые числятся среди самых частотных и в лужицких языках, а также в балтийском

¹⁸ Ср. также более редкое *najper: najper štati* ‘прочитать (кому-то) вслух’ (ср. нем. *vor-lesen*) [Bayer, 2006: 174].

ареале (см. выше). И те же функции обслуживаются поствербами (по большей части того же этимологического происхождения) в диалектах, которые немецкому влиянию подвергались в меньшей степени, чем названные выше микроязыки. Так, например, для чешских говоров, граничащих с Германией (Саксонией), М. Гигер отметил поствербы *pruč*, *ven*, *okolo*, (*s*) *sebou*, *timo*, *nahoru*, *navrch*, *dolů*, *dohromady*, в западно-словацком говоре (Моравия) засвидетельствован постверб *hore* [Giger, 1998: 161–163; 131, сн. 3].

Видимо, подобным образом обстояло дело с некоторыми кайкавскими и чакавскими говорами хорватского языка в XVI и XIX вв., в которых влияние немецкого и итальянского языков можно было усмотреть в употреблении поствербов *dole / doli*, *gore / gori* (кайкавские XVI в.) и *nutra*, *preko* ‘через’ (чакавские XIX в.); см. [Дуличенко, 2005: 18 и сл.], который считает возможным также влияние венгерского языка. Пространственные ограничители – которые потом могут приобретать более абстрактные значения – создают «стержневой состав» также среди заимствованных поствербов: в верхнелужицком самыми частотными являются *durch* ‘через, сквозь’, *fort*, *los* ‘прочь, вон’ [Giger, 1998: 145 и сл.], их эквиваленты числятся также среди самых часто упоминаемых поствербов в западночешских говорах (*hin*, *herajn*, *drausn* [Giger 1998: 160 и сл.]), в градищанско-хорватском (*auf*, *trauf* ‘на(верх)’, *nohi* [= *nach* ‘после, за’], *furt / fuat* ‘прочь, вон’ [Bayer 2006: 178; Pawischitz, 2009: 341] и в давно вымершем дравенополабском (*där* < ср.-врх.-нем. *dör* = нем. *durch* ‘сквозь’, *děl* < ср.-врх.-нем. *dēle* ‘вниз, прочь’, *vex* < нем. *weg* ‘прочь’ [Giger, 1998: 145, 162 и сл., сн. 25]).

Эти наблюдения хорошо согласуются между собой, так что позволяют предполагать, что (а) как раз эти значения особенно «податливы» на образование модификаторов глагольного действия и что (б) среди наиболее частотных модификаторов единственным, который чаще служит не ограничителем действия пределом, является постверб с комитативным значением (‘вместе’).¹⁹ Любопытно, что как раз среди по-

¹⁹ В зависимости от глагольной основы поствербы со значением ‘вместе’ могут служить и ограничителем; ср., например, хрв. *skupa brojiti* ‘сосчитать’ (ср. нем. *zusammen-zählen*) или верх.-луж. *hromadu přińć* ‘собраться, сойтись’ (ср. нем. *zusammen-kommen*) [Bayer, 2006: 176, 240]. Вопрос взаимодействия акциональных свойств глагольной основы с поствербами с точки зрения предельности, кажется, практически еще не поднимался.

ствербов с этим значением в говорах и микроязыках XX–XXI вв. встречаются только кальки; единственный известный случай отмечен для давнего дравенополабского: *made*, заимствованное из ср.-врх.-нем. (ср. [Giger, 1998: 162 и сл., сн. 25] со ссылкой на [Супрун, 1987: 86]).

3. Итоги и постулаты

Сопоставление лексического состава и морфологических типов приглагольных модификаторов («спутников») в смысле типологии, созданной Л. Талми и более дифференцированной Б. Вэльхли) в балтийских языках выявило увеличение удельного веса глагольных частиц (поствербов) в направлении с юга на север. С точки зрения диалектной географии перед нами явный ареальный континуум, в середине которого находятся оба балтийских языка. Они являются как бы срединным звеном между прибалтийско-финскими языками, в которых приставочная модификация глагольных основ отсутствует, но зато очень развита модификация с помощью частиц (чаще всего падежно-наречного происхождения), и славянскими языками, в которых глагольные частицы представлены достаточно слабо и, если встречаются, не претерпели семантических (или функциональных) изменений наподобие частиц в прибалтийско-финских языках и в латышских и севернолитовских говорах. Территория слабой представленности глагольных частиц продолжается на юго-западе от балтийского ареала, т. е. в западнославянских языках. Эти последние, однако, с запада граничат с территорией немецкого языка, в котором опять глагольные частицы (наряду с приставками) имеют статус весьма употребительных модификаторов глагольного действия, часто подвергающихся семантическим переносам. Эти модификаторы как раз и служат моделью для славянских микроязыков прежде всего на территории Германии и Австрии. Таким образом, большая часть западнославянской территории и южная часть балтийского ареала вместе с восточнославянским ареалом создают довольно плотный ареал, на котором преобладает префиксация; этот ареал с запада и севера-востока окружается двумя разными группами языков, в которых глагольные частицы представляют собой чрезвычайно развитый способ модификации глагольного действия.

Далее нужно отметить, что среди глагольных частиц почти во всех релевантных разновидностях балтийских и славянских языков каль-

ки преобладают над заимствованиями; однако заимствований заметно больше в славянских микроязыках, находившихся в контакте с разновидностями немецкого языка. Кроме того, хотя главную долю частиц – как в количественном аспекте, так и с точки зрения некоего семантического стержня – составляют такие морфемы, которые во взаимодействии с глагольными корнями (основами) вводят предел действия, нельзя сказать, чтобы во всех случаях их функция была именно такова; многие частицы ее лишены. К тому же обнаруживается немало случаев, когда какая-то данная частица вводит предел только при некоторых лексемах (корнях), а не при других (ср. сноску 19). При этом практически не изученным оказывается вопрос о взаимодействии частиц с лексическими значениями модифицируемых глагольных корней. Из сказанного вытекает первый постулат для дальнейших исследований: необходимо более систематически вникать в способы семантического взаимодействия между корневыми морфемами и их модификаторами, причем не лишне будет также задать вопрос о том, меняется ли это взаимодействие в зависимости от их морфологической «спаянности» и продуктивности. Иначе говоря: наблюдается ли связь степени морфонологической фузии, с одной стороны, и свободы присоединения к глагольным основам разных лексических и акциональных групп, с другой стороны, с семантической прозрачностью (или, наоборот, идиоматичностью) получаемых таким образом сочетаний?

С этим связан другой постулат. Мало изучено, в какой мере частицы (а также приставки) калькируются или заимствуются вместе со «своими» корнями, насколько они свободно сочетаются с дальнейшими корнями.

Напоследок, мало внимания пока уделялось вопросу, в какой степени между контактирующими языками (говорами) совпадает лексический материал. Под этим подразумеваются прежде всего лексические концепты (особенно когда речь идет о кальках), но также совпадения их «звуковой оболочки» (в случае заимствований). В ответе на этот вопрос необычайно ценными могут оказаться работы, выполненные в последнее время в русле лексической и ареальной типологии: чем больше среди приглагольных частиц совпадений в лексических концептах, которые только изредка превращаются в (полу)грамматические показатели и которые не встречаются ни в непосредственно граничащих территориях ни в родственных языках, тем вероятнее, что их появление об-

условлено (обоюдным) влиянием контактирующих друг с другом языков (говоров).²⁰

Литература

Аркадьев П. М. (2007). Заметки к типологии префектива // Вяч. Вс. Иванов (ред.), Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола. М.: Ин-т славяноведения РАН, 17–30.

Дуличенко А. Д. (2005). Глагольные отделяемые наречия-приставки в славянском, германском и финно-угорском как объект контактной грамматики // *Studia Slavica Hungarica* 50/1-2, 15–28.

Сутрун А. Е. (1987). Полабский язык. Минск.

Храковский В. С. (ред.) (1989). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука.

Эндзелин Я. (1971/1906). Латышские предлоги. Ч. II // Я. Эндзелин. Избранные труды. Т. I. Рига: Зинатне, 521–655. (1-е изд. Юрьев, 1906).

Bayer M. (2006). Sprachkontakt deutsch-slavisch (Eine kontrastive Interferenzstudie am Beispiel des Ober- und Niedersorbischen, Kärntnerslovenischen und Burgenlandkroatischen). Frankfurt/M. etc.: Lang.

Breu W. (1992). Zur Rolle der Präfigierung bei der Entstehung von Aspektsystemen // M. Guiraud-Weber, Ch. Zaremba (éd.), *Linguistique et slavistique. Melanges offerts à Paul Garde*, t. 1. Paris, Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 119–135.

DLKG: *Ambrasas V. (ed.)* (1996). *Dabartinės lietuvių kalbos gramatika*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.

Giger M. (1998). Zu Lehnübersetzungen und Entlehnungen deutscher postponierbarer Präverbien in sorbischen Dialekten // J. P. Locher (ed.), *Schweizerische Beiträge zum XII. Internationalen Slavistenkongress in Krakau*, August 1998. Bern etc.: Peter Lang, 129–170.

Girdenis A., Kačiuškienė G. (1986). Paraleliniai reiškiniai latvių ir šiaurinių lietuvių veiksmažodžio sistemose // *Kalbotyra* T. 37/1, 21–27.

Holvoet A. (2001). *Studies in the Latvian verb*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Holvoet A., Čižik V. (2004). *Veikslo priešpriešos tipai* // A. Holvoet, L. Semėnienė (ed.), *Lietuvių kalbos gramatikos darbai 2: Gramatinių kategorijų tyrimai*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 141–162.

²⁰ Среди таких работ здесь стоит указать хотя бы на статьи [Stolz, Stolz, 2001; Wälchli, 2001b], а также на работы Йохансона по ‘code copying’ в тюркских языках, несмотря на то что в этих языках в качестве глагольных модификаторов выступают не столько наречно-предложные морфемы, сколько комбинации глагольных лексем („postverbiale constructions“). Ср., например, [Johanson, 2002].

Johanson L. (2002). *Structural Factors in Turkic Language Contacts*. Richmond, Surrey: Curzon.

Lagzdīņa S. (1998). Adverbien, Präpositionen oder Halbpräpositionen? // *Linguistica Baltica* 7, 151–166.

Liparte E. (2000). Iliatyvo resp. prieveiksmio *laukan* reikšmės ir galimi sinonimai lietuvių tarmėse // *Acta Linguistica Lithuanica*, T. 43, 144–152.

Michalk F. (1959). Über den Aspekt in der obersorbischen Volkssprache // *Zeitschrift für Slawistik* Bd. 4, 241–253.

Mikulskas R. (2003). Postverbų pateikimo problema Lietuvių kalbos žodyne // *Acta Linguistica Lithuanica* T. 48, 71–96.

Paulauskas J. (1958). Veiksmazodžių priešdėlių funkcijos dabartinėje lietuvių literatūrinėje kalboje // *Literatūra ir kalba* T. 3, 303–453.

Pawischitz S. (2009). Deutsche Lehnwörter in der burgenlandkroatischen Umgangssprache // L. Scholze, B. Wiemer (Hrsg.): *Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten* (Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag). Bochum: Brockmeyer, 329–345.

Scholze L. (2008). Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt. Bautzen: Domowina.

Stolz Chr., Stolz Th. (2001). Mesoamerica as a linguistic area // M. Haspelmath et al. (eds.). *Language Typology and Language Universals: An International Handbook*, Vol. II. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1542–1553.

Talmy L. (1985). Lexicalization patterns // T. Shopen (ed.), *Language Typology and Syntactic Description*, Vol. 3. *Grammatical Categories and the Lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 57–149.

Talmy L. (1991). Path to realization: A typology of event conflation // *Proceedings of the 17th Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*.

Talmy L. (2000). *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. II: *Typology and Process in Concept Structuring*. Cambridge, MA: MIT Press.

Wälchli B. (2001a). A typology of displacement (with special reference to Latvian) // *Sprachtypologie und Universalienforschung* Bd. 54/3, 298–323.

Wälchli B. (2001b). Lexical evidence for the parallel development of the Latvian and Livonian verb particles // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.), *Circum-Baltic Languages*, Vol. 2: *Grammar and Typology*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 413–441.

Wälchli B. (2006). *Lexicalization patterns in motion events revisited*. Konstanz, Ms.

М. В. Завьялова (Москва)

**МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ
СЛАВЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ
(на современном этапе)**

The article examines the mechanisms of adaptation of Slavic loans in modern Lithuanian. The analysis of penetration of Slavic models into Lithuanian grammar is based on the database of language errors of the State Commission of the Lithuanian language (www.vlkk.lt). The analyzed cases demonstrate the usual trends of language development: Lithuanian tends to use minimal sufficient linguistic means, to standardize grammatical and semantic models, to replace complex grammatical structures with simpler ones, to develop analytical structures, to create grammatical structures to express novel meanings, to fill grammatical and semantic gaps, to reduce semantic and grammatical homonymy, to standardize generalized meanings, to develop figurative and more abstract meanings.

Введение

Все языки в процессе своего развития претерпевают влияния других языков. Разного рода заимствования на уровне лексики, фонетики, словообразования, грамматики и синтаксиса – обычное явление в жизни языка, можно даже было бы сказать, нормальное, рискуя вступить в полемику со специалистами, придерживающимися пуристических взглядов.¹ В данном случае хотелось бы оставить в стороне вопрос о пользе и вреде заимствований и проанализировать механизмы заимствования как таковые, которые представляются важными для оценки потенциала развития языка-реципиента.

Создается впечатление, что литовские лингвисты уделяют в последнее время этой проблеме мало внимания, сосредотачивая свои усилия на изгнании из литературного литовского языка всего, что напоминает иноязычные влияния. Тем временем результаты их труда,

¹ Работа выполнена при поддержке проекта Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН.

представляющие собой пространные списки языковых ошибок с их исправлениями², то есть указания на то, как нужно говорить и как нельзя, представляют собой очень интересный материал для исследования процессов, происходящих в современном литовском языке, показывают, к каким иноязычным влияниям он особенно восприимчив, из чего можно сделать вывод о потребностях самого языка и о его скрытом потенциале.

Это очень важно при оценке языка не как совокупности отдельных явлений, а как цельной системы, из которой невозможно без последствий что-то исключить, так же как и что-то добавить. По словам норвежского лингвиста Г. Фогта, «любое обогащение или обеднение системы неизбежно влечет за собой перестройку всех ее прежних различительных оппозиций. Допускать, что данный элемент просто добавляется к системе, принимающей его без каких-либо последствий для себя, разрушило бы само понятие системы» [Vogt, 1949: 35].

Таким образом, рассматривая систему литовского языка, можно выделить в ней важные тенденции, свидетельствующие о направлении развития языка, которые проявляются именно благодаря влияниям иноязычных моделей. Здесь будет идти речь больше не о заимствованиях языковых единиц, а скорее о калькировании семантических и грамматических моделей языка-донора.

1. Экономия и избыточность средств выражения. Стремление к простоте выражения

Прежде всего следовало бы подчеркнуть стремление языка к простоте выражения, то есть к экономии средств выражения. Этим стремлением к экономии средств объясняется проникновение в литовский язык многих и лексических, и грамматических славизмов.

Например, такие тенденции заметны в словообразовании, когда словосочетание из двух или трех слов заменяется на композит, непривычный для литовского языка. Например: по аналогии с *vilnietė* ‘жительница Вильнюса’, *vilnietis* ‘житель Вильнюса’, *kaunietė* ‘жительница Каунаса’, *kaunietis* ‘житель Каунаса’ и т. д. образуются *naujavilnietis* ‘житель Новой Вильни’ (правильно – *Naujosios Vilnios gyventojas*), *kazlūrūdiētis* ‘житель Казлу Руда’ (должно быть *Kazlų Rūdos gyventojas*),

² См. сайт Государственной комиссии литовского языка (<http://www.vlkk.lt>).

vaiknamietis ‘детдомовец’ (должно быть *vaikų namų auklėtinis* ‘воспитанник детского дома’).

Вообще композиты и сокращения не характерны для литовского языка, зато широко используются в русском. Их заимствование также обусловлено экономией языковых средств, ведь гораздо меньше усилий требуется, чтобы сказать *medsesuo* ‘медсестра’ или *vyrgdytojas* ‘главврач’, чем *medicinos sesuo* ‘медицинская сестра’ или *vyriausiasis gydytojas* ‘главный врач’. Также и в случае с такими словами, как *politekonomija* (= *politinė ekonomija*) > политэкономия, *vetpunktas* (= *veterinarijos punktas*) > ветпункт; *genplanas* (= *generalinis planas*) > генплан и т. д.

Стремлением к простоте, видимо, можно объяснить и замену некоторых сложных грамматических конструкций (например, причастных оборотов) на более простые предложные конструкции, заимствованные из русского языка. Например:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>Sergant gripu reikia gulėti</i>	<i>Prie gripo reikia gulėti</i>	<i>При гриппе надо лежать</i>
<i>Progai pasitaikius aplankykite šią parodą</i>	<i>Prie progos aplankykite šią parodą</i>	<i>При случае посетите эту выставку</i>

По-видимому, в этом и в подобных случаях выражение из русского языка калькируется полностью, поэтому часто происходит перенос грамматических моделей управления и предлогов. Это особенно заметно в случае заимствования русских устойчивых выражений, передающихся в литовском местным падежом (*в чем дело* > *kame reikalas*, *в том числе* > *tame skaičiuje* и т. д.). Ср.:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>Atlikome plačios apimties tyrimus</i> ³	<i>Atlikome tyrimus plačioje apimtyje</i>	<i>Мы выполнили исследование в широком объеме</i>

³ В подобных конструкциях в литовском языке может использоваться только родительных падеж (буквальный перевод: ‘Мы выполнили широкого объема исследования’).

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>Kelių metrų atstumi pamačiau gyvatę</i> ⁴	<i>Kelių metrų atstume pamačiau gyvatę</i>	<i>На расстоянии нескольких метров я увидел змею</i>
<i>Vakar tu pasirodei gerai</i> ⁵ (<i>puikiai, pagirtinai</i>)	<i>Vakar tu pasirodei aukštumoje</i>	<i>Вчера ты оказался на высоте</i>
<i>Namas yra avarinis</i> (<i>avarinės būklės</i>) ⁶	<i>Namas yra avarinėje būklėje</i>	<i>Дом в аварийном состоянии</i>
<i>Šis įstatymas tebegalioja</i> ⁷	<i>Šis įstatymas tebėra galioje</i>	<i>Этот закон еще в силе</i>
<i>Konkursas buvo aukšto lygio</i> (<i>vyko puikiai</i>) ⁸	<i>Konkursas vyko aukštame lygyje</i>	<i>Конкурс прошел на высоком уровне</i>
<i>Kraujospūdis normalus</i> ⁹	<i>Kraujospūdis normoje</i>	<i>Давление в норме</i>
<i>Vakar buvau be nuotaikos</i> (<i>prastos nuotaikos; prastai nusiteikęs</i>) ¹⁰	<i>Vakar buvau ne nuotaikoj</i>	<i>Вчера я был не в настроении</i>
<i>Romaną buvau skaitęs originalo kalba</i> ¹¹	<i>Romaną buvau skaitęs originale</i>	<i>Роман я читал в оригинале</i>
<i>Šiandien parduodama trijų rūšių mėsa</i> ¹²	<i>Šiandien pardavime yra trijų rūšių mėsos</i>	<i>Сегодня в продаже три сорта мяса</i>
<i>Prekės gautos fasuotos</i> ¹³	<i>Prekės gautos fasuotame pavidale</i>	<i>Товары получены в фасованном виде</i>

⁴ Здесь в литературном языке используется творительный падеж (буквальный перевод: ‘*Расстоянием нескольких метров я увидел змею’).

⁵ В данном случае в литературном языке возможно только употребление наречия: ‘Вчера ты выступил прекрасно’.

⁶ Здесь возможно как употребление прилагательного (‘Дом аварийный’), так и дополнения в родительном падеже (‘Аварийного состояния дом’).

⁷ Вместо существительного в русском языке в литературном литовском возможен только глагол: ‘Этот закон еще действует’.

⁸ Возможны варианты: употребление глагола (‘Конкурс прошел прекрасно’) или родительного падежа (‘Конкурс был высокого уровня’).

⁹ В литературном языке возможно только прилагательное (‘Давление нормальное’).

¹⁰ Возможны три варианта: ‘Вчера я был без настроения’; ‘*Вчера я был плохо настроен’; ‘Вчера я был плохо настроен’.

¹¹ ‘Роман я читал на языке оригинала’.

¹² Здесь возможен только глагол: ‘Сегодня продается мясо трех сортов’.

¹³ ‘Товары получены фасованные’.

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>Augalai glaudžiai susiję su dirvožemiu</i> ¹⁴	<i>Augalai yra glaudžiamė ryšyje su dirvožemiu</i>	Растения находятся <u>в тесной связи с почвой</u>
<i>Viskas tebėra projektai (projektuojama)</i> ¹⁵	<i>Viskas tebėra projektų stadijoje</i>	Все находится <u>на стадии проекта</u>
<i>Ministerijoje dirbs tie patys žmonės, tik įgaus (turės) naują statusą</i> ¹⁶	<i>Ministerijoje dirbs tie patys žmonės, tik naujame statuse</i>	В министерстве будут работать те же люди, только <u>в новом статусе</u>
<i>Komanda susirinko visos sudėties (visa)</i> ¹⁷	<i>Komanda susirinko pilnoje sudėtyje</i>	Команда собралась <u>в полном составе</u>
<i>Reikalas tas, kad baigėsi benzinas</i> ¹⁸	<i>Reikalas tame, kad baigėsi benzinas</i>	<u>Дело в том, что кончился бензин</u>
<i>Dėl tokio apsilaidimo kilo gaisras (Tokio apsilaidimo rezultatas – gaisras)</i> ¹⁹	<i>Tokio apsilaidimo rezultate kilo gaisras</i>	<u>В результате такой халатности возник пожар</u>
<i>Operacijos daugeliu atvejų pavykdavo</i> ²⁰	<i>Operacijos daugelyje atvejų pavykdavo</i>	<u>Операции в большинстве случаев удавались</u>
<i>Niekas iš esmės nepasikeitė</i> ²¹	<i>Niekas esmėje nepasikeitė</i>	<u>Ничего в сущности не изменилось</u>
<i>Statybos darbai apskritai (iš esmės) baigti</i> ²²	<i>Statybos darbai pagrinde baigti</i>	<u>Строительные работы в основном закончены</u>
<i>Šį klausimą aptarsime paskutinį</i> ²³	<i>Šį klausimą aptarsime paskutinėje eilėje</i>	<u>Этот вопрос мы обсудим в последнюю очередь</u>
<i>Iš principo su tavim sutinku</i> ²⁴	<i>Principe su tavim sutinku</i>	<u>В принципе я с тобой согласен</u>

¹⁴ ‘Растения тесно связаны с почвой’.

¹⁵ ‘Всё только еще проекты (проектируется)’.

¹⁶ ‘В министерстве будут работать те же люди, только получают новый статус’.

¹⁷ ‘*Команда собралась полного состава (вся)’.

¹⁸ ‘*Дело такое, что кончился бензин’.

¹⁹ Два варианта: ‘Из-за такой халатности возник пожар’; ‘Результат такой халатности – пожар’.

²⁰ По правилам литературного языка здесь должен использоваться творительный падеж: ‘*Операции большинством случаев удавались’.

²¹ *Iš esmės* можно перевести как ‘по сути’ (букв.: предлог ‘из’ + ‘суть’ в род. п. ед. ч.).

²² Вместо существительного в местном падеже здесь возможно наречие *apskritai* ‘вообще’ или *iš esmės* ‘по сути’.

²³ ‘Этот вопрос мы обсудим последним’.

²⁴ ‘*Из принципа я с тобой согласен’.

Калькирование выражений «в комплекте» с предлогами и падежным управлением приводит к появлению в литовском языке большого количества аналитических предложных конструкций и нарушает систему падежей²⁵. Например, конструкция *ant* + родительный падеж заменяет:

– родительный беспредложный:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>Ji visada šykšti pinigų</i>	<i>Ji visada šykšti ant pinigų</i>	<i>Она всегда скупа на деньги</i>
<i>Pakvietėme svečių pietų</i>	<i>Pakvietėme svečių ant pietų</i>	<i>Мы пригласили гостя на обед</i>

– дательный:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>Pasilik pinigų maistui</i>	<i>Pasilik pinigų ant maisto</i>	<i>Оставь денег на еду</i>
<i>Ar užteks duonos šešioms žmonėms</i>	<i>Ar užteks duonos ant šešių žmonių?</i>	<i>Хватит ли хлеба на шесть человек?</i>
<i>Atidėkim šį reikalą pirmadieniui</i>	<i>Atidėkim šį reikalą ant pirmadienio</i>	<i>Отложим это дело на понедельник</i>

– творительный:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>Ji puikiai griežia smuiku</i>	<i>Ji puikiai griežia ant smuiko</i>	<i>Он прекрасно играет на скрипке</i>
<i>Mokėsi penketais</i>	<i>Mokėsi ant penketų</i>	<i>Учился на пятерки</i>
<i>Šiomis dienomis pasirodys naujas žurnalo numeris</i>	<i>Ant dienų pasirodys naujas žurnalo numeris</i>	<i>На днях появится новый номер журнала</i>
<i>Batai aukštais kulnais</i>	<i>Batai ant aukštų kulnų</i>	<i>Туфли на высоких каблуках</i>

²⁵ Подробнее об этом см. в [Завьялова, 2007].

– местный:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>Turguje pilna atvykėlių</i>	<i>Ant turgaus pilna atvykėlių</i>	<i>На рынке полно приезжих</i>
<i>Ką kalbėjo susirinkime?</i>	<i>Ką kalbėjo ant susirinkimo?</i>	<i>Что говорили на собрании?</i>
<i>Iš pradžių pykosi, bet galų gale susitaikė</i>	<i>Iš pradžių pykosi, bet ant galo susitaikė</i>	<i>Сначала ругались, но наконец помирились</i>

Точно так же проникают в литовский язык «неправильные» конструкции с предлогами *pas, į, prieš*:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>Kiek [tu] turi pinigų?</i>	<i>Kiek pas tave pinigų?</i>	<i>Сколько у тебя денег?</i>
<i>Kas turi klausimų?</i>	<i>Pas ką yra klausimų?</i>	<i>У кого есть вопросы?</i>
<i>Jai gimė sūnus</i>	<i>Pas ją gimė sūnus</i>	<i>У нее родился сын</i>
<i>Man pakilo temperatūra</i>	<i>Pas mane pakilo temperatūra</i>	<i>У меня поднялась температура</i>
<i>Jos gražūs plaukai</i>	<i>Pas ją gražūs plaukai</i>	<i>У нее красивые волосы</i>
<i>Čigonų įdomūs laidojimo papročiai</i>	<i>Pas čigonus įdomūs laidojimo papročiai</i>	<i>У цыган интересные похоронные обычаи</i>
<i>Atsiprašyk mokytoją (mokytojo) už įžeidimą</i>	<i>Atsiprašyk pas mokytoją už įžeidimą</i>	<i>Попроси прощения у учителя за оскорбление</i>
<i>Paklausėme praeivį (praeivio), kur galėtume užkąsti</i>	<i>Paklausėme pas praeivį, kur galėtume užkąsti</i>	<i>Мы спросили у прохожего, где мы могли бы перекусить</i>
<i>Dėl kelialapio teiraukitės vedėjos</i>	<i>Dėl kelialapio teiraukitės pas vedėją</i>	<i>По поводу путевки осведомляйтесь у заведующей</i>
<i>Visi mokiniai įsimylėję naująjį mokytoją</i>	<i>Visi mokiniai įsimylėję į naująjį mokytoją</i>	<i>Все ученики влюбились в нового учителя</i>
<i>Orai labai veikia žmonių nuotaikas</i>	<i>Orai labai veikia į žmonių nuotaikas</i>	<i>Погода очень влияет на настроения людей</i>
<i>Jie darė spaudimą mūsų darbuotojams</i>	<i>Jie darė spaudimą į mūsų darbuotojus</i>	<i>Они оказывали давление на наших сотрудников</i>

Окончание

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>Žaiskime karą arba futbolą</i>	<i>Žaiskime <u>i karą</u> arba <u>i futbolą</u></i>	<i>Давайте играть <u>в войну</u> или <u>в футбол</u></i>
<i>Užteks žaisti slėpynes (slėpynių, slėpynėmis)</i>	<i>Užteks žaisti <u>i slėpynes</u></i>	<i>Хватит играть <u>в прятки</u></i>
<i>Teko atsiprašyti draugą (draugo)</i>	<i>Teko atsiprašyti <u>prieš draugą</u></i>	<i>Пришлось извиниться <u>перед другом</u></i>
<i>Jaučia pareigą tėvams</i>	<i>Jaučia pareigą <u>prieš tėvus</u></i>	<i>Чувствует обязатель- ства <u>перед родителями</u></i>

В приведенных примерах можно усмотреть тенденцию литовского языка к аналитизму, что характерно для истории развития многих языков.

Надо сказать, что и сами предлоги приобретают в этих калькированных конструкциях более широкие значения. Например, предлог *ant* в литовском языке имеет в основном пространственное значение (нахождение на поверхности чего-то), а также употребляется в сочетании с некоторыми глаголами, обозначающими негативные эмоции (кричать на кого-то и т. д.) [DLKG, 1997: 440]. В калькированных конструкциях он приобретает также значения количества, назначения, способа действия, области действия, времени.

Предлог *pas* в литовском литературном языке используется довольно редко и имеет тоже пространственные значения [DLKG, 1997: 449]. В кальках у него появляется значение принадлежности, которым в литовском языке соответствуют беспредложные конструкции. То же происходит и с другими предлогами. В целом можно сказать, что значения предлогов имеют тенденцию становиться более абстрактными, отрываться от первоначального более узкого пространственного значения. Следует отметить, что эта тенденция не является для литовского языка новой. Подобные процессы происходили в истории литовской падежной системы и ранее, под влиянием других языков (например, немецкого, латинского и польского, на которых были написаны оригиналы переводимых текстов). Это считается общим процессом для индоевропейских языков, идущим с глубокой древности [Ambrazas, 2006: 311].

Таким образом, можно сказать, что возникновение предложных падежных моделей объясняется не только влиянием русского языка, но

в отдельных случаях продиктовано и внутренней логикой развития самого литовского языка.

Другим механизмом, проявляющимся при калькировании, является избыточность, противоположная минимизации средств. Такие же «лишние» форманты калькирующие соответствующие русские, появляются у местоимений. Например:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>kaip, kiek</i>	<i>ant kiek</i>	<i>насколько</i>
<i>taip, tiek</i>	<i>ant tiek</i>	<i>настолько</i>
<i>kažkada, kitados, kadaise</i>	<i>(kaž)kada tai</i>	<i>когда-то</i>
<i>kažkaip, kažin kaip</i>	<i>(kaž)kaip tai</i>	<i>как-то</i>
<i>kažkas (kažko, kažkam...), kažin kas; kai kas</i>	<i>(kaž)kas [(kaž)ko, (kaž)kam...] tai</i>	<i>кто-то (кого-то, кому-то...)</i>
<i>(kaž)kieno, kažin kieno</i>	<i>(kaž)kieno tai</i>	<i>чей-то</i>
<i>kažkodėl, kažin kodėl</i>	<i>(kaž)kodėl tai</i>	<i>почему-то</i>
<i>kažkoks (kažkokio, kažkokiam...), kažkokia (kažkokios, kažkokiai...)</i>	<i>(kaž)koks [(kaž)kokio, (kaž)kokiam...], (kaž)kokia [(kaž)kokios, (kaž)kokiai...] tai</i>	<i>какой-то (какого-то, какому-то...), какая-то (какой-то...)</i>
<i>kažkur, kažin kur</i>	<i>(kaž)kur tai</i>	<i>где-то</i>

Возможно, в этих примерах проявляется тоже своеобразная тенденция к аналитизму. Механизм этой тенденции может объясняться законом о силе выражения категории, которую У. Вайнрайх формулирует так: «Двуязычный индивид, без сомнения, чувствует потребность в том, чтобы категории одной его системы выражались не менее сильно, чем другой, и переносит соответствующие морфемы с целью их усиления» [Вайнрайх, 2000/1957: 66]. Иными словами, русская морфема *-то* в этих случаях может казаться сильнее или выразительнее, яснее отражающей определенное грамматическое значение. Это подтверждает и еще один закон, выделяемый Вайнрайхом, – о более легком переносе в другой язык более свободных и эксплицитных морфем [там же: 76].

2. Выражение неграмматикализованных значений. Заполнение лакун

Экономия средств выражения тесно связана и с другой тенденцией – стремлением к заполнению семантических и грамматических лакун. Если в языке нет однозначных прямых средств выражения определенной категории или значения, это, как правило, делается опосредованно, с помощью каких-либо более сложных средств. Другой вариант – когда какая-либо категория не грамматикализована. В этих случаях вполне естественно, что из другого языка могут заимствоваться лексемы и конструкции, более прямо и обобщенно выражающие соответствующие значения и категории.

К таким категориям относится, например, категория завершеного действия, которая в литовском языке грамматически не выражается. Вследствие этого из русского языка заимствуются префиксы с соответствующим значением. Например:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>(pa)koreguoti</i>	<i>atkoreguoti</i>	от корректировать
<i>restauruoti</i>	<i>atrestauruoti</i>	от реставрировать
<i>baigti rengti, kurti, galutinai apdoroti, išstbulinti</i>	<i>atidirbti</i>	от работать
<i>(pa)komentuoti</i>	<i>prakomentuoti</i>	про комментировать
<i>(pa)konsultuoti</i>	<i>prakonsultuoti</i>	про консультировать
<i>(pa)kontroliuoti</i>	<i>prakontroliuoti</i>	про контролировать

Все литературные литовские эквиваленты этих слов не содержат указания на законченность действия, его последнюю стадию; литовский префикс *pa-* скорее указывает на длительность действия, а не на его завершенность [DLKG, 2007: 404].

Далее, под действием аналогии начинают возникать и глаголы, калькированные с русского, соответствующие по значению глаго-

лам, уже существующим в литературном литовском языке, например:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>sureaguoti</i>	<i>atreaguoti</i>	отреагировать
<i>suredaguoti</i>	<i>atredaguoti</i>	отредактировать
<i>sureguliuoti</i>	<i>atreguliuoti</i>	отрегулировать
<i>suremontuoti</i>	<i>atremontuoti</i>	отремонтировать
<i>subalsuoti</i>	<i>prabalsuoti</i>	проголосовать
<i>nubėgti</i>	<i>prabėgti</i>	пробежать
<i>apčiūopti, užčiūopti</i>	<i>pračiūopti</i>	процунуть

То же значение завершеного или добавочного действия (со стремлением к определенной конечной точке действия) заключается в префиксе *da-* (*neda-*) – наверное, наиболее популярном и продуктивном славянском заимствовании в литовском, с которым особенно сложно бороться пуристам.

Действительно, если сравнить заимствованные и правильные литовские варианты, бросается в глаза их семантическое несоответствие:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>pribėgti, nubėgti (iki ko nors)</i> ‘прибежать’	<i>dabėgti</i>	добежать
<i>pridėti, (dar) įdėti</i> ‘добавить, (еще) положить’	<i>dadėti</i>	доложить
<i>prieiti (ka), nueiti (iki ko nors)</i> ‘подойти’	<i>daeiti</i>	дойти
<i>baigti ėsti; pri(si)ėsti (iki soties)</i> ‘закончить есть, наестся’	<i>daėsti</i>	доест
<i>(pri)leisti; leisti atsirasti, pa(si)daryti</i> ‘позволить появиться, сделаться’	<i>daleisti</i>	допустить

Окончание

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>pripilti (iki viršaus), (dar) įpilti, pripildyti</i> 'налить (доверху), (еще) налить, наполнить'	<i>dapilti</i>	<i>долить</i>
<i>priveisti (prie ribos); išvesti (iš kantrybės, pusiausvyros)</i> 'привести (к границе), вывести (из терпения, равновесия)'	<i>davesti</i>	<i>довести</i>
<i>ne(iš)kepęs, -usi, nebaigęs, -usi kepti, puzšalis, -ė</i> 'не(про)печеный, полу-сырой'	<i>nedakepęs, -usi, nedakeptas, -a</i>	<i>недопеченый</i>
<i>nepribaigtas, -a (mušti)</i> 'неприбитый'	<i>nedamuštas, -a</i>	<i>недобитый</i>

Еще одно значение – длительного действия, не грамматикализованное в литовском, приводит к возникновению у глаголов с суффиксами *-inėti, -dinėti* значения не повторяющегося [DLKG, 2007: 398], а длительного действия (как в русском языке), например:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>Partrenkė mašina, kaiėjau per gatvę</i>	<i>Partrenkė mašina, kai pereidinėjau gatvę</i>	<i>Сбила машина, когда переходил улицу</i>
<i>Tada buvau bebaigiąs institutą</i>	<i>Tada baiginėjau institutą</i>	<i>Тогда я оканчивал институт</i>
<i>Trečią žaidimo minutę atrodė, kad jau pralaimime, (esame bepralaimi) rungtynes</i>	<i>Trečią žaidimo minutę atrodė, kad jau pralaiminėjame rungtynes</i>	<i>На третьей минуте игры казалось, что мы уже проигрываем</i>

По-видимому, это же стремление выразить длительность глагольного действия отразилось и в заимствовании суффикса *-ова* из славянских языков, ср.:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский и(или) польский эквивалент
<i>bėdoti</i>	<i>bėdavoti</i>	<i>biedować, бедствовать</i>
<i>komanduoti</i>	<i>komandavoti</i>	<i>командовать</i>
<i>meistrauti</i>	<i>meistravoti</i>	<i>majstrować</i>
<i>ponauti</i>	<i>ponavoti</i>	<i>panować</i>
<i>žiemoti</i>	<i>žiemavoti</i>	<i>zimować, зимовать</i>

Видимо, значение славянского суффикса кажется более выраженным, чем соответствующего литовского (согласно упомянутому закону эксплицитности Вайнрайха).

Еще одно значение, не явно выраженное в литовском языке, – уменьшительно-уничижительное значение, которое имеет очень продуктивный славянский суффикс *-к*. Видимо, этим объясняется появление в литовском языке таких образований, как:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский и(или) польский эквивалент
<i>(šāškių) dama</i>	<i>damkė</i>	<i>дамка, damka</i>
<i>draugužė</i>	<i>draugelka</i>	<i>подружка, przyjaciółka</i>
<i>giedotoja, giesmininkė</i>	<i>giedorka</i>	<i>певичка, śpiewaczka</i>
<i>kaimynė, kaimynėlė</i>	<i>kaimynka</i>	<i>sąsiadka, соседка</i>
<i>mergiotė, mergiščia, mergiūkštė</i>	<i>mergelka</i>	<i>dziewka, девка</i>

Видимо, отсутствием аналогичных образований в литовском языке и стремлением снять омонимию посессивного атрибутивного значения и родительного падежа объясняется и возникновение таких прилагательных, как:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский и(или) польский эквивалент
<i>gydytojo, gydytojų</i>	<i>gydytojinis</i>	<i>врачебный, lekarski</i>
<i>mokytojų</i>	<i>mokytojinis</i>	<i>учительский, nauczycielski</i>
<i>rašytojų</i>	<i>rašytojinis</i>	<i>писательский, pisarski</i>
<i>skaitytojų</i>	<i>skaitytojinis</i>	<i>читательский, czytelniczy</i>

а также:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский и(или) польский эквивалент
<i>švedų sportininkai</i>	<i>švediškieji sportininkai</i>	<i>шведские спортсмены, sportowcy szwedzkie</i>
<i>grobikai turkai</i>	<i>turkiškieji grobikai</i>	<i>турецкие грабители, grabieżcy tureckie</i>
<i>rusų mokslininkai; mokslininkai rusai</i>	<i>rusiškieji mokslininkai</i>	<i>русские ученые, naukowcy rosyjskie</i>

3. Аналогии и унификации

Как уже отмечалось, многие изменения в языке происходят под действием аналогии: заимствуясь в язык в качестве заполнения лакуны, наиболее продуктивные языковые средства могут использоваться и в других случаях, где прагматическое преимущество их употребления уже не так очевидно. Это касается уже упоминавшихся суффиксов и префиксов. Помимо этого под действием аналогии могут унифицироваться некоторые семантически близкие лексемы. Если в языке-доноре близкие по семантике значения выражаются одним словом, язык-реципиент может воспользоваться этим примером как аналогией для унифицирования семантически близких лексем в своей системе. Например, под действием русского языка, в котором глаголы «открыть» и «закрыть» являются многозначными и используются в разных словосочетаниях, в литовском в этих же случаях по аналогии начинают использоваться соответственно глаголы *atidaryti* и *uždaryti*:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>atmerkti akis, atsimerkti</i>	<i>atidaryti akis</i>	<i>открыть глаза</i>
<i>atidengti atminimo lentą, paminklą</i>	<i>atidaryti atminimo lentą, paminklą</i>	<i>открыть памятную доску, памятник</i>
<i>atsukti čiaurą</i>	<i>atidaryti čiaurą</i>	<i>открыть кран</i>
<i>paleisti dujas, vandenį</i>	<i>atidaryti dujas, vandenį</i>	<i>открыть газ, воду</i>
<i>atversti, atskleisti knygą, sąsiuvinį</i>	<i>atidaryti knygą, sąsiuvinį</i>	<i>открыть книгу, тетрадь</i>

Окончание

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>išskleisti skėtį</i>	<i>atidaryti skėtį</i>	<i>открыть зонт</i>
<i>užmerkti akis, užsimerkti</i>	<i>uždaryti akis</i>	<i>заккрыть глаза</i>
<i>užsukti čiaupą</i>	<i>uždaryti čiaupą</i>	<i>заккрыть кран</i>
<i>užversti, užskleisti knygą, sąsiuvinį</i>	<i>uždaryti knygą, sąsiuvinį</i>	<i>заккрыть книгу, тетрадь</i>
<i>suglausti skėtį</i>	<i>uždaryti skėtį</i>	<i>заккрыть зонт</i>

То же происходит и с парой глаголов *надеть (dėtiis)* и *снять (nuimti)*²⁶. Ср.:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>vilkti(s) suknelę, švarką, paltą, apsiaustą ir pan.</i>	<i>dėti(s) suknelę, švarką, paltą, apsiaustą ir pan.</i>	<i>надевать платье, пиджак, пальто, плащ и под.</i>
<i>auti(s), mauti(s) apavą, kojines, kelnes ir pan.</i>	<i>dėti(s) apavą, kojines, kelnes ir pan.</i>	<i>надевать обувь, носки, брюки и под.</i>
<i>juosti(s) diržą, juostą (diržui, juosta) ir pan.</i>	<i>dėtiis diržą, juostą ir pan.</i>	<i>надевать ремень, пояс и под.</i>
<i>segtis auskarus, laikrodį, sagę ir pan.</i>	<i>dėti(s) auskarus, laikrodį, sagę ir pan.</i>	<i>надевать серьги, часы, брошь и под.</i>
<i>nu(si)vilkti suknelę, apsiaustą, švarką, paltą ir pan.)</i>	<i>nu(si)imti suknelę, apsiaustą, švarką, paltą ir pan.</i>	<i>снять платье, пиджак, пальто, плащ и под.</i>
<i>nu(si)auti, nu(si)mauti apavą, nusimauti kojines, kelnes ir pan.</i>	<i>nu(si)imti apavą, kojines, kelnes ir pan.</i>	<i>снять обувь, носки, брюки и под.</i>
<i>nu(si)juosti diržą, juostą ir pan.</i>	<i>nu(si)imti diržą, juostą ir pan.)</i>	<i>снять ремень, пояс и под.</i>
<i>nu(si)segti sagę, laikrodį, išsisiegti auskarus, nusimauti žiedą ir pan.</i>	<i>nu(si)imti sagę, auskarus, laikrodį, žiedą ir pan.</i>	<i>снять брошь, серьги, часы, кольцо и под.</i>

²⁶ В литовском языке существуют специализированные глаголы, обозначающие снятие / надевание разных типов одежды.

В этих случаях, видимо, язык руководствуется помимо аналогии также принципом минимизации, экономии средств в противовес избыточности и излишней конкретизации значений.

4. Метафоризация

Нередко, заимствуя подобные «простые» глаголы, язык (опять же, возможно, под воздействием аналогии) адаптирует к своей системе и случаи их метафорического употребления. Например, в случае с глаголом «снять» это такие выражения:

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>panaikinti apribojimus, sankcijas ir pan.</i>	<i>nuimti apribojimus, sankcijas ir pan.</i>	<i>снять ограничения, санкции и под.</i>
<i>nutraukti kontrolę, liautis kontroliuoti, kontroliavus</i>	<i>nuimti nuo kontrolės</i>	<i>снять с контроля</i>
<i>pašalinti, panaikinti priežastis, (psichologinę) įtampą</i>	<i>nuimti priežastis, (psichologinę) įtampą</i>	<i>снять причины, психологическое напряжение</i>
<i>numalšinti skausmą</i>	<i>nuimti skausmą</i>	<i>снять боль</i>

Подобным образом очень продуктивными оказались заимствованные значения глагола «ставить» (*statyti*):

Литовские литературные варианты	Литовский калькированный	Русский эквивалент
<i>(su)daryti grafiką, planą, tvarkaraštį</i>	<i>statyti grafiką, planą, tvarkaraštį</i>	<i>строить график</i>
<i>(pa)dėti, (pa)rašyti tašką, kablelį, kitus skyrybos ženklus</i>	<i>statyti tašką, kablelį, kitus skyrybos ženklus</i>	<i>ставить точку, запятую, другие знаки препинания</i>
<i>(pa)rašyti pažymį</i>	<i>statyti pažymį</i>	<i>ставить отметку</i>
<i>(iš)kelti tikslą</i>	<i>statyti tikslą</i>	<i>ставить цель</i>
<i>(iš)kelti klausimą, reikalavimą, sąlygą</i>	<i>statyti klausimą, reikalavimą, sąlygą</i>	<i>ставить вопрос, требование, условие</i>

По-видимому, в таких случаях проявляется не столько стремление языка к простоте выражения, минимизации средств, сколько к метафоризации, к созданию новых, переносных, значений на основе прямых. Это естественный процесс, характерный для любого языка и обогащающий его. Возможно, если сравнить многие выражения, заимствованные в литовский язык в виде калек из русского, с их эквивалентами в других языках, картина их бытования в литовском языке покажется несколько иной. Например, последнее выражение *statyti klausimą (смавить вопрос)* имеет аналогичный вариант во французском – *poser une question*.

Далее представлены некоторые глагольные конструкции и отглагольные производные с переносным значением, аналогичные в разных языках, в том числе представленные неприемлемым с точки зрения литовских лингвистов заимствованием в литовском:

Литовский литературный	Заимствование	Русский	Французский	Английский
<i>įtraukti į sąrašą</i>	<i>įnešti į sąrašą</i>	<i>внести в список</i>	<i>porter sur la liste</i>	
<i>būti atsakingam, atsakyti</i>	<i>nešti atsakomybę</i>	<i>нести ответственность</i>	<i>porter la responsabilité</i>	<i>to bear the responsibility</i>
<i>pakelti, iškentėti, iškęsti, išturėti, išverti</i>	<i>pernešti (skausmą, sielvartą, netektį, nelaimę)</i>	<i>перенести</i>	<i>supporter le froid</i>	<i>to bear pain, torture</i>
<i>elgtis</i>	<i>save vesti</i>	<i>вести себя</i>	<i>se conduire</i>	<i>to bear oneself</i>
<i>atiduoti naudoti, eksploatuoti</i>	<i>įvesti į eksploataciją</i>	<i>ввести в эксплуатацию</i>	<i>mettre en exploitation</i>	<i>put into operation</i>
<i>išskaičiuoti</i>	<i>išlaikyti (alimentus, mokesčius)</i>	<i>удержать (деньги, налоги)</i>	<i>retenir sur qch</i>	
<i>užkirsti kelią, neleisti atsirasti ligai, nusikaltimui, nelaimėi</i>	<i>perspėti (ligą, nusikaltimą, nelaimę)</i>	<i>предупредить</i>	<i>prévenir un danger</i>	<i>prevent an accident</i>
<i>būti</i>	<i>rastis</i>	<i>находиться</i>	<i>se trouver</i>	

Окончание

Литовский литературный	Заемствование	Русский	Французский	Английский
<i>pasakyti, pareikšti</i>	<i>išsireikšti</i>	выразиться	<i>s'exprimer</i>	<i>express oneself</i>
<i>eiti pareigas</i>	<i>pildyti pareigas</i>	исполнять обязанности	<i>remplir ses fonctions</i>	<i>fulfil the duties</i>
<i>sukelti (ligą, reakciją, žemės drebėjimą)</i>	<i>iššaukti (ligą, reakciją, žemės drebėjimą)</i>	вызвать (болезнь, реакцию, землетрясение)	<i>provoquer des larmes, des vomissements</i>	<i>provoke, evoke, call forth</i>
<i>remiantis kuo, vadovaujantis kuo; atsižvelgiant į ką</i>	<i>išeinant iš ko</i>	исходя из	<i>partir de qch</i>	
<i>posakis, pasakymas</i>	<i>išsireiškimas</i>	выражение	<i>expression (expressive-ment)</i>	<i>expression (expressif)</i>
<i>aplinkybė</i>	<i>apystova</i>	обстоятельство	<i>circonstance</i>	<i>circumstance</i>
<i>padarinys, rezultatas</i>	<i>pasėka</i>	последствие	<i>consequence</i>	<i>consequence</i>
<i>įžūliai, provokuojamai</i>	<i>iššaukiančiai, iššaukiamai</i>	вызывающе	<i>provocant</i>	<i>provocative</i>
<i>išdailintas, dailus, prašmatnus, elegantiškas, subtilus, rafinuotas, galantiškas²⁷</i>	<i>išieškotas</i>	изысканный	<i>recherché</i>	
<i>šis, šitoks, toks</i>	<i>sekantis</i>	следующий	<i>suisant</i>	<i>following</i>

Как видно из этой таблицы, больше соответствий литовским выражениям можно найти во французском языке. Это не случайно, ведь известно, что французские заимствования очень активно проникали в русский язык в XVIII–XIX веках. Причем в русском языке подобные кальки с французского не только не изгонялись, но и намеренно вводились в употребление, как это делал, например, Н. М. Карамзин в начале

²⁷ Несмотря на такое обилие литературных слов, близких этому значению, ни одно из них не соответствует ему полностью.

XIX в. Возможно, как раз благодаря этим нововведениям русский язык заметно обогатился, ведь немалую долю богатства языка составляет развитая метафорика.

Здесь мы приходим к важному принципу распределения заимствований: процесс языкового взаимодействия исследователи разделяют на 1) интерференцию, или отклонение от норм одного языка под влиянием другого, и 2) перенесение, при котором воздействующий язык не вызывает в первом нарушения нормы, но стимулирует уже существующие в нем закономерности, процессы и явления [Вайнрайх, 2000: 212, комментарий Ю. А. Жлуктенко]. Это, как представляется, относится к вышеописанным процессам метафоризации.

* * *

Таким образом, на примере вышеприведенных данных можно убедиться в том, что литовский язык, адаптируя славянские заимствования, использует тенденции, характерные для любого языка и отражающие процессы его нормального развития.

Литература

Вайнрайх У. (2000). Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования, М.: Благовещенский Гуманитарный Колледж им. И. А. Бодуэна де Куртене. (*Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems. New York: Linguistic Circle, 1953*)

Завьялова М. В. (2007). Обзор изменений в литовской падежной системе под влиянием русского языка // Вяч. Вс. Иванов (ред.), Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола. М: Ин-т славяноведения РАН, 46–66.

Ambrazas V. (2006). *Lietuvių kalbos istorinė sintaksė*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.

DLKG (1997). *Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Trečiasis pataisytas leidimas*. Vilnius, Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.

Vogt H. (1949). Dans quelles conditions et dans quelles limites peut s'exercer sur le système morphologique d'une langue l'action du système morphologique d'une autre langue? // M. Lejeune (éd.) *Actes du Sixième Congrès International des Linguistes*. Paris: Klincksieck, 31–45.

Valstybinė lietuvių kalbos komisija – <http://www.vlkk.lt>:

Linksnų vartojimo klaidos – <http://www.vlkk.lt/klaidos/linksniu-vartojimo.html>

Prielinksnų vartojimo klaidos – <http://www.vlkk.lt/klaidos/prielinksniau-vartojimo.html>

Žodyno klaidos – <http://www.vlkk.lt/lit/klaidos/zodyno.html>

Žodžių sandaros klaidos – <http://www.vlkk.lt/lit/klaidos/zodziu>

Вяч. Вс. Иванов (Лос-Анджелес)

**СЕВЕРОЗАПАДНО-ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ
И УРАЛЬСКИЕ ТОНЫ
С ЛАРИНГАЛИЗАЦИЕЙ:
СИНХРОННАЯ И ДИАХРОНИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА И ГЕНЕТИКА**

In the article the polytonic suprasegmental systems of the languages of the North-Western part of Europe are studied from a typological point of view. Particular attention is paid to the systems that include a tone characterized by laryngealization (glottal stop or other forms of the narrowing of the distance between the vocal chords). To these belong such Baltic dialects as the Low Lithuanian (Samogitian) with a system of two tones which includes a ‘glottalic’ one and the majority of Latvian dialects; some Uralic languages like Livonian (with the system closely resembling that of Latvian) and the South Estonian Leivu dialect, some Germanic idioms of the Northern Germanic branch (e. g. Danish *stød*). It can be hypothesized that similarities between the glottalized (laryngealized) tones in all these languages can be explained as having diffused from one centre. The Russian linguist Yevgeniy Polivanov was the first one to suggest 90 years ago that in Latvian a tone of this kind was inherited from the proto-Indo-European system. Recently a similar idea was independently developed by Frederic Kortlandt, who thinks that the Indo-European glottalic tone has survived in Latvian. This hypothesis is compared with several other proposals about the history of the Balto-Slavic tones, also with Anatoly Liberman’s reconstruction of a glottalic tone as a proto-Scandinavian archaism. In the article it is proposed that the distribution of tones may be interpreted according to a new theory that establishes parallel development of genes “commanding” tones and of the corresponding phonetic events. The phonological interpretation of a glottal stop as a suprasegmental unit could have been made possible in a tonal system based on the inherited linguistic features presupposed by a particular type of genome.

Предметом настоящей статьи является широко обсуждаемый в последние годы вопрос о существовании языкового союза, или географической зоны (ареала), с наложением друг на друга взаимовлияний тоновых языков в циркумбалтийской области или по соседству с ней и о возможных лингвистических и генетических причинах этого явления.

1. Результаты синхронного описания современных просодических систем

1.1. Северозападно-индоевропейские языки

1.1.1. Восточнобалтийские языки и диалекты

1.1.1.1. В современном литовском разговорном литературном языке и в его аукштайтских диалектах южной и центральной Литвы существуют два противопоставленных друг другу типа музыкального ударения (интонации), реализующегося в ударных слогах с долгими гласными или в ударных слогах, где за кратким гласным следует сонант. Фонетическая реализация каждого из этих типов различается по диалектам. Она характеризуется противопоставлением акутовой (в архаических диалектах нисходящей) интонации циркумфлексной (восходящей или ровной), см. [Gerullis, 1930: XXVIII; Stang, 1966: 125; Kundrotas, 2008].

1.1.1.2. В жемайтских диалектах северо-западной Литвы акут реализуется как просодически функционирующий гортанный смычный (глоттальный тон) или его фонетические варианты, тогда как мелодический рисунок циркумфлексной интонации описывается как восходящая, переходящая в нисходящую.

1.1.1.3. В латышском языке противопоставлено три типа музыкального ударения. В ударных слогах с древним акутовым ударением оно реализуется как «длительная интонация» – восходящая (при произнесении отдельных слов) или ровная (в связном тексте), в других контекстах – как глоттальный тон [Ekblom, 1933].

1.1.1.4. В верхнелатышском или латгальском длительная интонация совпадает с нисходящей и противопоставление глоттальному тону делает систему двучленной.

1.1.2. Югозападно-славянские языки

В словенском и разных диалектных вариантах сербского и хорватского представлены два типа отличных друг от друга высотно-мелодических различий. В сербо-хорватском диалектном ареале есть нисходящий тон на начальном слоге и восходящий на неконечном слоге. В недавнее время был обнаружен диалектный ларингализованный вариант одного из двух тонов. Фонетически он сопоставим с датским «толчком» (*stød*).

1.1.3. Скандинавские (северногерманские) языки

1.1.3.1. В датском языке существует двучленная система, в которой ларингализованный тон *stød* «толчок» (и его диалектные варианты, характеризующиеся рядом других интонационных признаков) противопоставлен неларингализованному, см. [Fischer-Jørgensen, 1989].

1.1.3.2. В норвежском и шведском языках существует противопоставление двух высотно-мелодических интонаций.

1.2. Балто-финская группа финно-угорских языков внутри уральских

1.2.1. В ливском языке (немногие последние представители которого еще говорят на нем) ларингализованный тон и его неларингализованные варианты противопоставляется неларингализованному [Kettunen, 1926, 1947; Vihman, 1971; Rajuruu, Viitso, 1986]. П. Кипарский, одним из последних наблюдавший эту систему, настаивает на собственно тоновом характере этой оппозиции [Kiparsky, 2007].

1.2.2. Согласно П. Аристе, писавшему об этом еще в своей диссертации в 1931 г. (и потом возвращавшемуся к этой проблеме, в частности и в переписке со мной), ларингализованный тон, противопоставленный неларингализованному, есть также в южноэстонском диалекте лейву.

1.3. Политонический языковой союз в Северной Европе?

Наличие в западной части Северной Европы политонического языкового союза было отмечено уже 80 лет назад в пионерской работе Романа Якобсона о евразийском языковом союзе [Jakobson, 1931/1971]. Якобсон сопоставил характер противопоставления по глоттализации (*Tonbruchkorrellation*) в датском, латышском и части других названных выше языков. Замечания, продолжающие наблюдения и выводы Якобсона, содержатся в многочисленных последующих фонологических исследованиях, см. [Lehiste, 1978]. Из новейших трудов отметим работу А. Д. Даугавет, сопоставившей типы долгих слогов, на которых различаются тоны, в литовском, латышском, ливском и датском языках. По А. Д. Даугавет, в литературных шведском и норвежском языках «реализация тональной оппозиции требует последовательности из двух слогов» ([Даугавет, 2009], этот вывод аналогичен полученному Лехисте и Ивичем в отношении сербо-хорватских тонов [Lehiste, Ivić, 1972]).

2. Дiachронические реконструкции

2.1. Первым лингвистом, предположившим, что ситуация в латышском может в конечном счете отражать индоевропейское состояние, был Е. Д. Поливанов. Исследуя в ряде своих работ типологию функций гортанной смычки в разных языках мира, Поливанов обращал внимание на роль глоттализованного тона в таких языках, как латышский (ему известный с детства, проведенного в Риге из-за службы отца), см. [Поливанов, 1923, 1928, 1936]. Поливанов принимал ту реконструкцию истории балто-славянского ударения, которая была предложена Фортунатовым и развита вслед за ее рассмотренной ниже интерпретацией Соссюра многими последующими лингвистами.¹ Но при этом ту интонацию, которую Фортунатов назвал «прерывистой», Поливанов рассматривал как непосредственный источник латышской «прерывистой».

Не зная, по-видимому, об этих прозрениях Поливанова, сходную точку зрения полувеком позднее неоднократно высказывал и пробовал обосновать известный голландский лингвист Ф. Кортландт. Он исходит из такой реконструкции праиндоевропейского, которая теперь стала возможной благодаря ларингальной теории; он также принимает ту новую интерпретацию индоевропейских смычных, которая предполагает глоттализацию как один из элементов их структуры. В балто-славянском эти фонологические соотношения были интерпретированы как просодические, что в начале привело к созданию глоттального тона. Для прабалто-славянского Кортландт предполагает основанную на индоевропейских сочетаниях сонантов и гласных с ларингальными и на глоттализации как признаке смычных фонем особую музыкальную интонацию, охарактеризованную как глоттальная. Эта интонация при многочисленных предполагаемых Кортландтом преобразованиях системы сохраняется в определенных акцентуационных условиях в латышском и жемайтском. Собственно тоны, по Кортландту, в балтийском и славянском развиваются позднее, после преобразования этих исходных соотношений [Kortlandt, 2003, 2005]; развитие обнаруживает разительные типологические параллели в атабаскском согласном недавно предложенным его реконструкциям.

¹ Об истории открытий Фортунатова и Соссюра (в частности и в связи с долгими сонантами, объясненными ларингальной теорией) см. [Дыбо, 1977; Joseph, 2009].

2.2. В отличие от Поливанова и Кортландта, для которых латышский (и до некоторой степени жемайтский) служат результатами развития исходной индоевропейской системы, в них все еще отражающейся, значительно бóльшую перестройку исходных соотношений предлагают разные современные теории балто-славянского тоногенеза, опирающиеся на открытия Фортунатова и Соссюра. Для последнего, судя по напечатанным частям его последних записей к неоконченным работам по акцентуации и в особенности по его письмам к Мейе [Benveniste, 1964; Joseph, 2009], важнейшей проблемой оставалось отражение в балтийском индоевропейских фонем, теперь называемых ларингальными. Их древние индоевропейские сочетания с гласными и сонантами преобразовались в такие балто-славянские долгие гласные и сонанты, которые несли на себе акутовую интонацию (в отличие от циркумфлексной, отражающей древнее отсутствие ларингального). В двух статьях Соссюра, заложивших основы современного понимания развития литовских интонаций, проводится четкое противопоставление интонации (тона), характеризующей определенный слог в слове, и словесного ударения. Последнее может быть весьма существенным для оценки тона того слова, на которое может падать ударение. В частности, именно ударение проясняет характер интонации тех долгих слогов в литовском, которые оказываются ударными. Но Соссюр показал, что эти два акцентуационных фактора оказываются друг от друга независимыми. Дальнейшее развитие акцентуационных сравнительно-исторических исследований пошло по пути реконструкции исходных типов парадигм, различающихся наличием или отсутствием передвижения ударения. Для истории балтийских языков важнейшее открытие было сделано Эндзелином. Он установил, что в латышском прерывистая интонация есть в тех словах, которые в правосточнобалтийском имели акутовую интонацию в подвижной парадигме. Это открытие подтвердило силу интуиции Соссюра, предположившего, что тоны в латышском зависят от классов исходных парадигм [Соссюр, 1977].

Дальнейшее развитие идеи Эндзелина осуществлялось, с одной стороны, в собственно фонетических исследованиях, выявлявших связь гортанного взрыва с определенным типом восходящего или высокого тона, с другой стороны, в работах по типологии тоногенеза в различных тоновых языках Юго-Восточной Азии, Африки, обеих Америк (см. [Ivanov, 1983; Иванов, 1975] с дальнейшей детальной библиографией).

Основной областью, где было достигнуто продвижение в сравнительно-исторических исследованиях индоевропейских тонов, явилось изучение развития акцентуационных парадигм. На этом пути выявились возможности сопоставления [Иллич-Свитыч, 1963] восстановленных балто-славянских парадигм с прагерманскими (реконструированными по закону Вернера) и древнеиндийскими, восходящими к тому же прасточноиндоевропейскому источнику, что и древнегреческий.

2.3. Эти новейшие исследования балто-славянской и индоевропейской акцентуации, проведенные в последние десятилетия, привели к такой реконструкции наиболее древнего состояния, которая, согласно В. А. Дыбо, характеризуется наличием просодической характеристики у каждого слога. В том праязыке, который восстанавливается для раннего периода², каждый слог имеет свой тон и определенную акцентуационную валентность, характеризующую его возможные связи с другими слогами, соседними с ним. Из современных диалектов рассматриваемого ареала типологически отчасти близкую картину могут представлять некоторые латышские диалекты, сохранившие относительную просодическую независимость каждого слога.

В недавних работах одного из пионеров ностратического языкознания А. Б. Долгопольского высказывается предположение, согласно которому в самый ранний реконструируемый период праязык всей этой макросемьи (к которой Долгопольский, как и Иллич-Свитыч, наряду с другими пятью семьями возводит и афроазиатскую) отличался сугубо аналитическим грамматическим строем (в других терминах – был изолирующим). В таком случае можно было бы предположить, что в этом языке слог был равен морфеме и слову и, соответственно, у каждого слога с определенным (лексическим и/или синтаксическим) значением была определенная музыкальная интонация (одной из них могла служить и глоттальная, или ларингализованная, характеризовавшаяся не вибрацией, а сжатием или смыканием голосовых связок). Такой тип языков широко представлен среди языков мира, и поэтому ре-

² С точки зрения ностратической реконструкции казалось бы интересным сопоставить наиболее глубокую индоевропейскую реконструкцию с той, которая может быть получена для других родственных праязыков. Но надежными пока остаются только те алтайские сопоставления, для которых есть материал и в корейском, и в японском. Сравнение с индоевропейским кажется возможным в таких случаях., как и.-е. **mēms-* → балт. **mēms-ā*, русск. *мясо* : алт. **úsu* (ḡ-, -i), корейск. **sjó*, японск. **úsi*.

конструкция представляется вероятной. Замечу, что к ней тяготел и В. М. Иллич-Свитыч, во многих статьях своего ностратического словаря предлагавший этимологически связывать морфемы, находившиеся то в префиксальной, то в суффиксальной позиции. Скорее всего, он мыслил их как первоначально независимые слова, позднее испытавшие грамматикализацию.

2.4. Большинство работ, описывающих историю датского толчка, соотносят его возникновение с историей музыкального удара и других типов фонации в других скандинавских языках. Сопоставив различные виды глоттализации в северногерманских языках и диалектах, Анатолий Либерман пришел к выводу о праскандинавском возрасте этих просодических явлений [Liberman, 1982]. Еще более раннее время появления глоттализации как просодического средства предполагает в своих германистических трудах Ф. Кортландт. Он прибегает для сравнения с проявлениями фонологического использования гортанного взрыва и других фонационных средств к той интерпретации передвижения согласных и закона Вернера, которая стала возможной благодаря глоттальной теории. Кортландт полагает, что глоттальные элементы, в раннюю эпоху характеризовавшие смычные согласные и сочетавшиеся с гласными и сонантами, позднее дали начало тем явлениям преглоттализации и ларингализации, которые с прагерманского времени отмечаются в этой части индоевропейских диалектов. Хотя одной из возможных группировок индоевропейских диалектов остается такая, в которой балто-славянский объединяется с германским, не вполне ясно, можно ли, по Кортландту, предположить сходное функционирование глоттализации во всей этой диалектной индоевропейской области.

2.5. Когда в ливском языке была обнаружена система трех (или – в диалектах – двух) интонаций, сходных с латышской, возник вопрос об их исторической взаимосвязи. Поскольку многие писавшие об этом считали, что ливский язык – единственный из финно-угорских, в котором есть тоны (эстонский диалект лейву не учитывался), возникала возможность предположить латышское влияние. Но этой гипотезе не противоречило и сравнение с лейву, который тоже развивался в контакте с латышским. Начиная с истории ливской фонологической системы у Кеттунена изучался целый комплекс различных звуковых изменений, которые в конце концов могли привести к возникновению ливской системы тонов. Большинство этих изменений встречается и

в других языках, где обнаруживаются следы тоногенеза. Одним из типологически наиболее обычных способов возникновения глоттальной смычки, в том числе и как приметы глоттального тона, является исчезновение ларингальной или фарингальной (иногда и заднеязычной) фонемы. Этот тип изменения характеризует ливские слова с прерывистой интонацией типа *ro'o* < **raha* 'деньги'. П. Кипарский, подвергший ливскую ларингализованную интонацию детальному исследованию, не согласен с предложенным Кеттуненом описанием этого процесса как замещения исчезнувшей фонемы. Кипарский исходит из понимания этого ливского явления прежде всего как тона. Соответственно изменение рассматривается как вторичное по отношению к основному, состоящему в присоединении моры с низким тоном к слогу с высоким тоном [Kiparsky, 2007]. Находившийся между ними согласный был ликвидирован как мешавший этому тональному изменению. Не обсуждая преимуществ и недостатков этого нового описания процесса по сравнению с традиционным у Кеттунена, заметим, что явление допускает двоякую интерпретацию.

Сходные изменения унаследованного балто-финского состава слов и морфем характеризуют эстонский диалект лейву, где тоже возможны два альтернативных описания.

2.6. Системы, включающие ларингализованные тоны и другие близкие к ним способы фонации, встречаются на географически близких территориях Северо-Западной и северной части Центральной Европы. Не исключая возможности влияния одного из диалектов на соседние с ним, можно поставить и более общий вопрос: не может ли сходная система и особенно входящий в нее глоттальный тон быть чертой, общенной всем этим языкам благодаря их прямой или косвенной связи с субстратным языком? В этом случае могут быть сделаны предположения о просодических особенностях субстратного языка Северной Европы.

3. Тональные языки и генетика

Последняя возможность подводит к вероятности изыскания мостов, которые бы соединили лингвистическое исследование этой части Европы с генетическим.

3.1. Наиболее существенный вывод относительно географического распределения тоновых языков и языков без тонов был на материале

Европы сделан в упомянутой выше работе Романа Якобсона и развит рядом его продолжателей. По отношению к языкам мира в целом этот вывод распространен и подтвержден в недавнем «Атласе структур языков мира» [WALS]. Установлено, что языки мира группируются связными объединениями по этому (и некоторым другим) признакам.

3.2. Следующий существенный шаг был сделан вместе лингвистом и генетиком [Dediu, Ladd, 2007]. Выяснилось, что распространение тоновых и бестоновых языков коррелирует с распространением относительно поздно появившихся вариантов аллелей двух генов, главные известные функции которых сопряжены с регулированием размера головы, черепа и мозга. Это микроцефалин (Microcephalin) и ген ASPM (Abnormal spindle-like microcephaly-associated protein) – ненормального веретенообразного белка, ассоциированного с микроцефалией, он также известен под именем ненормального веретенообразного гомолога этого белка. Оба варианта аллелей, распределение которых связано с географией тоновых и бестоновых языков, по молекулярным часам являются относительно новыми, их появление датируется периодом между 40 000 и 6000 лет.

Если принять рассматриваемую лингво-генетическую гипотезу, то можно было бы думать, что древние аллели двух генов могут быть остатком времени, когда все языки могли быть тоновыми (изолирующими-аналитическими с равенством слова морфу и слогу с тоном на нем) – остаток их можно по данным лингвистической типологии предположить в Африке, к югу от Сахары. Что же касается тоновых тибето-китайских языков и таких тоновых аустроазиатских языков, как вьетнамский, их можно было бы отнести к прямым результатам первоначального расселения из Африки. Предполагается, что во время этого расселения происходило смешение с другими группами, образовавшимися раньше.

Следующий этап как-то соотнесен с «производными» аллелями и большим типологическим разнообразием нетоновых языков. В это время группам географически смежных зон распространения производных аллелей могут отвечать языковые союзы бестоновых языков типа евразийского языкового союза, открытого Р. Якобсоном, см. рис. 1.

Выделяется Австралия и Новая Гвинея – тоны уже везде пропали, или к моменту заселения их не было. По-видимому, сейчас можно ожидать оживления интереса к доистории папуасских обитателей Новой Гвинеи и окрестных островов. Генетики предполагают, что особен-

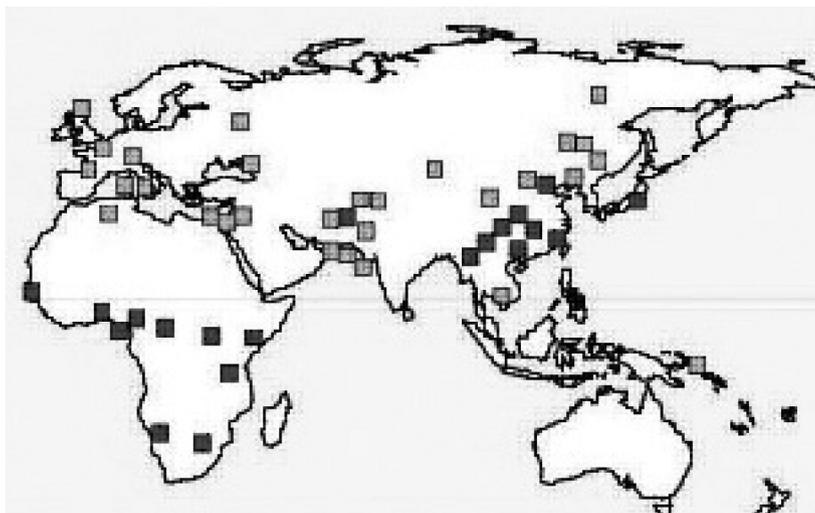

Рис. 1. Распределение в Старом Свете языков без тонов (светло-серые квадраты) и с тонами (тёмно-серые квадраты)

ности генома жителей этой части Океании сближают их с только что открытым особым типом наших предков – денисовским человеком (по имени пещеры Денисовской на юге Алтая), близким к человеку разумному и неандертальцам, но от них отличавшимся. Предполагается, что для истории расселения человека по востоку Евразии эти новые открытия могут иметь первостепенное значение.

Результаты исследования денисовских находок, сообщаемые в одном из недавних номеров “Nature” [Reich et al., 2010], весьма увлекательны. Мне с лингвистической стороны кажутся заманчивыми генетические сравнения с папуасами Новой Гвинеи. Какая конкретная подгруппа папуасов имеется в виду в отношении генома? С точки зрения языка там среди примерно 900 языков есть несколько различных не только семей, но и макросемей (таких как трансновогвинейская), возможно, архаических (мы это обсуждали в последнем разговоре с покойным С. А. Старостиным перед его смертью – он полагал, что одна из этих макросемей была более ранним языком Австралии до появления там той макросемьи, к которой восходит основная часть современных языков аборигенов-австралийцев, см. [Иванов, 2010: 103–111]).

Собственно меланезийские (австронезийские) языки на Новой Гвинее и соседних островах Меланезии все пришлые, относительно поздно появившиеся. Отмечаемый физической антропологией человека архаизм облика «австрало-меланезийцев» (т. е. папуасов) заставляет думать и о возможной древности их языковых черт. Скорее всего, вторичное заселение Австралии в более позднюю эпоху стерло древние соотношения, как в евразийском языковом союзе и как в Западной Европе (кроме циркумбалтийско-северноевропейского ареала).

Авторы рассматриваемой гипотезы склонны предположить относительно поздние изменения в этом ареале. Это противоречит части изложенных выше лингвистических реконструкций. Представляется, что для более успешного развития совместных генетических и языковедческих работ необходимым условием должно быть четкое определение взаимно совместимых хронологических и пространственных границ.

При попытке применения общей идеи распределения тоновых и бестоновых языков к рассматриваемому материалу кажутся существенными следующие вопросы, ожидающие ответа.

Во-первых, появление поздних аллелей *d* в каждой из аллелей предположительно соотносится с взаимодействием геномов человека разумного и неандертальца на территории Европы. С этой точки зрения предложенный выше вариант объяснения общих черт воздействием субстрата мог бы рассматриваться и в связи с возможным определением тонового характера (и соответствующих типологических черт) предположительного языка неандертальца. Выявление вероятной общности «языкового» гена *PFOx-2* у человека разумного и неандертальца, по-видимому, кладет конец дискуссии о том, в какой мере можно говорить об устном языке неандертальца. Данный ракурс позволяет, возможно, подойти к деталям проблемы.

Во-вторых, скорее всего, следует думать о том, что в последующем человеческом (а не в более раннем неандертальском) субстратном языке могли отразиться черты того раннего населения Северной Европы, которое, по выводам генетиков, работавших с Ренфрю, определялось как генетически сходное с последующими саами. В этом отношении заслуживают внимания просодические особенности саамских акцентов (в смысле, придаваемом этому термину в уралистике).

В-третьих, кажется возможным поставить вопрос об истолковании двоякого дополнительного описания глоттальной интонации и ее фонологических истоков. Когда язык (вероятно, и по генетическим при-

чинам при смене населения или смешении разных этнических групп) из бестонового становится тоновым, прежние элементы фонемной системы (например, гортанный согласный) могут быть переосмыслены как тоны без существенного изменения их физической реализации.³ Поэтому наличие глоттальной интонации может быть характеристикой процессов изменения генетического состава и типа языков населения. Усваивая язык тонового типа, носители субстратного языка и сменяющего его нового языка могут заменять прежние фонемы и их сочетания тонами, которые возникают в соответствующих слогах.

Исследование этих вопросов сулит проникновение в раннюю историю Северной Европы.

Литература

Даугавет А. Д. (2009). Два типа тональных оппозиций в циркумбалтийских языках // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология, востоковедение, журналистика. 2/2, 128–133.

Дыбо В. А. (1977) Работы Ф. де Соссюра по балтийской акцентологии // Соссюр, 1977, 583–597.

Иванов Вяч. Вс. (1975). К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными тонами // Очерки по фонологии восточных языков. М., 3–58.

Иванов Вяч. Вс. (2010). Дуальные структуры в семиотических системах. 2-е изд. М.: РГГУ.

Иллич-Свищич В. М. (1963). Именная акцентуация в балтийском и славянском. М.: Изд-во АН СССР.

Поливанов Е. Д. (1923). Фонетические особенности касимовского диалекта. М.

³ В терминах телеологической модели языкового развития Пражского лингвистического кружка можно было бы сказать, что целью преобразования в таких случаях является создание тона языка. Но осуществление этой цели происходит путем переинтерпретации наличного языкового материала. Возвращаясь к полемике Кипарского с Кеттуненом, можно было бы понять необходимость дополнительного (в смысле Н. Бора) описания: главное в развитии – переход от бестонового типа языка к тоновому. Но это осуществляется путем новой интерпретации исчезающего согласного, при которой в соответствующем слоге возникает ларингализованный тон. Весь процесс можно описать и в терминах «психофонетики» позднего Бодуэна де Куртене и следовавшего за ним Поливанова – «звукопредставление» в восприятии говорящего заменяется тоном силлабемы, из которой прежде звукопредставление исчезает.

Поливанов Е. Д. (1928). Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л.

Поливанов Е. Д. (1936). Грамматика дунганского языка. Рукопись. Архив Академии наук Киргизии.

Соссюр Ф. де (1977). Труды по языкознанию. М.: Прогресс.

Benveniste E. (1964). Lettres de F. de Saussure à A. Meillet // Cahiers Ferdinand de Saussure, 89–135.

Dediu D., Ladd D. R. (2007). Linguistic tone is related to the population frequency of the adaptive haplogroups of two brain size genes, ASPM and Microcephalin // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America 104/26, 10944–10949.

Eklblom R. (1933). Die lettische Akzentarten. Eine experiential-phonetische Untersuchung. Uppsala: Almqvist och Wiksell.

Fischer-Jørgensen E. (1989). Phonetic analysis of the stød in Standard Danish // *Phonetica* 46, 1–59.

Gerullis G. (1930). Litauische Dialektstudien. Leipzig: Harkert & Fetters.

Ivanov Vyach. Vs. (1983). Synchronic and diachronic typology of prosodic systems with laryngalized and faryngealized tonemes. Paper presented to the Tenth International Congress of Phonetic Sciences, Utrecht.

Jakobson R. (1931). Über die phonologischen Sprachbünde // *Travaux de Cercle linguistique de Prague* 4, 234–240. (Repr. in R. Jakobson. Selected Writings. Vol. 1. The Hague, Paris: Mouton, 1971, 137–143.)

Joseph J. E. (2009). Why Lithuanian accentuation mattered for Saussure // *Language and History* 52/2, 182–198.

Kettunen L. (1926). Untersuchungen über die livische Sprache. Tartu.

Kettunen L. (1947). Hauptzüge der livischen Laut- und Formengeschichte. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Kiparsky P. (2007). Livonian stød. Ms. (<http://www.stanford.edu/~kiparsky/Papers/livonian.pdf>)

Kortlandt F. (2003). Early dialectal diversity in Southern Slavic II // Dutch contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists. New York, Amsterdam: Rodopi, 215–235.

Kortlandt F. (2005). From Serbo-Croatian to Indo-European // *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 51, 113–130.

Kundrotas G. (2008). Lietuvių kalbos intonacinių kontūrų fonetiniai požymiai (eksperimentinis-fonetinis tyrimas) // *Žmogus ir žodis* № 1, 43–55.

Lehiste I. (1978). Polytonicity in the area surrounding the Baltic Sea // E. Gårding, G. Bruce, R. Bannert (eds.), *Nordic prosody: Papers from a Symposium*. (Travaux de l'Institut de Phonétique de Lund 13). Lund: Lund University, 237–247.

Lehiste I., Ivić P. (1972). Experiments with Synthesized Serbocroatian Tones // *Phonetica* 26, 1–15.

Lieberman A. S. (1982). *Germanic Accentology*. Vol. 1. Minneapolis: Minnesota University Press.

Pajupuu H., Viitso T.-R. (1986). *Livonian Polyphthongs // Estonian Papers in Phonetics 1984-1985*. Tallinn, 96–131.

Reich D., Green R. E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E. Y., Viola B., Briggs A. W., Stenzel U., Johnson P. L. F., Maricic T., Good J. M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E. E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. (2010). Genetic history of an archaic hominid group from Denisova Cave in Siberia // *Nature* 468 (7327), 1053–1060.

Stang Chr.S. (1966). *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*. Oslo; Bergen; Tromsø: Universitetsforlaget.

Vihman M. M. (1971). *Livonian Phonology, with an Appendix on Stød in Danish and Livonian*. Doctoral Dissertation, Berkeley University.

WALS (2005) (<http://wals.info>). M. Haspelmath, B. Comrie, M. Dryer, D. Gil (eds.), *World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press.

А. Д. Даугавет (Санкт-Петербург)

ГЕМИНАЦИЯ СОГЛАСНЫХ В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ: СЛЕДЫ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОГО ВЛИЯНИЯ

Voiceless obstruents in Latvian become geminates between two short vowels, the first vowel belonging to the stressed syllable, as in *la[pp]a* ‘leaf’ (nom.sg.). With the exception of morpheme boundaries, no geminates are found after long vowels, diphthongs, and so-called diphthongal sequences of a short vowel and a sonorant consonant, which, traditionally, exhaust the possible types of long syllables in the Baltic languages; for example, *lāpa* ‘torch’, *laipa* ‘plank’, *lampa* ‘lamp’ (nom.sg.). Since the first part of geminates occupies the same position as the second component of diphthongs and diphthongal sequences and the second half of long vowels, gemination is seen as a device that introduces a new type of long syllables under the influence of the neighbouring Finnic languages, where syllables ending in obstruent consonants are long and geminates are common. The absence of gemination before long vowels, as in *lapā* ‘leaf’ (loc.sg.), is interpreted as the reflection of the Finnic ‘foot isochrony’, when the duration of the stressed syllable is inversely correlated with the duration of the immediately following unstressed syllable.

Одним из важных отличий в фонетике литовского и латышского языка являются геминированные согласные, которые полностью отсутствуют в литовском, но нередко встречаются в латышском, ср. лит. *lāpas* ‘лист’, лтш. *la[pp]a* ‘тж.’, а также оформление заимствований: лит. *gālas* ‘галл’ не отличается по звучанию от исконного слова *gālas* ‘конец’, тогда как в латышском формы этих слов образуют минимальную пару *galli* ‘галлы’ – *gali* ‘концы’. В этом смысле латышский оказывается ближе к прибалтийско-финским языкам, где геминаты представляют собой обычное явление. Целью настоящей статьи является проанализировать функциональные особенности геминат в латышском языке, а также в территориально близких ему эстонском и ливском языках, и установить, насколько латышский обязан своими геминированными согласными прибалтийско-финскому влиянию.

1. Понимание термина «гемината»

В начале следует уточнить некоторые положения, обычно ассоциирующиеся с геминатами.

Во-первых, термин «гемината» может означать то же самое, что и долгий согласный (реже также он употребляется по отношению к долгим гласным). Правда, гемината в большей степени подразумевает наличие слоговой границы между ее частями, тогда как термин «долгий согласный» может относиться и к количественным характеристикам слогоконечного согласного (одного из слогоконечных согласных), ср. эст. `saa|gi 'пила' (part.sg.)¹ – `saa[k|k]i 'добыча' (part.sg.), с одной стороны, и `saag 'пила' (nom.sg.) – `saa[ḳ]i 'добыча' (nom.sg.), с другой². Ниже геминатами будут называться только интервокальные долгие согласные.

Таблица 1

	Краткие	Долгие	Сверхдолгие
гласные	<i>laji</i> 'потолок' (nom./sg.)	<i>s[ā]gi</i> 'добыча' (gen.sg.)	<i>s[â]gi</i> 'пила' (part.sg.)
согласные		<i>la[ĳ̣]i</i> 'лак' (gen.sg.)	<i>la[ĳ̣ĳ̣]i</i> 'лак' (part.sg.)

Во-вторых, долгие согласные в фонологической системе языка нередко описываются как параллельные долгим гласным. Такова, в частности, традиционная интерпретация эстонского [Ariste, 1939: 276–280;

¹ Грамматическая характеристика формы здесь и далее приводится в скобках до или после перевода, однако может быть опущена в случае словарной формы лексемы; в некоторых случаях оказывается удобнее отразить грамматическую информацию в самом переводе.

² Традиционная транскрипция, используемая в финно-угроведении, позволяет различать несколько степеней длительности у гласных и согласных. В настоящей статье в основном будут встречаться обозначения полудолготы (напр., [ā], [ĳ̣]), сверхкраткости ([ā̆], [ĳ̣̆]), сверхдолготы ([â]) и вполне традиционное обозначение «нормальной» долготы ([ā], [k]). Как в прибалтийско-финских, так и в балтийских примерах за исключением особых случаев используется смешанное представление слов, при котором орфографическая запись (во всех рассматриваемых языках довольно близкая фонологической транскрипции) уточняется фонетической транскрипцией отдельных звуков или фрагментов слова.

1953: 100–107], выделяющая три степени долготы и у гласных, и у согласных сегментов³ (табл. 1).

Тем не менее подобный подход не учитывает, что гемината располагается по обе стороны от слоговой границы и принадлежит двум разным слогам, тогда как долгий гласный остается в пределах одного и того же слога. Поэтому частичную параллель долгим и кратким гласным могут составить только слогоконечные согласные разной длительности, напр., `saag ‘пила’ (nom.sg.) – `saa[k] ‘добыча’ (nom.sg.). Геминаты отличаются от одиночного согласного так же, как отличается от одиночного краткого гласного следующие друг за другом и принадлежащие разным слогам краткие гласные одного качества, как, напр., в лтш. *ne|esi* (2sg.prs.) ‘не быть’ (ср. с лит. *nesi*, где один из гласных выпал).

В-третьих, хотелось бы напомнить, что долгие согласные (включая геминаты), как, впрочем, и долгие гласные, теоретически возможны как внутри морфемы (лтш. *la[pp]a* ‘лист’), так и на морфемной границе (лтш. *lap-puse* ‘страница’, буквально «половина листа» и *vis-s* ‘весь’)⁴. Далее будут рассматриваться и те, и другие.

Наконец, вопрос о слоговой и морфемной границах напрямую подводит к еще одному потенциальному недоразумению: долгое согласное (а также гласное) звучание можно трактовать как моно- или бифонемное. Однако решение данной проблемы требует предварительного и достаточно детального ознакомления с употреблением долгих согласных звучаний в каждом из исследуемых языков, каковое мы и попытаемся произвести ниже. На данном этапе мы будем пользоваться словами «долгий», «краткий», а также «полудолгий» исключительно для обозначения фонетических характеристик. Хотелось бы добавить, что описание системы консонантизма как таковой (или ее фраг-

³ Начиная с 60-х гг. XX в. различие между долгими и сверхдолгими гласными и согласными в эстонском считается реализацией той или иной супraseгментной оппозиции. Далее в трактовке данного противопоставления мы придерживаемся взглядов Т.-Р. Вийтсо, который объясняет появление обычных долгих позицией под легким, а сверхдолгий – под тяжелым акцентом [Вийтсо, 1979b: 144]. Более подробно о супraseгментных оппозициях в эстонском, ливском, латышском и литовском языках см. 4.0.

⁴ Слоговая граница здесь и далее передается при помощи вертикальной черты (*la[pp]a*), морфемная – при помощи дефиса (*lap-puse*). Дефис не является частью транскрипции в том смысле, что за исключением особо оговариваемых случаев его наличие или отсутствие не означает различие в звучании формы. Как слоговую, так и морфемную границы мы будем обозначать только по мере надобности.

мента) в латышском, литовском, эстонском и ливском языках не является для нас основной целью; необходимость дать фонологическую интерпретацию долгим согласным вытекает исключительно из стремления иметь дело с единицами языка, а не только с их фонетическими свойствами.

2. Общая характеристика геминат в литовском и латышском языках

2.1. Ситуация с отсутствием геминат в литовском языке требует более детального освещения. Дело в том, что геминаты здесь не только отсутствуют в тех формах, где мы наблюдаем их в латышском (лит. *lāpas*, лтш. *la[pp]a*), а также в заимствованиях типа *kasà* ‘касса’, сохраняющих геминированный согласный во многих других языках, но и подвергаются упрощению на морфемных и словесных границах, напр., слова *pūs-seserē* ‘двоюродная сестра’, *iš-šókti* ‘выпрыгнуть’, фонетическое слово *iš šóno* ‘сбоку’ произносятся с одним *s* resp. *š* [Pakerys, 1995: 233]. Судя по нашим наблюдениям, только один согласный произносится и на стыке самостоятельных слов, напр., *sáulēs spinduliui* ‘лучу солнца’⁵. У приставок *at-*, *ap-* в литовском языке существуют варианты *ati-*, *api-*, употребляемые перед корнем, начинающимся с *t*, *d* resp. *p*, *b*, чтобы избежать столкновения двух одинаковых согласных: *ati-tikti* ‘соответствовать’, *ati-darýti* ‘открыть’, *api-pinti* ‘оплести’, *api-beřti* ‘осыпать’ – ср. лтш. *at-taisīt* ‘открыть’, *a[d]-duot* ‘отдать’, *ap-pīt* ‘оплести’, *a[b]-bērt* ‘осыпать’.

Другой нюанс заключается в том, что неинтервокальные долгие согласные в литовском все же возможны при условии, что это сонанты, следующие за кратким гласным ударного слога, т. е. вторые компоненты так называемых дифтонгических сочетаний. Под циркумфлексной интонацией сонорные согласные в данной позиции характеризуются значительной длительностью и берут на себя слогаобразующую функцию, напр., *ra[ñ̃].]kos* ‘руки’, *ku[ĩ̃].]pis* ‘ветчина’, *ka[ĩ̃].]tas* ‘виноватый’, *va[ĩ̃].]tai* ‘ворота’⁶ [Pakerys, 1995: 297–298]. (Ср. *lāngas* ‘окно’, *ámžius*

⁵ То, что дегеминация согласных в литовском представляет собой живое правило, не знающее исключений, создает впечатление, выражаясь метафорически, близкого знакомства литовского языка с геминатами и сознательного отказа от них ради еще каких-то целей.

⁶ В литовской лингвистической традиции длительность звука (гласного или согласного) обозначается при помощи точки в нижней (полудолгий) или верхней части строки (долгий). Вторые компоненты дифтонгов и дифтонгических сочетаний под циркумфлексом могут транскрибироваться как полудолгие или как долгие.

‘век’, *káltas* ‘долото’, *tvártas* ‘хлев’, где под акутовой интонацией сонанты остаются краткими.) Сонорные согласные в этом случае в точности повторяют свойства вторых компонентов дифтонгов, которые также продлеваются под циркумфлексом, напр., *la[ĩ.]kas* ‘время’, *la[ũ.]kas* ‘поле’.

2.2. В латышском языке долгие согласные бывают двух видов. Во-первых, здесь отсутствует характерная для литовского дегеминация на морфемных границах, напр., *ap-pīt* ‘оплести’, *a[b]-bērt* ‘осыпать’, *vien-nīca* ‘одиночная камера’, *lap-puse* ‘страница’⁷ [Laua, 1997: 83–84]. Судя по транскрипции префиксальных образований в орфоэпическом словаре [LVPPV], не в интервокальном положении дополнительная длительность также присутствует, т. е. *at-traukt* ‘примчаться’, *a[b]-braukt* ‘объехать’ (ср. лит. *ati-tráukti* ‘отвлечь’, *api-brīsti* ‘обойти вброд’). Кроме того, долгие согласные образуются в исходе слова при участии окончания номинатива ед. ч. (реже также генитива) некоторых типов склонения: *vis-s* ‘весь’, *ma[s]-s* ‘маленький’, *sveš-[-š]* ‘чужой’. Долгие согласные на морфемных границах могут быть как шумными, так и сонорными, как звонкими, так и глухими.

Правда, в латышском также можно обнаружить намек на то, что литовское требование дегеминации ему, в принципе, не чуждо и, вероятно, соблюдалось в нем в прошлом. Наряду со звонкими геминатами в словах типа *a[d]duot* ‘отдать’, *a[b]bērt* ‘осыпать’ возможен и одиночный согласный, т. е. *a[d]uot*, *a[b]ērt* (и *a[b]raukt* ‘объехать’) [LVPPV: 37; Laua, 1997: 82–83]. Долгие согласные отсутствуют в некоторых старых композитах, напр., *svēt-diena* ‘воскресенье’, *piekt-diena* ‘пятница’, *ceturt-diena* ‘четверг’ произносятся как *svē[d]iena*, *pie[gd]iena*, *cetur[d]iena*. Наконец, суффикс будущего времени *-s-* у глаголов, чья основа в инфинитиве оканчивается на *s*, *z*, имеет вид *-īs-* и добавляется к основе прошедшего времени, где вместо *s*, *z* нередко появляются *t*, *d*: *spied-īs-i* ‘будешь давить’, *spied-īs* ‘будут давить’, ср. основу инфинитива *spies-ti*⁸. Перед формантом отглагольных существительных

⁷ В традиционной латышской транскрипции данные звучания могут передаваться двумя символами (напр., [pp]) или одним символом с указанием на дополнительную длительность ([p:]), т. е. *la[pp]a* или *la[p:]a*. Как правило, два символа указывают на большую протяженность звука, соответственно помогая различать долгие и полудолгие, хотя иногда обозначение типа [p:] используется как универсальное. Долгие являющиеся примерно в два раза дольше кратких, полудолгие в полтора [Laua, 1997: 62]. В слогакопечной позиции используется только двоеточие, напр., *a[t:]raukt*, *a[b:]raukt*, *ma[s:]*, *sve[š:]*.

⁸ В литовском у глаголов данного типа показатель будущего времени *-s-* присоединяется к основе инфинитива, напр., *spáus(t)i* ‘давить’, однако произносится

-*šan-* конечные *s, z* в основе инфинитива просто выпадают: *spie-šana* ‘давление’.

2.3. Второй тип долгих согласных наблюдается внутри морфемных границ, и такие согласные могут быть либо глухими шумными, либо сонорными. Глухие шумные в латышском встречаются в позиции между двумя краткими гласными, первый из которых ударный, напр., *la[pp]a* ‘лист’, *ra[ss]a* ‘роса’, *ma[tt]i* ‘волосы’, *a[kk]a* ‘колодец’, *mu[šš]a* ‘муха’, *va[ss]ara* ‘лето’, *ri[tt]enis* ‘колесо’, *li[kk]umi* ‘законы’, *ga[tt]avība* ‘готовность’⁹ [Laua, 1997: 64–65; LVPPV: 36]. Также они регулярно появляются между кратким гласным и слоговым сонорным в формах вроде *ka[t:]s* ‘котел’, *pu[t:]s* ‘птица’, *ri[t:]s* ‘ритм’¹⁰. По свидетельству К. Кариньша [Kariņš, 1996: 69–78], ударение, создающее условия для геминации, может быть и второстепенным, напр., ‘*nesa,li[pp]ināt* ‘не склеиваете’. Правда, глухие шумные геминаты иногда отсутствуют в менее освоенных интернационализмах: ср. *gru[pp]a*, *ka[ss]e*, *kla[ss]e*, *la[kk]a*, но *kvota* ~ *kvo[tt]a* [LVPPV: 64], см. также [Laua, 1997: 65].

Наблюдения показывают, что в сочетании двух согласных, первый из которых является глухим шумным, а второй – глухим шумным или сонантом, первый глухой шумный, стоящий в исходе ударного слога, также произносится долго, напр., *la[r:]sa* ‘лиса’, *sa[k:]ne* ‘корень’, *La[t:]vija*. (Сочетание глухого и звонкого шумного невозможно в силу

(и пишется) только один из двух *s*: *spāusi* ‘будешь давить’ вместо гипотетического **spāussi*. Интересно, что сами инфинитивы типа лит. *spāusti* ‘давить’, *mèsti* ‘бросать’, лтш. *spiest*, *mest* с тем же значением в балтийских (и славянских языках) возникли в результате преобразования геминаты *tt* > *st* [Zinkevičius, 1980: 144–145].

⁹ В латышской традиции только двусложные слова иногда транскрибируются с удвоенным согласным, чтобы показать, что в двусложных словах интервокальный согласный характеризуется большей длительностью. В многосложных словах (и нередко также в двусложных) геминация интервокального согласного передается при помощи двоеточия, которое в таких случаях, напротив, означает меньшую длительность. Это хорошо согласуется с известным положением, о том что большая длина слова приводит к меньшей длительности составляющих его звуков. В настоящей статье интервокальные и интерморфемные долгие согласные будут передаваться сочетанием двух символов независимо от числа слогов.

¹⁰ Во многих диалектах за слоговым согласным образуется гласный, т. е. *ka[t:]lis*, *pu[t:]nis* и т. д. [Rudzīte, 1964: 66]. Похожая судьба постигает аналогичные формы в ливском и литературном эстонском языках, где, кроме того, сильный (глухой) шумный заменяется на слабый (звонкий): **atra* ‘плуг’ > **atɣ* > эст. диал. *adɣ*, эст. литер. *ader* и диал. *äter*, а также лив. *a'ddōrz* ~ *a'ddrōz* с новым окончанием [Vaitso, 2003b: 183–184; Kettunen, 1938: XXXIV].

действующей в латышском ассимиляции по звонкости–глухости.) К сожалению, произношение таких сочетаний не освещается латышскими фонетистами, так что нам сложно сказать, насколько регулярным является данное явление. (Ему не уделяется внимание и при транскрибировании диалектных текстов, в которых чаще всего не обозначается и обычная геминация в *la[pp]a*.)

Внутриморфемные сонорные геминаты чаще всего встречаются в заимствованных словах, как, напр., *kanna* ‘бидон’, *ķemte* ‘расческа’, *krelles* ‘бусы’, *ķerra* ‘тачка’, но их можно обнаружить и в ряде исконных: *mellenes* ‘черника’, *villaine* ‘шаль’ от диал. *mella* ‘черная’ (< *melna*), *villa* ‘шерсть’ (< *vilna*). Отдельный случай представляют собой долгие сонанты в дифтонгических сочетаниях с краткими гласными. В отличие от литовского, в латышском языке в данной позиции сонанты звучат долго под любой слоговой интонацией, хотя их длительность достигает максимума, если соответствующий слог несет длительную интонацию, напр., *maiņa* ‘имущество’, *kuņķe* ‘туфля’, *ņeņt* ‘брат’, *būrvīvis* ‘колдун’ [Laua 1997: 65]. (В латышском языкознании не существует специальных обозначений длительности компонентов дифтонгических сочетаний.)

3. Факторы, обуславливающие длительность согласных в ливском и эстонском языках

3.0. Хотя, как уже говорилось, сам факт наличия в латышском долгих согласных сближает его с прибалтийско-финскими языками, в действительности между ними существуют и важные различия. Как одну из особенностей прибалтийско-финских языков хотелось бы оговорить и то, что, если в латышском геминаты отличаются наибольшим разнообразием на морфемных границах, то в эстонском и ливском геминаты на морфемных границах остаются в тени многочисленных внутриморфемных долгих согласных и на их фоне могут трактоваться скорее как исключения (см. 4.4).

3.1. Максимальным разнообразием внутриморфемные геминаты отличаются в ливском языке, см. [Viitso, 1981 (2008): 150–151; Viitso, 2007b], а также [Kettunen, 1925: 5–11]. В отличие от эстонского здесь имеется оппозиция глухих и звонких шумных, причем те и другие, а также сонорные, могут выступать и в роли одиночного согласного, и в роли геминаты. Геминаты и одиночные согласные обычно чередуются

при словоизменении (табл. 2). (О связи между наличием геминаты и долготой заударного гласного речь пойдет в 4.0.)

Таблица 2

a.			b.		
двойной	одиночный		одиночный	двойной	
nom.sg.	gen.sg.		nom.sg.	part.sg.	
<i>kukki</i>	<i>kukīz</i>	‘насекомое’	<i>sukā</i>	<i>sukkō</i>	‘чулок’
<i>i'bbi</i>	<i>ibīz</i>	‘лошадь’	<i>tubā</i>	<i>tu'bbō</i>	‘комната’
<i>pu'nni</i>	<i>punīz</i>	‘красный’	<i>kalā</i>	<i>ka'llō</i>	‘рыба’

Противопоставление одиночных согласных и геминат существует после краткого ударного гласного, а после долгого ударного гласного (также дифтонга или сочетания краткого гласного с сонорным согласным) встречается только одиночный согласный: *tū|lō* ‘ветер’ (ill.sg.), *pū|dō* ‘дерево’ (part.sg.), *kī|tō* ‘говорить’ (inf.). Одиночный согласный после долгого ударного гласного также может чередоваться с геминатой, однако данное чередование имеет место лишь у сонорных и *j*, *v* (которые чередуются со вторым компонентами дифтонгов) и обязательно сопровождается сокращением предшествующего гласного (табл. 3).

Таблица 3

Шумные	Сонорные и <i>j</i> , <i>v</i>		
	одиночный	двойной	
только одиночный	nom.pl.	part.sg.	
<i>pū dō</i> ‘дерево’ (part.sg.)	<i>ūlōd</i>	<i>ullō</i>	‘безумный’
<i>kī tō</i> ‘говорить’ (inf.)	<i>kōvōd</i>	<i>kouvō</i>	‘колодец’

3.2. Долгие согласные возможны и в неинтервокальной позиции, однако в этом случае их длительность целиком обусловлена долготой предшествующего ударного гласного: после долгого гласного в исходе слога стоит более краткий согласный, после краткого – более долгий (табл. 4). Этот общий принцип, однако, нуждается в комментариях.

Во-первых, глухие всегда произносятся дольше звонких. (Кстати сказать, это единственное отличие в длительности согласных, которое сохраняется в безударной позиции, напр., *jōra[s̥]* ‘в озере’ с полудолгим глухим, но *se'llōz* ‘тайком’ с «обычным» *z*, см. [Kettunen, 1925: 6].)

Во-вторых, как мы уже имели возможность убедиться, произношение согласного в сочетании с предшествующим кратким гласным в интересующих нас языках в значительной степени определяется типом слогового акцента (слоговой интонации).

Таблица 4

	После долгого гласного	После короткого гласного
	нет чередования	
в исходе односложного слова	<i>kī[ī̃]</i> (2sg. imp.) ‘говорить’ <i>pūd</i> (nom. pl.) ‘дерево’ <i>tūl</i> (gen. sg.) ‘ветер’	<i>ki[ī̃]</i> (2sg. imp.) ‘заделывать (шели)’ <i>ku [d̃]</i> (2sg. imp.) ‘взять, плести’ <i>u[ī̃]</i> (nom. sg.) ‘безумный’ <i>tu [l̃]</i> (gen. sg.) ‘огонь’
в исходе ударного слога двусложного слова	<i>mūsō</i> (ela. sg.) ‘другой’ <i>kōtsōd</i> (nom. pl.) ‘брюки’	<i>mu[s̃]tō</i> (part. sg.) ‘черный’ <i>mō[t̃]sō</i> (part. sg.) ‘лес’
	есть чередование	
в исходе ударного слога двусложного слова	nom. sg. <i>sīlma</i> ‘глаз’ <i>rānda</i> ‘берег’ <i>ūlōd</i> ‘безумный’ <i>āiga</i> ‘время’	part. sg. <i>si[ī̃]mō</i> ‘глаз’ <i>ra[ñ]dō</i> ‘берег’ <i>u[l̃]ō</i> ‘безумный’ <i>a[ī̃]gō</i> ‘время’

Под длительной интонацией слогоконечный согласный в ливском считается фонетически долгим. Что касается слогов с прерывистой интонацией, то, судя по описанию Л. Кеттунена [Kettunen, 1925: 7–8], длительность согласного здесь неотделима от характерной для прерывистой интонации гортанной смычки (толчка): слогоконечный согласный звучит короче или длинее в зависимости от того, насколько четко слышен толчок, т. е. *va'g* ~ *va[g̃]* (без толчка) ‘борозда’. По мнению Л. Кеттунена, оптимальным было бы обозначение *va [g̃]* (с толчком и полу-долгим согласным). Нужно также иметь в виду, что сочетание короткого гласного с тавтосиллабическим глухим шумным в ливском языке всегда несет длительную интонацию, а сочетание со звонким – прерывистую, и только сочетание с сонорным может появиться под обеими.

Под длительной интонацией конечные согласные односложных слов не слишком отличаются от слогоконечных согласных в ударном слоге многосложного слова, где идущий за кратким гласным согласный

также произносится дольше, чем идущий за долгим¹¹. Первая часть геминаты характеризуется дополнительной длительностью так же, как и любой другой слогоконечный согласный: *u[l̥]l̥d̥* (part.sg.) ‘безумный’, *su[k̥]k̥d̥* (part.sg.) ‘чулок’. Под прерывистой интонацией длительность всей геминаты опять-таки зависит от того, насколько отчетливо реализуется толчок, т. е. гортанная смычка может словно сливаться с геминатой, которая в результате этого произносится дольше. Тем не менее первая часть геминаты, идущая за кратким гласным в слоге под прерывистой интонацией в любом случае уступает по продолжительности слогоконечному согласному под длительной интонацией [Kettunen, 1925: 8]. Примечательно, что количественные характеристики слогоконечных согласных под толчком в ливском языке традиционно никогда не обозначаются, напр., *ka'llō* ‘рыба’ (part.sg.), *tu'bbō* ‘комната’ (part.sg.). Чтобы упростить дальнейшее сопоставление с другими языками, будем считать, что идущий за кратким ударным гласным слогоконечный согласный продлевается как под длительной, так и под прерывистой интонацией.

Как нетрудно заметить, пары форм *sīlma* – *sī[l̥]m̥d̥*, *rānda* – *ra[ŋ]d̥d̥* из табл. 4 принадлежат одной лексеме и участвуют в чередовании, частным случаем которого является и упомянутые выше формы *ūlōd* – *u[l̥]l̥d̥*. Оно также характерно для дифтонгов, напр., *āiga* – *a[i]g̥d̥*. Перед шумными согласными краткий и долгий гласный в составе одной и той же основы обычно не чередуются (табл. 5). Долгий слогоконечный элемент или слогоконечный элемент под толчком присутствует в одних формах (*mu[š̥]t̥d̥*, *tu'bbō*) и выпадает или же заменяется на краткий в других (*tubā*, *mu[š̥]t̥ā*), однако длительность предшествующего гласного не изменяется.

Таблица 5

nom.sg.	part.sg.	
<i>mu[š̥]t̥ā</i>	<i>mu[š̥]t̥d̥</i>	‘черный’
<i>mō[t̥]s̥ā</i>	<i>mō[t̥]s̥d̥</i>	‘лес’
<i>ka[t̥]l̥ā</i>	<i>ka[t̥]l̥d̥</i>	‘котел’
<i>jo[ū]g̥ūd̥</i>	<i>jo'ug̥d̥</i>	‘река’
<i>sukā</i>	<i>su[k̥]k̥d̥</i>	‘чулок’
<i>tubā</i>	<i>tu'bbō</i>	‘комната’
<i>kalā</i>	<i>ka'llō</i>	‘рыба’

¹¹ В разных публикациях, включая работы Т.-Р. Вийтсо разных лет, идущий за кратким гласным согласный отмечается то как долгий, то как полудолгий (*mō[t̥]s̥d̥* ~ *mō[t̥]s̥d̥*).

На первый взгляд, формы *mi[š]tā*, *mō[ī]sā*, *ka[ī]/ā* (и *joūgūd*) противоречат правилу, по которому слогоконечный элемент в позиции после краткого ударного гласного должен быть долгим или сопровождаться толчком. (Впрочем, некоторые исследователи и формы с глухими согласными типа *sukā* ‘чулок’ транскрибируют как *su[kk]ā*). Более подробно этот вопрос будет рассматриваться ниже в 4.1.

В итоге дистрибуция кратких и долгих, одиночных и геминированных согласных в ливском языке будет выглядеть следующим образом (табл. 6).

Таблица 6

согласные	После краткого гласного	После долгого гласного
	долгие слогоконечные одиночные интервокальные и геминаты	краткие слогоконечные одиночные интервокальные

3.3. Специфика эстонских согласных (см. [Вийтсо, 1979a]) заключается в том, что у шумных вместо оппозиции по глухости–звонкости здесь имеется противопоставление согласных по силе–слабости, и при этом слабые могут быть только краткими согласными (в интервокальной позиции – только одиночными), напр., *saag* (nom.sg.), *saag|gi* (part.sg.) ‘пила’, а сильные – только долгими (в интервокальной позиции – геминатами), напр., *šaa[k]* (nom.sg.), *šaa[k|k]i* (part.sg.) ‘добыча’. Кроме того, дистрибуция долгих и кратких шумных согласных относительно долгих и кратких ударных гласных отличается от дистрибуции сонорных.

Таблица 7

После долгого гласного	После краткого гласного
<i>liin</i> ‘линия’ (nom.sg.)	<i>li[n̩]</i> ‘город’ (nom.sg.)
<i>lii ni</i> (gen.sg.), <i>lii ni</i> (part.sg.) ‘линия’	<i>li na</i> ‘лен’ (nom./part.sg.) <i>lin na</i> (gen.sg.), <i>li[n̩] na</i> (part.sg.) ‘город’

Сонорные согласные следуют примерно тем же правилами, которым в ливском подчиняются все согласные независимо от качества (табл. 7). В слогоконечной позиции долгий сонорный появляется после краткого гласного, а краткий сонорный – после долгого гласного. (Произношение сонорных согласных в исходе безударных сло-

гов также совпадает с их произношением после долгого гласного¹².) В интервокальной позиции как долгий, так и краткий сонорные возможны после краткого гласного, напр., 'li|na 'лен' (nom./part.sg.), но 'lin|na (gen.g.), 'li[ñ]|na (part.sg.) 'город'. После долгого гласного в интервокальной позиции, как и в исходе слога, встречается только краткий сонорный.

Дистрибуция шумных согласных в эстонском (см. табл. 8) является более широкой в том смысле, что противопоставление долгих (сильных) и кратких (слабых) имеется не только после краткого ударного гласного в интервокальной позиции, но и после долгого как в интервокальном положении, так и в исходе слога (а также в исходе безударного слога после краткого гласного, ср. *tublid* (nom.pl.) – *tublīt* (part.sg.) 'превосходный'). Впрочем, после краткого гласного в исходе слога возможен только долгий (сильный) шумный.

Таблица 8

После долгого гласного	После краткого гласного
ˈsaaɡ 'пила' (nom.sg.) ˈsaa[k] 'добыча' (nom.sg.)	ˈla[k̄] 'лак' (nom.sg.)
ˈsaa ɡi 'пила' (part.sg.) ˈsaa[k k]i 'добыча' (part.sg.)	ˈla ɡi 'потолок' (nom./part.sg.) ˈla[k k]i (gen.sg.), ˈla[k̄] ki (part.sg.) 'лак'

В общем виде дистрибуция согласных в эстонском языке представлена в табл. 9.

3.4. Как и для ливского, для эстонского характерно чередование долгих и кратких интервокальных согласных, однако различия, связанные с долготой или краткостью предшествующего гласного, еще более велики.

Если в ливском словоизменение по типу *tubā* (nom.sg.) – *tubbō* (part.sg.) 'комната' в словах с кратким ударным гласным носит массовый характер, то в эстонском геминация вроде *tuba* (nom.sg.) 'комна-

¹² Параллели между этими двумя позициями не вызывают удивления, поскольку в обоих случаях согласный не влияет на количественные характеристики слога: под ударением долготы слога определяется предшествующим согласному долгим гласным, а в безударной позиции в эстонском и ливском различие между долгими и краткими слогами почти не востребовано. (Правда, существует мнение, что долгий сонорный в исходе безударного слога может появляться в одном из вариантов произношения слова *Tallinn* (подвергшееся упрощению сложное слово со вторым компонентом *linn* 'город'), ср. *Talli[ñ] – salli* '(я) терпел' [Viitso, 1979b: 149–150].)

та' – *tuppa* (ill.sg.) 'в комнату' представляет собой удел немногочисленной группы слов, причем образованная таким образом форма илллатива ед. ч. не является единственной возможной. По своему звуковому облику она также выделяется на фоне остальной парадигмы (ср. ном. sg. *tuba*, gen.sg. *ioa*, ном.pl. *ioad*, gen.pl. *tubade*), чего нельзя сказать об альтернативной форме илллатива *ioasse*. (Об образовании и употреблении форм илллатива в эстонском см. [Viitso, 2003a: 40–41]).

Таблица 9

		После краткого гласного	После долгого гласного
шумные	слабые	одиночные интервокальные	краткие слогоконечные одиночные интервокальные
	сильные	долгие слогоконечные интервокальные геминаты	долгие слогоконечные интервокальные геминаты
сонорные		долгие слогоконечные одиночные интервокальные и геминаты	краткие слогоконечные одиночные интервокальные

За пределами кратких форм илллатива чередование одиночного и двойного согласного встречается только в основах с долгим ударным гласным (а также дифтонгом или сочетанием краткого гласного с сонантом), напр., *lee[k|k]i* (part.sg.) – *lee|gi* (gen.sg.) 'пламя'. Появление геминаты сопровождается сменой легкого акцента тяжелым. Но если аналогичная основа содержит краткий гласный, гемината сохраняется в обеих формах, а чередование ограничивается сменой акцентов: *lak|ka* (part.sg.) – *la[k|k]a* (gen.sg.) 'чердак'. Правда, под легким акцентом первая часть геминаты, представляющая собой конечный согласный ударного слога, звучит короче, чем под тяжелым акцентом (более подробная транскрипция выглядит как *la[ḳ|k]a* – *la[ḳ̣|k]a*¹³.)

Дополнительная длительность слогоконечного элемента в *la[ḳ|k]a* опирается на те же закономерности, что и в односложном *la[k]* 'лак' (ном.sg.), причем это верно и для сонорных согласных, и для вторых компонентов дифтонгов: ср. *li[ṇ]* (ном.sg.) и *li[ṇ]na* 'город' (part.sg.), а также *la[i]d* (ном.sg.), *la[i]da* (part.sg.) 'широта'. Точно также это имеет

¹³ В подобных случаях различие акцентов отражается и в эстонской орфографии, где более краткая гемината передается в виде *p*, *t*, *k*, а более долгая – в виде *pp*, *tt*, *kk*.

силу и для сочетаний краткого гласного с согласными, не являющимися первой частью геминаты: `mu[š]ta ‘черный’ (part.sg.), `me[ʔ]sa ‘лес’ (part.sg.), `ka[t]la ‘котел’ (gen.sg.). Меньшая длительность слогоконечного элемента в *l̃a[k̃]ka* (gen.sg.), а также *l̃i[ñ]na* (gen.sg.), *l̃a[ĩ]ja* (gen.sg.), *mu[š]ta* (gen.sg.), *me[ʔ]sa* (gen.sg.) обусловлена легким акцентом всего слова (см. 4.1.). Ее нельзя наблюдать в односложных формах, так как односложные формы встречаются только под тяжелым акцентом.

4. Роль слога и супrasegmentных характеристик

4.0. В начале статьи в качестве главной задачи, которую призвана решить фонологическая интерпретация долгих согласных звучаний, был заявлен вопрос о их моно- и бифонемности. Однако не менее важен и ответ на вопрос о статусе самого признака долготы: имеем ли мы дело с долгой согласной фонемой или долгой реализацией краткой – а может быть, долгой реализацией фонемы, безразличной к долготе и краткости.

Проведение фонемных границ и установление фонемной принадлежности сегментов обычно осуществляется с опорой на характеристики, принадлежащие единицам более высокого уровня – морфемам и слогам. В частности, критерием моно- или бифонемности долгого звучания нередко выступает отсутствие или наличие на анализируемом отрезке слоговой или морфемной границы. При этом понятным и привычным кажется взгляд, трактующий морфему как единицу, функционально более нагруженную и потому заслуживающую большего доверия при осуществлении только что названных процедур. Тем не менее, следует отметить, что слог во всех рассматриваемых нами языках обладает некоторым весом именно в качестве функциональной единицы. Наиболее очевидный (но не единственный) аргумент в пользу этого – то, что именно слог выступает базой для различения слоговых акцентов или т.н. слоговых интонаций, оппозиция которых существует во всех четырех языках (табл. 10).

Исходя из возможности или невозможности противопоставления слоговых акцентов (слоговых интонаций) на слогах того или иного типа, к долгим можно отнести слоги следующего состава. Во всех анализируемых языках долгими являются слоги с долгими гласными, дифтонгами и сочетаниями краткого гласного с сонорным согласным.

В эстонском языке к долгим также относятся слоги, образованные сочетанием краткого гласного с шумным согласным.

Таблица 10

Литовский		
акут	циркумфлекс	
<i>kóšė</i> 'цедить' (pst.3)	<i>kōšė</i> 'каша'	
<i>áukštas</i> 'высокий'	<i>aũkštas</i> 'этаж'	
<i>káltas</i> 'долото'	<i>kaĩtas</i> 'виноватый'	
Латышский		
длительная интонация	нисходящая интонация	прерывистая интонация
<i>mĩt</i> 'мять' (inf.)	<i>mīt</i> 'обитать' (pst.3)	<i>mīt</i> 'менять' (inf.)
<i>aĩksts</i> 'холодный'	—	<i>aĩ[k]sts</i> 'высокий'
—	<i>rāuks</i> 'морщить' (fut.3)	<i>raĩ[k]s</i> 'дрожжи'
<i>vaĩ[k]s</i> 'привязь'	—	<i>vaĩ[k]s</i> 'влажный'
<i>kũs</i> 'молотить' (fut.3)	<i>kũs</i> 'гумно'	—
Ливский		
длительная интонация	прерывистая интонация	
<i>pĩliz</i> 'уронить' (1/3sg.pst.)	<i>pī'liz</i> 'стоять' (1/3sg.pst.)	
<i>aigō</i> 'время' (prt.sg)	<i>a'igō</i> 'край' (prt.sg)	
<i>pallō</i> 'просить' (inf.)	<i>pa'llō</i> 'гореть' (inf.)	
Эстонский		
тяжелый акцент	легкий акцент	
(part.sg.)	(gen.sg.)	
<i>'looma</i>	<i>'looma</i>	'зверь'
<i>'laulu</i>	<i>'laulu</i>	'песня'
<i>'varna</i>	<i>'varna</i>	'крючок'
<i>'musta</i>	<i>'musta</i>	'черный'

Ливский язык представляет собой проблемный случай, поскольку на слогах, образованных сочетаниями краткого гласного с последующим шумным, имеющиеся в ливском две интонации дополнитель-

но распределены относительно качества согласного: на сочетании со звонким встречается только прерывистая интонация (напр., *i'bbi* 'лошадь'), а на сочетании с глухим – только длительная (*kukki* 'насекомое'). Установить их принадлежность долгим или кратким позволяет существование в ливском языке корреляции между долготой ударного слога и долготой появляющегося в заударном слоге гласного: после ударного долгого слога в заударном возможен только краткий гласный, на основании чего ударные слоги, содержащие сочетание краткого гласного с шумным (как глухим, так и звонким) можно отнести к классу долгих. Данное явление, в том или ином виде встречающееся во многих прибалтийско-финских языках, называют изохронией стопы, так как считается, что ударный и заударный слог образуют особую единицу – стопу (см. также 5.4). (Более подробно о соотношении длительности ударного и заударного слогов в ливском языке см. [Lehiste et al., 2007].) Правда, в определенных случаях слоги, где за кратким гласным следует глухой шумный, а в нескольких словах даже слоги с дифтонгами в соответствии с данной закономерностью приходится считать краткими.

4.1. И эст. *la[i]j)a* 'широта' (gen.sg.), *mu[š]ta* 'черный' (gen.sg.), *me[t]sa* 'лес' (gen.sg.), *la[k]ka* 'чердак' (gen.sg.), *li[ñ]na* 'город' (gen.sg.), и лив. *jo[ũ]gūd* 'река' (nom.pl.), *mu[š]tā* 'черный' (nom.sg.), *mō[t]sā* 'лес' (nom.sg.), *ka[t]lā* 'котел' (nom.sg.), а также *su[k]kā* 'чуллок' (nom.sg.), нарушают правило, по которому стоящий после краткого ударного гласного слогоконечный согласный всегда является фонетически долгим. (Второй компонент дифтонгов функционально не отличается от слогоконечного согласного.) Как нетрудно заметить, в приведенных примерах соответствующий звук транскрибируется как сверхкраткий. В обоих языках данное нарушение можно объяснить особой позицией, и ее описание так или иначе требует обращения к понятию слога и супraseгментным явлениям.

В эстонском краткость слогоконечного согласного после краткоударного гласного представляет собой часть реализации легкого акцента: тяжелый и легкий акцент различаются на долгом слоге, и пары вроде *la[k]ka* (part.sg.) — *la[k]ka* (gen.sg.) 'чердак' имеют параллели в виде форм с долгими гласными, напр., *loomā* (part.sg.) – *loomā* (gen.sg.) 'зверь' (табл. 11). (В генитиве ед. числа *loomā* гласный под легким акцентом тоже характеризуется меньшей длительностью; по этой причине в традиционном эстонском языкознании обе пары интерпретируют

вались как имеющие в своем составе разные сегменты – сверхдлигие и долгие согласные и гласные фонемы.)

Таблица 11

Ливский			Эстонский		
чередование долгого и короткого слогов			чередование тяжелого и легкого акцентов		
part.sg.	nom.sg.		part.sg.	gen.sg.	
<i>su[k̄]kō</i> <i>mu[s̄]tō</i> <i>mō[t̄]sō</i> — <i>ka[t̄]lō</i> <i>jo'ugō</i>	<i>su[k̄k]ā</i> <i>mu[š̄]tā</i> <i>mō[t̄]sā</i> — <i>ka[t̄]ā</i> <i>jo[ũ]gūd</i> (nom.pl.)	‘чулок’ ‘черный’ ‘лес’ — ‘котел’ * ‘река’	<i>la[k̄]ka</i> <i>mu[š̄]ta</i> <i>me[t̄]ta</i> <i>li[n̄]na</i> — <i>la[i]da</i>	<i>la[k̄]ka</i> <i>mu[š̄]ta</i> <i>me[t̄]sa</i> <i>li[n̄]na</i> — <i>la[i]ja</i>	‘чердак’ ‘черный’ ‘лес’ ‘город’ — ‘широта’
<i>ka'llō</i> <i>tu'bbō</i>	<i>kalā</i> <i>tubā</i>	‘рыба’ ‘комната’	<i>loomā</i>	<i>loomā</i>	‘зверь’
* В эстонском языке <i>katla</i> (gen.sg.) ‘котел’ чередуется с <i>ka[t̄]el</i> (nom.sg.), <i>ka[t̄]elt</i> (part.sg.) и т. д.					

В ливском языке несоответствие между длительностью слогаоконечного элемента в *jo'ugō* (part.sg.) – *jo[ũ]gūd* (nom.pl) ‘река’, *mu[s̄]tō* (part.sg.) – *mu[š̄]tā* (nom.sg.) ‘черный’ и т. д. теоретически тоже можно было бы представить как обусловленное акцентом¹⁴, однако этому препятствует два обстоятельства (помимо того, что постулированные таким образом акценты наложились бы на уже известную оппозицию прерывистой и длительной интонаций). С одной стороны, в ливском отсутствуют аналогичные различия на слогах с долгими монофтонгами. С другой стороны, обсуждаемые формы соотносятся между собой по схеме, которой в других случаях подчиняется чередование не долгих слогов с разными акцентами, как в эстонском языке, а долгого слога с кратким слогом, а именно *ka'llō* – *kalā*, *tu'bbō* – *tubā* (табл. 11). Таким образом, заявленный выше особый статус фонетически краткого слогаоконечного элемента в лив. *mu[š̄]tā*, *mō[t̄]sā*, *jo[ũ]gūd* объясняется тем, что с точки зрения структуры слога данного сегмента словно

¹⁴ Такие попытки предпринимались, напр., в работах Т.-П. Вийтсо [Viitso, 1974].

не существует; он не принимается во внимание более важной структурой стопы, задающей количественные отношения между ударным и заударным слогами.

4.2. Долгота первой части геминаты, занимающей слогоконечную позицию, представляет собой серьезный аргумент против одинаковой трактовки долгих слогоконечных и интервокальных звучаний, независимо от того, будет ли их интерпретация моно- или бифонемной. Проще говоря, так как первая часть геминаты не отличается от любого другого слогоконечного согласного, в абсолютном исходе слова или в сочетании с согласным другого качества, было бы странно отождествлять слогоконечный согласный со всей геминатой, т. е. со слогоконечной и слогоначальной ее частями. То, что первая часть геминаты демонстрирует свойства, присущие слогоконечному согласному в сочетании с согласным другого качества, а также находящемуся в исходе слога второму компоненту дифтонга, подтверждает ее самостоятельность и относительную независимость от второй части геминаты – начального согласного следующего слога.

Более того, параллели с дифтонгом наводят на мысль, что первая часть геминаты обладает не менее тесными связями с предшествующим кратким гласным. При этом долгота слогоконечного согласного в эстонском и ливском автоматически следует из краткости предшествующего гласного, а так же из слогового акцента (слоговой интонации). Все это позволяет сделать вывод, что, несмотря на значительную фонетическую длительность, слогоконечный согласный, как являющийся первой частью геминаты, так и находящийся в сочетании с согласным другого качества, представляет собой реализацию краткой фонемы. Гемината в целом, напротив, является бифонемным сочетанием слогоконечного и слогоначального согласных, и проходящая через нее слоговая граница совпадает с фонемной.

В данной позиции слоговая граница исключительно важна и косвенным образом выполняет смысловозначительную функцию. Как отмечает Т.-Р. Вийтсо [Viitso, 1979a: 6], анализируя эстонский материал, первая часть геминаты, закрывая предшествующий слог, обеспечивает тем самым его долготу. В свою очередь, это создает позицию для противопоставления тяжелого и легкого акцентов, ср. *linna* (part. sg.) – *linna* (gen.sg.) ‘город’ и *lina* (nom./gen./part.sg.) ‘лен’, где краткий слог может нести только один тип акцента – легкий. По словам другого эстонского исследователя М. Хинта [Hint, 1997: 128], «и соче-

тания согласных, и геминированные согласные могут рассматриваться как средство, при помощи которого получаются или конструируются долгие слоги, так что первый согласный сочетания закрывает первый слог, а второй согласный выступает в качестве начального в следующем слог»¹⁵.

Точно так же в ливском языке именно слоговая граница посредине геминаты в *pallō* ‘гореть’, ‘просить’ обеспечивает нахождение в первом слоге конечного сонорного, благодаря чему данный слог трактуется как долгий и выступает как база для оппозиции слоговых акцентов: ср. *pa'llō* ‘гореть’ – *pallō* ‘просить’ и *palāb* ‘горю, горит’, где нет ни долгого слога, ни слогового акцента. Правда, в ливском акценты не противопоставлены на сочетаниях краткого с шумным (*su'ggō* ‘родственник’ (part.sg.), *sukkō* ‘чулок’ (part.sg.)), которые приходится трактовать, опираясь на аналогию с сонорными.

Тем не менее в ливском велика роль геминации как таковой, поскольку она обеспечивает чередование именных и глагольных основ при словоизменении, вызывая замену краткого ударного слога долгим и, соответственно, появление в заударном слоге краткого или долгого гласного: *palāb* (1/3sg.prs.) – *pa'llō* (inf.) ‘гореть’, *kalā* (nom.sg.) – *ka'llō* (part.sg.) ‘рыба’, *tubā* (nom.sg.) – *tu'bbō* (part.sg.) ‘комната’. Хотя, конечно, наряду с такими примерами, где чередование одиночного согласного с удвоенным и место слоговой границы являются очевидными, в ливском также имеются уже рассмотренные выше случаи *sukā ~ su[kk]ā* (nom.sg.) – *su[kk]ō* (part.sg.) ‘чулок’, *mu[š]tā* (nom.sg.) – *mu[š]tō* (part.sg.) ‘черный’, *mō[t]sā* (nom.sg.) – *mō[t]sō* (part.sg.) ‘лес’ и т. д., в которых ни количество сегментов, ни место слоговой границы относительно них не изменяется, а замена краткого слога долгим, очевидно, идет словно бы «поверх» сегментной цепочки.

4.3. Для эстонского чередование краткого слога с долгим в парадигме одной лексемы не столь характерно – точнее, в нем гораздо меньшее распространение получило чередование кратких и долгих слогов, осуществляемое при помощи геминации. (Замена краткосложного варианта основы долгосложным при помощи контракции распространена довольно широко – это случаи с образованием дифтонгов и долгих глас-

¹⁵ Можно добавить, что, как свидетельствует Т.-Р. Вийтсо [Viitso, 1979a: 3], носители эстонского языка воспринимают геминаты в *linna* (part.sg.) – *linna* (gen.sg.) ‘город’, *lakki* (part.sg.) – *la[kk]i* (gen.sg.) ‘лак’ именно как сочетания двух одинаковых звуков.

ных вроде *tuba* (nom.sg.) – *toa* (gen.sg.) ‘комната’, *jõgi* (nom.sg.) – *jõe* (gen.sg.) ‘река’, *māgi* (nom./part.sg.) – *māe* (gen.sg.) ‘гора’, *vesi* (nom./part.sg.) – *vee* (gen.sg.) ‘вода’.) Однако чередование краткого слога с долгими за счет геминации интервокального согласного, напоминающее лив. *kalā* (nom.sg.) – *ka'llō* (part.sg.) ‘рыба’, как уже упоминалось, имеет место у ряда слов при образовании альтернативной (и очень распространенной) формы илллатива ед. ч., напр., *kino* ‘кино’ – *kinno* ‘в кино’, *tuba* ‘комната’ – *tuppa* ‘в комнату’, *jõgi* ‘река’ – *jõkke* ‘в реку’. Если чередование одиночного и удвоенного сонанта вопросов не вызывает, то особые отношения между длительностью согласного и его качеством в эстонском не позволяют с ходу определить, как именно соотносятся между собой одиночный и удвоенный шумный.

Т.-Р. Вийтсо в статье 1979 г. предложил интересное решение данной проблемы, которому мы будем следовать, а именно считать геминаты после краткого ударного гласного сочетанием двух сильных согласных. Иначе говоря, при чередовании *jõgi* ‘река’ – *jõkke* ‘в реку’ интервокальный одиночный согласный представляет собой отдельную слабую фонему /g/, которая не просто удваивается, но и одновременно заменяется на сильную фонему /k/, поскольку геминатами могут быть только сильные. Отдельная оппозиция слабых и сильных согласных, несводимая к длительности, позволила Т.-Р. Вийтсо описать различия слогоконечных шумных после долгого гласного, напр., в *saag* ‘пила’ (nom.sg.) – *saak*[k] ‘добыча’ (nom.sg.), а также *tublid* (nom.pl.) – *tublitt* (part.sg.) ‘превосходный’, как качественные, а не количественные, из чего следует, что отпадает необходимость вводить противопоставление одиночных согласных по долготе. В таком виде дистрибуция шумных в эстонском не столь сильно отличается от дистрибуции сонорных: и после долгого, и после краткого гласного в исходе слова стоит одиночный (и не участвующий в оппозиции по долготе) сонорный или шумный (см. табл. 7 и 8). Правда, после краткого гласного слогоконечный согласный независимо от качества всегда характеризуется большей длительностью, однако это аллофоническое варьирование, обусловленное позицией.

По мнению Т.-Р. Вийтсо, реализацией одиночного сильного шумного в позиции после долгого гласного является и интервокальный согласный, напр., в *Maak*[kk]i ‘Мак’¹⁶ (gen.sg.) и *maa*[kk]e ‘земель-

¹⁶ Произношение иностранного имени *Maack* Т.-Р. Вийтсо привлекает, чтобы показать реализацию шумной геминаты под легким акцентом, где в исконных эстонских словах и большинстве заимствований гемината заменяется на одиночный шумный, ср. формы *saak*[kk]i (part.sg.) – *saagi* (gen.sg.) ‘добыча’.

ка, маленькая страна' (nom.sg.), потому что «после долгого гласного, дифтонга или сонорного в ударном слоге псевдогемината никакого значения не имеет, так как долгота слога полностью определена и без нее» [Вийтсо, 1979а: 6]. Кроме того, Т.-Р. Вийтсо утверждает, что гемината после долгого гласного может заменяться на одиночный сильный, целиком отходя к следующему слогу: *'Maa[kk]i ~ 'Maa[[k]i, `maa[kk]e ~ `maa[[k]e*. Это окончательно приводит к единому виду дистрибуцию шумных и сонорных: при подобной интерпретации после долгого гласного и сонорный, и шумный представлены только одиночными согласным (ср. *liini* 'линия' (part.sg.), *saagi* 'пила' (part.sg.), *saaki* 'добыча' (part.sg.)). Кстати, сведение количественных различий после долгого гласного к качественным также позволяет «вписать» эстонский в ту же схему, что и ливский, так как в ливском и сонорные, и шумные согласные после долгого гласного (или другого ядра долгого слога) могут быть только краткими (в слогоконечной позиции) и одиночными (в интервокальной).

Хотя нам исключительно близки аргументы Т.-Р. Вийтсо, отсылающие к структуре долгого слога и мы также придаем большое значение наличию вариантов, где гемината свободно заменяется на одиночный согласный после долгого гласного, дифтонга и сочетания краткого гласного с сонорным (см. ниже наш анализ латышских фактов), мы все же склонны думать, что в *'Maa[kk]i ~ 'Maa[[k]i, `maa[kk]e ~ `maa[[k]e* имеет место именно замена бифонемной геминаты на одиночный согласный, иначе говоря, что бифонемное сочетание двух сильных шумных в эстонском встречается и после ядра долгого слога, хотя, в силу того, что слогоконечный согласный в таких примерах не востребован структурой слога, на его месте иногда появляется и одиночный сильный шумный. Впрочем, это не имеет отношения к дальнейшему изложению.

4.4. Фонологическую интерпретацию долгих согласных звучаний (в первую очередь интервокальных), опирающуюся на слоговые границы и функциональную нагрузку долгого слога, в эстонском опровергает критерий морфемной границы. Дело в том, что интервокальные шумные в словах вроде *lakki* (part.sg.) – *la[kk]i* (gen.sg.) 'лак', которые мы только что условились считать бифонемными сочетаниями двух сильных, вообще-то говоря, не совпадают по звучанию с последовательностью из двух сильных на морфемной границе, точнее, первая часть геминаты все же звучит иначе, чем «настоящий» слогоконеч-

ный согласный в исходе слова перед энклитикой: ср. *la[k]ki* ‘лак’ (part. sg.) и *la[k]-ki* ‘даже лак’ (nom. sg.). (На морфемных границах встречаются и последовательности из слабого и сильного согласных одного места образования: *saa[g-k]i* ‘даже пила’, ср. *saa[k-k]i* ‘даже добыча’ рядом с *saa[kk]i* ‘добыча’ (part. sg.)) На морфемных границах имеют место так называемые «истинные» геминаты, в которых, по описанию П. Аристе, первый компонент реализуется так, словно бы стоит перед паузой¹⁷ [Ariste, 1953: 95]. (Именно по этой причине Т.-Р. Вийтсо в приведенной выше цитате говорит о «псевдогеминатах» в *maa[kk]e* ‘земелька, маленькая страна’ и других словах.) В настоящее время нам не представляется возможным разрешить это противоречие иначе, как объявив долгие согласные звучания на морфемных границах периферийным или, по крайней мере, особым случаем.

Использование морфемного критерия вносит дополнительные сложности и в описание латышского языка. Во-первых, звучание внутрифонемных глухих геминат и сочетаний согласных на стыке приставки и корня совпадает лишь отчасти. В двусложных словах типа *vi[ss]i* ‘все’, *pla[tt]e* ‘диск’, с одной стороны, и *i[s]-sit* ‘выбивает’, *at-tec* ‘прибегаешь’, с другой, их длительность примерно одинакова. В классическом учебнике латышской фонетики А. Лауы двусложные слова в обоих случаях транскрибируются как при помощи удвоенных символов, так и при помощи двоеточия, т. е. и как долгие, и как полудолгие (см. [Laua, 1997: 64–65 и 83]). В многосложных словах А. Лауа сохраняет двоякую транскрипцию для морфемных стыков, притом что внутриморфемные звучания передаются исключительно за счет двоеточия, следовательно, внутриморфемные геминаты в многосложных словах иногда оказываются короче долгих интервокальных согласных на морфемных стыках. Кроме того, морфемная граница посреди слогоконечного долгого согласного в *vis-s* ‘весь’, *sveš-[-š]* ‘чужой’ и т. д. открывает возможность для бифонемной интерпретации любого слогоконеч-

¹⁷ Вполне вероятно, что в латышском языке так могут произноситься последовательности двух одинаковых по месту образования согласных на границе между компонентами сложных слов, где, как следует из книги А. Лауы [Laua, 1997: 78], а также вступительной статьи к орфоэпическому словарю 1995 г., может отсутствовать ассимиляция по глухости–звонкости, напр., *pamatdoma* ‘основная мысль’. Авторы орфоэпического словаря отказываются давать какие-либо рекомендации по произношению подобных сочетаний, указывая при помощи звездочки на возможную (но не обязательную) ассимиляцию [см. LVPPV: 36], напр., *pamat*tēma* ‘основная тема’.

ного согласного, что совершенно излишне с точки зрения структуры долгого слога. В дальнейшем мы будем исходить из членения, опирающегося на слоговые, а не на морфемные границы, хотя такое решение, безусловно, не является идеальным.

5. Чередование одиночных согласных с геминатами в латышском языке

5.0. Представляется вполне очевидным, что наличие геминат в латышском языке, которым в литовском соответствуют одиночные согласные, тем более геминат, возникших из старых одиночных согласных в пределах одной морфемы, следует рассматривать как результат прибалтийско-финского влияния. Сходство между латышским и прибалтийско-финскими языками не ограничивается самим фактом присутствия геминированных согласных, а опирается на целый ряд особенностей их дистрибуции.

5.1. Первое, что бросается в глаза при сопоставлении латышских данных с эстонскими и ливскими, это отсутствие в латышском внутрифонемных звонких шумных геминат, что полностью совпадает с ситуацией в эстонском, где слабые шумные в принципе не могут быть долгими. Разумеется, латышская и, заметим, ливская корреляция согласных по звонкости–глухости отличается от эстонской оппозиции по силе–слабости, однако едва ли можно сомневаться, что при языковом контакте носители языка со звонкими и глухими согласными во многих случаях соотнесут иноязычные сильные со своими глухими, а слабые – со своими звонкими, тем более если речь идет об интервокальных слабых эстонского типа, в реализации которых та или иная степень звонкости действительно присутствует. Тем не менее, поскольку в латышском языке все же не произошло однозначного отождествления глухости с длительностью, а звонкости с краткостью и одиночные согласные по-прежнему могут быть как глухими, так и звонкими, внутриморфемные глухие геминаты здесь чередуются не со звонкими, а с глухими одиночными согласными – ср. эст. эст. *tuba* (nom./part.sg.) ‘комната’ – *tuppa* (ill.sg.) ‘в комнату’ и лтш. *lapā* (loc.sg.) – *la[pp]a* (nom.sg.) ‘лист’.

Хотя в ливском одиночными и удвоенными могут быть любые по качеству согласные – сонорные и шумные, звонкие и глухие, – на более раннем этапе и в ливском интервокальные глухие (или, скорее всего,

сильные) всегда представляли собой геминаты, а интервокальные звонкие (слабые) были одиночными согласными. Несмотря на одинаковую роль в современном языке, такие чередования со звонкими и глухими, как *tapāb* ‘убиваю, убивает’ – *tappō* ‘убивать’ и *tabāb* ‘угадываю, угадывает’ – *ta'bbō* ‘угадывать’, имеют разное происхождение. Геминированные звонкие, в полном соответствии с направлением современного чередования, возникли из одиночных согласных (**tabada* > *ta'bbō*), тогда как геминированные глухие, напротив, сохраняют более архаичное звучание, которое в других формах подверглось дегеминации (**tappab* > *tapāb*) [Viitso, 1981/2008: 161]¹⁸. Таким образом, отсутствие в латышском звонких внутриморфемных геминат находит соответствие не только в эстонском, но и на более раннем этапе развития ливского языка.

5.2. При перечислении условий геминации интервокальных глухих согласных в латышском некоторым обстоятельствам, на наш взгляд, уделяется недостаточное внимание.

Во-первых, это отсутствие геминации после долгого гласного, а также дифтонга и дифтонгического сочетания, т. е. звуков, образующих ядро долгого слога.

Во-вторых, это чередование геминаты с одиночным согласным типа *lapā* (loc.sg.) – *la[pp]a* (nom.sg.) ‘лист’ (и, возможно, также сложеконечного долгого со слогоконечным кратким согласным в словах вроде *lapsā* (loc.sg.) – *la[p:]sa* (nom.sg.) ‘лиса’, *saknē* (loc.sg.) – *sa[k:]ne* (nom.sg.) ‘корень’).

Наконец, это отсутствие связи (на первый взгляд) между долгой глухой согласной и слоговой долгой. Как известно, в балтийских языках слоги, содержащие сочетание краткого гласного с шумным согласным (как звонким, так и глухим), не считаются долгими, поскольку на них отсутствуют слоговые интонации.

Несложно заметить, что с точки зрения ливского или эстонского языка чередование одиночного и геминированного согласного в *lapā* (loc.sg.) – *la[pp]a* (nom.sg.) ‘лист’ и аналогичных примерах представляет собой обыкновенную замену краткого слога долгим, какая имеет место, напр., в лив. *tapāb* (1/3sg.prs.) – *tappō* (inf.) ‘убивать’ или эст. *tuba* (nom./part.sg.) ‘комната’ – *tuppa* (ill.sg.) ‘в комнату’. Показательно, что

¹⁸ В недавней статье 2007 г. Т.-Р. Вийтсо высказывает несколько иную точку зрения, по сути дела, отказываясь характеризовать формы с глухими геминатами как первичные или вторичные [Viitso, 2007b/2008: 303].

после долгого гласного, дифтонга и дифтонгического сочетания интервокальный глухой остается одиночным¹⁹ (табл. 12).

Таблица 12

Ядро краткого слога	Ядро долгого слога
<i>la</i> [pp] <i>a</i> ‘лист’ <i>li</i> [kk] <i>a</i> ‘класть’ (pst.3)	<i>lāpa</i> ‘факел’, <i>laipa</i> ‘мосток’, <i>lampa</i> ‘лампа’ <i>līka</i> ‘кривая’, <i>laika</i> ‘время’ (gen.sg.), <i>lanka</i> ‘заливной луг’
<i>donna</i> ‘донна’	<i>kr</i> [ō] <i>na</i> ‘крона’

По этой причине первая часть геминаты, закрывающая ударный слог после краткого гласного, оказывается в той же структурной позиции, что и второй компонент дифтонга и дифтонгического сочетания, а также вторая «половинка» долгого гласного. (Поскольку долгие гласные в латышском принято считать монофонемными звучаниями, то, по-видимому, более корректно было бы сказать, что все сочетание краткого гласного со слогоконечным шумным согласным, представляющим собой начало геминаты, приравнивается долговому гласному.) Можно сделать вывод, что цель геминации – сделать краткий ударный слог долгим, дополнив имеющийся в нем краткий гласный конечным согласным. После долгого гласного, дифтонга и дифтонгического сочетания в геминации нет необходимости, так как соответствующий слог уже является долгим и позиция, на которую могла бы претендовать первая часть геминаты, занята другими звуками.

5.3. Создается впечатление, что данной закономерности подчиняются и сонорные геминаты. Это видно из распределения краткого и долгого *o*, *ō* в составе заимствований. В исконной лексике *o*, *ō* не встречаются и в хорошо освоенных заимствованных словах также заменяются на дифтонг *uo*. В орфографии все три звука обозначаются при помощи <o>, что приводит к параллельному употреблению не только *uo* и *ō* (*vag*[uo]*ns* ~ *vag*[ō]*ns*), но и *o*, *ō* (*kontr*[ō]*le* ~ *kontrolē*, *l*[ō]*ģika* ~ *loģika*²⁰) [Laua, 1997: 127–128]. Однако есть позиции, где выбор между долгими и кратким *o*, *ō* не вызывает сомнений, а именно: долгий *ō* не встреча-

¹⁹ Наши наблюдения показывают, что интервокальный глухой все же может подвергаться геминации при подчеркнuto тщательном произнесении, по крайней мере, у части носителей языка, напр., *kādu rī*[tt]*u* ‘однажды утром’ и даже *saulī*[tt]*e* ‘солнышко’.

²⁰ Нормативными признаются варианты *kontr*[ō]*le*, *loģika* [LVPPV: 382, 428].

ется перед сонорной геминатой. Ср. рекомендованное орфоэпическим словарем [LVPPV: 189, 395] произношение слов *d[oŋ]na* и *kr[ō]na*²¹, где первая часть геминаты образует вместе с предшествующим кратким гласным дифтонгическое сочетание, тогда как перед одиночным согласным выступает долгий гласный (см. табл. 12). (Оба слога несут характерную для заимствований длительную интонацию.)

Интересно, что нормативное произношение слов *futbols*, *basketbols*, *volejbols* требует долгого гласного, т. е. *futb[ō]ls*, *basketb[ō]ls*, *volejb[ō]ls*. Примечательно, что при замене долгого гласного кратким, нередкой для разговорной речи, последующий сонорный геминируется [Paegle, Kušķis, 2002: 122–123], т. е. колебанию подвержен фонемный состав данных слов, но не количественные характеристики слога. (Хотя в по-собии по культуре речи, откуда взят данный пример, удвоенный согласный указывается в формах номинатива ед. ч. перед окончанием *-s*, скорее всего, это более актуально для интервокальной позиции в формах косвенных падежей, напр., генитива ед. ч. *futbolla*, *basketbolla*, *volejbolla*.²²) Ср. также варианты слова *aprīlis* ~ *apriļlis*, из которых нормативным является первый.

Это, впрочем, не означает, что из краткости гласного автоматически следует наличие геминированного сонорного – в отличие от глухих шумных, геминация которых после краткого гласного носит обязательный характер, иногда отсутствуя только в заимствованиях, сонорные согласные после краткого гласного могут быть как удвоенными, так и одиночными. Существуют даже минимальные пары, из которых одно слово (с геминатой), как правило, является заимствованием, а другое (с одиночным согласным) исконным напр., *galli* ‘галлы’ – *gali* ‘концы’, *nulle* ‘ноль’ – *nule* ‘только что’, диал. *melli* ‘черные’ – *meli* ‘ложь’, диал. *pilli* ‘полные’ – *pili* ‘замок’ (acc.sg.).

5.4. Чувствительность геминат к количественным характеристикам слогов не ограничивается предшествующим, т. е. ударным, слогом, и выбор между геминатой или одиночным согласным зависит также от последующего, заударного слога. Как видно из пары *lapā* (loc.sg.) – *la[pp]a* (nom.sg.) ‘лист’, перед долгим гласным вместо геминаты выступает одиночный согласный. Сразу оговоримся, что данная закономерность не действует в словах с сонорными, где геминаты имеют место и перед долгим окончанием, ср., *celle* (nom.sg.), *cellē* (loc.sg.)

²¹ Транскрипция упрощена.

²² Здесь и далее сохранена орфография примеров из [Paegle, Kušķis, 2002].

‘келья; клетка’. (В разговорной речи сонорные геминаты могут появляться перед долгими гласными в заимствованных корнях так же, как и перед краткими: ср. лит. *treneris* ‘тренер’, *trenēties* ‘тренироваться’ и разг. *trenneris*, *trennēties* [Paegle, Kušķis, 2002: 123].)

Безусловно, условия появления глухих шумных геминат и одиночных согласных в лтш. *lapā* (loc.sg.) – *la[pp]a* (nom.sg.) ‘лист’ совпадают с позициями, в которых чередуются любые по качеству одиночные и удвоенные согласные в ливском (табл. 13). На самом деле аналогичная закономерность – гемината перед менее длительным заударным гласным, одиночный согласный перед более длительным – действует и в эстонском языке, где, однако, носит более сложный характер, так как под тяжелым и легким акцентом первая часть геминаты имеет разную длительность (см. 4.1) и, соответственно, параллельно ей варьируется и длительность заударного гласного, напр., *lab[ā]* ‘ладонь; подошва’ с полудолгим, *ka[ppa]* (gen.sg.) и *ka[ppā]* (part.sg.) ‘ковш’ с «нормальным» кратким и сверхкратким.

Таблица 13

	Бóльшая длительность заударного гласного	Меньшая длительность заударного гласного
лтш.	<i>lapā</i> (loc.sg.) ‘лист’	<i>la[pp]a</i> (nom.sg.) ‘лист’
лив.	<i>tapāb</i> (1/3sg.prs.) ‘убивать’ <i>tabāb</i> (1/3sg.prs.) ‘угадывать’ <i>palāb</i> (1/3sg.prs.) ‘гореть’	<i>tappō</i> (inf.) ‘убивать’ <i>ta’bbō</i> (inf.) ‘угадывать’ <i>pa’llō</i> (inf.) ‘гореть’
эст.	<i>lab[ā]</i> ‘подошва’	<i>ka[ppa]</i> (gen.sg.) и <i>ka[ppā]</i> (part.sg.) ‘ковш’

В отличие от ливского и латышского, в эстонском изменение длительности заударного гласного считается аллофоническим варьированием, а не чередованием самостоятельных долгой и краткой гласных фонем. Впрочем, ливский долгий заударный гласный, в принципе, допускает и альтернативную трактовку [Viitso, 1981/2008: 168].

Тем не менее принципиальное отличие как эстонского, так и ливского от латышского заключается в том, что в прибалтийско-финских языках длительность заударного гласного зависит от наличия или отсутствия геминаты (точнее, долготы или краткости предшествующего слога и/или типа акцента), или, во всяком случае, зависимость на-

правлена в обе стороны. Кроме того, в эстонском и ливском заударный гласный нередко принадлежит той же самой двусложной морфеме, что и ударный (это более заметно в таких ливских формах, как *kukki* (nom.sg.) – *kukīz* (gen.sg.) ‘насекомое’, *i’bbi* (nom.sg.) – *ibīz* (gen.sg.) ‘лошадь’, *pu’nni* (nom.sg.) – *puņīz* (gen.sg.) ‘красный’). Что касается латышского, то здесь между интервокальным согласным (геминированным или одиночным) и заударным гласным обычно проходит морфемная граница; краткий и долгий *-a*, *-ā* представляют собой показатели разных падежей, что однозначно указывает на направление зависимости от заударного гласного к геминате. (Ср. также лив. *akkō* (inf.) – *akūb* (1/3sg.prs.) ‘схватить’ и *lakkō* (inf.) – *lakkōb* (1/3sg.prs.) ‘лакать’, где перед личным окончанием *-b* возможен как долгий, так и краткий гласный.)

5.5. В эстонском и ливском языках ударный и следующий за ним заударный слог образуют стопу – особую единицу плана выражения, промежуточную между слогом и словом. Ударение может быть как основным, так и второстепенным, так что любое многосложное слово членится на две или более стопы (см. [Hint, 1973: 158–163; Viitso, 1981/2008: 170]), напр., эст. *'osa,vama* (gen.sg.), *'osa,vama,legi* (all.sg.) ‘даже более способный’, лив. *'piēdā,gōgōn* (dat.pl.) ‘сосна’. (В эстонском слова в среднем длиннее, чем в ливском.) Иногда стопа состоит из одного ударного и двух заударных слогов, напр., в эст. *'osava* (gen.sg.) ‘способный’, *'osa,vamale* (all.sg.) ‘более способный’, лив. *'kaladōn* (dat.pl.) ‘рыба’, *'opā,tijizōn* (dat.pl.) ‘учитель’, иногда, напротив, из одного ударного слога, как в эст. *sil'm* ‘глаз’, лив. *tūl'* ‘ветер’.

При объединении слогов в стопы консолидирующим фактором служит не только ударение, но и существование закономерностей, регулирующих длительность ударного и заударного слогов относительно друг друга, о которых уже говорилось выше. (Это явление называют изохронией стопы (см. также 4.0), так как оно с известной долей условности позволяет сохранить неизменной длительность стопы в целом, сокращая или продлевая безударный слог в зависимости от большей или меньшей длительности ударного.) Правда, данные закономерности прежде всего относятся к стопе, несущей основное ударение, однако это не значит, что под второстепенным ударением они полностью отсутствуют. В эстонском языке вопрос о действии изохронии внутри стоп под главным и второстепенным ударением остается дискуссионным и, по-видимому, в немалой степени зависит от диалекта, см. [Pajusalu et al., 2005]. В ливском языке структура второй сто-

пы в четырех- и пятисложных словах совпадает со структурой начальных стоп, по крайней мере в некоторых суффиксальных образованиях: *'móiz,nikā* (nom.sg.), *'móiz,nikkō* (part.sg.), *'móiz,nikīdi* 'помещик' (part.pl.) [Vīitso, 1981/2008: 170].

В латышском языке ударность предшествующего слога является одним из обязательных условий появления внутриморфемного геминированного шумного²³. (В определенном смысле можно было считать геминацию интервокального глухого реализацией ударения.) В таких формах как *te'pat* 'в том же месте', *ni'pat* 'только что' с ударением на втором слоге возможен только одиночный согласный. Учитывая, что долгота заударного гласного также влияет на выбор между одиночным согласным и геминатой, остается признать геминацию интервокальных глухих шумным в латышском языке попыткой ввести в него стопу, аналогичную эстонской и ливской. Добавим, что, судя по сведениям К. Кариньша о геминации согласных под второстепенным ударением в формах вроде *'nesa,li[pp]i,nāt* 'не склеиваете' [Kariņš, 1996: 69–78], вторая стопа многосложного слова в этом плане не отличается от первой, несущей основное ударение.

Несмотря на это, латышский обнаруживает существенное отличие от эстонского и ливского в том, что долгий заударный гласный, обеспечивающий отсутствие геминаты, в латышском, принадлежит слогу, который, по всей видимости, сам несет второстепенное ударение²⁴, т. е. *'la.pā* 'лист' (loc.sg.), и, таким образом, не образует одну стопу с предшествующим ударным слогом. Отсюда следует, что если в лив. *tapāb* (1/3sg.prs.) – *tappō* (inf.) 'убивать' имеет место смена одной количественной схемы стопы на другую, то в лтш. *'la.pā* (loc.sg.) – *'la[pp]a* (nom.sg.) 'лист' изменяются границы стоп²⁵.

5.6. Мы предполагаем, что при ассимиляции чередования одиночного согласного с геминатой латышским языком прибалтийско-

²³ Надо заметить, что важность этого обстоятельства латышскими исследователями осознается не всегда – в частности, наличие ударения даже не упоминается при описании геминации интервокальных глухих во вступлении к орфоэпическому словарю 1995 г., см. [LVPPV: 36].

²⁴ О второстепенном ударении на долгих окончаниях в двусложных словах см. [Endzelīns, 1951: 32; Laua, 1997: 110].

²⁵ Л. Пости приписывал второстепенное ударение заударному слогу с долгим гласным в ливском языке. Т.-Р. Вийтсо [Vīitso, 1974: 160] критикует позицию Л. Пости, считая ее влиянием «Грамматики латышского языка» Я. Эндзеллина (издания 1922 г.).

финское продление заударного гласного с самого начала было переосмыслено как реализация второстепенного ударения. Основание для этого дают факты латышского говора Айзпуте, в начале XX в. зафиксированные К. Лининьшем [Līniņš, 1928]²⁶.

Дистрибуция второстепенного ударения в айзпутском говоре отличается от правил, предложенных для литературного языка А. Биленштейном и Я. Эндзелином (см. [Daugaviete, 2005]), наличием второстепенного ударения на заударном кратком слоге при условии, что стоящий перед ним ударный также является кратким, напр., *'šu,nelis* 'собачонка', *'ku,rinu* 'топлю (печь), разжигаяю (огонь)²⁷. (В литературном языке соответствующие формы не имели бы второстепенного ударения в принципе, т. е. *'šunelis* 'собачонка', *'kurinu*.) Если ударный слог долог, ударение на заударном отсутствует, напр., *'pātegas* 'палки'. Точно так же второстепенное ударение на заударном слоге не появляется, если интервокальный согласный является глухим и следует за ударным кратким гласным, напр., *'ka[šš]eklis* 'грабли'. Поскольку в айзпутском говоре, как и в латышском литературном языке, в подобных условиях интервокальный глухой геминируется, можно утверждать, что второстепенное ударение на заударном слоге отсутствует, если ударный слог содержит сочетание краткого гласного с глухим шумным. Заметим, что первый слог в *'ka[šš]eklis* с точки зрения второстепенного ударения ничем не отличается от «традиционного» долгого слога в *'pātegas*.

Представляется очевидным, что условия появления второстепенного ударения на заударном слоге в айзпутском говоре ничем не отличаются от условий продления заударного гласного в эстонском языке, которое также имеет место после краткого слога, напр., в *'lab[ā]* 'подошва' и отсутствует после долгого слога в *'võdba* (gen. sg.) и *'võd[pp]a* (part.sg.) 'расцветка', *'ka[ppa]* (gen.sg.) и *ka[ppā]* (part.

²⁶ Наряду с книгами М. Пойши [Poiša, 1985, 1999] статья К. Лининьша представляет собой одну из немногих работ по латышской диалектологии, где продлению интервокальных согласных уделяется пристальное внимание. То же самое можно сказать и о второстепенном ударении, сведения о котором в латышских диалектах и даже литературном языке по большей части отрывочны. Особая ценность небольшой статьи К. Лининьша также заключается в том, что ее автор демонстрирует взаимодействие между геминацией интервокальных глухих и позициями второстепенного ударения – вопрос, которому десятилетия спустя отчасти вернется К. Кариньш [Kariņš, 1996: 69–78].

²⁷ Транскрипция как таковая в статье К. Лининьша отсутствует, автор пользуется словесными описаниями.

sg.) ‘ковш’. (В эстонском картину осложняет дополнительное варьирование длительности заударного гласного в зависимости от акцента на долгом слоге, не имеющее параллелей в латышском²⁸.)

Конечно, было бы удобнее сопоставлять эстонские формы с двусложными (а не трехсложными) словами айзпутского говора или, напротив, брать эстонские трехсложные примеры. Однако в латышском языке у большинства двусложных форм второй слог соответствует окончанию, краткий гласный в составе которого не только не продлевается, но и подвергается редукции, напр., *grav*[^a] ‘овраг’ (пример из айзпутского говора). Двусложные корни довольно редки, однако К. Лининьш приводит несколько таких слов, которые в целом, подтверждают обнаруженную нами закономерность, ср. *'va jag* ‘нужно’ и *'va[kk]ar* ‘вчера’²⁹ [Līniņš 1928: 57]. Что касается эстонского материала, то, к сожалению, интересующие нас закономерности традиционно демонстрируются на материале двусложных форм. Впрочем, исследования трехсложных форм И. Лехисте подтверждают аналогичное поведение первого заударного гласного и в их составе [Lehiste, 1997: 150].

5.7. Теоретически можно допустить, что и в айзпутском говоре мы имеем дело именно с продлением заударного гласного, которое не обязательно является реализацией ударения, но это предположение опровергается тем, что в словах типа *ada*[tt]a ‘игла’, где между первым и вторым заударными слогами располагается глухой согласный, продление подвергается именно он, а не гласный – ср. с ударным слогом в *'ka[šš]eklis* ‘грабли’. Впрочем, данные И. Лехисте свидетельствуют,

²⁸ Чтобы отразить это варьирование, заударный гласный после долгого слога с легким акцентом при интервокальном слабом согласном нередко обозначается как полудолгий (т. е. как после краткого слога), ср., *'sein*[ā] (gen.sg.) – *'seina* (part.sg.) ‘стена’ и альтернативную транскрипцию *'sein*[a] (gen.sg.) – *'sein*[ā] (part.sg.) (см. [Eek, 2008: 123; Viitso, 2003a: 13–15]). Особенно часто полудолгий гласный можно видеть после долгого монофтонга под легким акцентом, напр., *võõb*[ā] (gen.sg.) ‘расцветка’ Не следует, однако, забывать, что заударный гласный в *'lab*[ā] ‘подшва’ произносится ощутимо дольше, чем предшествующий ему краткий ударный, тогда как в *'võõb*[ā] длительность заударного гласного не превышает длительность долгого ударного.

²⁹ Насколько позволяют судить наши наблюдения, двусложные корни типа *'va jag* ‘нужно’ имеют второстепенное ударение на заударном слоге и в речи носителей литературного языка. Правда, известно, что в ряде говоров под влиянием второстепенного ударения заударный гласный продлевается (сливаясь с этимологически долгим!) в словах с интервокальным глухим типа *vakar* ‘вчера’, *visiir* ‘везде’, *citiir* ‘в другом месте’ [Rudzīte, 1964: 80].

что и в эст. *kadaka* (gen.sg.) ‘можжевелик’³⁰ продлевается не только первый заударный гласный, но и следующий за ним сильный интервокальный согласный, так что однозначный вывод сделать не получается.

Косвенное подтверждение тому, что прибалтийско-финское продление заударного слога действительно могло быть переосмыслено в латышском как реализация ударения, также невольно дает и Т.-Р. Вийтсо [Viitso, 2007a: 25]. В его статье приводится рассказ о том, как известный латышский фонетист А. Абеле, слушая вместе с финским исследователем Л. Пости записи ливского языка, в форме *liepā* ‘ольха’ отметила основное (!) ударение на конечном слоге.

Так или иначе, мы склонны объяснять отсутствие геминации перед долгим гласным в *la.pā* (loc.sg.) ‘лист’ и подобных ей формам не количественными характеристиками гласного, а ударностью слога, в котором он содержится. В этом смысле одиночный согласный в *'la.pā* (loc.sg.) ‘лист’ принципиально не отличается от одиночного согласного в *te'pat* ‘в том же месте’, *nu'pat* ‘только что’. Долгота гласного имеет к геминации лишь косвенное отношение – заударный слог, содержащий долгий гласный, получает второстепенное ударение.

Отличие между лтш. литер. *'la.pā* (loc.sg.) ‘лист’ и айзпутской формой *šū,nelis* ‘собачонка’ заключается в том, что в *'šū,nelis* заударный слог в определенных условиях получил второстепенное ударение (вызванное продлением гласного, который, однако, не совпал с этимологически долгими монофтонгами), тогда как в локативе *'la.pā* уже имеющаяся долгота гласного была интерпретирована как вызванная второстепенным ударением (отсутствующим в номинативе *la[pp]a*). Скорее всего, второстепенное ударение на слоге, непосредственно следующим за слогом с главным ударением, стало возможно в латышском именно в результате переосмысления лив. *tapāb* ‘убиваю, убивает’ и/или эст. *'lab[ā]* ‘подошва’, хотя долгие слоги в других позициях (например, в исходе многосложного слова), по всей видимости, могли получать второстепенное ударение и раньше (см. [Daugaviete, 2005: 21–27; Daugaviete, 2008: 45]).

³⁰ Пример полностью приводится в орфографической записи, как и в статье И. Лехисте.

6. Реализация интервокального глухого перед долгим гласным

6.1. До сих пор мы рассматривали интервокальный глухой в позиции перед долгим гласным как одиночный согласный, целиком отходящий к следующему слогу (*la|pā*). Тем не менее, судя по замечаниям некоторых исследователей, которые вполне согласуются с нашими собственными впечатлениями, по крайней мере, у части носителей языка он представляет собой геминату, которая отличается от «полноценной» геминаты в *la[pp]a* только меньшей длительностью. В частности, Л. Муйжнице передает соответствующую пару форм как *la[pp]a* – *la[p:]ā*. (Другие авторы могут использовать двоеточие как единственное или альтернативное средство передачи геминаты в *la[pp]a*, и тогда за ним, очевидно, стоит несколько иное звучание.)

Напомним, что в ливском языке орфографической записи *tapāb* ‘убиваю, убивает’ могут соответствовать две транскрипции, их которых одна (используемая в работах Л. Кеттунена) выглядит как *ta[ṗp]āb*, а другая (которую вслед за Л. Пости выдвигает Т.-Р. Вийтсо) как *ta[p̣]āb*. Оба варианта подразумевают меньшую длительность согласного по сравнению с *ta[pp̣]ō* ‘убивать’, но в соответствии с интерпретацией Л. Кеттунена разница в длительности приходится на первую, т. е. слогоконечную, часть геминаты, тогда как Т.-Р. Вийтсо трактует интервокальный глухой как исключительно слогоначальный звук, хотя и фонетически полудолгий. Несмотря на то что передача лтш. *lapā* в виде *la[p:]ā* вызывает мгновенные ассоциации с лив. *ta[ṗp]āb* ~ *ta[p̣]āb*, многозначность двоеточия в латышской транскрипции не позволяет определить, каким образом [p:] соотносится с границей слога. Я. Эндзелин в свое время высказался на этот счет несколько противоречиво: «в локативе ед. числа *mutē* ‘рот’... предшествующий шумный краток и принадлежит второму слогу, хотя смычка у *p*, *t*, *k* образуется уже в конце первого слога» [Endzelīns, 1951: 29]. Во всей видимости, в латышском, так же как и в ливском, точное место слоговой границы относительно интервокального глухого не столь важно, поскольку с функциональной точки зрения его слогоконечной составляющей словно бы не существует. Если наше предположение о существовании параллельного чередования в *la[p:]sa* (nom.sg.) – *lapsā* (loc.sg.) ‘лиса’, *sa[k:]ne* (nom.sg.) – *saknē* (loc.sg.) ‘корень’ верно, это относится и к слогоконечному согласному в *lapsā* (ср. лив. *mō[ṭ]sō* (part.

sg.) – *mō[ĩ]sā* (nom.sg.) ‘лес’, *ka[ĩ]ļō* (part.sg.) – *ka[ĩ]ļā* (nom.sg.) ‘котел’). Окончательный ответ на этот вопрос может дать лишь специальное исследование, учитывающее не только физические характеристики соответствующих звуков, но и их восприятие носителями языками.

Другое дело, что слогоконечный согласный в *lapā*, *lapsā* теоретически может проникнуть из других падежей в ходе выравнивания парадигмы. В этой связи особый интерес вызывают глагольные формы типа *zvetēt – zvetē – zvetēja* ‘колотить, колошматить’ и *meklēt – meklē – meklēja* ‘искать’, где отсутствуют формы с заударным кратким гласным и, соответственно, выравнивание по аналогии исключается. Судя по нашим впечатлениям, в формах такого типа действительно произносится одиночный согласный. (К сожалению, орфоэпический словарь 1995 г. указывает продление интервокальных глухих крайне избирательно, ограничиваясь двусложными именами в номинативе, а также двусложными личными формами, причем транскрипцией сопровождаются только слова, где необходимо указать «широкое» или «узкое» произношение *e*, *ē*, так что длительность согласных не является ее основной целью.)

6.2. Отдельную проблему представляет собой реализация интервокального глухого перед слогом, содержащим дифтонг или дифтонгическое сочетание. Такой слог, как правило, является долгим, однако как дифтонги, так и дифтонгические сочетания в латышском довольно легко членятся на компоненты, первый из которых однозначно отождествляется с кратким гласным соответствующего качества.

В латышском языке условием геминации является не столько долгота заударного гласного, сколько наличие на соответствующем слоге второстепенного ударения, так что можно предположить, что фонемный состав данного слога не важен, пока слог остается долгим. Похоже, что именно такой точки зрения придерживаются составители орфоэпического словаря [LVPPV: 451], где, например, для формы *metat* (2pl. prs.) ‘бросать’ указывается произношение с геминатой, т. е. [mɛtːat]³¹, тогда как *metam* (1pl. prs.) транскрибируется с одиночным согласным и слоговой интонацией над конечным долгим слогом: [mɛtām]. Л. Муйжнице [Muižniece, 2002: 65] указывает в *mu[š:]lai* (dat.sg.) ‘муха’ продленный согласный, однако в ее работе двоеточие также передает дли-

³¹ Авторы LVPPV для обозначения геминат и любых долгих согласных во всех позициях используют только двоеточие.

тельность согласного в *la[p:]ā* (loc.sg.) ‘лист’, *mu[t:]ē* (loc.sg.) ‘рот’, где он уступает по длительности «настоящей» геминате в *la[pp]a* (nom.sg.), *mu[tt]e* (nom.sg.). Таким образом, глухой согласный перед дифтонгом скорее всего также следует интерпретировать как одиночный.

Противоположную картину наблюдаем в описании айзпутского говора К. Лининьша [Līniņš, 1928: 57], где в *'klu[cc]im* ‘полено, чурбан’ (dat.sg.), *'a[kk]ai* ‘колодец’ (dat.sg.) второстепенное ударение на заударном слоге отсутствует, а интервокальный согласный геминируется – ср. с *za,ram* ‘ветка’ (dat.sg.), *'be,drei* ‘яма’ (dat.sg.) с второстепенным ударением на окончании. При этом первые слоги в *'klu[cc]im*, *a[kk]ai* ведут себя точно так же, как традиционные долгие в *'laipai* ‘мосток’ (dat.sg.), *'kalpam* ‘слуга’ (dat.sg.), *'nākam* ‘приходить’ (1pl.prs.), которые тоже блокируют второстепенное ударение. Действующую здесь закономерность мы уже наблюдали на материале трехсложных слов *šu,nelis* ‘собачонка’, с одной стороны, и *'ka[šš]eklis* ‘грабли’, *'pātēgas* ‘палки’ – с другой.

Наибольшую сложность представляет интерпретация примеров у тех авторов, которые в зависимости от позиции обозначают длительность интервокального глухого трояким образом, а именно: при помощи одиночного символа перед долгим гласным, напр., *akā* ‘колодец’ (loc.sg.), *latā* ‘лат’ (loc.sg.); при помощи двоеточия перед дифтонгом и дифтонгическим сочетанием, напр., *a[k:]ai* (dat.sg.), *la[t:]am* (dat.sg.); и посредством удвоенного символа перед кратким гласным, напр., *a[kk]a* (nom.sg.), *la[tt]a* (gen.sg.) (см. [Kalnača, 2004: 92–102]). Мы склонны думать, что три реализации в данном случае соответствуют только двум функциональным классам, однако остается неясным, приемыкают ли формы типа *a[k:]ai*, *la[t:]am* к одиночному согласному в локативе, где основанием для их объединения могла бы послужить долгота слога, или же к удвоенному согласному в номинативе и генитиве, где общим является краткость гласного в заударном слоге. Вероятно, отсутствие однозначного ответа связано с вариативностью в произношении и восприятии этих форм носителями литературного языка, за которой, в свою очередь, может стоять диалектное варьирование.

7. Длительность согласного в исходе слова

Описывая дистрибуцию долгих и кратких согласных звучаний в прибалтийско-финских языках, мы довольно много внимания уделили позиции в исходе односложного слова, где за кратким гласным автоматически появляется долгий согласный, а за долгим – краткий, напр., лив. GSG *tūl* ‘ветер’ – NSG *u[ī]* ‘безумный’, NP1 *pūd* ‘дерево’ – *ku[d]* ‘вяжи, плети’, *k[ī]* ‘говори’ – *ki[ī]*. Поскольку в латышском языке данная позиция никогда не становилась предметом описания ни в одной из известных работ, можно было бы ограничиться общим утверждением, что для латышского языка подобная закономерность, скорее всего, не свойственна.

Вопреки этому сведения о слогоконечных согласных в исходе слова обнаруживаются все в том же описании айзпутского говора К. Лининьша, который констатирует продление согласного не только в *si[tt]a* ‘бить’ (pst.3), *ne[ss]ita* ‘не бить’ (pst.3.), но и в *si[t:]* (prs.3) [Līniņš, 1928: 57]. Эти данные можно было бы игнорировать как не имеющие ничего общего с литературным языком, однако они находят неожиданное подтверждение среди примеров, которыми А. Калнача иллюстрирует чередования в глагольном спряжении, ср. *cepu* [сѣпу] (1sg.prs.), *cepat* [сѣр:ам] (1pl.prs.), *cep* [сѣр:] (prs.3) ‘печь’³² [Kalnača, 2004: 102]. К. Лининьш трактует долгий согласный в *si[t:]* ‘бьют’ (и во всех остальных приводимых им формах) как чисто фонетическое явление, тесно связанное с реализацией ударения – в частности, перед звонким согласным в *grib* ‘хотеть’ (prs.3), *gaŗi* ‘длинные’ под ударением продлевается гласный (не совпадая при этом с этимологически долгим). Однако, как и в формах локатива с геминатой перед долгим гласным, нельзя полностью исключать и влияния форм с геминатами, из которых долгота гласного могла проникнуть и в другие позиции.

8. Выводы

Можно считать доказанным, что глухие внутриморфемные геминаты в латышском сложились под влиянием прибалтийско-финских языков, которое точно так же способствовало сохранению геминированных согласных на морфемных стыках и в составе заимствований; оно

³² Несмотря на это, по крайней мере часть носителей латышского литературного языка произносит *cep* с кратким конечным согласным.

же сделало возможным и диалектные изменения типа *pilna* > *pilla* 'полная'. Наблюдаемое в этом отношении сходство между латышским и прибалтийско-финскими языками не ограничивается одним фактом существования долгих (геминированных) согласных, а распространяется также на условия, в которых они чередуются с краткими (одиночными) звучаниями. Таким образом, латышский заимствовал не только особенности артикуляции, но и функциональные свойства прибалтийско-финских геминат, а именно, их взаимодействие с ударением, с количественными характеристиками ударного и заударного слогов и составляющих их звуков. Посредством геминации в прибалтийско-финских языках (особенно в ливском) стопа с кратким ударным слогом и долгим заударным гласным при словоизменении и словообразовании чередуется со стопой, в которой ударный гласный является долгим, а заударный гласный кратким. В латышском языке геминация также используется для превращения краткого ударного слога в долгий при условии, что за ним следует как минимум один безударный слог.

Едва ли можно однозначно установить, какой из двух прибалтийско-финских языков, соседствующих с латышским, – ливский или эстонский, – послужил источником геминации. (Если применительно к соответствующей эпохе разделение на ливский и эстонский языки вообще имеет смысл.) Традиционно считается, что наиболее интенсивные контакты имели место между латышским и ливским, однако такая сравнительно поздняя и специфически ливская черта как геминация звонких шумных в латышском как раз отсутствует. Правда, с ливским языком латышский, возможно, связывает трактовка кратких геминат (перед долгим гласным) как целиком принадлежащих заударному слогу и/или не способных влиять на количественные характеристики ударного.

При ассимиляции латышским языком прибалтийско-финских схем чередования одиночных и геминированных согласных некоторые явления подверглись переосмыслению. Мы полагаем, что так называемая изохрония стопы (взаимозависимость между длительностью ударного и заударного слогов) так и не проникла в латышский, где отсутствие геминации перед заударным долгим гласным/слогом объясняется присутствием на данном слоге второстепенного ударения и лишь косвенно связано с его количественными характеристиками. Таким образом, реальным условием геминации в латышском является отсутствие на следующем слоге ударения, как основного, так и второстепенного. В этом смысле латышская геминация скорее представляет собой тенденцию к превращению ударных слогов в долгие в многосложных словах.

За рамками настоящей работы осталась геминация, имеющая место в верхнелатышских селонских говорах, где она носит принципиально иной характер и, скорее всего, представляет собой результат более позднего влияния собственно ливского языка (см. [Poiša, 1985, 1999]). Такие ее особенности, как отсутствие ограничений на качество геминируемых согласных и использование наряду с геминацией согласного продления ударного гласного позволяют проводить параллели и с продлением ударных гласных в литовском языке. О возможном общебалтийском распространении данного явления свидетельствует фонетические условия продления ударного гласного в селонских говорах латышского и в литовском языке, а именно, запрет на продление в отсутствие заударного слога (см. [Ābele, 1927]), которые не отличаются от определенных выше условий геминации глухих в нижнелатышском.

Литература

- Buiṁco T.-P.* (1979a). Проблемы количества в эстонском языке // Советское финно-угроведение. 15/1, 1–17.
- Buiṁco T.-P.* (1979b). Проблемы ударения в эстонском языке // Советское финно-угроведение. 15/3, 136–152.
- Ābele A.* (1927). Īso patskaṅu pagarinājumi nebalstīgu līdzskaṅu priekšā // Filologu biedrības raksti. 7, 110–111.
- Ariste P.* (1939). A quantitative language // Proceedings of the 3rd International Congress of Phonetic Sciences. Ghent, 276–280.
- Ariste P.* (1953). Eesti keele foneetika. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus.
- Daugaviete A.* (2005). Palīgakcenti latviešu valodā (pēc A. Bīlenšteina, J. Endzeliņa un M. Brēdes materiāla) // Baltu filoloģija. 14, 3–46.
- Daugaviete A.* (2008). Secondary stress in Latvian compared to Lithuanian and Estonian // J. Niewulis-Grabliūnas, J. Prusinowska, E. Stryczyńska-Hodyl (eds.), Perspectives of Baltic Philology. Poznań: Rys, 41–48.
- Eek A.* (2008). Eesti keele foneetika I. Tallinn: Tallinna Tehnikaülikooli Kibernetika Instituudi Kirjastus.
- Endzelin J.* (1922). Lettische Grammatik. Rīga: Gulbis.
- Endzelīns J.* (1951). Latviešu valodas gramatika. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība.
- Hint M.* (1973). Eesti keele sõnafonoloogia. I: Rõhusüsteemifonoloogia ja morfofonoloogia põhiprobleemid. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut.

Hint M. (1997). The Estonian quantity degrees in prosody and morphonology // Lehiste, Ross (eds.). 1997, 125–135.

Kalnača A. (2004). Morfēmika un morfonoloģija. Rīga: Latvijas Universitātes Akadēmiskais apgāds.

Kariņš Kr. (1996). The Prosodic Structure of Latvian. University of Pennsylvania Dissertation.

Kettunen L. (1925). Untersuchung über die livische Sprache. Phonetische Einführung. Sprachproben. Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. B VIII3. Tartu.

Laua A. (1997). Latviešu literārās valodas fonētika. Rīga: Zvaigzne ABC.

Lehiste I. (1997). The structure of trisyllabic words // Lehiste, Ross (eds.). 1997, 149–164.

Lehiste I., Ross J. (eds.) (1997). Estonian Prosody: Papers from a Symposium. Tallinn: Institute of Estonian Language.

Lehiste I., Teras P., Pajusalu K., Tuisk T. (2007). Quantity in Livonian: preliminary results // *Linguistica Uralica*. 43/1, 29–44.

Līniņš K. (1928). Par zilbju pagarināšanu un saīsināšanu // *Filologu biedrības raksti*. 2, 56–59.

LVPPV – *Ceplītis L., Miķelsone A., Porīte T., Raģe S.* Latviešu valodas pareizrakstības un pareizrūnas vārdnīca. Rīga: Avots, 1995.

Paegle Dz., Kušķis J. (2002). Kā latvietis runā...: Praktiski ieteikumi valodas kultūrā. Rīga: Zvaigzne ABC.

Pajusalu K., Help T., Lippus P., Niit E., Teras P., Viitso T.-R. (2005). On the temporal structure of Estonian secondary stress feet // *Linguistica Uralica*. 41/2, 98–106.

Pakerys A. (1995). Lietuvių bendrinės kalbos fonetika: vadovėlis aukštųjų mokyklų studentams. Vilnius: Žara.

Poiša M. (1985). Vidzemes sēliskās izloksnes. I. Rīga: Zinātne.

Poiša M. (1999). Vidzemes sēliskās izloksnes II. Rīga: Latviešu valodas institūts.

Rudzīte M. (1964). Latviešu dialektoloģija. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība.

Viitso T.-R. (1974). On the phonological role of stress, quantity and stød in Livonian // *Советское финно-угроведение*. 10, 159–170.

Viitso T.-R. (1981/2008). Läänemeresoome fonoloogia küsimusi. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut. (Цит. по: *Viitso T.-R.* 2008, 145–222).

Viitso T.-R. (2003a). Structure of the Estonian language: phonology, morphology and word formation // M. Erelt (ed.), *Estonian Language (Linguistica Uralica. Supplementary Series. Vol. 1.)* Tallinn: Estonian Academy Publishers, 9–92.

Viitso T.-R. (2003b). Rise and development of the Estonian language // M. Erelt (ed.), Estonian Language (Linguistica Uralica. Supplementary Series. Vol. 1.) Tallinn: Estonian Academy Publishers, 130–229.

Viitso T.-R. (2007a/2008). Livonian gradation: types and genesis // Linguistica Uralica, 43/1, 45–62. (Тажке цит. по: *Viitso T.-R.* 2008, 295–307).

Viitso T.-R. (2007b). Survey of previous research on Livonian prosody // Linguistica Uralica. 43/1, 23–28.

Viitso T.-R. (2008). Liivi keel ja läänemeresoome keelemaastikud. Tartu; Tallinn: Tartu Ülikooli eesti ja üldkeeleteaduse instituut, Eesti Keele Instituut.

Zinkevičius Z. (1980). Lietuvių kalbos istorinė gramatika. T. I: Įvadas; Istorinė fonetika; Daiktavardžių linksniavimas. Vilnius: Mokslas.

П. М. Аркадьев (Москва)

О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ СВОЕОБРАЗИИ ЛИТОВСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

This paper discusses those features of the Lithuanian verbal system which happen to find no direct counterparts either in all the other languages of the East Baltic region, including the close genetic relatives of Lithuanian, or at least outside the Baltic branch of the Indo-European language family. These include features of morphology (i.e. productive infixation in the Present tense and lack of prefix-stacking), verbal categories (inflectional Past Habitual, Avertive, Continuative, Restrictive), and broader patterns of verbal morphosyntax (use of impersonal passive for the marking of evidentiality, non-Nominative case-marking of subjects and objects in non-finite clauses). With respect to some of these features it is shown that Lithuanian has generalized and extended patterns inherited from the proto-language to a degree unknown to its neighbours, while other features are purely local innovations. Speculative preliminary remarks on possible explanations of the lack of areal spread of the unique features of Lithuanian are also included.

Вступительные замечания

Ареально-типологическое и сравнительно-историческое изучение балтийских языков и диалектов позволило выявить те черты их устройства, которые возникли или получили особое распространение в результате интенсивных контактов балтов с носителями других языков, прежде всего славянских и прибалтийско-финских¹ (см., напри-

¹ Работа выполнена в рамках проекта Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации» и гранта РГНФ № 11-04-00282а. Данная статья основана на докладе, прочитанном на XLIII конгрессе Европейского лингвистического общества в Вильнюсе в сентябре 2010 г. Я благодарю Ю. Пакериса, Н. Нау и Б. Вимера за ценные замечания к докладу и первоначальному варианту текста, а также моих литовских консультантов за предоставленные данные. Отдельное спасибо А. Тамм за помощь с материалом эстонского языка.

мер, [Zeps, 1962; Непокупный, 1964; Судник, 1975; Судник (ред.), 1980; Амбразас, 1985; Прохорова, 1987; Thomason, Kaufman, 1988: 238–244; Stolz, 1991; Nau, 1996; Беднарчук, 1997; Dahl, Коптјевскаја-Тамм (eds.), 2001; Wiemer, 2002, 2006a; Levin, 2003; Вимер, 2007, наст. сб.; Сержант, 2007; Даугавет, 2009, наст. сб.; Завьялова, 2007, наст. сб.]). Задача данной статьи состоит в том, чтобы, оставаясь в рамках ареально-типологической перспективы, обратить внимание на те черты литовской глагольной системы, которые являются уникальными для Восточной Балтии. Такая постановка задачи представляется обоснованной не только сама по себе (выявление черт, выделяющих данный язык на фоне других, – необходимая составная часть его типологически-ориентированного описания), но и с точки зрения балтийской (и общей) ареальной лингвистики. Для последней вопрос о том, какие черты языковой системы (и почему) демонстрируют «иммунитет» к заимствованию, является не менее важным и насущным, чем значительно лучше разработанный вопрос о факторах, способствующих взаимопроникновению языковых систем в контактных условиях (см. также [Русаков, наст. сб.]).

В данной работе я, разумеется, не претендую на сколько-нибудь исчерпывающий перечень тех черт литовской языковой системы, которые не находят параллелей в географически и генетически близких ему языках. Ограничиваясь системой глагола (а именно, рядом особенностей морфологии, грамматических категорий и морфосинтаксиса), я остановлюсь лишь на некоторых признаках, каждый из которых, вероятно, может показаться незначительным (такой взгляд отчасти объясняет то, что часть рассматриваемых ниже явлений практически не была изучена ранее), а взятые все вместе они вряд ли образуют цельную систему. Тем не менее я полагаю, что предлагаемая ниже «кунсткамера» «экзотических животных» литовского глагола (оговорюсь, что рассматриваю также некоторые явления, находящие параллели в ближайших родственниках литовского – латышском и латгальском) не только имеет право на существование, но и способна поставить перед исследователями ряд важных вопросов.

Главный из этих вопросов состоит в следующем: каким образом в условиях интенсивных контактов с идиомами с весьма сходной структурой в языке могут «аккумулироваться» явления, не находящие параллелей в его «контрагентах» по контактной ситуации (ср. [Thomason, 2001: 63–65])? Один из возможных ответов на этот вопрос состоит в

том, что по каким-либо причинам язык может «консервировать» архаизмы, сохраняя тем самым общее наследие праязыка дольше, чем другие языки той же генетической группы. Как мы увидим ниже, данный ответ к литовской ситуации применим лишь в весьма ограниченной степени, поскольку значительная часть рассматриваемых в этой статье явлений явным образом инновационны, даже в тех случаях, когда в их основе лежат структуры и механизмы, унаследованные от индоевропейского состояния.

1. Морфология

Уникальных черт, относящихся собственно к морфологии, т. е. к устройству парадигматики и формального выражения грамматических значений, в литовской глагольной системе не так много, однако те, что имеются, весьма занимательны. Ниже я остановлюсь на трёх таких признаках. Сразу укажу, что лишь один из них характеризует исключительно литовский язык, а два других наблюдаются и в других восточнобалтийских языках.

1.1. Назальный инфикс

Наличие в литовском языке инфиксации как довольно продуктивного и частотного морфологического средства выделяет его не только среди его ближайших соседей, но и, по-видимому, среди всех живых индоевропейских языков. Напомню, что инфикс /n/ ([m] перед губными и [ŋ] перед заднеязычными согласными) появляется в основе настоящего времени обширного и семантически гомогенного класса глаголов, обозначающих не контролируемые или слабо контролируемые субъектом процессы и изменения состояния (см. подробнее [Stang, 1942: 132–133; Arumaa, 1957; Темчин, 1986; Аркадьев, 2006а, 2006б, 2010]), ср. *riko* ‘ошибся’ ~ *ri-n-ka* ‘ошибается’, *gubo* ‘гнулся’ ~ *gu-m-ba* ‘гнётся’, *krito* ‘падал’ ~ *kri-n-ta* ‘падает’. Такого рода глагольных основ в литовском языке имеется несколько сотен, и вполне очевидно, что такое широкое распространение инфиксации является в нём инновацией (подробнее о сравнительно-исторической интерпретации балтийской инфиксации в контексте других индоевропейских языков см. [Schmalstieg, 2000: 150–156; Gorbachov, 2007]).

В свете принятой в данной статье перспективы литовский назальный инфикс интересен по следующим причинам.

Во-первых, данная модель образования основы презенса в восточнобалтийских языках является ярким примером инновации, состоящей в генерализации архаической, унаследованной от праязыка черты, и сообщения ей «второй молодости» в рамках новой системы. Действительно, материально литовский назальный инфикс находит многочисленные параллели в древних индоевропейских языках (ср. латинское *vici* ‘победил’ ~ *vi-n-co* ‘побеждаю’, древнегреч. $\pi\upsilon\text{-}\nu\text{-}\theta\acute{\alpha}\nu\omicron\mu\alpha\iota$ ‘расспрашиваю’ ~ $\pi\epsilon\upsilon\theta\omicron\mu\alpha\iota$ ‘расспрошу’, санскритское \sqrt{muc} - ‘освобождать’ ~ *tu-ñ-cati* ‘освобождаю’), однако именно функциональная нагрузка, мотивированность семантическим классом глагола и продуктивность этого морфологического средства в литовском делают его уникальным.

Во-вторых, несмотря на то что изначально инфикация была восточнобалтийским явлением, общим для предков нынешних литовских и латышских диалектов, в латышском она, не став столь продуктивной, как в литовском, была устранена в пользу более распространённого в языковой системе морфонологического средства – преобразования корневого вокализма [Schmalstieg, 2000: 156], ср. лтш. *tapt* ‘стать’ ~ *tuopu* ‘становлюсь’ (~ лит. *ta-m-pu* ‘тж.’), ‘падать’ ~ *krītu*, ‘падаю’ (~ лит. *kri-n-ta*). Данный процесс частично имел место и в литовском языке, где инфикс был устранён перед всеми несмычными согласными с компенсаторным удлинением предшествующей гласной фонемы, ср. *biro* ‘сыпался’ ~ *by[i:]ra* ‘сыплется’ (< **bi-n-ra*), *dužo* ‘разбился’ ~ *dūžta* ‘разбивается’ (< **du-n-ž-st-a*).

Тем самым, пусть и по разным причинам, литовский презентный инфикс является яркой чертой, выделяющей морфологическое устройство литовского глагола как среди собственно балтийских языков, так и в более широком контексте.

1.2. «Мобильный» показатель рефлексива

Одна из хорошо известных морфологических особенностей литовского глагола – нетривиальное поведение рефлексивного показателя *-s(i)*, который способен занимать две позиции в словоформе, см. [Stolz, 1989; Nevis, Joseph, 1993]. Если глагол не содержит префикса, рефлексивный показатель выступает в качестве «постфикса», т. е. суффикса, следующего последним в словоформе, после лично-числовых

окончаний, выступающих перед ним в особой, «длинной», форме, ср. *bučīuoj-u* ‘целую’, *bučīuoj-i* ‘целуешь’, *bučīuoj-a-me* ‘целуем’ vs. *bučīuoj-uo-si* ‘целуюсь’, *bučīuoj-ie-si* ‘целуешься’, *bučīuoj-a-mē-s* ‘целуемся’. Форма самого показателя рефлексива (наличие или отсутствие последней гласной *-i*) также обусловлена морфологически. Появление в словоформе префикса вызывает «перескок» рефлексивного показателя в позицию непосредственно перед корнем, ср. *pa-bučīavome* ‘мы поцеловали’ vs. *pa-si-bučīavome* ‘мы поцеловались’, *ne-si-bučīavome* ‘мы не целовались’.

Аналогичным образом ведёт себя рефлексивный показатель *-s(a)-* в латгальском языке, см. [Leikuma, 2003: 38; Nau, 2011: 43], в отличие от литературного латышского, где рефлексив всегда занимает постфиксальную позицию, ср. *mozguotī-s* ‘мыться’ vs. *nū-sa-mozguot* ‘вымыться’.

Данная ситуация является наследием более древнего состояния, когда между префиксом и основой, помимо рефлексивного показателя, могли вклиниваться различные энклитические элементы, ср. старолитовское *tatay in-ti-sakau* ‘я говорю тебе это’ [Stolz, 1989: 19], где между превербом *in-* (совр. *į-*) и основой вставлено отсутствующее в современной норме энклитическое местоимение 2-го лица *tī* ‘тебе’.

Позиционная нестабильность грамматических элементов сама по себе не является чем-то экзотическим, в том числе и для европейских языков, ср. вариативность позиции местоименных клитик в южнославянских и романских языках (библиография по этой теме слишком обширна, чтобы её приводить; см. в частности [Циммерлинг, наст. сб.]). Тем не менее, во всех этих случаях мобильные морфологические элементы (даже если отвлечься от неизменно градуального противопоставления клитик и аффиксов) являются, употребляя акцентологическую терминологию [Зализняк, 1985: 17], «маргинально-подвижными», занимая либо конечную, либо начальную позиции в глагольном комплексе. Литовско-латгальская ситуация, когда показатель с абсолютно конца словоформы перемещается в позицию ближайшего к основе префикса, является беспрецедентной.²

² Единственная параллель — поведение местоименных клитик в европейском португальском, способных вклиниваться между основой и флексиями будущего времени, ср. *levá-lo-a* ‘приведёт тебя’ vs. *não o levará* ‘не приведёт тебя’ [Hutchinson, Lloyd, 2003: 47].

1.3. Парадоксы глагольной префиксации

Характерной изоглоссой, общей для индоевропейских и неиндоевропейских языков Восточной Европы (за исключением прибалтийско-финских), является продуктивная глагольная префиксация, использующаяся как для спецификации пространственных или иных компонентов глагольной семантики, так и для выражения аспектуальных значений (см. [Вреу, 1992; Плуноян, 2002; Аркадьев, 2007; Tomelleri, 2008]). Не исключение здесь и балтийские языки, система глагольных префиксов в которых, пожалуй, ближе всего к славянской (см., например, [Эндзелин, 1971/1906; Wiemer, 2002]). Более того, ряд черт, общих у балтийских и славянских систем глагольной префиксации, могут, по видимому, быть объяснены лишь контактным влиянием. Это и разительное сходство определённых моделей полисемии префиксов³ (о значениях литовских приставок см. [Эндзелин, 1971/1906] и в особенности [Paulauskas, 1958]; в последней работе, однако, славянский материал не привлекается), и заимствование отдельных приставок из славянских языков в балтийские (см. [Paulauskas, 1958: 320ff; Wiemer, 2009; Завьялова, наст. сб.]).

В свете этого тем более удивителен тот факт, что балтийские языки отличаются от славянских по столь яркому и нетривиальному параметру, как допустимость множественной префиксации. Если все славянские языки в той или иной степени разрешают сочетание в одной глагольной форме нескольких префиксов [Ройзензон, 1974], ср. рус. *по-над-писывать*, *пере-за-писать* или чеш. *po-od-stoupit* ‘немного отступить’ [Gehrke, 2008: 148] (библиография по славянской множественной префиксации обширна; см. обзор в [Татевосов, 2009]), то в балтийских языках итерация превербов в качестве сколько-нибудь продуктивного механизма отсутствует (ср. [Эндзелин, 1971/1906: 541; Paulauskas, 1958: 418]).

Одно из возможных объяснений этой лакуны в системе балтийского глагола могло бы состоять в том, что в ней, в отличие от славянских языков, отсутствуют так называемые «внешние» употребления префиксов (о противопоставлении «внешних» и «внутренних» префиксов в славянских языках см. [Татевосов, 2009]), т. е., огрубляя, такие, значение которых композиционально и предсказуемо, в отличие

³ Как ни странно, мне неизвестны работы, где бы этот вопрос специально исследовался.

от «внутренних» префиксов, прихотливо и подчас значительно воздействующих на семантику глагола. К типичным «внешним» префиксам в славянских языках относятся, например, делимитативный префикс *no-* (о типологии славянских делимитативов см. [Dickey, Hutcheson, 2003]). Хотя данный вопрос требует более детальной разработки, на первый взгляд представляется, что «внешние» префиксы в балтийских языках всё же имеются, в частности, литовский продуктивный делимитативный префикс *pa-*, см. [Галнайтите, 1959: 60–63]. Этот префикс, будучи весьма близок по значению соответствующему славянскому, не способен, однако, присоединяться к глаголам, уже содержащим преверб, даже если они модифицированы итеративным суффиксом *-inė*, отчасти сходным с русскими показателями «вторичной имперфективации» (см. [Галнайтите, 1966; Завьялова, наст. сб.]). Так, в литовском языке есть формальные аналоги русским глаголам *пере-писать* (*per-rašyti*) и *пере-пис-ывать* (*per-raš-inėti*), однако нет аналога русскому *по-пере-пис-ывать* (**pa-per-raš-inėti*).

Немногочисленные исключения из указанной тенденции в литовском языке всё же наблюдаются. В первую очередь это случаи, когда второй префикс присоединяется к глаголу, в котором первый префикс в высокой степени лексикализован (см. [Paulauskas, 1959: 418–419]), напр., *iš-par-duoti* ‘распродать’ (< *par-duoti* ‘продать’ < *duoti* ‘дать’) или *pri-pa-žinti* ‘признать’ (< *pa-žinti* ‘узнать’, где основа *žinti* вообще не употребляется без префикса).

Более интересно то, что в восточнолитовских диалектах, испытавших особенно сильное белорусское влияние, наблюдается употребление префикса *pa-* в значении полного охвата, ср. *vaikų nėra, pa-nu-mirė* ‘детей нет, (все) поумирали (букв. «поумерли»)» [Paulauskas, 1958: 419], равно как и окказиональное использование в функции «внешних» префиксов морфем, прямо заимствованных из белорусского языка (подробнее см. [Wiemer, 2009]). Стоит отметить, что установить, являются ли «внешние» употребления префикса *pa-* калькой по белорусскому образцу или заимствованием, строго говоря, невозможно ввиду тождества фонетических оболочек морфем.

Возвращаясь к литературным балтийским языкам, отмечу, что запрет на итерацию превербов в них парадоксальным образом сочетается с наличием в системе глагола нескольких префиксальных позиций. Наиболее отчётливо это проявляется в литовском языке, где максимальное теоретически допустимое число префиксов в глагольной сло-

воформе достигает пяти. Ближайшая к корню позиция отведена рефлексивному показателю *si-*, который, как уже было сказано в § 1.2, может появиться в ней лишь при условии, что заполнена также одна из остальных префиксальных позиций. Вторую позицию занимают словообразовательные превербы, воздействующие на лексическое значение и аспектуальный класс глагола. Остальные три позиции заполняют словоизменятельные префиксы (иногда ошибочно именуемые частицами; см. о них [Schleicher, 1856: 305–306; Paulauskas, 1958: 321–323; Otrębski, 1965: 368–369; Mathiassen, 1996a: 171–172]): «континуативный» префикс *be-* (о его свойствах см. [Arkadiev, 2011] и ниже § 2.2, 2.3), отрицательный префикс *ne-* и префикс *te-*, настолько полисемичный, что для него невозможно подобрать никакого удовлетворительного ярлыка (см. о некоторых его употреблениях [Arkadiev, 2010] и ниже § 2.4). В разных своих значениях эти префиксы демонстрируют неодинаковые ограничения на сочетаемость друг с другом и с глагольными лексемами, однако неизменно следуют в порядке *te-ne-be-*. Примеры, где в глагольной словоформе выступали бы все три словоизменятельных префикса, исключительно редки, однако попарно они легко сочетаются как друг с другом, так и с собственно превербами, ср. такие формы, как *ne-be-per-raš-o* ‘больше не переписывает’, где *ne-* выражает отрицательную полярность, *be-* – континуативность (‘всё ещё’), а *per-* – преверб со значением повторности действия.

Таким образом, отсутствие в балтийских языках множественной глагольной префиксации в том смысле и в том объёме, в каких она представлена в славянских языках, вряд ли связан с простыми морфологическими запретами вроде «не более одного префикса в глагольной словоформе». Объяснения данному примечательному с ареально-типологической точки зрения факту у меня нет.

2. Грамматические категории

Из нетривиальных грамматических категорий балтийского глагола изучались главным образом те, которые находят параллели в генетически и/или географически близких языках. Это в первую очередь представленная и в других языковых ареалах, например, в балканском, нефинитная (причастная) стратегия выражения эвиденциальности, которой посвящена обширная литература (обсуждение балтийской эвиденциальности с ареально-типологической точки зрения см. в не-

давной работе [Kehayov, 2008], ср. также [Stolz, 1991: 45–50; Wälchli, 2000; Wiemer, 2006b]). Между тем в литовском языке имеется ряд грамматических категорий или грамем весьма нетривиального свойства, которые не имеют (прямых) аналогов в других языках восточно-балтийского региона (в том числе и в латышском, будучи литовскими инновациями сравнительно недавнего времени) и при этом не привлекали к себе должного внимания исследователей. Ниже я кратко остановлюсь на нескольких таких глагольных категориях.

2.1. Хабитуалис-в-прошедшем

Специальные средства для выражения хабитуального (узуального) значения в прошедшем времени, т. е. для обозначения обычных, неопределённое число раз в прошлом повторявшихся ситуаций, встречаются в языках мира сравнительно часто, см. [Dahl, 1985: 100–102; Bybee et al., 1994: 154–155]. В языках Европы это значение представлено лишь единичными случаями (см. [Thieroff, 2000: 295–297], где указаны литовский, английский и идиш; см. также [Сичинава, наст. сб.] об этом значении в русском языке), и лишь в литовском языке оно выражается связанной морфемой – суффиксом *-dav*, ср. пример (1), где хабитуалис-в-прошедшем (иначе называемый «прошедшее многократное», лит. *būtasis dažninis laikas*) противопоставлен простому претериту (так наз. прошедшему однократному, лит. *būtasis kartinis laikas*).

- (1) a. *Jon-as* *atvažiav-o* *pas* *tėv-us*.
 Й.-NOM.SG приехать-PST к отец-ACC.PL
 ‘Йонас приехал к родителям.’
- b. *Jon-as* *dažnai atvažiuo-dav-o* *pas* *tėv-us*.
 Й.-NOM.SG часто приехать-HAB.PST к отец-ACC.PL
 ‘Йонас часто приезжал к родителям’. [Geniušienė, 1997: 231]

Литовский хабитуальный претерит, благодаря своему флективному статусу является «полноправной» грамемой в литовской глагольной системе и сравнительно хорошо описан, см. [Генюшене, 1989; Sližienė, 1995: 224; Mathiassen, 1996b: 9–10; Geniušienė, 1997; Roszko, Roszko, 2006]. Интересно, однако, то, что ему нет прямых параллелей ни в одном из ближайших к литовскому языков, и даже в рамках литовской лингвогеографической области эта форма оказывается ограниченной аукштайтскими (верхнелитовскими) диалектами [Топоров, 1961: 55; Zinkevičius, 1966: 356–358; Eckert, 1996]. В жемайтских (нижнели-

товских) диалектах и в латышском языке для обозначения хабитуальности используются аналитические формы со вспомогательными глаголами с исходным значением ‘любить’⁴, ср. (2) и (3), причём если в жемайтском, насколько можно судить, семантика конструкции с глаголом *liuobėti* ограничена прошедшим временем, т. е. функционально эквивалентна стандартной литовской, то в латышском языке конструкция с глаголом *mēgt* может сочетаться с различными временами и соответственно менять свою темпоральную референцию.

- (2) *Tu liuob-i ne-klausy-ti* ЖЕМАЙТСКИЙ
 ты(NOM) любить-PRS:2SG NEG-слушать-INF
motin-os.
 мать-GEN.SG
 ‘Ты, бывало, не слушался матери’ [Eckert, 1996: 54].
- (3) *Es mēdz-u lasī-t vakar-os.* ЛАТЫШСКИЙ
 я(NOM) любить-PRS:1SG читать-INF вечер-LOC.PL
 ‘Я имею обыкновение читать по вечерам’ [KLLKV: 764].

В славянских языках аналогом литовского хабитуального прошедшего могут служить многократные («итеративные») глаголы с суффиксом **-va*, подобные русским *хаживать* или *бывать* (ср. [Топоров, 1961: 55])⁵. Продуктивность этих образований в разных славянских языках разная; важно, что в тех славянских языках, с которыми контактировал литовский, т. е. в польском, белорусском и русском, такие глаголы употребляются преимущественно в прошедшем времени. Тем не менее в настоящее время эти глаголы перестали быть продуктивными, особенно на востоке ареала; эпоха их наибольшей продуктивности в русском языке датируется XVI–XVIII вв., см. [Schuyt, 1990: 404–405; Klimonow, 2001: 131–132], после чего они стали постепенно выходить из употребления. Тем самым, даже если в возникновении литовского хабитуалиса-в-прошедшем и можно пытаться усматривать славянское контактное влияние, на современном этапе данная форма явным образом оказывается уникальной, причём не только для восточнобалтийского ареала, но и для всей языковой карты Европы в целом.

⁴ В современном латышском языке глагол *mēgt* употребляется только как вспомогательный.

⁵ О возможной этимологической связи литовских форм на *-dav* со славянскими образованиями на **-va* в связи с эпентетическим характером *-d* и вариациями *-d/-l*, наблюдающимися в форме хабитуалиса-в-прошедшем в литовских говорах, см. [Stang, 1942: 172–174].

2.2. Авертив

Другая грамматическая категория литовского глагола, не имеющая аналогов в восточнобалтийском ареале, – так называемые «сложные начинательные времена» (*sudurtinės pradėtinės laikų formos*, см. [Sližienė, 1961; Ulvydas (red.), 1971: 145–148]; другие названия: “Continuative” [Sližienė, 1995: 227–228], “Thwarted Inceptive” [Mathiassen, 1996b: 8–9]), образующиеся при помощи вспомогательного глагола *būti* ‘быть’ и активного причастия настоящего времени с префиксом *be-* и обозначающие событие, которое назревало, но не было реализовано, ср. (4).⁶

(4)	<i>Aš</i>	<i>buv-a-u</i>	<i>be-dirb-ąs,</i>	<i>kai</i>
	я(NOM)	AUX-PST-1SG	CNT-работать-PRS.PA.NOM.SG.M	когда
	<i>netikėtai</i>	<i>atvažiav-o</i>	<i>draug-as.</i>	
	неожиданно	приехать-PST	друг-NOM.SG	
	‘Я собирался начать работать, когда неожиданно приехал друг’.			

С типологической точки зрения данное нетривиальное грамматическое значение, относящееся к области «антирезультатива» [Плунгян, 2001], было описано в работах Т. Кутевой [Kuteva, 1998; 2001: Ch. 4], которая дала ему название «авертив». Именно этот ярлык я предлагаю закрепить за литовскими формами, подобными проиллюстрированным в примере (4). С точки зрения семантики литовские «начинательные времена» вполне соответствуют прототипу авертива, обозначающего событие в прошлом, которое должно было произойти, однако по каким-либо причинам, прервавшим естественный ход вещей, не случилось.

Более подробно характеристики литовского авертива обсуждаются в работе [Arkadijev, 2011], здесь же необходимо указать, что в других языках восточнобалтийского ареала аналогов ему нет. «Ближайшие» литовскому языку, обладающие грамматическим выражением авертива, – болгарский с конструкцией *цях да* [Маслов, 1981: 260–261] и французский с конструкцией *faillir de*. В принципе, авертивная семантика может быть выражена русской конструкцией с частицей *было* (ср. *совсем было подошёл к дому*), однако для неё данное значение скорее является периферийным по отношению к обозначению ситуации, ко-

⁶ Примеры, приведённые без указания источника, получены при опросе носителей языка.

торая началась, но была прервана, или имела место, но её результат стал впоследствии неактуальным (см. подробнее [Сичинава, 2007: 113 и след.; Сичинава, 2009, наст. сб.]).

Конструкция, демонстрирующая определённые черты формально-го и семантического сходства с литовским авертивом, представлена в эстонском и ряде других прибалтийско-финских языков (см. [Tamm, 2010: 39ff]). Она состоит из бытийного вспомогательного глагола и инфинитива на *-ma* в форме инэссива; одно из её значений близко, но не тождественно авертивному, а именно, проксимативное: ‘имеются предпосылки к осуществлению ситуации в ближайшем будущем’, ср. эстонский пример (5). Важное отличие проксиматива от авертива состоит в том, что первый не ограничен временным планом прошлого и не содержит семантического компонента контрфактивности, неосуществления ситуации.

(5) *Ta on sure-ma-s.* Эстонский
 он:НОМ.СГ AUX:ПРС:3СГ умереть-ИНФ-ИНЕСС
 ‘Он вот-вот умрёт’ [Tamm, 2010: 39].

Выделяется литовский авертив также и своим происхождением (см. [Ulvydas (ed.), 1971: 146]), демонстрируя, насколько мне известно, ранее не отмеченный путь развития прогрессива – форм со значением ситуации, длящейся в точке отсчёта. Несмотря на то что семантико-прагматические механизмы превращения не окончательно грамматализовавшегося прогрессива, представленного в старолитовских текстах и в некоторых диалектах (преимущественно в жемайтских), см. [Амбразас, 1990: 180], в авертив представляются более или менее ясными (здесь должны были сыграть важную роль контексты, в которых длительное фоновое действие, обозначенное прогрессивом, прерывалось каким-либо событием, с последующими конвенционализацией и обобщением значения прерванности), другие примеры такого развития в литературе ранее не фиксировались.

Здесь опять-таки можно обратить внимание на уже упомянутую эстонскую конструкцию, другим значением которой, наряду с проксимативным, является прогрессивное (см. [Tommla, 2000; Tamm, 2010: 37–45]); совмещение прогрессивного и проксимативного значений в одной форме, однако, не представляет собою ничего экзотического: проксимативное значение естественным образом возникает с предикатами определённых акциональных типов (например, с моментальными

ми), ср. английское *he is reaching the summit* ‘он вот-вот достигнет вершины’, см., например, [Smith, 1997/1991: 75]. Авертивное значение, возможно, может возникнуть в результате сужения и обогащения проксимативного, однако в любом случае предполагать какое-либо взаимное влияние между литовским авертивом и эстонской конструкций с инэссивом инфинитива на *-ta* затруднительно, ввиду того что ареалы распространения этих форм, видимо, никогда не были смежными.

2.3. Континуатив

Ещё одна глагольная категория, представленная в литовском языке, – синтетический континуатив, образующийся при помощи уже упомянутого префикса *be-*. Строго говоря, данный префикс (помимо только что рассмотренного авертива) имеет целый ряд употреблений, которые не всегда легко охарактеризовать с семантической точки зрения и которые, к сожалению, остаются практически не описанными в литуанистической литературе (в наиболее полной литовской академической грамматике ему посвящено всего несколько строк, см. [Ulvydas (red.), 1971: 295]). Континуативное значение (‘ситуация всё ещё имеет место’) является наиболее чётко выделяемой и, видимо, наиболее частотной, функцией данного префикса. Подробнее о семантике и сочетаемости литовского континуатива см. [Arkadiev, 2011], здесь же я лишь дам ему самую общую характеристику.

Континуатив в литовском языке существует в двух вариантах, отличающихся полярностью: положительном (к префиксу *be-* в таком случае присоединяется слева префикс *te-*) и отрицательном (перед префиксом *be-* здесь выступает отрицательный префикс *ne-*, см. об этом сочетании [Ostrowski, 2010]), ср. примеры (6a) и (6b).

- (6) a. ... *miestel-yje te-be-gyven-o daug našli-ų.*
 городок-LOC.SG POS-CNT-житьь-PST много вдова-GEN.PL
 ‘... в городке всё ещё жило много вдов’ [LKT].
- b. *Tada j-is jau ne-be-gyven-o*
 тогда он-NOM.SG.M уже NEG-CNT-житьь-PST
su žmon-a...
 с жена-INS.SG
 ‘Тогда он уже больше не жил с женой...’ [LKT].

Континуатив сочетается практически со всеми глагольными формами, включая аналитические и нефинитные, и является довольно употребительной грамматической категорией литовского языка. Тот факт,

что на него до сих пор практически не обращали внимания ни авторы грамматических описаний литовского языка (так, в монографии [Paulauskienė, 1979], специально посвящённой обсуждению статуса и состава грамматических категорий литовского глагола, эти формы даже не упоминаются), ни типологи, ни специалисты по балтийской и европейской ареальной лингвистике, весьма прискорбен. Между тем наличие в литовском языке морфологического показателя для значения, которое в других языках Европы выражается лишь лексическими или аналитическими средствами (см. недавнюю работу [Mortier, 2010], содержащую ряд проницательных, хотя и предварительных наблюдений о континуативных конструкциях во французском и нидерландском), делает глагольную систему этого языка типологически весьма нетривиальной. Никакие аналоги литовского континуатива ни в других балтийских языках, ни в славянских или прибалтийско-финских мне неизвестны. Происхождение этой категории также во многом загадочно; существующие этимологии префикса *be-* (см. [Vaillant, 1947; Fraenkel, 1962: 38; Zinkevičius, 1981: 195–196; Smoczyński, 2007: 51]) являются чисто спекулятивными и не проливают света на его семантику; соображения о происхождении формы на *tebe-* см. в работе [Ostrowski to appear].

2.4. Рестриктив

Последняя из рассматриваемых здесь грамматических категорий литовского глагола, также не получившая до сих пор освещения в литературе, – рестриктив, т. е. морфологическое кодирование значения ‘только’. В литовском языке имеется несколько способов выразить эту семантику: частицы *tik*, *tiktai* ‘только’ и *vien* ‘единственно’, а также полифункциональный глагольный префикс *te-*, ср. красивый и одновременно показательный пример (7).

(7)	<i>Ši-os</i>	<i>scen-os</i>	<i>grož-į</i>
	ЭТОТ-GEN.SG.F	сцена-GEN.SG	красота-ACC.SG
	<i>te-gal-i-m-a</i>	<i>sulygin-ti</i>	<i>su gerv-ės</i>
	RSTR-МОЧЬ-PRS-PP-N	сравнить-INF	с журавль-GEN.SG
	<i>skrydži-u...</i>		
	полёт-INS.SG		

‘Красоту этой сцены можно сравнить лишь с полётом журавля...’ (Gintaras Beresnevičius, *Apie pagavimą šnių*, 1998, <http://www.tekstai.lt/tekstai>).

Особенность рестриктивного показателя *te-* состоит в том, что, присоединяясь к глагольной словоформе, в своей семантической сфере действия он как правило имеет ту или иную составляющую предложения (актант или сирконстант), подчас даже, как в примере (7), вложенную в зависимую клаузу (подробнее о морфосинтаксических и семантических характеристиках литовского рестриктивного префикса см. [Arkadijev, 2010]). Рестриктивные показатели с «плавающей» сферой действия в языках мира представлены довольно широко, ср. поведение английского наречия *only* [König, 1991: Ch. 2; Dryer 1994], однако аффиксальное выражение рестриктива, напротив, является большой редкостью. Единственная известная параллель к литовскому рестриктивному префиксу *te-* обнаружена в полисинтетическом языке пининь кун-уок (семья гуньвингу, Северная Австралия, [Evans, 1995]). Происхождение литовского рестриктива неясно примерно в той же степени, что и континуатива, см. неубедительные этимологии в [Fraenkel, 1965: 1071; Zinkevičius, 1981: 198].

* * *

Итак, к литовском языке представлен целый ряд грамматических глагольных категорий большей или меньшей степени «экзотичности», не имеющих прямых аналогов в языках восточнобалтийского региона. Две из них – *хабитуалис-в-прошедшем* и *авертив* – довольно неплохо представлены в языках мира и встречаются в других языках Европы, две другие – аффиксальный континуатив и особенно аффиксальный рестриктив, – по-видимому, редки и типологически⁷. Разумеется, ответить на вопрос о том, почему в конкретном языке возникают и сохраняются те или иные редкие явления, невозможно. Почему эти категории не были заимствованы в те языки, с которыми литовский находился в интенсивном контакте? Ответ на этот вопрос также может быть лишь спекулятивным, однако я позволю себе высказать несколько соображений на этот счёт.

Во-первых, следует обратиться к социолингвистическому статусу находящихся в непосредственном языковом контакте идиомов (о социолингвистической ситуации в Великом Княжестве Литовском см. [Wiemer, 2003; Иванов, 2005]; о роли социолингвистической асим-

⁷ Типология средств выражения континуатива, насколько мне известно, вообще не разработана.

метрии в направлении контактных влияний см., например, [Heine, Kuteva, 2005: 237–239]). С одной стороны, на протяжении длительного периода литовский язык имел подчинённый социолингвистический статус, будучи языком по преимуществу крестьянства и служа скорее реципиентом, нежели донором разнообразных заимствований (как лексических, так и грамматических⁸). С другой стороны, при контакте литовского языка и его диалектов с менее престижными идиомами (с конкретными славянскими диалектами и с такими языками, как идиш или цыганский) возникали ситуации, когда именно литовский язык оказывался донором лексических или грамматических заимствований (о литовском влиянии на славянские диалекты, распространённые на территории Литвы, см., например, [Лекомцева, 1972; Судник, 1974, 1975; Гринавецкене, 1972; Wiemer, 2004a; Ананьева, 2008; Вимер, в печати; Эркер, в печати]). Тем самым отсутствие рассмотренных выше грамматических явлений в литературных польском, белорусском, латышском языках, строго говоря, ничего не говорит о том, насколько литовские глагольные категории оказались способны к «проникновению» в контактирующие идиомы – следы контактных влияний необходимо искать в диалектах или в «малых» языках (см. об этом в общем плане [Kortmann (ed.), 2004; Wiemer, Wälchli, 2012]).

К сожалению, сколько-нибудь подробных данных о наличии или отсутствии таких гипотетических контактных влияний литовского на смежные с ним диалекты славянских языков, идиш и цыганского, в моём распоряжении нет. Так, судя по краткому описанию литовского диалекта цыганского языка [Tenser, 2005], основным источником заимствованных грамматических явлений для него послужили славянские языки, а не литовский (так, подобно другим распространённым на территории Восточной Европы цыганским диалектам, литовский цыганский заимствовал славянские глагольные приставки, см. также [Русakov, 2000]). В языке идиш, как уже было указано в § 2.1, имеется аналитический хабиуталис-в-прошедшем, образующийся с помощью вспомогательного глагола *flegn* (< нем. *pflügen*), [Aronson, 1985: 184–185; Jacobs, 2005: 222]. Единственное, в чём можно попытаться усмотреть контактное влияние литовского (причём скорее жемайтского диалекта

⁸ В частности, в статье [Wiemer, Hansen, 2012] говорится о том, что случаев, чтобы славянские языки претерпели грамматические изменения под влиянием балтийских, не отмечено.

с его аналитическим хабиитуалисом, нежели аукштайтского) на эту конструкцию, – её ограниченность планом прошлого, в отличие от книжной немецкой конструкции *pfliegen zu* + инфинитив⁹. Материал славянских диалектов на территории Литвы, представленный в упомянутых выше публикациях, демонстрирует определённые литовские влияния, однако не в тех аспектах, которые интересуют меня в данной статье.

Во-вторых, важным, хотя и не абсолютным, ограничителем внешнего влияния является структура языка – потенциального реципиента грамматического заимствования (см. обсуждение в [Thomason, 2001: 63–64; Heine, Kuteva, 2005: 234–236]). Так, калькирование балтийскими языками и идиш (о последнем в этой связи см. [Wexler, 1964; Talmy, 1982]) семантических моделей славянских глагольных приставок и даже прямое заимствование некоторых славянских приставок (см. §1.3) существенно облегчалось существованием в этих языках своих собственных систем глагольной префиксации, типологически сходных со славянской. Напротив, влияние другого важного славянского грамматического явления – суффиксальной вторичной имперфективации – было ограничено литовским языком, который единственный имеет показатель, формально и функционально сходный со славянским, – суффикс итератива *-inė*. Системы латышского и идиш не обладали единицей, которая могла бы быть поставлена их носителями в соответствие славянскому суффиксу *-(ы)ва*, и потому контактное влияние в данном случае оказалось невозможным или затруднённым (применительно к идиш эта логика изложена в [Talmy, 1982]).

Исходя из этого, можно предположить, что такие «экзотизмы» литовской глагольной системы, как префиксальные континуатив и рестриктив, лишь с небольшой вероятностью могли бы быть заимствованы в какие-либо из контактирующих с литовским идиомов, поскольку в языках-реципиентах не было никаких сходных средств выражения таких или близких значений. Единственный механизм контакта, который мог бы «сработать» в таком гипотетическом случае – стопроцентное заимствование литовской морфемы вместе с её семантикой и звуковой оболочкой, что требовало бы специфических социолингвистических условий.

⁹ В некоторых других аспектах грамматики идиш на территории Литвы испытал определённое влияние литовского языка, см. [Jacobs, 2001].

Ещё один фактор состоит в том, что грамматической интерференции подвержены в первую очередь частотные языковые единицы, которые достаточно актуализированы в сознании двуязычных носителей идиома-реципиента (ср. представленную в [Thomason, 2001: 76] формулировку данного ограничения в терминах «маркированности» языковых единиц, которая, как известно [Haspelmath, 2006], во многом сводится к частотности; о роли частотности в ареальной лингвистике см., например, [Koptjevskaja-Tamm, Wälchli, 2001: 627; Wiemer, 2004a; Heine, Kuteva, 2005: 44–62]). Литовские континуатив и в особенности рестриктив не являются высокочастотными показателями (скорее наоборот), и потому вероятность их заимствования в контактирующие идиомы, по-видимому, крайне низка (о заимствовании грамматических единиц при языковых контактах см. [Matras, 2007; Wiemer, Wälchli, 2012]).¹⁰

3. Морфосинтаксис

Особенности морфосинтаксиса балтийских языков исследованы весьма неравномерно и об интерпретации многих из них с ареально-типологической точки зрения говорить преждевременно. В данном разделе речь пойдёт о двух явлениях, которые были изучены сравнительно неплохо, причём не только в синхронном, но и в историческом аспектах: использование пассивизации в эвиденциальной функции и падежное маркирование актантов нефинитных клауз. Оба они связаны с такой яркой и в определённой степени исключительной (но скорее относительно, нежели абсолютно) характеристикой литовской глагольной системы, как богатство нефинитных глагольных форм.

Действительно, в отличие от большинства языков Европы, обладающих сравнительно бедным набором нефинитных образований, в литовском языке представлен целый ряд таких форм: активные и пассивные причастия всех времён, различающиеся помимо этого по нетривиальному и играющему принципиальную роль в синтаксисе признаку «наличия vs. отсутствия согласования» (о системе литовских причастий см. [Klimas, 1987; Амбразас, 1990; Petit, 1999: 113–134; Wiemer, 2001; Вимер, 2009: 179–200]), специализированное деепричастие, выражающее таксисное значение одновременности (см. [Вимер, 2004]), а

¹⁰ В частности, Я. Матрас [Matras, 2007: 44] пишет, что «случаи заимствования видо-временных показателей крайне редки».

также причастие пассивного долженствования и инфинитив. Центральными в этой системе являются причастия и инфинитив, выступающие в разнообразных синтаксических конструкциях и в разных функциях демонстрирующие различные нетривиальные свойства.

Система нефинитных форм современного литовского языка по своему богатству может сравниться лишь с аналогичными системами таких индоевропейских языков, как древнегреческий или санскрит. Даже латышский и латгальский языки обладают системами нефинитных образований, редуцированными в сравнении с литовской, как в формальном, так и в функциональном плане.

Ниже я рассмотрю, однако, не литовскую систему нефинитных форм в целом и не какую-либо из этих форм во всех её употреблениях, но вполне конкретные конструкции, в которых эти формы выступают. Именно эти конструкции и их морфосинтаксические особенности могут трактоваться как очередные признаки, выделяющие литовский язык из его ближайшего окружения.

3.1. Эвиденциальный «пассив»

Хотя категория эвиденциальности, основанная на нефинитных глагольных формах (причастиях), является ареальной чертой, общей для литовского, латышского, ливского и эстонского языков [Wälchli, 2000], её конкретное выражение в каждом из этих языков имеет свои особенности. Характерная черта литовской системы, не имеющая аналогов в соседних языках, – использование в качестве одного из средств выражения эвиденциальности морфосинтаксического механизма так называемой безличной пассивизации. Этим конструкциям посвящена обширная литература, см. [Timberlake, 1982; Wiemer, 2004b; 2006b; Lavine, 1999, 2006, 2010a; Holvoet, 2007: 96–104], и ниже я лишь кратко охарактеризую их важнейшие свойства.

Подобно другим эвиденциальным конструкциям литовского языка, эвиденциальный пассив характеризуется отсутствием финитной глагольной формы, место которой занимает изменяющееся по времени пассивное причастие, выступающее в несогласуемой форме (традиционно именуемой формой среднего рода). Субъект глагола выражается генитивом (подобно агентивному дополнению обычной пассивной конструкции), а объект – номинативом (в некоторых диалектах – аккумулятивом), ср. (8).

- (8) a. *Girdėj-a-u*, *j-o* *miest-e* *nam-as*
 слышать-PST-1SG он-GEN.SG.M город-LOC.SG дом-NOM.SG
stat-o-m-a.
 строить-PRS-PP-N
 ‘Я слышал, он в городе строит дом’ [Ambrasas (ed.), 1997: 281].
- b. *Gal Jonuk-o* *t-ie* *gryb-ai*
 может Й.-GEN.SG DEM-NOM.PL.M гриб-NOM.PL
atneš-t-a.
 принести-PST-PP-N
 ‘Может, это Йонукас принес те грибы’ [ibid.].

От обычных пассивных конструкций эвиденциальный пассив, помимо эвиденциального значения и облигаторного отсутствия финитного вспомогательного глагола, отличается рядом морфосинтаксических характеристик (см. [Holvoet, 2007: 100–103; Lavine, 1999, 2006]). Во-первых, несмотря на то, что объект исходной активной глагольной формы оформлен номинативом, согласование с ним в эвиденциальном пассиве невозможно, ср. собственно пассивные варианты предложений из (8) в (9a) и (9b), соответственно.

- (9) a. *Nam-as* (*yra*) *j-o* *stat-o-m-as*.
 дом-NOM.SG AUX:PRS:3 он-GEN.SG.M строить-PRS-PP-NOM.SG.M
 ‘Им строится дом’.
- b. *T-ie* *gryb-ai* (*yra*) *atneš-t-i*
 DEM-NOM.PL.M гриб-NOM.PL AUX:PRS:3 принести-PST-PP-NOM.PL.M
Jonuk-o.
 Й.-GEN.SG
 ‘Те грибы принесены Йонукасом’.

Во-вторых, как показывает различие в порядке слов между примерами (8) и (9), эвиденциальный пассив сохраняет коммуникативную структуру активной конструкции, в которой агенс занимает центральное место, в отличие от канонического пассива, функция которого – понижение коммуникативного и синтаксического статуса агенса. Более того, как показано в упомянутых работах, есть все основания считать, что в литовском эвиденциальном пассиве не происходит перераспределения собственно синтаксических функций аргументов – меняется лишь их падежное оформление. Тем самым ярлык «пассив» пригоден для характеристики лишь наиболее поверхностных свойств рассматриваемых конструкций.

Наиболее необычная черта литовского эвиденциального «пассива» состоит в том, что данная конструкция способна образовываться от любых глаголов, в том числе неагентивных непереходных (10a), нульвалентных вроде *lyti* ‘идти (о дожде)’ (10b) и даже от канонического пассива (10c).

- (10) a. *Mano užmig-t-a.*
 я:POSS заснуть-PST.PP-N
 ‘Я, должно быть, заснул’ [Holvoet, 2007: 102].
- b. *Šiņnakt paly-t-a.*
 этой.ночью пройти.о.дожде-PST.PP-N
 ‘Этой ночью, видимо, прошёл дождь’ [ibid.].
- c. *J-o bū-t-a ilgai muš-t-o.*
 он-GEN.SG.M AUX-PST.PP-N долго бить-PST.PP-GEN.SG.M
 ‘Его, должно быть, долго били’ [ibid.: 98].

Продемонстрированная в примере (10c) рекурсивная пассивизация (с той оговоркой, что второе применение пассива отражается лишь в морфологии, но не в синтаксисе) крайне редко встречается в языках мира.¹¹

С точки зрения ареальной типологии литовский «эвиденциальный пассив» уникален в первую очередь сочетанием всего комплекса своих семантических и морфосинтаксических свойств. Так же, как выражение эвиденциальности при помощи (исторически) нефинитной морфологии является общей чертой балтийских и ряда прибалтийско-финских языков, безличная пассивизация как морфосинтаксический механизм присуща (с разной степенью продуктивности) сразу нескольким идиомам данного региона (см. [Wiemer, to appear]: польскому [Swan, 2002: 315–316], украинскому [Lavine, 2010b] и в особенности севернорусским диалектам, см. [Кузьмина, Немченко, 1971; Lavine, 1999; Wiemer, 2004c]. При этом в последних безлично-пассивные формы образуются, как и в литовском, от непереходных и неагентивных предикатов, ср. *У меня на службе побывано* [Шапиро, 1953, цит. по. Lavine, 1999], однако, насколько я могу судить на основании доступной мне литературы, рекурсивная пассивизация, подобная проиллюстрированной в (9b), в севернорусских говорах невозможна.

¹¹ Образование безличной пассивной конструкции от собственно пассивной возможно в ирландском языке, см. [Noonan, 1994], однако там две конструкции существенно различаются в поверхностной морфологии.

3.2. Падежное оформление актантов в нефинитных клаузах

Выступая в функции вершины зависимой клаузы (сентенциального актанта или сирконстанта), те или иные литовские нефинитные формы накладывают ограничения на способ выражения актантов предиката.¹² Наиболее общим и типологически тривиальным из таких ограничений является запрет на выражение подлежащего, референциально связанного с подлежащим главного предложения, – в таких случаях соответствующая синтаксическая позиция в нефинитной зависимой клаузе (возглавляемой причастием, деепричастием или инфинитивом) остаётся незаполненной. Более интересны ситуации, когда подлежащее при нефинитном сказуемом может быть выражено. Основной класс таких случаев в балтийских языках (здесь литовский и латышский в значительной степени совпадают) составляют конструкции с причастиями (см. подробнее [Schmalstieg, 1987: 86–98; Амбразас, 1990]).

При глаголах восприятия, речи и мысли причастия могут оформлять сказуемое сентенциального актанта, выражающего валентность содержания; при этом субъект нефинитного оборота оформляется аккумулятивом, а само причастие выступает в несогласуемой форме, ср. пример (11) из литовского и (12) из латышского.

- (11) *Sak-ia-u* *tėv-q* *gerai* Литовский
сказать-PST-1SG отец-ACC.SG хорошо
gyven-a-nt.
жить-PRS-PA
‘Я сказал, что мой отец хорошо живёт’ [Ambrasas (ed.), 1997: 367].

- (12) *Dzird-ēj-u* *Alm-u* *atbrauc-a-m* Латышский
слышать-PST-1SG А.-ACC.SG приехать-PRS-PP
uz *Stokholm-u*
в С.-ACC.SG
‘Я слышал, что Алма приехала в Стокгольм’ [Mathiassen, 1997: 150].

В литовском языке конструкции, подобные (11), более продуктивны, чем в латышском. Если в последнем они употребляются практиче-

¹² Данный раздел основан на докладе на круглом столе “Clausal arguments in comparative perspective” в рамках VI Международной конференции по контрастивной лингвистике, Берлин, сентябрь–октябрь 2010 г.

ски лишь с глаголами чувственного восприятия и ограничены одной причастной формой (форма на *-at* исторически является пассивным причастием настоящего времени, однако, насколько можно судить, утратила оба эти значения), см. [Eiche, 1983: 40–49], то в литовском такие конструкции допустимы с практически открытым классом предикатов, семантически способных подчинять пропозицию, и образуются с причастиями всех времён (см. подробнее [Gronemeyer, Usonienė, 2001: 116–120; Arkadiev, 2012; Аркадьев, 2011]). Кроме того, как показано в указанных работах, при значительной части матричных предикатов аккузативная именная группа относится именно к причастной клаузе, а не является объектом главного предложения.

Оформление sentенциальных актантов глаголов восприятия и речи с помощью причастий характерно и для прибалтийско-финских языков, ср. финский пример (13), где субъект нефинитной клаузы оформлен генитивом, т. е. падежом прямого дополнения, а причастие, в отличие от аналогичных балтийских конструкций, согласуется с ним. В аналогичных конструкциях эстонского языка субъект нефинитной клаузы может быть оформлен как генитивом, так и партитивом (оба выступают как падежи прямого дополнения), ср. (14) (выбор падежа субъекта и падежное оформление причастия в эстонском зависят от семантики и синтаксической структуры конструкции, см. [Tamm, 2008; 2009: 383–394]).

- (13) *Näe-n* ***Kalle-n*** *itke-nee-n.* Финский
 видеть-1SG К.-GEN.SG плакать-PST.PA-GEN.SG
 ‘Я вижу, что Калле плачет’ [Karlsson, 1999: 201].
- (14) *Mari* *arva-s* ***Tooma / Toomas-t*** Эстонский
 М.(NOM.SG) думать-PST Т.:GEN.SG / Т.-PRT.SG
raamatu-t *kirjuta-va-t.*
 книга-PRT.SG писать-PRS.PA-PRT.SG
 ‘Мари думала, что Томас писал книгу’ [Tamm, 2008: 1].

Напротив, для современных славянских языков оформление позиционных актантов при глаголах восприятия, речи и мысли с помощью нефинитных форм (причастий или инфинитива) нехарактерно, несмотря на то что в древних славянских языках присутствовали конструкции, аналогичные балтийским (см. [Амбразас, 1990: 148] и библиографию там).

Когда причастие возглавляет sentенциальный сирконстант с временным, условным или иным значением, его субъект оформляется да-

тивом, а причастие, как и в актантных клаузах, выступает без показатель согласования, ср. параллельные литовский и латышский примеры (15) и (16).

- (15) *Vaik-ams* *sugrįž-us,* *pragydo* Литовский
 ребёнок-DAT.PL вернуться-PST.PA запеть-PST
lakštingal-a.
 соловей-NOM.SG
 ‘Когда дети вернулись, запел соловей’ [Ambrasas (ed.), 1997: 363].
- (16) *Jān-im* *uzrakst-ot* *vēstul-i,* *Sarm-a* Латышский
 Я.-DAT.SG дописать-PRS.PA письмо-ACC.SG С.-NOM.SG
atnāc-a.
 придти-PST:3
 ‘Когда Янис дописывал письмо, пришла Сарма’ [Mathiassen, 1997: 151].

Как и в случае с актантными причастными конструкциями, в латышском языке конструкции, подобные (16), более ограничены, чем в литовском: в них употребляются лишь активные причастия настоящего времени в значении одновременности, а для выражения таксиса следования могут использоваться лишь финитные придаточные предложения [Mathiassen, 1997: 151], ср. также [Eiche, 1983: 51–52].

Отчасти сходные конструкции имеются и в прибалтийско-финских языках, см. [Karlsson, 1999: 186–188; 205–207] о финском, где, однако, субъект сирконстантного причастия оформляется так же, как субъект актантного, – генитивом (так же устроены эти конструкции и в эстонском языке – А. Тамм, личное сообщение). Однако ближайшей параллелью к литовским и латышским конструкциям *dativus cum participio* являются славянские конструкции *dativus absolutus*, в которых причастие было согласовано со своим дативным субъектом (см. обсуждение и библиографию в [Амбрасас, 1990: 174–180]). Собственно, данные старолитовских и отчасти старолатышских текстов указывают на изначальное структурное тождество балтийских и славянских конструкций – в старолитовском причастие также согласовывалось с дативным субъектом, и отдельные примеры этого отмечаются и в фольклоре [там же: 163 и след.]. В ходе дальнейшего развития славянские языки утратили абсолютные конструкции с дативом (что может быть частью более общего процесса устранения дативных субъектов, наблюдавшегося и

в инфинитивных клаузах, см. [Holvoet, 1996]), а балтийские, сохранив их, создали новое противопоставление согласуемых и несогласуемых причастий, выступающих, соответственно, в односубъектных и разносубъектных конструкциях (см. также [Greenberg, Lavine, 2006]).

Таким образом, как и сама система литовских нефинитных форм, морфосинтаксические особенности причастных конструкций в этом языке выделяются на фоне аналогичных механизмов соседних языков скорее количественно, с точки зрения их распространённости и продуктивности, нежели качественно. При этом стоит обратить внимание на то, что это «зашедшее далеко» развитие литовского причастного морфосинтаксиса, будучи в своей исторической основе наследием индоевропейской древности, тем не менее является локальной инновацией, которую можно проследить по текстам исторического периода, а не результатом консервации древнего состояния. С ареальной точки зрения интересно (и даже несколько парадоксально) то, что экспансия литовских причастных конструкций происходила фактически параллельно редукции и исчезновению структурно аналогичных конструкций в славянских языках.

Обратимся теперь к конструкциям с инфинитивом. Представленные в литовском языке способы оформления выраженных актантов инфинитивных клауз (имеются в виду, разумеется, типы кодирования, не совпадающие с таковыми при финитных глагольных формах) можно разбить на три класса по степени их типологической нетривиальности.

Во-первых, выраженный субъект инфинитива может быть маркирован дативом, что наблюдается и в обоих балтийских языках, особенно в латышском (см. [Holvoet, 1996, 2010]), и, по крайней мере, исторически, во всех географически близких славянских идиомах; в прибалтийско-финских языках, где инфинитив сохраняет значительно больше морфосинтаксических черт отглагольного имени (в частности, изменяется по падежам), его выраженный субъект оформлен генитивом, см. [Karlsson, 1999: 192–193] о финском.

Во-вторых, в ряде конструкций объект инфинитива может быть оформлен номинативом, ср. (17). Эту черту литовский разделяет с латышским (18), с прибалтийско-финскими языками, ср. эстонский пример (19), и с рядом севернорусских диалектов, ср. древненовгородский пример (20); подробнее см. [Ларин, 1963; Timberlake, 1974; Schmalstieg, 1987: 145ff; Ambrazas, 1987, 2001]. Напротив, для совре-

менных литературных славянских языков такие конструкции нехарактерны.

- (17) *J-am* *ne-patik-o* *laukel-is* Литовский
 он-DAT.SG.M NEG-нравиться-PST поле-NOM.SG
ar-ti.
 пахать-INF
 ‘Ему не нравилось пахать поле’ [Ambrazas (ed.), 1997: 638].
- (18) *Visvairāk viņ-ai* *patīk* *lasī-t* Латвийский
 наиболее он-DAT.SG.F нравится:PRS:3 читать-INF
Bībel-e.
 Библия-NOM.SG
 ‘Больше всего ей нравится читать Библию’ [Holvoet, 1993: 157].
- (19) *Mei-l* *tuleb* *vaheaeg* *teh-a.* Эстонский
 мы-ADESS должно перерыв(NOM.SG) делать-INF
 ‘Мы должны устроить перерыв’ [Klaas, 1996: 45].
- (20) *въ волости твоеи толико вода питу* Др.-новгородский
в городищѣных [Зализняк, 2004: 156].

В-третьих, в целевых инфинитивных конструкциях в литовском объект может быть оформлен дативом (21a) или – при глаголах движения – генитивом (21b). Об этих конструкциях см. [Ambrazas, 1981, 1987; Schmalstieg, 1987: 174–179, 214–220; Sawicki, 1992; Franks, Lavine, 2006].

- (21) a. *iššov-ė* *žmon-ėms* *pagąsdin-ti.*
 выстрелить-PST люди-DAT.PL испугать-INF
 ‘Выстрелил, чтобы напугать людей’ [Ambrazas (ed.), 1997: 557].
- b. *išvažiav-o* *keli-o* *taisy-ti.*
 поехать-PST дорога-GEN.SG чинить-INF
 ‘Поехали чинить дорогу’ [ibid.].

Несмотря на то что в современном литовском языке конструкции с дативом и с генитивом демонстрируют во многом сходные синтаксические свойства, отличаясь в первую очередь тем, с какими матричными глаголами они сочетаются, их происхождение совершенно различно. Конструкции с генитивом восходят к зафиксированным в старолитовских текстах и отчасти сохраняющимся и в архаичных вариантах современного языка конструкциям с супином – отглагольным именем со значением цели движения, при котором именная группа, соответствующая объекту глагола, оформлялась генитивом по обычной моде-

ли несогласованного определения, ср. пример (22) из архаизированной речи XX века. Конструкции с инфинитивом и генитивом объекта возникли в результате вытеснения супина близким по значению и по форме, но существенно более частотным инфинитивом (см. [Schmalstieg, 1987: 174–176]).

- (22) *ei-ti* *laim-ēs* *ieško-tu*.
 идти-INF счастье-GEN.SG искать-SUP
 ‘идти искать счастья’ [Schmalstieg, 1987: 174].

В латгальском языке конструкции с супином и генитивом объекта употребляются до сих пор, ср. пример (23) [Nau, 2011: 61]:

- (23) *Vīn-u* *reiz-i* *Polsān-s* ЛАТГАЛЬСКИЙ
 один-ACC.SG раз-ACC.SG п.-NOM.SG
nūdūmōj-a *ī-t* *vac-ōs* *naud-ys*
 надумать:PST-3 идти-INF старый-GEN.SG деньги-GEN.SG
rok-t.
 копать-SUP
 ‘Однажды Полсан надумал идти выкапывать клад’.

Происхождение объектного датива при инфинитиве обсуждается в работах [Ambrasas, 1981, 1987; Schmalstieg, 1987: 214–220]. По всей видимости, они возникли в результате переосмысления конструкций, в которых дативная именная группа зависела не от инфинитива, а от вершинного предиката или имени, при которых она обозначала цель действия или назначение предмета, ср. современные литовские конструкции с целевым дативом при глаголе: *gimti kovai* ‘родиться для борьбы’ [Ambrasas (ed.), 1997: 511] – и при имени: *popierius laiškams* ‘бумага для писем’ [ibid.: 570]. Современные конструкции, в которых дативная именная группа явно зависит от инфинитива, как в примере (24), обязаны своим происхождением переразложению и генерализации конструкций типа *vanduo gėlėms palaistyti*, букв. ‘вода цветам полить’, где датив семантически связан как с вершинным именем, так и с инфинитивом.¹³

¹³ Как справедливо отмечают Б. Вимер и А. Хольфут (частные сообщения), во многих случаях дативные именные группы в таких конструкциях до сих пор могут трактоваться как принадлежащие сразу обоим клаузам; тем не менее, по моему мнению, примеры вроде (24) свидетельствуют о том, что связь дативного объекта с инфинитивом является в современном языке более тесной. См. об этом также [Franks, Lavine 2006].

- (24) *Privači-am* *nam-ui* *staty-ti* *pakank-a*
 частный-DAT.SG.M дом-DAT.SG строить-INF хватить-PRS
dviej-ų *žmoni-ų...*
 два-GEN.PL люди-GEN.PL
 ‘Для строительства частного дома достаточно двух человек...’¹⁴

В латышском языке, несмотря на наличие конструкций с приименным целевым дативом, ср. *vilna cimdiem* ‘шерсть для варежек’ [Mathiassen 1997: 180], дативный объект при инфинитиве невозможен, вместо него употребляется аккузатив [Ambrazas 1981: 18]. Отдельные примеры конструкций, аналогичных литовским, отмечаются в древних славянских языках, ср. старочешский пример (25); обсуждение и библиографию см. в [Ambrazas 1981: 18ff; 1987].

- (25) *kúpi-chu* *pol-e* *pútnik-óm* СТАРОЧЕШСКИЙ
 купить-AOR:1SG поле-NOM/ACC.SG путник-DAT.PL
hrěs-ti.
 хоронить-INF
 ‘Купил поле, чтобы хоронить путников’ [Ambrazas, 1981: 18].

Тем не менее, аналогично рассмотренным выше конструкциям с причастиями в литовском и славянских языках, несмотря на общность происхождения, конструкции с дативным объектом при инфинитиве развивались в противоположных направлениях: в литовском – в сторону экспансии и переосмысления дативной именной группы как составляющей инфинитивного оборота, а в славянских языках – в сторону исчезновения.

Если рассмотренные выше литовские конструкции с причастиями и инфинитивом нельзя назвать не имеющими аналогов, по крайней мере, в исторической перспективе, то форма, к которой я перехожу в заключение данного раздела, по-видимому, является уникальной для литовского языка. Это причастия (употребляющиеся как в атрибутивной, так и в обстоятельственной функциях) с суффиксом *-in-as*, образующиеся в первую очередь от глаголов движения и каузированного перемещения (*nešti* ‘нести’, *vesti* ‘вести’, *skubėti* ‘спешить’ и др.), см. о них [Ambrazas, 1990: 51–52] и в первую очередь [Gliwa, 2003]. Особенность этих форм состоит в том, что объект переходного глагола при них оформляется обычно инструментальным падежом, а не аккузати-

¹⁴ http://www.spec.lt/lt/betono_gaminiai-Statybine_sistema_Velox_Lego_suaugusiesiems.

вом, как, например, с деепричастиями одновременности на *-dam-as*, ср. синонимичные примеры (26a) и (26b).

- (26) a. *Atėj-o* *neš-in-as* *sunk-iu*
 придти-PST нести-PRT-NOM.SG.M тяжёлый-INS.SG.M
lagamin-u
 чемодан-INS.SG
 ‘Пришёл, неся тяжёлый чемодан’.
- b. *Atėj-o* *neš-dam-as* *sunk-ų*
 придти-PST нести-CNV-NOM.SG.M тяжёлый-ACC.SG.M
lagamin-ų
 чемодан-ACC.SG
 ‘тж.’

Несмотря на то что примеры с аккузативом вместо инструменталиса с причастиями на *-in-as* отмечаются уже в текстах XVI в. [Gliwa, 2003: 26–27], инструментальное маркирование объекта преобладает до сих пор, по крайней мере, в стандартном языке. Хотя отглагольные образования с суффиксом *-in* представлены и в латышском языке, там они используются лишь в качестве тавтологических обстоятельственных модификаторов, усиливающих значение глагола: *raudin raud* ‘очень рыдает’ [Амбразас, 1990: 52], ср. рус. *ревмя ревет*. Способность управлять актантами эти латышские формы утратили.

Рассмотренные в этом разделе литовские конструкции с нефинитными глагольными формами и нетривиальным оформлением актантов поучительны для ареальной лингвистики в первую очередь тем, что демонстрируют, что типологически уникальное может возникнуть как результат закономерного развития и сочетания признаков, распространённых в нескольких языках ареала. Кроме того, немалый интерес представляет уже отмеченный факт, что в ходе развития балтийских и славянских языков, в том числе находившихся в длительном контакте, некоторые черты их синтаксиса парадоксальным образом изменялись в противоположных направлениях. Конструкции, общие для ранних этапов истории славянских и балтийских языков (см. об этом также [Пичхадзе, рукопись]), были утрачены или существенно перестроены славянскими языками, в то время как в балтийских языках, и в первую очередь в литовском, они пошли по пути экспансии и приобретения большей синтаксической автономности. Причины такого, по сути, дивергентного развития языковых подсистем в условиях интенсивных контактов неясны.

4. Заключение

В данной статье я продемонстрировал и кратко обсудил ряд черт литовского глагола (на уровне морфологии, грамматических категорий и морфосинтаксиса), которые делают его уникальным на фоне глагольных систем других языков Восточной Балтии. Разумеется, трюизмом является утверждение, что каждый язык не похож ни на какой другой, в том числе на те языки, которым он является ближайшим родственником или с которыми он в течение длительного периода пребывал в контакте. Тем не менее перечень уникальных черт литовского глагола, по моему убеждению, слишком обширен, а сами эти черты подчас слишком необычны, чтобы не привлечь к себе специально внимания.

С ареально-типологической и исторической точек зрения, принятых в данном сборнике, важно отметить тот факт, что почти все рассмотренные выше черты (за исключением категорий хабитуалиса-в-прошедшем, континуатива и рестриктива, о возникновении которых пока нельзя сказать ничего определённого, кроме того, что они являются сравнительно недавними локальными инновациями) по своему происхождению являются древними, основанными на структурах, унаследованных от индоевропейского прасостояния. Тем не менее было бы неверно на этом основании заключить, что литовский язык попросту законсервировал ряд архаизмов, от которых «избавились» его более «продвинутые» родственники – латышский и славянские языки. Несмотря на свои древние истоки, рассмотренные черты, будь то инфикация или особенности морфосинтаксиса причастий, приобрели свой нынешний вид в результате ряда инновационных процессов, часть которых можно проследить даже по текстам исторического периода. Так, хотя литовский назальный инфикс в основе презенса этимологически тождествен инфиксу в латыни, греческом и санскрите, место инфикальных глаголов в глагольной системе литовского языка существенно отличается от такового в древних индоевропейских языках и в значительной степени возникло в ходе семантически мотивированных аналогических процессов, происходивших в сравнительно недавний исторический период. Собственно, тот факт, что подобной экспансии в литовском языке наряду с другими глагольными классами подверглись и инфикальные глаголы, во многом, по-видимому, является исторической случайностью.

Аналогичным образом, причастные и инфинитивные обороты, демонстрирующие ряд нетривиальных параллелей с аналогичными конструкциями других языков, в первую очередь опять-таки древних индоевропейских, являются не наследием некоего гипотетического прасостояния, а вновь результатом закономерного и, судя по данным памятников, недавнего развития на собственно балтийской почве. Парадоксально также то, что, как уже было сказано выше, в литовском языке эти конструкции претерпевали экспансию примерно в тот же период, когда аналогичные славянские конструкции приходили в упадок. Возможно, что сохранение в географически близких балтийским славянских идиомах конструкций с номинативным объектом при инфинитиве и распространение такого кодирования объекта на другие типы предикаций было связано с влиянием прибалтийско-финских языков, в то время как утрата славянскими языками конструкций с дативным объектом инфинитива может быть отчасти связана с отсутствием такой контактной поддержки. С другой стороны, для литовского языка, находившегося к началу письменного периода вне сколько-нибудь существенных контактов с прибалтийско-финскими народами, такое объяснение не работает – конструкции с нестандартным оформлением инфинитивного объекта, по всей видимости, развивались в нём уже вне зависимости от контактных влияний.¹⁵

Наконец, обращусь снова к вопросу о возможных причинах того, что практически ни одна из рассмотренных выше особенностей литовской глагольной системы не была передана в контактирующие с литовским языки. Как уже отмечалось в конце § 2, это может быть связано с целым рядом факторов.

Во-первых, социолингвистический статус литовского языка на протяжении длительного времени был сравнительно низок, в связи с чем заимствование из него в другие языки лексических единиц и грамматических черт могло быть затруднено. В этой связи особенный интерес представляет анализ литовских разновидностей цыганского и идиш, а также славянских говоров на территории Литвы, которые, предположительно, могли быть легче подвержены влиянию литовского языка.

¹⁵ Посредство латышского языка, см. [Ambranzas, 2001: 405–407], можно усматривать лишь для конструкций с номинативным объектом, поскольку конструкции с дативным и генитивным объектом отсутствуют как в латышском, так и в прибалтийско-финских языках.

Во-вторых, это немаловажный, хотя и ни в коем случае не абсолютный фактор структурного сходства системы-донора и системы-реципиента: отсутствие в языках, с которыми контактировал литовский, сколько-нибудь аналогичных структурных элементов могло сыграть дополнительную роль в незаимствовании тех или иных литовских грамматических черт. Наконец, невысокая частотность многих из рассматриваемых литовских конструкций в сравнении с альтернативными и более «тривиальными» средствами выражения тех же значений также является важным фактором, препятствующим заимствованию.

Приведённые только что соображения, однако, имеют лишь статус гипотез и, разумеется, не могут рассматриваться как объяснения того, почему описанные в этой статье особенности литовской глагольной системы оказались ограничены лишь одним этим языком.

В заключение ещё раз подчеркну, что ареально-типологическая точка зрения на язык или группу языков не исключает внимания к уникальному и неповторимому в каждом языке. Напротив, по моему убеждению, именно при типологически ориентированном рассмотрении можно более точно установить степень своеобразия конкретного языка, а изучение неповторимого позволяет, в свою очередь, чётче осознать границы контактно индуцированной конвергенции языков.

Сокращения

ACC – аккузатив	M – мужской род
ADESS – адэссив	N – несогласуемая форма
AOR – аорист	NEG – отрицание
AUX – вспомогательный глагол	NOM – номинатив
CNT – континуатив	PA – активное причастие
CNV – деепричастие	PRT – партитив
DAT – датив	PL – множественное число
DEM – указательное местоимение	POS – положительная полярность
F – женский род	POSS – посессивная форма
GEN – генитив	PP – пассивное причастие
HAB – хабитуалис	PRS – настоящее время
INESS – инэссив	PST – прошедшее время
INF – инфинитив	RSTR – рестриктив
INS – инструменталис	SG – единственное число
LOC – локатив	SUP – супин

Литература

Амбразас В. (1985). Некоторые следы балто-финских контактов в синтаксисе балтийских языков // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс: Мокслас, 188–196.

Амбразас В. (1990). Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс: Мокслас.

Ананьева Н. Е. (2008). К типологии славянских периферийных диалектов, межславянских и славяно-иноязычных контактов (на материале некоторых западнославянских и южнославянских языков) // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 7–27.

Аркадьев П. М. (2006а). Парадигматические классы первичных глаголов в литовском языке: Формальные противопоставления и их семантическая мотивация // Балто-славянские исследования. Вып. XVII. М.: Индрик, 250–294.

Аркадьев П. М. (2006б). Соотношение между семантическими и морфологическими классами непроектируемых глаголов в литовском языке в типологической перспективе // Т. Н. Молошная (ред.), Типология грамматических систем славянского пространства. М.: Ин-т славяноведения РАН, 128–163.

Аркадьев П. М. (2007). Заметки к типологии префектива // Иванов (ред.) 2007, 17–30.

Аркадьев П. М. (2010). Ещё раз о семантике литовских *n/st*-глаголов: от непереходности к начинательности // М. В. Завьялова, Т. В. Цивьян (ред.). Топоровские чтения. I–IV. Избранное. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2010, 309–324.

Аркадьев П. М. (2011). Проблемы синтаксиса конструкций «*accusativus cum participio*» в литовском языке // Вопросы языкознания. № 5, 44–75.

Беднарчук Л. (1997). Конвергенции балто-славянских и финно-угорских языков в структурном и ареальном аспекте // Вяч. Вс. Иванов (ред.). Балто-славянские исследования. 1988–1996. М.: Индрик, 91–108.

Вимер Б. (2004). Таксис и коинциденция в зависимых предикациях: литовские причастия на *-damas* // В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко (ред.), 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 53–73.

Вимер Б. (2007). Судьбы балто-славянских гипотез и сегодняшняя контактная лингвистика // Иванов (ред.) 2007, 31–45.

Вимер Б. (2009). Таксис в литовском языке // В. С. Храковский (ред.), Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 161–216.

Вимер Б. (в печати). Методические заметки к исследованию «мowy prostej» // Балто-славянские исследования. Вып. XIX.

Галнайтите Э. (1959). Лексические значения глагольной приставки *po-* в соответствии с литовской приставкой *pa-* // В. В. Виноградов (ред.), Славянское языкознание. М.: Ин-т языкознания РАН, 59–71.

Галнайтите Э. (1966). К вопросу об имперфективации глаголов в литовском языке // *Baltistica*. Т. 2, № 2, 147–158.

Генюшене Э. Ш. (1989). Мультипликатив и итератив в литовском языке // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 122–132.

Гринавецкене Е. Й. (1972). Некоторые явления контактирования литовских и славянских говоров (на материале языковых контактов в Юго-Восточной Литве) // Топоров (ред.). 1972, 394–408.

Даугавет А. Д. (2009). Слоговая долгота в балтийских языках (в сопоставлении с эстонским и ливским). Диссертация... к.ф.н. СПбГУ.

Завьялова М. В. (2007). Обзор изменений в литовской падежной системе под влиянием русского языка // Иванов (ред.). 2007, 46–66.

Зализняк А. А. (1985). От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука.

Зализняк А. А. (2004). Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры.

Иванов Вяч. Вс. (2005). Языки, языковые семьи и языковые союзы внутри Великого Княжества Литовского // Вяч. Вс. Иванов, Ю. Верхованцева (ред.), *Speculum Slaviae Orientalis*. Московия, Юго-Западная Русь и Литва в период Позднего Средневековья. М.: Новое издательство, 93–121.

Иванов Вяч. Вс. (ред.) (2007). Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола. М.: Ин-т славяноведения РАН.

Киселёва К. Л. и др. (ред.). 2009. Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. (1971). Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука.

Ларин Б. А. (1963). Об одной славяно-балто-финской изоглоссе // *Lietuvių kalbotygos klausimai*. Т. 6, 87–107.

Лекомцева М. И. (1974). Система значений глагольных граммем в пограничных литовско-славянских говорах // Топоров (ред.). 1972, 174–175.

Маслов Ю. С. (1981). Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа.

Непокупный А. П. (1964). Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений. Киев.

Пичхадзе А. А. (рукопись). Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности. Рукопись, 2010.

Плунгян В. А. (2001). Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М.: Русские словари, 50–88.

Плунгян В. А. (2002). О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // В. А. Плунгян

гян (ред.). Исследования по теории грамматики. Т. 2. Грамматикализация пространственных значений. М.: Русские словари, 57–98.

Прохорова С. М. (1987). О так называемых «синтаксических балтизмах» в восточнославянских говорах // *Kalbotyra*. Т. 38, № 2, 26–35.

Ройзензон Л. И. (1974). Многоприставочные глаголы в русском и других славянских языках. Самарканд.

Русаков А. Ю. (2000). Севернорусский диалект цыганского языка: заимствование русских префиксов // *Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Вып. 21. Балканские исследования. Санкт-Петербург, 16–25.

Сержант И. (2007). Контакты древнерусского и латышского языков в области фонетики // *Иванов (ред.)*. 2007, 90–101.

Сичинава Д. В. (2007). Два ареала сверхсложных форм в Евразии: славянский плюсквамперфект между Западом и Востоком // *Иванов (ред.)*. (2007), 102–130.

Сичинава Д. В. (2009). ‘Стремиться пресекать на корню’: современная русская конструкция с *было* // *Киселёва и др. (ред.)*. 2009, 362–396.

Судник Т. М. (1974). Из морфологических наблюдений над говорами литовско-славянского пограничья // *Т. М. Судник (ред.)*. Балто-славянские исследования. М.: Наука, 215–219.

Судник Т. М. (1975). Диалекты литовско-славянского пограничья. Очерки фонологических систем. М.: Наука.

Судник Т. М. (ред.) (1980). Балто-славянские этноязыковые контакты. М.: Наука.

Татевосов С. Г. (2009). Множественная префиксация и анатомия русского глагола // *Киселёва и др. (ред.)*. 2009: 92–156.

Темчин С. (1986). Семантика *-n-* и *-sta-* глагольных основ в литовском языке // *Kalbotyra*. Т. 37, № 1, 87–98.

Топоров В. Н. (1961). К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // *В. Н. Топоров (ред.)*. Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М.: Изд-во АН СССР, 35–70.

Топоров В. Н. (ред.) (1972). Балто-славянский сборник. М.: Наука.

Шапиро А. Б. (1953). Очерки по синтаксису русских народных говоров. М.: Изд-во АН СССР.

Эндзелин Я. (1971/1906). Латышские предлоги. Ч. II // *Я. Эндзелин*. Избранные труды. Т. I. Рига: Зинатне, 521–655. (1-е изд. Юрьев, 1906).

Эркеп А. (в печати). Специфика именных парадигм в «мове простой» // Балто-славянские исследования. Вып. XIX.

Ambrazas V. (1981). Zur Geschichte einer indogermanischen Konstruktion (Dativus cum infinitivo im Baltischen) // *Kalbotyra*. Т. 32, № 3, 12–24.

Ambrazas V. (1987). Die indogermanische Grundlage des Dativus und Nominativus cum infinitivo im Baltischen // Indogermanische Forschungen. Bd. 92, 203–219.

Ambrazas V. (2001). On the development of nominative object in East Baltic // Dahl, Koptjevskaja-Tamm (ed.). 2001. V. 2, 391–412.

Ambrazas V. (ed.) (1997). Lithuanian Grammar. Vilnius: Baltos Lankos.

Arkadiev P. M. (2010). Notes on the Lithuanian restrictive // Baltic Linguistics. V. 1, 9–49.

Arkadiev P. M. (2011). On the aspectual uses of the prefix *be-* in Lithuanian // Baltic Linguistics. V. 2, 37–78.

Arkadiev P. M. (2012). Participial complementation in Lithuanian // V. Gast, H. Diessel (eds.), Clause Combining in Cross-Linguistic Perspective. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 285–334.

Aronson H. I. (1985). On aspect in Yiddish // General Linguistics. V. 25, 171–188.

Arumaa P. (1957). Von der Eigenart des Ablauts und der Diathese im Baltischen // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 26, 118–149.

Breu W. (1992). Zur Rolle der Präfigierung bei der Entstehung von Aspektsystemen // M. Guiraud-Weber, Ch. Zaremba (éd.), Linguistique et slavistique. Melanges offerts à Paul Garde, t.1. Paris, Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 119–135.

Bybee J. L., Perkins R. D., Pagliuca W. (1994). The Evolution of Grammar. Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Dahl Ö. (1985). *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.

Dahl Ö. (ed.) (2000). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.) (2001). The Circum-Baltic Languages. Typology and Contact. Vols. I–II. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

Dickey S. M., Hutcheson J. (2003). Delimitative verbs in Russian, Czech and Slavic // R. Maguire, A. Timberlake (eds.), American Contributions to the 13th International Congress of Slavists, Ljubljana, August 2003. Vol. 1. Linguistics. Bloomington, IN: Slavica, 23–36.

Dryer M. (1994). The pragmatics of focus-association with *only*. Paper presented at the LSA annual meeting (<http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/dryer/dryer/papers>).

Eckert R. (1996). The analytic frequentative past in Samogitian and its typological correspondences // Res Balticae. V. 2, 51–63.

Eiche A. (1983). Latvian Declinable and Indclinable Participles. Their Syntactic Function, Frequency and Modality. A Synchronic Study based on Latvian Fiction of the 1960s and 1970s. Stockholm: Almqvist & Wiksell.

Evans N. (1995). A-quantifiers and scope in Mayali // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee (eds.), *Quantification in Natural Languages*. Dordrecht: Kluwer, 207–270.

Fraenkel E. (1962). *Litauisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. Heidelberg: Winter; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Fraenkel E. (1965). *Litauisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. II. Heidelberg: Winter; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Franks S., Lavine J. E. (2006). Case and word order in Lithuanian // *Journal of Linguistics*. V. 42, № 1, 239–288.

Gehrke B. (2008). *Ps in Motion. On the Semantics and Syntax of P Elements and Motion Events*. Utrecht: LOT Publications.

Geniušienė E. (1997). The multiplicative and the iterative in Lithuanian // V. S. Khrakovskij (ed.). *Typology of Iterative Constructions*. München, Newcastle: LINCOM Europa, 220–240.

Gliwa B. (2003). *Nešinas, vedinas, tekinas* // *Acta Linguistica Lituanica*. T. 48, 19–34.

Gorbachov Ya. V. (2007). *Indo-European Origins of the Nasal Inchoative Class in Germanic, Baltic and Slavic*. PhD Thesis, Harvard University.

Greenberg G., Lavine J. E. (2006). New syntax in Russian and Lithuanian: The case of the adverbial participle // R. Rothstein, E. Scatton, and Ch. Townsend (eds.), *Studies in Slavic Linguistics and Folklore*. Bloomington (IN): Slavica.

Gronemeyer Cl., Usonienė A. (2001). Complementation in Lithuanian // Cl. Gronemeyer. *Laying the Boundaries of Syntax: Studies in the Interfaces between Syntax, Semantics and Lexicon*. Lund University, 105–135.

Haspelmath M. (2006). Against markedness (and what to replace it with) // *Journal of Linguistics*. V. 42, № 1, 25–70.

Heine B., Kuteva T. (2005). *Language Contact and Grammatical Change*. Cambridge: Cambridge University Press.

Holvoet A. (1993). On the nominative object in Latvian, with particular reference to the debitive // *Linguistica Baltica*. V. 2, 151–161.

Holvoet A. (1996). Infinitive clauses in Latvian // *Linguistica Baltica*. V. 5–6 (1996–1997), 69–80.

Holvoet A. (2007). *Mood and Modality in Baltic*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Holvoet A. (2010). Reanalysis or just ambiguity? Infinitival clauses with overt dative subjects in Baltic. Paper presented at *Perspectives on Baltic Philology 2*, Poznań.

Hutchinson A. P., Lloyd J. (2003). *Portuguese. An Essential Grammar*. 2nd ed. London, New York: Routledge.

Jacobs N. G. (2001). Yiddish in the Baltic region // Dahl, Koptjevskaja-Tamm (eds.) 2001. V. 1, 285–311.

Jacobs N. G. (2005). Yiddish. A Linguistic Introduction. Cambridge: Cambridge University Press.

Karlsson F. (1999). Finnish: An Essential Grammar. 2nd ed. London, New York: Routledge.

Kehayov P. (2008). An Areal-Typological Perspective to Evidentiality: The Cases of the Balkan and Baltic Linguistic Areas. Tartu: Tartu University Press.

Klaas B. (1996). Similarities in case marking of syntactic relations in Estonian and Lithuanian // M. Erelt (ed.), Estonian: Typological Studies. I. Tartu: Tartu University Press, 37–67.

Klimas A. (1987). The Lithuanian participles: Their system and functions // *Lituanus*, V. 33, 38–73.

Klimonow W. (2001). Natürlich-grammatischer Wandel im System aspektueller Oppositionen des Russischen // *ZAS Papers in Linguistics*. V. 21, 119–141.

KLLKV: Krievu-latviešu / latviešu-krievu vārdnīca. Rīga: Avots, 2008.

König E. (1991). The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective. London, New York: Routledge.

Koptjevskaja-Tamm M., Wälchli B. (2001). The Circum-Baltic languages: An areal-typological approach // Dahl, Koptjevskaja-Tamm (eds.) 2001, V. 2, 615–750.

Kortmann B. (ed.) (2004). Dialectology Meets Typology: Dialect Grammar from a Cross-Linguistic Perspective. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Kuteva T. (1998). On identifying an evasive gram: Action narrowly averted // *Studies in Language*. V. 22, № 1, 113–160.

Kuteva T. (2001). Auxiliation. An Enquiry into the Nature of Grammaticalization. Oxford: Oxford University Press.

Lavine J. E. (1999). Subject properties and ergativity in North Russian and Lithuanian // K. Dziwirek et al. (eds.), Formal Approaches to Slavic Linguistics 7. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 307–328.

Lavine J. E. (2006). Is there a passive evidential strategy in Lithuanian? // Papers from the 42nd Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society, 41–55.

Lavine J. E. (2010a). Mood and a transitivity restriction in Lithuanian: The case of the inferential evidential // *Baltic Linguistics*. V. 1, 115–142.

Lavine J. E. (2010b). Case and events in transitive impersonals // *Journal of Slavic Linguistics*. V. 18, № 1, 101–130.

Leikuma L. (2003). Latgališu volūda. 1. Intensīvā mācību kursa materiāli. Sanktpēterburga: Sanktpēterburgas valsts universitāte.

Levin J. F. (2003). The North Slavic-Lithuanian contact area: Mutual influence and resistance // R. Maguire, A. Timberlake (eds.), American Contributions to the

13th International Congress of Slavists, Ljubljana, August 2003. Vol. 1. Linguistics. Bloomington, IN: Slavica, 139–148.

LKT – Lietuvių kalbos tekstynas (Корпус литовского языка) [http:// donelaitis.vdu.lt](http://donelaitis.vdu.lt).

Mathiassen T. (1996a). *A Short Grammar of Lithuanian*. Columbus, OH: Slavica.

Mathiassen T. (1996b). *Tense, Mood and Aspect in Lithuanian and Latvian*. (Meddelelser av Slavisk-baltisk afdeling, Universitetet i Oslo. Nr. 75).

Mathiassen T. (1997). *A Short Grammar of Latvian*. Columbus, OH: Slavica.

Matras Y. (2007). The borrowability of structural categories // *Y. Matras, J. Sakel (eds.), Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 31–73.

Mortier L. (2010). The semantic field of continuation: Periphrastic *blijven* and *continuer à* // *Folia Linguistica*. V. 44, №. 2, 401–438.

Nau N. (1996). Ein Beitrag zur Arealtypologie der Ostseerainersprachen // *N. Boretzky et al. (eds.), Areale, Kontakte, Dialekte. Sprache und ihre Dynamik in mehrsprachigen Situationen. Beiträge zum 10. Bochum-Essener Symposium*. Bochum: Brockmeyer, 51–67.

Nau N. (2011) *A Short Grammar of Latgalian*. München, Newcastle: LINCOM Europa.

Nevis J. A., Joseph B. D. (1993). Wackernagel affixes: evidence from Balto-Slavic // *Yearbook of Morphology 1992*. Dordrecht: Kluwer, 93–112.

Noonan M. (1994). A tale of two passives in Irish // *P. J. Hopper, B. Fox (eds.), Voice: Form and Function*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 279–311.

Ostrowski N. (2010). Negacja zewnętrzna / negacja wewnętrzna, czyli o historii lit. *nebe-*. Talk at the conference *Perspectives on Baltic Philology 2*, Poznań.

Ostrowski N. (to appear). Pochodzenie litewskiego afiksu duratywnego *teb(e)-* // To appear in *S. Schab, D. Skrzypek, P. Zborowski (eds.), Logos et mundus*. Poznań.

Otrębski J. (1965). *Gramatyka języka litewskiego*, T. 3. Warszawa: Wydawnictwo naukowe.

Paulauskas J. (1958). Veiksmazodžių priešdėlių funkcijos dabartinėje lietuvių literatūrinėje kalboje // *Literatūra ir kalba*. T. 3, 301–453.

Paulauskienė A. (1979). Gramatinės lietuvių kalbos veiksmazodžio kategorijos. Vilnius: Mokslas.

Petit D. (1999). Litanien // *LALIES. Actes de sessions de linguistique et de littérature*. 19. Paris: Presses de l'école normale supérieure, 5–135.

Roszko D., Roszko R. (2006). Lithuanian frequentativum // *Études cognitives*, T. 7, 163–172.

Sawicki L. (1992). Genitive and dative in goal and purpose expressions in contemporary Lithuanian // *Linguistica Baltica*. V. 1, 93–101.

Schleicher A. (1856). Handbuch der litauischen Sprache. Bd. I. Grammatik. Prag: Calve.

Schmalstieg W. R. (1987). A Lithuanian Historical Syntax. Columbus (OH): Slavica.

Schmalstieg W. R. (2000). The Historical Morphology of the Baltic Verb. Washington, DC: Institute for the Study of Man.

Scholze L., Wiemer B. (Hrsg.) (2009). Von Zuständen, Dynamik and Veränderung bei Pygmäen und Giganten. Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag. Bochum: Brockmeyer.

Schuyt R. (1990). The Morphology of Slavic Verbal Aspect. A Descriptive and Historical Study. Amsterdam: Rodopi.

Slīžienė N. (1961). Apie sudurtines pradėtines veiksmažodžių formas // Lietuvių kalbotyros klausimai. T. 4, 67–72.

Slīžienė N. (1995). The tense system of Lithuanian // R. Thieroff (ed.), The Tense Systems in European Languages. V. II. Tübingen: Niemeyer, 215–232.

Smith C. (1997/1991). The Parameter of Aspect. 2nd ed. Dordrecht: Kluwer.

Smoczyński W. (2007). Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno.

Stang Chr. S. (1942). Das slavische und baltische Verbum // Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. II. Hist.-Filos. Klasse. T. I, 1–280.

Stolz Th. (1989). Zum Wandel der morphotaktischen Positionsregeln des Baltischen Reflexivzeichens // Folia Linguistica Historica. Bd. 9, № 1, 13–27.

Stolz Th. (1991). Sprachbund im Baltikum? Estnisch und Lettisch im Zentrum einer sprachlichen Konvergenzlandschaft. Bochum: Brockmeyer.

Swan O. E. (2002). A Grammar of Contemporary Polish. Bloomington: Slavica.

Talmy L. (1982). Borrowing semantic space: Yiddish verb prefixes between Germanic and Slavic // Proceedings of the 8th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 231–250.

Tamm A. (2008). Partitive morphosemantics across Estonian grammatical categories, and case variation with Equi and Raising // Proceedings of the LFG08 Conference. Stanford: CSLI Publications.

Tamm A. (2009). The Estonian partitive evidential. Some notes on the semantic parallels between aspect and evidential categories // L. Hogeweg, H. de Hoop, A. Malchukov (eds). Cross-linguistic Semantics of Tense, Aspect and Modality. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 365–401.

Tamm A. (2010). Cross-categorical spatial case in the Finnic non-finite system: focus on the absentive TAM semantics and pragmatics of the Estonian inessive *m*-formative non-finites. Ms.

Tenser A. (2005). Lithuanian Romani. München, Newcastle: LINCOM Europa.

Thieroff R. (2000). On the areal distribution of tense-aspect categories in Europe // Dahl (ed.) 2000, 265–303.

Thomason S. G. (2001). *Language Contact*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Thomason S. G., Kaufman T. (1988). *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

Timberlake A. (1974). *The Nominative Object in Slavic, Baltic and West Finnic*. München: Otto Sagner.

Timberlake A. (1982). The impersonal passive in Lithuanian // *Proceedings of the 8th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 508–524.

Tomelleri V. S. (2008). L'aspetto verbale slavo fra tipologia e diachronia // A. Alberti et al. (eds.). *Contributi italiani al 14. congresso internazionale degli Slavisti*. Firenze, 11–61.

Tommola H. (2000). Progressive aspect in Baltic Finnic // Dahl (ed.). 2000, 655–692.

Uvydas K. (red.) (1971). *Lietuvių kalbos gramatika. II tomas. Morfologija*. Vilnius: Mintis.

Vaillant A. (1947). Lituanien *be-*, slave *-bě* // *Révue des études slaves*. T. 23, 151–152.

Wälchli B. (2000). Infinite predication as a marker of evidentiality and modality in the languages of the Baltic region // *Sprachtypologie und Universalienforschung*, Bd. 53, 186–210.

Wexler P. (1964). Slavic influence on the grammatical functions of three Yiddish verbal prefixes // *Linguistics*, V. 2, 83–93.

Wiemer B. (2001). Partizipien zwischen Syntax, Semantik und Pragmatik: Ein Überblick zu aspektuellen, diathesebezogenen und diskursrelevanten Eigenschaften im modernen Litauischen // B. Wälchli, F. Zúñiga (Hrsg.), *Sprachbeschreibung & Typologie*. Bern: Institut für Sprachwissenschaft, 65–81.

Wiemer B. (2002). Grammatikalisierungstheorie, Derivation und Konstruktionen: am Beispiel des klassifizierenden Aspekts, des Passivs und des Subjektimpersonals im slavisch-baltischen Areal. *Habilitationsschrift*, Universität Konstanz.

Wiemer B. (2003). Dialect and language contacts on the territory of the Grand Duchy of Lithuania from the 15th century until 1939 // K. Braunmüller, G. Ferraresi (eds.). *Aspects of Multilingualism in European Language History*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. 105–143.

Wiemer B. (2004a). Population linguistics on a micro-scale. Lessons to be learnt from Baltic and Slavic dialects in contact // Kortmann (ed.). 2004, 497–526.

Wiemer B. (2004b). The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages // W. Bisang, N.P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.), *What Makes Grammaticalization? A Look for its Fringes and its Components*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 271–331.

Wiemer B. (2006a). Towards a new understanding of convergent developments in Baltic and Slavic verbal morphology (flexion and derivation). A genealogical, areal, and typological approach. Talk presented at Baltic Languages, Slavic Languages: Contact, Confrontation, Comparison, Paris.

Wiemer B. (2006b). Grammatical evidentiality in Lithuanian (A typological assessment) // *Baltistica*. V. 41, № 1, 33–49.

Wiemer B. (2006c). Relations between Actor-demoting devices in Lithuanian // W. Abraham, L. Leisiö (eds.), *Passivization and Typology. Form and Function*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 274–309.

Wiemer B. (2009). Zu entlehnten Verbpräfixen und anderen morphosyntaktischen Slavismen in litauischen Insel- und Grenzmundarten // Scholze, Wiemer (Hrsg.). 2009, 347–390.

Wiemer B. (2012). On the rise, establishment and continued development of subject impersonals in Polish, East Slavic and Baltic // To appear in S. Kittilä, L. Kulikov (eds.). *Diachronic Typology of Voice and Valency Changing Categories*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

Wiemer B., Hansen B. (2012). Assessing the range of contact-induced grammaticalization in Slavic // Wiemer et al. (eds), 67–157.

Wiemer B., Wälchli B. (2012). Contact-induced grammatical change: Diverse phenomena, diverse perspectives // Wiemer et al. (eds), 3–65.

Wiemer B., Wälchli B., Hansen B. (eds.). (2012). *Grammatical Replication and Borrowability in Language Contact*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Zeps V. (1962). *Latvian and Finnic Linguistic Convergences*. Indiana University Press.

Zinkevičius Z. (1966). *Lietuvių dialektologija. Lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija*. Vilnius: Mintis.

Zinkevičius Z. (1981). *Lietuvių kalbos istorinė gramatika. T. II*. Vilnius: Mokslas.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>А. В. Циммерлинг (Москва). Типология порядка слов в славянских языках</i> 7	
1. Введение	8
1.1. Категории предложения и синтаксические группы	9
1.2. Задачи и методы описания порядка слов: локальные правила	10
1.3. Глобальные правила и схема линейаризации предложения	12
1.4. Схема линейаризации полных именных групп и перемещения	16
1.5. Упорядочивание цепочек клитик и смежных позиций	19
2. Свободный порядок слов и виды скрэмблинга в славянских языках	22
2.1. Скрэмблинг полноударных элементов предложения	24
2.2. Скрэмблинг клитик: параметры Clitic Climbing и Clitic Scrambling	29
2.3. Скрэмблинг, коммуникативная перспектива и интонация	34
2.4. Линейно-акцентные преобразования, скрэмблинг и перемещения	36
2.5. Парадокс инвертируемости	38
3. Системы порядка слов в славянских языках	40
3.1. Кластеризуемые клитики в славянских языках	40
3.2. Разряды кластеризуемых клитик	43
3.3. Позиция кластеризуемых клитик в предложении	44
3.4. Синтаксические и просодические клитики	45
3.5. Ориентация клитик как фактор, ограничивающий число позиций	46
3.6. Славянские системы порядка слов с клитиками	49
3.6.1. Стандартные W-системы	49
3.6.2. W ⁺ -системы	51
3.6.3. W*-системы	54
3.6.4. V-системы	56
3.6.5. C-системы	57
3.7. Эволюция систем порядка слов в славянском ареале	58
4. Синтаксические ограничения в славянских системах порядка слов с клитиками	60
4.1. Производные порядки слов в W-системах, W ⁺ -системах и W*-системах	60
4.2. Правила начальной составляющей	62

4.2.1. Кластеризуемые клитики в главном и придаточном предложениях . . .	64
4.2.2. Базисы кластеризуемых клитик	65
4.3. VA-клитики и 2P-клитики	70
4.4. Правила барьера в W-системах и W ⁺ -системах	72
5. Выводы	74
Литература	74

В. Брой (Констанц). Языковой контакт как причина перестройки категорий рода и склонения в молізско-славянском языке 81

1. Введение	81
2. Общие рассуждения о категории рода	84
2.1. Род как категория-классификатор	84
2.2. Род как морфологическая и как синтаксическая категория	85
2.3. Роль среднего рода в МСЯ	86
3. Род, падеж и тип склонения	90
3.1. Формы окончаний единственного числа	91
3.2. Род во множественном числе и паукале	92
4. Смена рода у имен существительных	94
4.1. Переход среднего рода в мужской и женский	94
4.2. Внутренние перераспределения мужского и женского рода	99
5. Род заимствованных слов	103
6. Тип рода и языковой контакт	105
Литература	111

А. Ю. Русаков (Санкт-Петербург). Некоторые изоглоссы на албанской диалектной карте (к вопросу о возникновении и распространении балканизмов албанского языка) 113

1. Вступительные замечания	113
1.1. Балканский языковой союз: некоторые общие соображения	113
1.2. Теоретические положения, существенные для настоящей работы	115
1.3. Албанский как балканский язык. Роль диалектологии для его исторического изучения. Общая схема истории диалектного членения албанского языка	118
2. Формирование албанского языка в собственном смысле слова (период албано-балкано-романского симбиоза)	122
2.1. Контакты албанского с латинским языком	122
2.2. Первые балканизмы албанского: албанско-восточнороманские схождения	126
2.3. Другие ранние общеалбанские балканизмы. «Европеизмы» албанского языка. «Антибалканизмы»	132

3. Период первичного диалектного разделения. Начало контактов со славянами	138
4. Конвергентное гегско-тосское развитие на нынешней территории («средневековый» албанский)	144
5. «Османский период»	156
6. Заключение	164
Литература	166

Д. В. Сичинава (Москва). Частицы *было* и *бывало*: русские «вторичные модификаторы» в свете типологии и диахронии 175

1. Формальный статус: разные уровни грамматикализации	176
2. Диахронические и ареальные источники	184
3. Семантика	187
4. Деграмматикализация и пути сближения	189
Литература	193

А. Хольфут, Е. Коницкая (Вильнюс). Интерпретативные деонтические выражения в славянских и балтийских языках. Источники и пути развития 195

1. Вводные замечания: интерпретативное использование и грамматика	195
2. Интерпретативное использование латышской гортативной частицы <i>lai</i>	202
3. Комментарии к пути развития	205
4. Словенская параллель: интерпретативные конструкции с <i>naj</i>	208
5. Интерпретативный императив	212
6. Инфинитивы	213
7. Лексические маркеры	215
Заключение	216
Литература	218

Б. Вилер (Майнц). Значимость способов модификации глагольных основ для оценки ареальной дифференциации балтийских языков (по сравнению с рядом славянских микроязыков) 220

Вступление: лексическая типология и разновидности «спутников»	221
1. Способы модификации глагольных основ в литовском и латышском языках	224
1.1. Функциональные типы приставок в литературном литовском языке	225
1.2. Функциональные соотношения глагольных приставок и частиц в литературном латышском языке	227
1.3. Параллели в славянских микроязыках	232

2. Лексические связи: кальки и заимствования	234
2.1. Балтийские языки	234
2.2. Способы модификации глагольных основ в славянских микроязыках	239
3. Итоги и постулаты	243
Литература	245
М. В. Завьялова (Москва). Механизмы адаптации славянских заимствований в литовском языке (на современном этапе)	247
Введение	247
1. Экономия и избыточность средств выражения. Стремление к простоте выражения	248
2. Выражение неграмматикализованных значений. Заполнение лакун	256
3. Аналогии и унификации	260
4. Метафоризация	262
Литература	265
Вяч. Вc. Иванов (Лос-Анджелес). Северозападно-индоевропейские и уральские тоны с ларингализацией: синхронная и диахроническая лингвистика и генетика	266
1. Результаты синхронного описания современных просодических систем	267
1.1. Северозападно-индоевропейские языки	267
1.2. Балто-финская группа финно-угорских языков внутри уральских	268
1.3. Политонический языковой союз в Северной Европе?	268
2. Диахронические реконструкции	269
3. Тональные языки и генетика	273
Литература	277
А. Д. Даугавет (Санкт-Петербург). Геминация согласных в латышском языке: следы прибалтийско-финского влияния	280
1. Понимание термина «гемината»	281
2. Общая характеристика геминат в литовском и латышском языках	283
3. Факторы, обуславливающие длительность согласных в ливском и эстонском языках	286
4. Роль слога и супрасегментных характеристик	293
5. Чередование одиночных согласных с геминатами в латышском языке	302
6. Реализация интервокального глухого перед долгим гласным	312
7. Длительность согласного в исходе слова	315
8. Выводы	315
Литература	317
П. М. Аркадьев (Москва). О типологическом своеобразии литовской глагольной системы	320
Вступительные замечания	320

1. Морфология	322
1.1. Назальный инфикс	322
1.2. «Мобильный» показатель рефлексива	323
1.3. Парадоксы глагольной префиксации	325
2. Грамматические категории	327
2.1. Хабитуалис-в-прошедшем	328
2.2. Авертив	330
2.3. Континуатив	332
2.4. Рестриктив	333
3. Морфосинтаксис	337
3.1. Эвиденциальный «пассив»	338
3.2. Падежное оформление актантов в нефинитных клаузах	341
4. Заключение	349
Литература	352

**Исследования по типологии
славянских, балтийских и балканских языков
(преимущественно в свете языковых контактов)**

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*
Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Оригинал-макет *Л.Г. Иванова*
Корректор *Т.В. Зайко*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж:
fempro@yandex.ru, тел. (812) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*
«Историческая книга», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездиновский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин «Гилея», Тверской б-р., д. 9. Тел. (495) 925-81-66
Магазин «Циолковский», Новая площадь, 3/4, подъезд 7д.
Тел. (495) 628-64-42
«Галерея книги „Нина“», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-20-94

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₆. Усл. печ. л. 22,49. Печать офсетная.
Заказ №